

VIII

Acta Slavica Estonica

СВОЕ – ЧУЖОЕ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

UNIVERSITY OF TARTU
Press

ACTA SLAVICA ESTONICA VIII

Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII.

Свое – чужое в языке и речи.

Тарту, 2016

Тартуский университет
Отделение славистики
Кафедра русского языка

ACTA SLAVICA ESTONICA VIII

Труды по русской и славянской филологии
Лингвистика XVII

Свое – чужое в языке и речи

UNIVERSITY OF TARTU
Press

TARTU ÜLKOOL
RAAMATUKIRJASTO

Acta Slavica Estonica VIII. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. *Свое – чужое* в языке и речи. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2016. 356 стр.

Международная редакционная коллегия серии „Acta Slavica Estonica”:

Ирина Абисогомян (Тарту), Давид Бетеа (Мичиган),
Александр Дуличенко (Тарту), Любовь Киселева (Тарту),
Елизавета-Каарина Костанди (Тарту), Ирина Кюльмоя (Тарту),
Александр Лавров (Санкт-Петербург),
Микаэл Мозер (Вена), Валерий Мокиенко (Санкт-Петербург),
Арто Мустайоки (Хельсинки), Татьяна Степанищева (Тарту),
Виктор Храковский (Санкт-Петербург)

Международная редколлегия тома «*Свое – чужое* в языке и речи»:

С. Б. Евстратова (Тарту), Е. Е. Королева (Даугавпилс), Е. И. Костанди (Тарту),
И. П. Кюльмоя (Тарту), О. Н. Паликова (Тарту), О. Г. Ровнова (Москва),
А. В. Штейнгольд (Тарту), В. П. Щаднева (Тарту)

Все статьи настоящего тома прошли предварительное рецензирование
Kõik kogumiku materjalid on läbinud eelretsenseerimise
All manuscripts were peer reviewed

Редактор тома: И. П. Кюльмоя
Технический редактор: В. Тубин
Перевод на эстонский язык: И. П. Кюльмоя, С. Купп-Сазонов
Редактор эстонских резюме: Юри Валге
Редактор английских резюме: Энн Велди

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Издательского совета
Тартуского университета и гранта 14299 государственной программы
«Эстонский язык и культурная память»*

© Статьи: авторы, 2016

© Составление: кафедра русского языка Тартуского университета, 2016

ISSN 2228-2335 (print)
ISBN 978-9949-77-340-4 (print)

ISSN 2228-3404 (pdf)
ISBN 978-9949-77-341-1 (pdf)

Tartu Ülikooli Kirjastus / Издательство Тартуского университета
www.tyk.ee

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ирина Павловна Кюльмоя (<i>Тарту</i>) «Свое» и «чужое» в языке и речи. От редактора.....	9
I. Свое – чужое в языке и речи	
Ирина Ивановна Бакланова (<i>Москва</i>) Речевые проявления образа «своего» и «чужого» адресата в публицистическом тексте	25
Наталья Валентиновна Большакова (<i>Псков</i>) Народная сказка как жанр миромоделирования («свое – чужое» в текстах псковских сказок)	38
Андрей Андреевич Горбов (<i>Санкт-Петербург</i>) «Чужое» в «своем»: о некоторых проблемах этимологического описания иноязычной лексики в русском языке	51
Михаил Яковлевич Дымарский (<i>Санкт-Петербург</i>) Прагматика синтаксической производности: игра «своего» и «чужого» в случае <i>Я не безумец лезть под пули</i>	64
Елизавета Илмаровна Костанди (<i>Тарту</i>) Тексты билингва: «свое» и «чужое»	78
Игорь Сергеевич Кошкин (<i>Рига</i>) Семантическая типология и языковые контакты в истории социальной терминологической лексики	89
Анатолий Михайлович Кузнецов (<i>Даугавпилс</i>) «Свое» и «чужое» в орфографии Зографского евангелия (I): отражение истории <i>еров</i> в сильной позиции	102
Ирина Павловна Кюльмоя (<i>Тарту</i>) К диалектике «своего» и «чужого» в русском языке рассеяния	116
Катарина Менг (<i>Мангейм</i>), Екатерина Юрьевна Протасова (<i>Хельсинки</i>) Четверть века в Германии: опыт одной семьи русских немцев	124

- Янина Валерьевна Мызникова (Санкт-Петербург)
 О некоторых проявлениях оппозиции «свой – чужой»
 в диалектном дискурсе 137
- Елизавета Владиславовна Пурицкая (Санкт-Петербург)
 «Своя» – «чужая» речь: репрезентация лингво-
 территориальных различий носителями диалекта 148
- Елена Николаевна Ремчукова (Москва), Татьяна
 Петровна Соколова (Москва)
 «Своё» и «чужое» в сфере городской номинации
 России 161
- Ольга Геннадьевна Ровнова (Москва)
 «Другие языки» в книге русского старообрядца
 из Южной Америки 173
- Жанна Ромуальдовна Сладкевич (Гданьск)
 Сфера «своих» и «чужих» в жанре новогоднего
 поздравления президентов России,
 Беларуси и Польши.. 187
- Галина Стефановна Сырица (Даугавпилс)
 Лексемы с амбивалентной коннотацией
 в аспекте оппозиции «свой – чужой»: *гость* 200
- Валентина Петровна Щаднева (Тарту)
 Языковая картина мира женщины-старообрядки
 в аспекте «свой – чужой» 211
- II. Свое – чужое в переводе и преподавании
 языка**
- Наталия Вайсс (Ювяскюля), Елена Каллас (Таллинн),
 Хелле Метсланг (Тарту)
 Теоретические основы учебного словаря объектного
 управления эстонских глаголов 229
- Елена Михайловна Вельман-Омелина (Тарту)
 Трудности перевода: проблема выбора лексических
 соответствий (на материале деловых текстов) 245

Светлана Маратовна Евграфова (Москва)	
Категория «свой – чужой» в языке и коммуникации: индивидуальная языковая система и стратегии обработки языкового материала	255
Илзе Качане, Оксана Ковзеле (Даугавпилс)	
Иноязычные вкрапления в художественном тексте как переводческая проблема (на материале латышских и русских переводов романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея»)	268
Лилия Михайловна Кныш - Крюков (Тарту)	
Отражение национально-культурной специфики глаголов движения в преподавании РКИ	283
Сирье Купп-Сазонов (Тарту)	
Перевод — это «свой» или «чужой» текст?	296
Татьяна Геннадьевна Никитина, Елена Ивановна Рогалёва (Псков)	
«Свое» и «чужое» в учебном словаре русской фразеологии	310
Указатель имен	323
Kokkuvõtted	331
Abstracts	343

СВОЕ И ЧУЖОЕ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ. ОТ РЕДАКТОРА

И. П. КЮЛЬМОЯ

Динамизм сознания на любых культурных его уровнях требует наличия другого сознания, которое, самоотрицаясь, перестает быть «другим» — в такой же мере, в какой культурный объект, создавая новые тексты в процессе столкновения с «другим» перестает быть собою. Разделить взаимодействие и имманентное развитие личностей или культур можно только умозрительно. В реальности это диалектически связанные и взаимопереходящие стороны единого процесса.

Ю. М. Лотман¹

Высказывание Ю. М. Лотмана, касающееся взаимодействия культур и связанное с одной из основополагающих оппозиций семиотики культуры — «свое — чужое», — справедливо и по отношению к языку, который является фундаментом любой этнической культуры и в котором всегда сосуществуют *свое*, исконно присущее данному языку, составляющее его основу, и элементы *чужого* на разных уровнях языка. «С точки зрения культурно-мотивированной обязательности существования оппозиции «свой — чужой» в развитии общественной информации данная дихотомия стала одной из важнейших черт культурной и социальной характеристики языка. К основным функциям данной оппозиции относятся упорядочение и интерпретация мира посредством его классификации и категоризации» [Nowak 2002: 61, цит. по: Корина 2014: 62].

Свою лепту в исследование культурной и социальной характеристики языка путем изучения сложного взаимодействия *своего* и *чужого* в языке и речи вносят статьи предлагаемого читателю сборника. Основой некоторых из них стали доклады и дискуссии на проведенной кафедрой русского

¹ [Лотман 1992: 118]

языка Тартуского университета международной конференции «Свое – чужое в языке и речи» 27–29 июня 2014 года, на которой были представлены доклады исследователей из семи стран.

Статьи сборника расположены в двух разделах; название первого совпадает с названием сборника «Свое и чужое в языке и речи», второй отражает прикладной аспект этой тематики и условно назван «Свое и чужое в переводе и преподавании языка». В статьях первого раздела анализируется проявление оппозиции как в текстах различных жанров русского литературного языка (публицистика, городская номинация, официально-деловая речь), так и территориальных диалектов, как в русском языке России, так и за ее пределами в условиях языковых контактов. Прослеживаются сложное взаимодействие и взаимопереходы различных единиц языка внутри оппозиции. Заметим, что приводимые в статьях примеры диалектной речи сохранены в поданной авторами форме.

Первый раздел издания открывает статья **И. И. Баклановой**, в которой на основании постулатов речевого общения Г. П. Грайса, из публицистического текста выводится образ отраженного в нем предполагаемого «своего» — осведомленного и «чужого» — неосведомленного адресата. На основании постулатов категории Количества выводится образ адресата, осведомленного о содержании передаваемой ему информации о предметах и событиях или неосведомленного, нуждающегося в дополнительном разъяснении содержания. На основании постулатов категории Качества выводится образ адресата, разделяющего мнение автора текста о сообщаемом или же нуждающегося в обосновании авторского мнения. На основании постулата категории Отношения — образ адресата, легко воспринимающего логику авторского повествования или нуждающегося в метатексте. На основании постулатов категории Способа — адресата, знакомого с использованными автором именами, терминами и иноязычными словами и выражениями, либо нуждающегося в объяснении. «Своим» является адресат, который осведомлен о содержании упоминаемых в тексте ситуаций, разделяет мнение автора по поводу истинности сообщаемой ему информации, легко воспринимает авторскую логику и знаком с использованными словами и выражениями. «Чужой» не осведомлен о содержании ситуаций, не разделяет мнение автора и нуждается в аргументации, объясняющей ход мысли метатексте, ему незнакомы использованные автором имена, термины и иноязычные выражения.

Н. В. Большакова рассматривает псковскую народную сказку как жанр миромоделирования, демонстрирующий единство фольклорного произведения и устной народной речи. Мир человека в текстах сказок, обусловлен

ный закономерностями фольклорной поэтики, внутржанровыми и сюжетными особенностями, определяется высокой степенью диалогичности текстов и ролью рассказчика. Таким образом тесно сплетены два мира: сказочный, волшебный и реальный, хорошо знакомый рассказчику и охраняемый им в повествовательном дискурсе. При этом категория «свой – чужой» пронизывает все смысловые сферы народной культуры, раскрывающие пространственные, временные, социально-культурные и другие жизненно важные человеческие и природные начала. Символически отображенные в текстах вертикальная и горизонтальная оси сказочного пространства реализованы в системе общерусских и диалектных наименований, репрезентирующих ближнюю (освоенную) и дальнюю (чуждую) пространственную среду. Автром составлен предметный указатель, который заключает в себе потенциал исследования содержательной стороны предметного слова и выявления лексико-семантической системы сказочных текстов. В исследовательских целях указатель трансформируется в семантически организованный словник — основу описания универсальных семиотических оппозиций, характеризующих модель мира псковского крестьянина. Такая методика позволяет во всей полноте лексических репрезентаций раскрыть содержание оппозиции «свой – чужой» применительно к региональным текстам народных сказок.

Статья **А. А. Горбова** посвящена проблемам этимологического описания иноязычной лексики в русском языке. Вопросы, касающиеся содержания и объема этимологических сведений, возникают в связи с описанием заимствованных лексических единиц независимо от давности их вхождения в словарный состав, в отношении новых заимствований из европейских языков проблемы становятся особенно очевидными на фоне доступности современных лексикографических описаний языков и экстралингвистических сведений об объектах номинации. Анализ подтверждает, что этимологические сведения в лингвистических работах могут иметь серьезные недостатки. Проблемы описания касаются также заимствований-интернационализмов, в которых легко устанавливается этимологический корень слова, но нет однозначного ответа на вопрос о непосредственном источнике заимствования и ближайшем прототипе. Учет современных лексикографических источников, а также времени, условий и обстоятельств вхождения в русский язык новых иноязычных лексем позволяет установить их этимологию и отвергнуть сомнительные гипотезы об английском происхождении. В работе показано, что влияние англицизмов на лексику современного русского языка не следует переоценивать.

М. Я. Дымарский посвятил свое исследование прагматике синтаксической производности, рассматривая игру «своего» и «чужого» в случае *я не безумец лезть под пули* в аспектах структуры, синтаксической деривации, семантики и прагматики. Доказывается, что структурно модель представляет собой сложноподчиненное предложение с нетривиальным соотношением главной и придаточной частей. Деривационно модель интерпретируется как контаминация двух базовых моделей: с присубстантивным придаточным, и с целевым придаточным. Рассмотрено соотношение модели с близкой местоименно-соотносительной моделью фразеологизированного типа; продемонстрирована невозможность сведения первой к неполному варианту второй. Автор показывает, что между семантической насыщенностью модели и ее формальной неразвернутостью есть диспропорция, которая интерпретируется как признак производности и сильной прагматической мотивированности модели. Пять компонентов смысла модели соотносятся с оппозицией «свое – чужое», одни имеют характер пресуппозиций, другие — инференций и связаны с аксиологической или деонтической модальностью. Один из компонентов представляет собой ложную инференцию, которую говорящий использует в демагогических и манипулятивных целях. Выражение подлинного «чужого» оказывается лишь поводом для выражения мнимого «чужого» — на самом деле «своего „чужого”», из чего следует, что главной составляющей иллокуции говорящего является не столько отклонение перспективы действия со своим участием, сколько демагогически-манипулятивное воздействие на адресата, создающее коммуникативный дискомфорт и ставящее коммуникацию на грань разрыва.

Е. И. Костанди считает, что ряд особенностей русской речи в Эстонии может быть полнее проанализирован и объяснен с опорой на понятие дискурсивных практик. В статье рассматриваются *тексты билингва*, состоящие из двух частей на разных языках — оригинала и перевода. Анализ позволил установить в текстах билингва несколько проявлений оппозиции «свое — чужое». Наиболее очевидная ее реализация — восприятие языков как «своего» (родного) или «чужого» (неродного). В ситуации диаспоры этот критерий не является однозначным, так как люди, хорошо владеющие двумя языками, могут по-разному оценивать языки. Кроме того, переведенный на родной язык текст может восприниматься как «чужой». В этой связи рассматривается еще одно проявление оппозиции «свое — чужое» — происхождение текстов билингва (Эстония, Россия или иные страны). Основное внимание в статье уделено восприятию русской и эстонской частей текста как «своих» или «чужих» по отношению к тексту билингва

в целом. Материал не всегда позволяет определить собственно языковую составляющую как текст билингва, однако функционирование таких текстов позволяет рассматривать их как варианты реализации практики билингва. Автор приходит к выводу о том, что следует говорить не только о текстах билингва, но и о дискурсивных практиках билингва, влияющих и на проявление оппозиции «свое – чужое».

В статье **И. С. Кошкина** рассматривается проявление оппозиции «своё – чужое» в истории отдельных социальных терминов, употреблявшихся в языках Балтийского региона. Эта оппозиция может проявляться как в аспекте семантической типологии (общее развитие значения слова в контактирующих языках), так и в аспекте языковых контактов (взаимосвязь «своих» и «чужих» элементов в истории заимствованного социального термина). Например, социальная терминологическая лексика в истории русско-латышско-немецких языковых контактов, с одной стороны, отражает переход от значения 'свой' к значению 'чужой' в семантической истории социального термина (русск. *люди*, латыш. *ļaudis*), с другой — более широкое взаимодействие «своего» и «чужого» в ономаσιологической истории слова-термина (история заимствования латыш. *tulks*). Анализируемые элементы социальной терминологической лексики зафиксированы в средневековых грамотах и в других текстах правового содержания.

Описывая проявления «своего» и «чужого» в орфографии Зографского евангелия (ЗЕ), **А. М. Кузнецов** отмечает, что графико-орфографические системы старославянских рукописей до сих пор не получили полного описания. В статье представлена попытка реконструкции системы письма ЗЕ в плане отражения падения *erov*. В орфографии ЗЕ выделяется несколько слоев. Первичный слой Кирилло-Мефодиевской эпохи сохраняет этимологически верное написание *erov*. В это время в положении перед *j* аккомодация отсутствовала, поэтому сочетания знаков *ы* и *ь* (собственно *о* и *у*) имели разное фонетическое значение. Второй слой отражал аккомодацию *erov* перед *j* в некоторых болгарских говорах и дальнейшее стяжение гласных, к этому слою примыкает и межслоговая ассимиляция по ряду гласных и мягкости согласных. Для последнего слоя — писца ЗЕ — характерно отсутствие аккомодации *erov* перед *j*, конвергенция фонем *ь* – *о* и *ь* – *е* (в сильной позиции), что отражается во взаимозамене букв *ь* ↔ *о*, *ь* ↔ *е*. Однако в книжном произношении писец сохраняет восточноболгарскую традицию с аккомодацией *erov* перед *j* и стяжением последовательностей *-ui-*, *-ii-*, *-ij-*, в результате чего сочетания знаков *ы* и *ь* (*о* и *у*) получают одинаковую фонетическую интерпретацию.

Статья **И. П. Кюльмоя** посвящена рассмотрению сложного взаимодействия «своего» и «чужого» в русском языке диаспоры, которое представляется автору особенно интересным в условиях развития языка в инокультурном и иноязычном окружении. В языке диаспоры ярко проявляется процесс освоения «чужого», в то же время важно сохранение «своего», что в определенной степени ведет к консервации языка, которая, однако, благодаря Интернету и сетевому общению, происходит значительно медленнее и в более узких рамках, чем в языке первых трех волн эмиграции. Преимущественное внимание уделено диалектному варианту русского языка Эстонии, в котором можно увидеть конкретные свидетельства консервации в виде диалектной лексики и ряда грамматических явлений. Сохранению некоторых архаичных грамматических явлений способствует поддержка «чужого» — эстонского — языка. Процесс освоения заимствований и отношения к ним самих диалектоносителей рассматривается на примерах диалектной речи.

К. Менг и Е. Ю. Протасова рассматривают авторефлексию и лингвокультурные практики семьи российских немцев, репатриировавшихся в Германию из Казахстана в начале 1990-х гг. Пожилые иммигранты размышляют о своем опыте, достижениях и надеждах в отношении детей и внуков. Фокус делается на использовании языков и трансформациях в стиле жизни в сравнении со временем пребывания в стране исхода и на протяжении 25 лет в Германии. Информанты рассматривают сходства и различия в способах поведения людей в Германии, России и Казахстане, развивают народную теорию межкультурной коммуникации, оценивают собственную этничность в соотношении с ситуациями других людей, размышляют об исторической судьбе российских немцев, витальности этой группы и перспективах интеграции в Германии. Информанты остаются носителями советских традиций. Межпоколенческая передача русского языка сокращается, хотя люди осознают преимущества, связанные с ним.

В статье **Я. В. Мызниковой** рассматриваются проявления категории «свой — чужой» в процессе диалектной коммуникации. Для диалектоносителя круг «своих» очерчивается рамками социума сельского населенного пункта. Коммуникация с представителями других социумов, то есть с «чужими», часто сопряжена с негативной или настороженной реакцией. Так, общение диалектоносителя с диалектологом является случаем межсоциумной коммуникации, которая может закончиться коммуникативной неудачей, если собиратель не попытается преодолеть барьер «отчуждения». В сельском сообществе коллективистского типа на речевое поведение могут быть наложены такие ограничения, как сдержанность в общении

с малознакомыми людьми, нежелание говорить о том, что может «навредить» членам социума. При этом внутри социума, для «своих» существуют особые «внутренние» правила коммуникации: использование известных только членам социума имен-прозвищ, принятых элементов речевого этикета. Для выделения соседних социумов могут использоваться коллективные прозвища и микроэтнонимы. Выделение «чужих» происходит на конфессиональной почве, на культурно-исторической базе, на основе различия в языке или говоре, иногда и на основе этнической «чуждости». Эти закономерности прослеживаются в полиэтнической и полиязыковой среде Поволжья, где рядом проживают славянские, тюркские и финно-угорские группы населения. Особенности реализации оппозиции «свой — чужой» могут варьироваться в зависимости от этнокультурной ситуации в регионе, но общие закономерности ее проявления в диалектном дискурсе территориально не обусловлены.

Статья **Е. В. Пурицкой** посвящена изучению лингвистической и металингвистической репрезентации лингвотерриториальных различий носителями псковских говоров как сложного диалектного континуума. Объектом исследования являются метаязыковые наблюдения носителей псковских говоров (на материале «Псковского областного словаря с историческими данными» и его картотеки). Автором были сделаны следующие выводы. Лингвистическая репрезентация носителями говоров *своей* – *чужой* речи демонстрирует семантику другого, но почти полное отсутствие эмоциональной оценки «чужого». Металингвистическая репрезентация включает наблюдения над лексическими территориальными различиями, некоторые наблюдения носителей говоров над *своими* – *чужими* словами столь точны, что позволяют выделить лексические маркеры для определения границ ареалов. Яркой формой репрезентации говорящими различий является выделение микротерриториальных образований (микрзон), которые характеризуются другим говором. Такие микрзоны отмечаются информантами по всей территории Псковской области, но больше всего наблюдений относится к южным и юго-западным территориям с говорами переходного типа. Основой для выделения микрзон являются не только лингвистические, но и географические и культурные признаки (включая конфессиональные). Однако при оценке представителей иных конфессиональных групп внимание говорящего направлено не на особенности чужой речи, а на особенности чужой культуры, которые чаще всего оцениваются отрицательно.

В статье **Е. Н. Ремчуковой** и **Т. П. Соколовой** рассматривается проблема взаимодействия «своего» и «чужого» в коммерческой городской

номинации в результате креативной речевой деятельности. Анализ названий кафе, ресторанов, жилых комплексов, магазинов, салонов красоты позволил выявить способы освоения «чужого»: на лексическом уровне — использование топонимов, антропонимов, экзотизмов в исконной и транслитерированной форме; на уровне словообразования — использование иноязычных формантов. Особое внимание уделено графогибридизации как феномену взаимопроникновения «своего» и «чужого». Наиболее частотна асемантическая графогибридизация (спортклуб «ZАРЯДКА», ресторан «Ugolёк»), авторы определяют ее разновидности и переходные случаи между асемантической и семантической графогибридизацией. На графемном уровне выявлены противоположные тенденции: представление «чужого» как «своего» и «своего» как «чужого». «Чужой» элемент оформляется кириллицей как «свой» (ресторан «Фиш»), а «свой» с ярко выраженным этнокультурным компонентом, как чужой (ресторан «Valenok», ЖК «Chekhov»). В номинации магазинов это приобретает прагматическую цель — замаскировать русского производителя товаров и услуг под иностранного для большего коммерческого успеха. Авторы подчеркивают, что поиск равновесия между *национальным* и *универсальным* компонентом является одной из важнейших задач при создании коммерческого имени в городе.

Статья **О. Г. Ровновой** основана на материале книги старообрядца из Южной Америки Д. Зайцева «Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева». Рукопись получена от автора О. Ровновой, подготовлена ею к печати и опубликована. Рукопись создана на русском диалектном языке, написана гражданской азбукой с использованием фонетического письма. В ней отражены фонетические, грамматические и лексические особенности родного для автора говора старообрядцев-«синьцзянцев», который много лет развивался без контакта с современным русским литературным языком, в контакте с испанским и португальским. К «другим языкам», получившим отражение в книге, относятся говор старообрядцев «харбинцев», церковнославянский, испанский и португальский языки, а также русский язык, который автор слышал, живя около полутора лет в России. Влияние церковнославянского письма обнаруживается в спорадическом использовании специальных знаков ударения, влияние латиницы — в смешении букв русского и латинского алфавитов. Показаны лексические заимствования из испанского и португальского языков, способы их адаптации, выявлено обусловленное и не обусловленное сюжетом употребление испанизмов, использование испанских фраз как стилистический прием. Анализируется лексика, заимствованная из современного русского языка в его лите-

ратурной, диалектной и просторечной разновидностях, обсуждается вопрос о ее стилистической окраске в тексте.

В статье **Ж. Р. Сладкевич** анализируется реализация дихотомии «свои – чужие» в новогодних телеобращениях президента к народу на материалах текстов президентов России, Беларуси и Польши. Описывается генезис новогоднего поздравления главы государства, определяются его конститутивные жанровые признаки: тип речи, сфера и характер общения, повод, коммуникативные цели, статус адресанта, образ адресата, тип ответной реакции, обязательные структурные элементы, ритуальный характер.

Автор анализирует специфику языковой реализации «своей» и «чужой» сферы в обращениях президентов с учетом коммуникативной ориентации жанра на фатику и интеграцию, а также с учетом национальной социокультурной специфики жанра. К специализированным знакам маркировки «своего круга» относятся: инклюзивное «Мы», лексемы совместности, лексемы с компонентом единения, лексемы поля «семья», номинации лояльных адресатов, союзников и имена выдающихся соотечественников. Зона «чужих» определена тремя категориями: внешние враги, внутренние враги и неблагоприятные объективные обстоятельства.

Проксемическое, визуально-звуковое оформление телевизионного новогоднего обращения президента как креолизованного жанра напрямую коррелирует с маркировкой «своей сферы».

Г. С. Сырица рассматривает коннотативный фон лексемы *гость* в аспекте оппозиции «свой — чужой», особенностью которой является ярко выраженная аксиологичность (*хороший – плохой*). Анализ семантики лексемы *гость* и ее функционирования в составе паремий и в художественном дискурсе позволил выявить амбивалентный характер оценочных коннотаций. Позитивно-оценочные коннотации связаны прежде всего с характеристикой желанного («своего») гостя, негативно-оценочные коннотации — с нежеланным («чужим») гостем. Коннотативный фон лексемы находит отражение в ритуалах приветствия гостя, в стереотипах поведения гостя и др. Выявлено, что амбивалентные коннотации отражены в лексеме *гость* неравномерно. Большое количество устойчивых сочетаний, которые восходят к инварианту *незванный гость* (*заезжий, неожиданный, недобрый, странный гость* и др.), а также особенности переносных значений лексемы *гость* (*гостья*) свидетельствуют о большей закреплённости негативно-оценочных коннотаций. Это находит отражение и в современном ассоциативном словаре.

Статья **В. П. Щадневой** посвящена *гендерному* аспекту в *женщин-старообрядок западного Причудья и острова Пийриссаар*. Автора интересует проявление равноправности / подчиненности женщины-старообрядки в своем социуме, традиции которого создаются взаимосвязью *религии, семьи, дома, труда*, что определяет особенности языкового отражения роли и статуса женщины в их *рассказах*. Духовная и материальная жизнь староверов изначально опирается на идею времени, зафиксированную уже в названии этноконфессионального сообщества. Представления о принадлежности к *своей* общине у староверов включают в себя взгляды, оценки, нормы, обусловленные древними канонами. Тем самым основа оппозиции «свой — чужой» заложена уже во временном плане. При анализе учитывается переплетение религиозного начала с различными концептами. В рассказах отражаются как прежние консервативные нормы, так и сужение их действия в религиозной жизни и в гендерных отношениях. С одной стороны, изменение гендерного состава духовных наставников, выполнение женщинами и мужской работы говорят о равноправии полов. С другой, женщины подчеркивают гендерные различия, создают свое приватное пространство в доме, в общении, в женской обрядовости, разграничивая «свое» и «чужое». Эта оппозиция отражается в женской речи в связи с конфессией, сакральным и мирским в быту, с отношениями старших и младших, мужчин и женщин. Языковую картину мира женщины-старообрядки целесообразно рассматривать не только с точки зрения ее роли в общине и в семье, но и с точки зрения пространства: внутреннего, преимущественно «женского» и внешнего, преимущественно «мужского».

Второй раздел сборника, посвященный учету оппозиции «свое — чужое» в теории и практике перевода и преподавании языка, начинается статья **Н. Вайсс, Е. Каллас и Х. Метсланг**, в которой описываются теоретические основы и структура учебного словаря объектного управления эстонских глаголов. Словарь составляется на основе банка данных частотных транзитивных глаголов, который содержит аутентичные предложения из корпуса эстонского языка. Пособие поможет выбирать правильный падеж объекта к глаголу в соответствии с его управлением и характером протекания действия. Для учащихся с родным русским языком некоторым подспорьем в этом случае становится сопоставление глагольного вида с падежом объекта (номинативом, генитивом или партитивом). Принято считать, что в утвердительном предложении с целостным конкретным объектом русскому глаголу совершенного вида соответствует генитив или номинатив как падеж объекта, тогда как глаголу несовершенного вида — партитив, однако это не всегда так. По модели объектного управления эстон-

ские глаголы или их значения делятся на три основных типа: аспектные, партитивные и перфективные. Выделяются два переходных типа аспектных глаголов: обычно перфективные и обычно партитивные. В конце словарной статьи даны наиболее частотные перифрастические глаголы, являющиеся отдельными словарными единицами. Словарь удобен для пользователя и служит хорошей базой для создания учебных материалов, совершенствования методики преподавания эстонского языка как неродного, а также для различных языковых исследований, в том числе контрастивных.

В статье **Е. М. Вельман-Омелиной** в аспекте «свой — чужой» обсуждаются трудности выбора лексических соответствий в эстонско-русском переводе текстов официально-деловой тематики. Автор на языковом материале показывает, что перевод как вид деятельности требует от переводчика наличия не только собственно лингвистических, но и фоновых знаний, понимания особенностей каждой отдельной коммуникативной ситуации, учета частной цели перевода. Несмотря на попытки систематизировать переводческую деятельность, перевод остается субъективным родом занятия человека, так как зависит от языковой и коммуникативной компетентности, языковых вкусов и предпочтений переводчика. Официально-деловые тексты — одни из самых сложных для перевода, который должен быть выполнен максимально корректно, ибо переводной текст призван выполнять функцию полноправной замены оригинала. Перед переводчиком стоит задача не просто передать смысл текста, а в точности воспроизвести оригинальный текст на другом языке. Поскольку переводчик с эстонского языка на русский должен учитывать языковые особенности деловой коммуникации и в России, и в Эстонии, то особое внимание в статье уделено удачно подобранным и закрепившимся в русском языке соответствиям, которые пока или не представлены в словарях, или представлены в них не совсем корректно.

Объектом анализа **С. М. Евграфовой** является категория «свой — чужой» с точки зрения ее влияния на разные аспекты деятельности человека (пересказ, редактирование, перевод, вербальное обучение). Важную роль при этом играет индивидуальная языковая система (ИЯС). Индивидуальные отличия таких систем достаточно велики, поэтому при восприятии чужой речи требуется «когнитивный перевод» «чужой» ИЯС в «свою». Противоречия между отдельными ИЯС наблюдаются в естественной устной и необработанной письменной речи. «Когнитивный перевод» затрудняет взаимопонимание и порождает коммуникативные неудачи и речевые ошибки. Автор считает, что речевое развитие личности и формирование ИЯС продолжается в течение всей жизни человека и в некоторых

аспектах подчиняется одним и тем же закономерностям у ребенка, подростка и взрослого. Автор показывает, что для корректного «когнитивного перевода» необходимо специальное обучение, так как автоматический перевод с «чужой» ИЯС на «свою» не позволяет решать задачи понимания и переработки сложных текстов. Обнаружить предпочтение стратегий можно по характеру ошибок при переработке текста.

Статья **И. Качане** и **О. Ковзеле** посвящена проблеме перевода иноязычных вкраплений в художественной литературе (анализируются две латышские и три русские версии перевода романа «Портрет Дориана Грея», созданные в разное время разными переводчиками). Иноязычные вкрапления наделяются сложной символикой и множеством оттенков смысла, их роль и функции в тексте разнообразны: создание колорита и аутентичной среды, идентификация уровня образованности персонажа, показатель принадлежности творца определенному культурному феномену. Перевод подобных единиц проверяет мастерство и компетентность переводчиков, осуществляющих межъязыковое и межнациональное «перекодирование». Как показало сопоставление различных переводных версий одного оригинала, наиболее выигрышными оказываются те из них, которые ориентированы на создание импрессивной эквивалентности исходного и переводного текстов с учетом индивидуально-авторской картины мира и национально-культурных особенностей воспринимающих. Этого можно добиться путем сохранения изначальной графической формы иноязычных вкраплений с обязательным комментированием их значения, что можно сделать непосредственно в тексте или за его пределами (система сносок). В свою очередь безремарочный прием передачи иноязычных знаков, как и их изъятие из текста, оказались непродуктивными, а в отдельных случаях — даже рискованными переводческими решениями.

Предмет анализа **Л. Кныш-Крюков** — глаголы движения, которые сложны для изучения учащимися с родным эстонским языком из-за национально-культурных особенностей восприятия данного типа русских глаголов. Созданные автором веб-приложения в среде *LearningApps.org* позволяют в игровой форме совершенствовать не только лексические и грамматические навыки, но и навыки письма. Интерактивная система трансформационных упражнений способствует многократному повторению и механической тренировке языковых образцов, повышают заинтересованность и мотивацию к изучению материала, снимают языковой барьер, позволяют разнообразить и индивидуализировать учебный процесс. В основе разработанных дигитальных заданий лежит предложенный Э. П. Васильченко шестиступенчатый подход к изучению русских глаголов движения, учиты-

ваются национально-культурные особенности восприятия эстонскими учащимися этого материала. Для каждого этапа предусмотрен ряд интернет-приложений с автоматической системой проверки, которая позволяет учащемуся-эстонцу выявить пробелы в знаниях. Мгновенная обратная связь дает возможность самостоятельно оценить полученные результаты, при необходимости повторить учебный материал и заново выполнить упражнение. Таким образом учащийся отрабатывает полученные знания и навыки с учетом своих когнитивных особенностей.

С. Купп-Сазонов обсуждает вопрос о том, должен ли перевод восприниматься читателями как «свой» или как «чужой» текст. В теории и практике перевода различаются две стратегии: форенизация (*foreignization*) и доместикация (*domestication*). В русскоязычных работах употребляются термины *остранение* и *одомашнивание*. Принято считать, что выбор конкретной стратегии играет важную роль в переводе лексики, в частности, в передаче реалий, однако эта дилемма переводчика касается и грамматики. В статье делается попытка проанализировать проявление стратегий форенизации и доместикации на грамматическом уровне в русско-эстонском художественном переводе. Более подробно рассматриваются категории числа и времени. В связи с категорией числа внимание обращено на употребление множественного числа с торжественно-уважительным оттенком, «авторского» мы и др., в связи с категорией времени в центре внимания оказывается настоящее процессное, прошедшее в контексте будущего, настоящее историческое и действие, нелокализованное во времени. Итоги анализа свидетельствуют о том, что даже если переводчик использует стратегию доместикации, то благодаря более широкому контексту, читатель понимает, что перед ним текст, принадлежащий другому культурному пространству. В то же время такое «присутствие» переводчика нельзя считать недостатком, и хороший перевод, сохраняющий частицу другой культуры и языка, может обогатить культуру и язык перевода.

В статье **Т. Г. Никитиной** и **Е. И. Рогалевой** представлена концепция репрезентации «своего» и «чужого» в словарях Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета, адресованных иноязычным учащимся. Авторы формулируют задачу лексикографа: помочь иноязычному читателю адекватно оценить этнокультурную специфику русского фразеологизма и на основе противопоставления родному языку или, наоборот, с опорой на «свое» освоить «чужое». В статье обобщается опыт лингвистического и лингвокультурологического исследования категорий «свое — чужое» в сфере фразеологии, анализируются способы их репрезентации в академических и учебных словарях, изданных

в России, осмысляются возможности использования этих материалов в практике обучения русскому языку. Представляя собственную концепцию словарной параметризации фразеологизмов, авторы излагают основы этимологического парафразирования, позволяющего раскрыть лингвокультурологический потенциал этимологической версии и лингводидактический потенциал обращения к категориям «своего» и «чужого». Реализация концепции показана на примере учебных толково-этимологических словарей. Приводятся фрагменты словарных статей, раскрывающие содержание категорий «своего» и «чужого»; интерпретация осуществляется при помощи этимологизирующих приемов парафразирования. Подход «через свое к чужому» реализуется на уровне текстообразования.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Издательского совета Тартуского университета и гранта 14299 государственных программ Эстонии.

Литература

Корина Н., Норман Б., Алефиренко Н., Высочанский В., Соколова Я. 2014 — Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка. Нитра.

Лотман Ю. М. 1992 — К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) Лотман Ю. М. *Избранные статьи в трех томах*. Т. I. Таллинн: Александра. С. 110–120.

Novak, P. 2002 — *Swoi i obcy w językowym obrazie świata. Język publicystyki polskiej z pierwszej połowy lat pięćdziesiątych*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodovskiej.

I.

СВОЕ – ЧУЖОЕ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

РЕЧЕВЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ОБРАЗА «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» АДРЕСАТА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

И. И. БАКЛАНОВА

1. Предварительные замечания

Впервые к проблеме изучения оппозиции «своего» и «чужого» еще в 30-е годы прошлого века обратился М. М. Бахтин [Бахтин 1963; Бахтин 1975], однако интерес лингвистики к этой проблеме пробудился только через полстолетия. Эта оппозиция лежит в основе исследования современного российского политического дискурса [Базылев 2005], в основе описания языковых картин мира с точки зрения разных менталитетов [Красных 2003], в основе рассмотрения семантических категорий [Пеньковский 1989], в основе противопоставления «своей» культуры «чужой» культуре [Лотман 1969; Лотман 2000], в основе проявления языка в практической жизнедеятельности человека [Телия 2004].

Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «взаимодействие «своего» и «чужого» активизируется в среде социальной борьбы и полемики, словесной перепалки на разных ее уровнях, в спорах о мнениях и нравственных позициях, в ходе самоутверждения личности или социальной группы, в практическом рассуждении и многих других видах текстов — повседневных и художественных» [Арутюнова 1998: 668]. В современном российском обществе прослеживаются все перечисленные виды взаимодействия «своих» и «чужих», что обуславливает актуальность данной темы и неизменный интерес к ней лингвистики.

Однако думается, что на оппозицию «свой» – «чужой» можно смотреть не только с точки зрения антагонистического противопоставления национальных, культурных, политических и социальных реалий, но и более мягко — с позиции установки на понимание «своим» и «чужим» адресатом. Поэтому предлагаем посмотреть на отражение оппозиции «свой» –

«чужой» в тексте именно в этом аспекте — с точки зрения ориентации отправителя текста на «своего» или «чужого» предполагаемого адресата.

2. Цель статьи и материал исследования

Цель статьи — проанализировать способы построения публицистического текста, ориентированного на «своего» и «чужого» адресата. Материалом для исследования послужили тексты современных российских газет: «Новой газеты», «Правды Москвы» и «Комсомольской правды».

3. Методологические основы исследования

Под образом адресата в данной статье понимаются компоненты имплицитного содержания публицистического текста, то есть такого его содержания, которое, не имея непосредственного выражения, выводится из смыслов эксплицитного содержания языковых единиц в результате их взаимодействия со знаниями получателя текста, а также с информацией, черпаемой этим получателем из контекста и ситуации общения. В частности, имеются в виду компоненты так называемого притекстового имплицитного содержания, передача которого не входит в коммуникативные намерения автора текста [Федосюк 2012].

В наших предыдущих публикациях [Бакланова 2012; Бакланова 2013; Бакланова 2014] было показано, что источником информации об имплицитно отраженных сведениях об образе предполагаемого адресата нехудожественного текста являются постулаты речевого общения Г. П. Грайса — постулаты категории Количества, категории Качества, категории Отношения и категории Способа [Грайс 1985]. Как известно, они в соответствии с Принципом Кооперации являются логическим регулятором передачи информации от автора к адресату, так как Принцип Кооперации от каждого участника общения на каждом шаге диалога требует такого коммуникативного вклада, который определяется совместно принятой целью этого диалога. Поэтому на основе предположения о том, что его автор следовал постулатам Г. П. Грайса и ориентировался на конкретного адресата, можно определить образ предполагаемого адресата текста.

Рассмотрим подробнее, каким образом с помощью постулатов речевого общения Г. П. Грайса проявляется в публицистическом тексте имплицитно отраженный в нем образ его предполагаемого адресата.

4. Образ адресата на основании постулатов категории Количества

Из постулатов категории Количества «Твое высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется» вытекает, что автор передает информацию в необходимом для ее понимания предполагаемым адресатом объеме. Следовательно, источником сведений о знаниях предполагаемого адресата является степень подробности изложения информации: подробная или сопровождаемая разъяснениями информация указывает на то, что текст ориентирован на неосведомленного адресата, который не владеет передаваемой ему информацией в полном объеме; напротив, краткая или необъясняемая информация говорит о том, что текст рассчитан на осведомленного адресата, который свободно ею владеет.

Рассмотрим примеры текстов, рассчитанных на неосведомленного адресата.

*«А происходит вот что: вспоминаются самые разные жизненные ситуации, которые хотелось бы, да нет сил забыть, жутковатые и такие при этом будничные эпизоды нашей действительности. **Запрещенный роман Василия Гроссмана „Жизнь и судьба“, арест которого писатель не смог пережить. Режиссер Таиров, не переживший закрытия своего театра. Как вспоминает в своих мемуарах Алиса Коонен, он каждый день приходил и стоял возле здания, еще недавно бывшего родным домом. Философ Густав Шпет, который морщился, как от боли, когда те, кто пришел его арестовывать и проводил у него обыск, бросали на пол его любимые книги и ходили по ним»** (Л. Миллер).*

Как видно, автор данного текста перечисляет будничные эпизоды нашей действительности. Но, согласитесь, эти факты автор мог перечислить кратко, ср.: **Вспоминаются самые разные жизненные ситуации, которые хотелось бы, да нет сил забыть, жутковатые и такие при этом будничные эпизоды нашей действительности. **Запрещенный роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Судьба режиссера Таирова, Арест философа Густава Шпета.*** Адресату, осведомленному о подробностях запрещения романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба», судьбы режиссера А. Таирова и обстоятельствах ареста философа Г. Шпета, вероятно, было бы достаточно краткого перечисления. Однако автор сопровождает перечисление разъяснениями: говоря о романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба», добавляет — ***арест которого писатель не смог пережить***; вспоминая судьбу А. Таирова, характеризует его как человека ***не пережившего закрытия своего театра***,

который *каждый день приходил и стоял возле здания, еще недавно бывшего родным домом*; факт ареста Г. Шпета дополняет подробностями о том, как философ *морщился, как от боли, когда те, кто пришел его арестовывать и проводил у него обыск, бросали на пол его любимые книги и ходили по ним*. Из этого следует, что текст ориентирован на адресата, неосведомленного о подробностях жизни В. Гроссмана, А. Таирова и Г. Шпета.

Сказанное дает возможность называть неосведомленного адресата «чужим» относительно ориентировавшегося на него автора.

«Спать летучим мышам удобнее в штольнях — остались тут в Поповой горе заброшенные штольни, где в конце прошлого века купец Ванюшин добывал известняк. Эти штольни иногда называют Богоявленскими каменоломнями, и туда традиционно таскаются туристы, наплевав на все запреты, что в итоге вредит летучим мышам, исчезающему животному виду» (Н. Фомина).

Рассказывая о жизни летучих мышей, автор сообщает, что ночуют они в штольнях. И на этом мог бы остановиться, но он подробно разъясняет своему предполагаемому адресату, что это *зброшенны штольни, остались в Поповой горе, в них купец Ванюшин добывал известняк, эти штольни называют Богоявленскими каменоломнями*, и они, видимо, являются памятником архитектуры, потому что туда *традиционно таскаются туристы*. Из сказанного следует, что текст ориентирован на адресата, неосведомленного о штольнях купца Ванюшина.

Такого неосведомленного адресата можно назвать «чужим» автору.

Теперь рассмотрим примеры текстов, рассчитанных на осведомленного адресата.

«Ломать не строить; перевороты вывихивают эволюционный сустав времени, а дальше — как получится» (В. Шендерович).

В этом тексте автор использует метафорическое выражение *перевороты вывихивают эволюционный сустав времени*, построенное на цитате из «Гамлета» В. Шекспира *the time is out of joint*, которая обычно переводится как «век вывихнул сустав». Это может увидеть в тексте только адресат, знакомый с выражением *век вывихнул сустав*. Следовательно, данный текст ориентирован на осведомленного адресата.

Такого осведомленного адресата можно считать «своим» для автора.

«Мой друг Али родился в рубашке: его успели вывезти из „Дворца конца“ в корзине»

с бельем, как маленького Вито Корлеоне во второй части великого кино»
(В. Шендерович).

В этом тексте автор вспоминает некий фильм, во второй части которого маленького *Вито Корлеоне* прячут, чтобы уберечь от смерти, однако не называет этот фильм и не уточняет, кто такой *Вито Корлеоне*. Из этого следует, что текст ориентирован на адресата, осведомленного о том, что *Вито Корлеоне* — это Дон Вито Корлеоне, по прозвищу «Крестный отец», возглавлявший в прошлом веке один из самых могущественных кланов италоамериканской мафии — семейство Корлеоне. Он является главным героем романа Марио Пьюзо «Крестный отец» и основанного на сюжете этого романа одноименного фильма Фрэнсиса Форда Coppola. Поэтому адресату должно быть известно содержание второй серии этого фильма, где показано, как прячут маленького Вито от гангстеров.

Сказанное дает основания считать адресата, осведомленного о жизни Дона Корлеоне, «своим» для автора.

5. Образ адресата на основании постулатов категории Качества

Из постулатов категории Качества «Старайся, чтобы твоё высказывание было истинным», «Не говори того, что ты считаешь ложным» и «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований» вытекает, что автор передает адресату достоверную информацию. Следовательно, источником сведений об образе адресата является наличие или отсутствие аргументации, которая подтверждает достоверность передаваемой информации: аргументированные оценки и утверждения автора указывают на то, что текст ориентирован на адресата, не разделяющего мнение автора; неаргументированные же оценки и утверждения указывает на то, что текст рассчитан на адресата, разделяющего мнение автора.

Рассмотрим примеры текстов, рассчитанных на адресата, который не разделяет мнение автора.

«Объезжая Манхэттен по периметру, я крепил связавшие нас узы. В этом городе мне довелось жить дольше, чем в любом другом. Я видел его днем и ночью, зимой и летом, трезвым и пьяным, молодым и не очень. Но после 11 сентября у нас начался второй медовый месяц. Первый, как это обычно и бывает, испортила неопытность. Сперва я не принял его старомодную нелепость и не оценил хвастливую, уместную только в Новом Свете эклектику. Чем лучше я узнавал Нью-Йорк, тем меньше понимал. Конечный и неисчерпаемый, как атом, он

был начинен чудесами и с каждой встречей выглядел все более таинственным, словно в хорошем, как у Кесьлёвского, кино, где реальность плывет незаметно и неизбежно» (А. Генис).

Автор сообщает своему адресату, что чем лучше он узнавал Нью-Йорк, тем меньше понимал. И далее он аргументирует свое утверждение — *Конечный и неисчерпаемый, как атом, он был начинен чудесами и с каждой встречей выглядел все более таинственным, словно в хорошем, как у Кесьлёвского, кино, где реальность плывет незаметно и неизбежно.* Из этого следует, что текст ориентирован на такого адресата, который не разделяет мнение автора о том, что процесс узнавания Нью-Йорка мешает его пониманию, и потому нуждается в аргументации.

Такого адресата можно назвать «чужим» для автора.

«<...> когда моего друга Али еще не было в природе: имя будущего сына было предопределено. Уже четырнадцать веков старшие мальчики рода звались попеременно Хусейнами и Али, в память о зяте и внуке пророка...» (В. Шендерович).

Автор сообщает о том, что имя его друга Али было предопределено и аргументирует свое мнение — *четырнадцать веков старшие мальчики рода звались попеременно Хусейнами и Али, в память о зяте и внуке пророка.* Из сказанного следует, что текст ориентирован на такого адресата, который может не понимать и не разделять утверждение автора.

Этого адресата можно назвать «чужим» для автора.

Рассмотрим примеры текстов, рассчитанных на адресата, который разделяет мнение автора.

«Для нашего поколения, „славной молодежи семидесятых“, эта усмешка была защитной реакцией на советский пафос: Брежнев со своим старческим Политбюро, „сиськимасиськи“, бодрые фальшивые голоса изо всех радиоточек, наглое племя освобожденных секретарей, „комса“, в открытую фарцевавшая и делавшая карьеру, тупое сидение на собраниях в поддержку какогонибудь африканского божка, повесившего на себя серп и молот... — вот чем было для нас слово „коммунизм“» (В. Шендерович).

Как видно, автор нелестно отзывается о реалиях жизни в Советском Союзе в семидесятые годы прошлого века — речевой штамп *славная молодежь семидесятых, старческое Политбюро*, членам которого было далеко за 70 лет, вызывающая стыд и жалость дикция Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, в устах которого слово *систематически* звучало как *сиськи-*

масиськи, бодрые фальшивые голоса наглых комсомольских освобожденных секретарей, тупое сидение на собраниях. При этом автор не сопровождает свои оценки аргументацией. Из этого следует, что текст ориентирован на такого адресата, который разделяет мнение автора.

Такой адресат является «своим» для автора.

«Вот уже более девяти месяцев длится карательная операция против Новороссии. На фоне антисоветизма, русофобии и антикоммунизма там появился либералфашизм, нацизм и бандеровщина.

Истерика, охватившая западных политиков, украинских нацистов и наших доморощенных либералов, вполне закономерна: происшедшие события обнажили живущее в народах бывшего СССР стремление к воссоединению» (Ю. Михайлова).

Как видно, автор текста оценивает действия в Новороссии как карательную операцию, а также указывает на развитие антисоветизма, русофобии, антикоммунизма, либералфашизма, нацизма и бандеровщины. Однако он не объясняет, почему проводимые действия можно назвать карательными и почему на небольшой территории проявилось сразу столько идеологических течений. Из этого следует, что текст ориентирован на такого адресата, который разделяет мнение автора.

Этот адресат является «своим» по отношению к автору.

6. Образ адресата на основании постулата категории Отношения

Из постулата категории Отношения «Не отклоняйся от темы» вытекает, что адресату должен быть понятен ход мыслей автора. Следовательно, источником информации об образе предполагаемого адресата текста является наличие или отсутствие показателей логических связей между частями текста: наличие в тексте метатекстовых слов и выражений, объясняющих его строение и ход мыслей автора, указывают на то, что текст ориентирован на адресата, трудно воспринимающего логику изложения автора; отсутствие же метатекстовых слов и выражений свидетельствует о том, что текст ориентирован на адресата, легко воспринимающего логику изложения автора.

Рассмотрим примеры текстов, рассчитанных на адресата, который трудно воспринимает логику изложения.

«Дальше начинаются чудеса. При регистрации система виснет. Но когда и если все таки "отвисает", то не только списывает деньги, но и выдает маршрут. Маршруты программа, по жалобам дальнбойщиков, берет с потолка

и за-просто может отправить круглями — на 200–300 км длиннее. Скорее всего, программа просто плохо написана.

Но шаг вправо — шаг влево считается побегом: проезд по другому маршруту влечет за собой штраф в 40 тысяч рублей.

Это как если бы обладатели газовых колонок, прежде чем помыть руки или сварить яйцо, обязаны зайти на сайт, оплатить включение газовой колонки и указать, для чего они ее будут включать: за варку яйца — один прайс, а за мытье рук в ванной — другой, а если человек передумал и решил еще и голову вымыть, то извините: горячую воду выключат — и штраф.

Согласитесь, ситуация абсурдная: проще пользоваться газовой колонкой, а потом оплачивать показания счетчика. **Вопрос:** как же разработчики в целях национальной безопасности «Платона» не додумались это учесть? Каким местом они думали? Учитывая, что газовая колонка, то есть тахограф, десятикратно переоцененная, уже на грузовике стоит?

Ну и закончим вишенкой на торте. Знаете, сколько этот «Платон» принесет компании Ротенберга? 10 млрд руб. в год — по нынешним временам меньше 150 млн долларов.

Мы же с вами понимаем, что для Ротенбергов это смешные деньги. Семечки. И ради этих семечек поставили на уши несколько сот тысяч российских дальнотойщиков» (Ю. Латынина).

Как видно, автор с помощью метатекстовых показателей обращает внимание адресата на то, каким образом связаны между собой части его рассуждения: Дальше начинаются чудеса — приглашение адресата к рассмотрению противоречий; Но шаг вправо — шаг влево считается побегом — переход к рассмотрению главного противоречия; Это как если бы — переход к разъяснению на основе сравнения с привычной для адресата ситуацией; Согласитесь — побуждение адресата понять абсурдность ситуации; Вопрос — обращение внимания адресата на причины проявления абсурдности; Ну и закончим вишенкой на торте — переход к завершению рассуждений; Знаете? — обращение внимания адресата на важную деталь; Мы же с вами понимаем — обращение к мнению адресата. Из этого следует, что текст ориентирован на такого адресата, которому без метатекста тяжело воспринимать логику авторского изложения.

Такой адресат является «чужим» для автора.

«Но все по порядку. Сейчас я расскажу всем, кто не знает, как устроено Ширяево: через Волгу от Самары» (Н. Фомина).

В этом тексте представлен метатекст, позволяющий адресату настроиться на порядок дальнейшего изложения и, в частности, на рассказ о насе-

ленном пункте Ширяево. Из этого следует, что текст ориентирован на такого адресата, которому без метатекста тяжело воспринимать логику авторского изложения.

Такой адресат является «чужим» для автора.

Рассмотрим пример текста, рассчитанного на адресата, который легко воспринимает логику изложения.

«Иракская нищета была такой, какой даже мы, избалованные дети советских разночинцев, не можем себе представить.»

Али вспоминает путешествие с дедом-адвокатом в дом их прислуги. Это был ад: сорок пять градусов в тени. Дом стоял в очереди других раскаленных лачуг, построенных из кусков жести... Путешествие, объясненное желанием вручить подарок на день рождения дочери прислуги, было затеяно, разумеется, в педагогических целях: Наджи Юсеф выводил внука в реальность» (В. Шендерович).

Данный текст состоит из двух абзацев, связь между которыми можно было бы выразить метатекстовыми показателями *например, вот пример этому, Али подтвердил это следующей историей* и т. п. Однако автор эти слова опустил, видимо полагая, что адресат хорошо понимает нить его рассуждений. Из этого следует, что текст ориентирован на такого адресата, который легко воспринимает авторскую логику.

Такой адресат является «своим» для автора.

7. Образ адресата на основании постулатов категории Способа

Из постулатов категории Способа «Выражайся ясно», «Избегай непонятных выражений» и «Избегай неоднозначности» вытекает, что автор должен использовать понятные адресату языковые средства. Следовательно, источником информации об образе предполагаемого адресата текста является наличие или отсутствие пояснений к использованным в тексте языковым средствам: сопровождение языковых средств (собственных и нарицательных имен, терминов, иноязычных выражений) разъясняющим комментарием указывает на то, что текст ориентирован на такого адресата, которому названные языковые средства неизвестны; напротив, отсутствие разъясняющего комментария при собственных и нарицательных именах, терминах, иноязычных выражениях свидетельствует о том, что они ориентированы на такого адресата, которому они известны.

Рассмотрим примеры текстов, рассчитанных на адресата, которому неизвестны упомянутые в нем собственные имена.

«Ближе к шабату вход в ортодоксальный иерусалимский квартал Меа Шеарим благоразумно огораживают полицейскими щитами, дабы предупредить случайное истребление захвативших туда на машине туристов (из числа тех, кто не в курсе концепции)» (В. Шендерович).

В данном тексте автор объясняет, что *Меа Шеарим* — это ортодоксальный иерусалимский квартал. Наличие объяснения указывает на то, что текст ориентирован на такого адресата, которому названия квартала неизвестно.

Такого адресата можно назвать «чужим» для автора.

Теперь обратимся к тексту, рассчитанному на адресата, которому известны упомянутые в нем собственные имена.

«Именно это, видимо, вдохновило некое креативное агентство напечатать открытки с изображением русских писателей-классиков, украшенных татуировками по мотивам их собственных произведений.

Обильно разрисованные торсы Александра Сергеевича, Льва Николаевича, Антона Павловича, Михаила Юрьевича и Федора Михайловича напомнили нам о самом главном — тут и дама с собачкой, и Вронский с Анной Карениной, и Раскольников со старухой-процентщицей...» (А. Гусятинский).

Как видно, в тексте упоминаются имена и отчества классиков русской литературы, а также имена некоторых литературных героев. Фамилии писателей и названия книг не упоминаются, из чего следует, что текст ориентирован на такого адресата, который очень хорошо знает имена и отчества Пушкина, Толстого, Чехова, Лермонтова и Достоевского, а также героев их произведений.

Такого адресата можно назвать для автора «своим».

Рассмотрим пример текста, рассчитанного на адресата, которому неизвестны упомянутые в нем термины.

«Второе невероятное обстоятельство заключается в том, что два года назад всех российских водителей заставили установить на грузовиках тахографы. Тахограф делает ровно то же, что должен делать „Платон“. Он отслеживает машину с помощью ГЛОНАСС» (Ю. Латынина).

Как видно, автор, используя термин *тахограф*, объясняет его значение — *Он отслеживает машину с помощью ГЛОНАСС*. Из этого следует, что текст ориентирован на такого адресата, который не знаком со значением названного термина.

Такого адресата можно назвать «чужим» автору.

Обратимся к примеру текста, рассчитанного на адресата, которому известны упомянутые в нем термины.

«Горы невысокие, **выветренные**, предгорья сглажены, они здесь были всегда и всегда будут» (Н. Фомина).

Автор, используя термин *выветренные*, не объясняет его значение. Из этого следует, что текст ориентирован на такого адресата, который знаком со значением этого термина.

Такого адресата можно назвать «своим» для автора.

Рассмотрим пример текста, рассчитанного на адресата, которому неизвестны упомянутые в нем иноязычные слова.

«Его зовут Али Аль-Мусауи. Родился он в Багдаде, и его дед был 'алем', что по-арабски означает 'ученый Корана' (по-русски — богослов)» (В. Шендерович).

Как видно, автор приводит арабское слово и сопровождает его переводом на русский язык. Из этого следует, что текст ориентирован на такого адресата, который не знаком со значением этого слова.

Такой адресат является «чужим» для автора.

Рассмотрим пример текста, рассчитанного на адресата, которому известно упомянутое в нем нелитературное слово.

«Установка тахографов была совершенно бессовестной операцией по **стрижке дальнобойщиков**» (Ю. Латынина).

Как видно, автор использует слово *стрижка* не в прямом, а в переносном значении — 'побор, грабеж', которое не является литературным. Однако автор не предупреждает об этом своего предполагаемого адресата и не «переводит» значение слова со «сленгового» на «общеупотребительный» язык. Из этого следует, что текст ориентирован на такого адресата, которому известно выбранное автором сленговое значение слова.

Этот адресат является «своим» для автора.

8. Выводы

Таким образом, подводя итоги, можно утверждать, что адресат, осведомленный о содержании некоторых понятий и событий, разделяющий мнение автора текста о некоторых лицах, фактах и событиях, легко воспринимающий авторскую логику и знакомый с использованными автором словами

и выражениями, является для автора «своим», как говорится, разговаривающим с автором на одном языке и поэтому не нуждающимся в дополнительном объяснении. Адресат же, неосведомленный о передаваемом ему содержании некоторых понятий и событий, не разделяющий мнение автора текста по поводу тех или иных лиц, фактов и событий и потому ожидающий авторской аргументации, заинтересованный в объясняющем ход авторской мысли метатексте и незнакомый с использованными автором собственными и нарицательными именами, терминами и иноязычными выражениями, является для автора «чужим».

Так, в заключение можно сделать следующие выводы.

Во-первых, определить «своего» или «чужого» адресата того или иного текста можно на основании постулатов речевого общения Г. П. Грайса — постулатов категории Количества, Качества, Отношения и Способа.

Во-вторых, постулаты речевого общения определяют форму передачи информации предполагаемому адресату, которая обуславливает «своего» или «чужого» адресата: для «своего» адресата не надо выбирать форму; о форме передачи информации «чужому» адресату автор задумывается, с одной стороны желая быть понятым, с другой — желая облегчить понимание адресату.

В-третьих, «свой» адресат не нуждается в разъясняющей информации при получении от автора некоторых сведений, а «чужой» адресат нуждается в подробном содержании, в аргументации авторского мнения, в объясняющем логику авторской мысли метатексте и в объяснении использованных автором имен, терминов и иноязычных выражений.

Литература

- Арутюнова Н. Д. 1998 — Чужая речь: «свое» и «чужое». *Язык и мир человека*. Москва. С. 668–686.
- Базылев В. Н. 2005 — Политический дискурс в России. *Известия УрГПУ. Лингвистика*. Вып. 15. Екатеринбург. С. 5–32.
- Бакланова И. И. 2012. Образ автора и образ адресата нехудожественного текста: сходства и различия. *Русский язык в школе*. № 10. С. 59–65.
- Бакланова И. И. 2013 — О соотношении источников сведений об образе автора и образе адресата мемуарного текста. *Гуманитарный вектор*. № 4 (36). С. 33–39.
- Бакланова И. И. 2014 — *Образ автора и образ адресата нехудожественного текста*. Москва.
- Бахтин М. М. 1963 — *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва.
- Бахтин М. М. 1975 — *Вопросы литературы и эстетики*. Москва.

Грайс Г. П. 1985 — Логика и речевое общение. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. *Лингвистическая прагматика*. Москва. С. 217–237.

Красных В. В. 2003 — «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва.

Лотман Ю. М. 1969 — О метаязыке типологических описаний культуры. *Труды по знаковым системам*. IV. Тарту. С. 460–477.

Лотман Ю. М. 2000 — Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры). *Семиосфера*. Санкт-Петербург. С. 163–177.

Пеньковский А. Б. 1989 — О семантической категории «чуждости» в русском языке. *Проблемы структурной лингвистики*. 1985–1987. Москва. С. 54–82.

Телия В. Н. 2004 — *Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках*. Москва.

Федосюк М. Ю. 2012 — *Синтаксис современного русского языка*. Москва.

Источники

Генис А. 2016 — Близнецы, или 9/11. *Новая газета*. № 6 (2437). С. 15.

Гусятинский А. 2015 — А я Пушкина узнаю по татушке. *Комсомольская правда*. № 30-т (26409-т). С. 3.

Латынина Ю. 2015 — Система «Новочеркасск». *Новая газета*. № 130 (2417). С. 7.

Миллер А. 2016 — Конец под вопросом. *Новая газета*. № 6 (2437). С. 15.

Михайлова Ю. 2015 — Помощь народу Донбасса. *Красная Москва*: Спецвыпуск газеты «Правда Москвы». № 7 (193), февраль. С. 3.

Фомина Н. 2015 — Кожаный ушан из Ширяева. *Новая газета*. № 135 (2422). С. 27.

Шендерович В. 2015 — Мой друг Али, потомок Магомета. *Новая газета*. № 63 (2350). С. 11–18.

НАРОДНАЯ СКАЗКА КАК ЖАНР МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ («СВОЕ – ЧУЖОЕ» В ТЕКСТАХ ПСКОВСКИХ СКАЗОК)¹

Н. В. БОЛЬШАКОВА

Дихотомичность текста необработанной народной сказки

Деятельность полевых исследователей народной речевой культуры и языка по собиранию, хранению и презентации текстов приводит к пониманию синтетического характера собранного архивного материала. В гуманитарной науке последних десятилетий стало принятым считать устные словесные традиции, особенно запечатленные в прозаических формах, предметом пересечения «филологических, этнографических, искусствоведческих исследований», а само «фольклорное поле» — областью междисциплинарной [Каргин, Неклюдов 2005].

Объектом исследования является изданный в мультимедийной форме корпус сказок из псковского фольклорно-этнографического архива, подготовленный специалистами в области диалектологии и фольклористики с привлечением программистов и, таким образом, являющий собой опыт междисциплинарного подхода к научно-практической обработке экспедиционного фольклорного материала [Народные сказки Псковского края 2016].

Работа над изданием показала, что текст народной сказки, записанной в условиях экспедиционного обследования, в ходе непосредственного контакта рассказчика — носителя традиционной народной культуры и языка — и собирателя, представляет собой единство фольклорного произведения и устной народной речи с характерными диалектными особенностями и чертами народного речевого дискурса (автокомментарии рассказчиков, повторы, самоперебивы, дискурсивные слова, вокализованные паузы,

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-14-60001.

некоторые невербальные средства, чаще всего смех, иногда описание жестов). Несмотря на свойственную псковским текстам вариативность и ярко выраженный региональный характер, изданные сказки в своих основных характеристиках (сюжеты, мотивы, образная система и т. д.) являются разновидностью русских и — шире — восточнославянских народных сказок. Мир человека, изображенный в текстах сказок, обусловлен в первую очередь закономерностями фольклорной поэтики, внутрижанровыми и сюжетными особенностями: «В фольклоре повествование основано не на изображении обычных характеров и обычных действий в обычной обстановке <...> о том, что ежедневно окружает человека, с точки зрения эстетики носителей фольклора рассказывать не стоит» [Пропп 1976: 88].

Вместе с тем, как показывают наши наблюдения, звучащая сказка обладает всеми признаками диалектного дискурса, обусловленного ситуацией реального общения, основными характеристиками которого являются ярко выраженная интенция говорящего, явная и скрытая диалогичность речи. Различного рода трансформации традиционной сказки представляют интерес как для фольклористов, так и для диалектологов, так как отступления и включения, идущие от рассказчика-диалектоносителя, содержат ценные, оригинальные пояснения как этнографического, так и лингвистического характера. Всё это составляет единый корпус признаков, придающих текстам псковского собрания народных сказок оригинальные черты, привязывая их к определенному региону и сближая с временным планом настоящего. В связи с этим и картина мира человека, явленная в сказочных текстах, обусловлена как видением сказочного героя, так и ролью, а нередко и личностью рассказчика, повествователя.

Так, весь сказочный корпус пронизан временными показателями, соединяющими план прошлого и план настоящего, что выражается, как правило, в оппозитивных темпоральных наречиях:

У Масленицу был обычай ездить в посиделки. И одна молодуха уехала к матери на неделю. <...> Едут они. Светлеет месяц (сейчас называется месяц, а раньше звалось луна). («Муж-мертвец»)

Прошлое с характерными особенностями социального устройства, традиционного быта в разных его проявлениях, отраженное также в узко локальных или старых наименованиях реалий, попадает в поле автокомментариев рассказчика. Приведем несколько характерных примеров из текстов разных сказок:

Вот **раньше** пасли пастухи, нанимались. Ну, пас мужчина коров, и не пригнал тёлёнка соседу, вечером. («Как пастух телёнка искал»); **Раньше** старик со старухой носили лапти, портянки закручивали оборам: тесёмки такие. И эта оборина с-под корыта у бабы и торчала. («Сказка про волка»); Жили дед и баба. Жили сильно богато. <...> И повадился к ним волк ходить. А в избешке **раньше** окошки низенькие были. Подойдет под самое окно – надумал полакомиться. («Дед с бабой и волк»); Утро пришло, Баба-Яга затопила печку. Ну что? Кого-то надо есть первого! Затопила. Топится печка, она подходит, открыла их, так, приоткрыла... Как **раньше** мы говорили: ленуха. («Как Ваня-дуряня за огурцами ходил»); И прошло уже не так мало времени, и выросла там на могиле всякая трава и тростина одна. В то время проезжал там горшан (приезжая, **бывало**, в деревню — тук-тук кнутовьем в окно: «Эй, хозяйка! Выходи, не надо ли горшков?»). Срезал он эту тростину и сделал себе дудку. Хотел он поиграть, и запела дудка. («Наливное яблочко и золотое блюдечко»)

Сказки псковского архива, записанные в период с 70-х гг. XX в. по настоящее время, содержат и элементы осовременивания прошлого, что выражается в лексиконе самого исполнителя, во введении новых имен сказочных героев (нередко это имена внуков самих рассказчиц: Юрочка, Иринка, Юля, Люба, Женя²), в установлении параллелей между фактами прошлого и настоящего. Например, в сказке «Про деда с бабой» традиционный зачин включает комментарий, фиксирующий экономическую реальность конца 90-х годов:

*Жил дед и баба. Не было у них хлеба. (Вот как у нас **сичас**. [Смеется] Как у нас **сичас** — плохо-плохо, так и у их было плохо!) Жили бенно.<...>*

По нашим наблюдениям, рассказчик вне зависимости от своего возраста ассоциирует себя с историческим прошлым, он осознает социально-культурную «ответственность» за связь поколений и в момент рассказывания выступает в роли носителя традиционной культуры.

Таким образом, в сказке тесно сплетены два мира: мир сказочный, волшебный и мир реальный, повседневный, хорошо знакомый рассказчику и охраняемый им в его повествовательном дискурсе.

² Рассказчица как бы разыгрывает перед слушателем-внучкой (или внуком) сюжет сказки, вводя в текст реальных персонажей за счет использования имен (явление, известное и литературной сказке, ср. например, «Алису в стране чудес» Льюиса Кэрролла). Этот прием использовали и старые сказители: так, в сказках Ильи Богатырева нередко действует он сам в роли сказочного героя — богатыря (*Богатырь*, *Суневский Богатырь*), при этом обыгрывается и его фамилия — сказочники Илья и его сын Сергей Богатыревы были родом из деревни Сунево Пыталовского р-на Псковской обл. [Сказки И. Д. и С. И. Богатыревых 1955].

Смех как проявление категории «свой – чужой»

Защитная функция смеха хорошо известна в архаичных культурах [Левкиевская 2002]. Наблюдая смеховую реакцию рассказчиков-диалектоносителей на собственную речь, мы склонны расширить апотропейную функцию смеха³.

Как представляется, в типичной для экспедиционного сбора диалектного и фольклорного материала коммуникативной ситуации, где фактически встречаются две культуры — традиционная, народная, с одной стороны, и городская — с другой, смех выполняет защитную функцию применительно ко всей старой деревенской культуре, в том числе и к поведению сказочных героев. В многочисленных примерах смех включен в автокомментарий исполнителя и выполняет роль оценки внешней ситуации, нетипичной для времени повествования. Например:

Ну вот. А мужик-то догадался, что не встретит-то там медведя! Взял жену. Поехали с женой. Взяли [Посмеивается], взяли ухват. (Знаете, ухват, которым в печку ставят чугунок?) Ну вот. <...> И, значит, идёт медведь. Идёт. А мужик-то видит, что медведь. «А!», – говорит. [Взял ухват как ружье] и кричит бабы, баба-то не кол него. («Мужик и медведь»)

Смеховое поведение исполнителя может быть включено в концовку сказочного текста:

<...> Ну вот, это ... [Смеется] Конь вот и упал. Вот, вот такая получилась, видишь, у нас ... сказка. («Как мужик зверей катал»); Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец! [Смеется]. Вот вам и сказка, девки! («Про каменное царство и солдата Ивана»).

В данных примерах у смеха другая функция: смех рассказчика — предупредительный, рассчитанный на возможную смеховую реакцию слушателя. Как представляется, смеховая реакция вызвана неосознанным стремлением к самозащите, к защите традиций, того, что сейчас в глазах нового поколения уже теряет актуальность.

Интерпретируя смеховое поведение рассказчика (ремарки «смеется», «посмеивается») в диалектном речевом дискурсе как отражение пропозиции «я смеюсь, предполагая, что со стороны слушателя то, о чем я говорю, может быть воспринято как непривычное, нелепое, чуждое», мы не склон-

³ В текстах псковских сказок смех выполняет и другие функции, выявленные исследователями [Бергсон 1992, Пропп 1976 и др.], что в полной мере согласуется с общекультурной и сказочной традицией в целом.

ны рассматривать взаимодействие двух культур в диалектном дискурсе как категоричное проявление жесткой оппозиции «свой – чужой», как столкновение или даже как противопоставление старого и нового (молодого), деревенского и городского. Напротив, с обеих сторон, как правило, наблюдается стремление к культурной синхронизации, что отражается во всем комплексе взаимодействия говорящих и слушающих. Смех как коммуникативное поведение представляется одним из средств, создающих ситуацию сотрудничества в соответствии с интенциональной функцией народной сказки, направленной на передачу традиций и связь поколений.

Для носителя традиционной культуры ситуация рассказывания сказки молодым слушателям является способом трансляции коллективного жизненного опыта путем включения различных пояснений социально-бытового и этнографического характера:

Быў отец и мать. И у них быў Ванюшка-сынко. Ну, он дурачок быў. Ну, они ўжу стали старенькии, а сынок хороший, здоровый, молодэ́й. (А раньше ж жили тольки с свояго хозяйства. Что... Если заробишь ўде на чом свою копейку, то будешь и жить...) И вот... они заўотовили дроў, наклали воз свойму сынку... И сынок заўотоўляў вместе з им... («Как Ванюшка-дурачок ездил в город дровы продавать»); Вот оны [слуги] бочку принясли, положили яго [ребенка], а яму дали большую такую марлю с ядой, чтобы он сосал (соски-то раньше ж такие сосали дети: в марлю хлеба или что. Ну, раз он был богатый, так оны нашли что дать, слуги-то). Засмолили бочку, отправили. Плыёт эта бочка... («Царь Дадон (про Василия Бессчастливого)»); А в старое время люди праздновали всякими религиозными праздниками и ходили в гости друг к другу из деревни в деревню. В одной деревне однем праздником празднують, в другой другим. Так и ходять.; Дождались Покрова, сосозвали с соседних сёл гостей и закатали пирушку. Угостили, конечно, неплохо по тем временам. Угощали кашей да блинам, рыбой да кренделям. И вина где-то прихватили, селёдки не забыли. Однем словом, как положено, угостили. («Два брата»).

Таким образом, в текст необработанной народной сказки включены два взаимодействующих плана: сюжетный и дискурсивный. Первый (как правило, являющийся предметом фольклорного исследования) раскрывает сказку как жанр народного творчества, позволяет обнаружить мифологическую основу сюжетов, мотивов и поведения героев, выявляет черты эстетической ценности текста. Второй план обусловлен устным характером фольклора и сближает сказку с диалектным дискурсом, которому, в силу диалогичности, свойствен весь комплекс устного нарратива, адресованного слушателю. Ситуация непосредственного экспедиционного

общения, в которой фиксируется как фольклор, так и диалектная речь, сближает эти два проявления традиционной народной речевой культуры.

Модель мира в сказочном тексте

Под моделью мира понимается «конструируемое состояние», имеющее системный характер и реализующееся «в различных семиотических воплощениях», причем ни одно из них «не является полностью независимым, поскольку все они скоординированы между собой и образуют единую универсальную систему, которой они подчинены» [Топоров 1982а: 161].

Миромоделирующий характер имеют в первую очередь этиологические сказки, которые описывают возникновение мира и человека, различных реалий природы и культурных объектов. «Этиологические сказки и легенды являют собой своеобразное зеркало народной культуры, отражающие фольклорно-мифологическую картину мира» [У истоков мира 2014: 5]. Отдельные тексты псковского собрания могут служить образцами народной этиологии⁴. Так, на вопрос «Почему стариков перестали убивать?» отвечает сказка «Дед и внук»:

Это раньше старики говаривали, что раньше завозили в овра-аги старух. Вот повезуть в овраг куды-нибудь; дадут хлеба на три дня — и повязли! Видють, что старушка савсим дряхлая или старичок, и повязли. Вот один сын взял да и повёз свово старика в овраг... на санках, взял свово внука, я думаю, или правнука, я думаю, внука: «Повязём деда в овраг!» И повязли. Привязли в такой овраг, взял дровяшки этот сын, пустил туды, в овраг, с горки и пошёл сам домой.

Высокая степень семиотичности модели мира народной сказки проявляется в виде смысловых оппозиций «прошлого – настоящего», «ближнего – дальнего», «верхнего – нижнего», «мужского – женского», «взрослого – детского» и т. д., раскрывающих пространственные, временные, социально-культурные и другие жизненно важные человеческие и природные начала. Категория «свой – чужой» как глубинная мировоззренческая оппозиция не занимает простое место в ряду приведенных, а пронизывает «все смысловые сферы народной культуры» [Порядина 2007: 44].

⁴ Тема народной этиологии, отраженной в псковском собрании сказок, — особый предмет изучения. Отметим только, что используемые в сказочных текстах лексемы *Бог, черт, Никола (Отче Никола), Казанская* и под. могут указывать на мотивы «народной библии» в псковских сказках.

Опираясь на разработанный В. Я. Проппом структурно-семиотический метод, одним из основополагающих принципов которого является принцип этнографизма фольклора, сказочный и реальный мир человека, отраженный в текстах псковских сказок, возможно представить в пространственных категориях горизонтальной и вертикальной проекции. «Фольклор, — пишет В. Я. Пропп, — знает только эмпирическое пространство, то есть то пространство, которое в момент действия окружает героя» [Пропп 1976: 92].

Действительно, народные сказки, записанные на территории Псковщины, в полной мере отражают эту закономерность в соответствии с классическими образцами произведений этого жанра устного народного творчества. Анализируемые тексты сказок эксплицируют пространственное изображение как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости, что, как известно, составляет основные ориентиры структурной организации модели мира [Топоров 1982б: 341].

Так, в двух сказках со сходным мотивом о «небесной избушке» *горошина / бобина (бобинка)*, посаженная дедом с бабой в бане, выросла *под самый полук, потом — под самый потолок*, затем:

Доросла горошина до крыши. Дед и крышу разобрал. Росла-росла горошина и выросла до самого неба. («Горошина»); Посадили они [бобинку], выросла она до пола. Пол разобрали. Росла, росла, выросла до потолка — потолок разобрали. Выросла до крыши — крышу разобрали. Выросла до неба. Дедушка полез по бобине на небо. («Сказка про горошину и боб»).

Небо, до которого добирается герой по невидимой вертикали, в обеих сказках изображается как материализованное представление о «вечном изобилии» [Пропп 1986: 291]:

Там увидел расписные терема, столы конфетные, ложки пряниковые, напитки медовые. Дед отломил кусочек стола и съел. Всего понемножечку попробовал! («Горошина»); Дедушка полез по бобине на небо. Пришёл, а там всё, что хочешь: и пить, и есть. «Вот, — думает, — сейчас наемся!» Дед сел за стол и поел. («Сказка про горошину и боб»)

Таким образом, небо изображено в сказке не как райский сад, а как место, одновременно волшебное и реальное, в котором воплощается крестьянский идеал достатка, сытости и изобилия, а сам сказочный сюжет является олицетворением символа «мирового древа». Противоположный полюс пространственных отношений по вертикали вербализуется словами: *яма /*

ямина, что отражается в широко распространенном сказочном мотиве «звери в яме» (сказки псковского собрания «Как боров ишёл в желуды», «Лиса и дрозд»). Входом в иной, нижний, мир служит колодец:

У мачехи — две дочки — дочка родная и падчерица. Дочку она берегла — она ни-где не работала, а падчерицу всё заставляла прясть на веретёнце. И до такой степени она пряла-пряла, что она проколола палец... Ну что? Пошла она в колодец, подходит к колодецу — замыть этот пальчик и веретёнце. Наклонилась в колодец и упала туда. Упала в колодец и идёт... Куда-то попала она... такое как... видит перед собой дорожку. И пошла она по дорожке. Стоит яблонька. («Про падчерицу и мачехину дочку»).

Как видим, символическое содержание пространственных объектов тесно связано с сюжетно-тематическими разновидностями сказки. То же касается и наблюдений над горизонтальной осью сказочного пространства, обусловленного движением героев сказки и представленного в текстах гораздо шире и детальнее. Более того, как явствует из предыдущих примеров, вертикальная и горизонтальные плоскости пересекаются: путь героя в верхний или нижний мир открывает перед ним горизонтальное пространство. Наши наблюдения над текстами псковских сказок в полной мере согласуются со сложившейся фольклорной теорией и основами изучения мифопоэтических принципов пространственной организации модели мира: «вообще понятием пространства при описании вертикального строения Вселенной пользуются несравнимо реже», «путь в горизонтальном пространстве стал той осью, на которой создавались различные эпические формы народной словесности и прежде всего сказка» [Топоров 1982б: 341].

Пространственные объекты в сказочных текстах, воспринимаемые через сознание сказочных героев, попадают в поле различных видов их деятельности, являются их помощниками, встречаются на их пути как препятствие, служат испытанием и т. д., то есть выполняют свойственные им функции в образно-поэтическом строе фольклорного произведения.

Если обратиться к основам организации пространственной среды, то, опираясь на принцип «локального распределения значимостей» семантического пространства в горизонтальной плоскости [Топоров 1982б: 341], следует выделить освоенный центр и чуждое и даже враждебное, несущее опасность пространство за его пределами. Тексты региональных сказок позволяют выявить систему номинации категории пространства, отраженную в понятиях «своего» и «чужого». Так, первый элемент семиотической оппозиции «свой – чужой» репрезентирован в сказках деривационными блоками общерусских и диалектных лексем: *дом / домик; изба /*

избѣнка / избѣшка / избушка / избобка; хата / хатѣнка / хатка. Само жилое отапливаемое помещение структурировано диагонально расположенными углами⁵, в одном из которых расположена божница, икона, в другом находится печка / печечка / печь. Пространство около печи, конструктивными частями которой являются под, заслона / заслонка, а также ленуха и подпечка, заполнено атрибутами, именуемыми словами: ухват, лопата (для хлеба), веник, отымка (горшечная). Подробно зафиксированы конструктивные части избы, особое место среди которых занимают локусы, символизирующие границы дома: окно / окошко / окошечко, дверь / дверина, порог, крылец / крылечко / крыльцо / крыльцы. Таким образом, в тексте сказок четко очерчен центр — жилой дом — то освоенное пространство, которое обеспечивает безопасность, защиту.

За пределами избы, но в ближнем кругу, располагаются хозяйственные постройки гумно / гувно, рига, сарай, хлев, а также байня / банька / банюшка / баня с обязательными для нее деталями: каменка, полук, предбанник. Пространство ближнего круга номинируется также словом двор. Таким образом, перед нами, хотя и неполный, но довольно явственный пространственный мир крестьянина с характерными традиционными атрибутами. Силы, которые могут нанести урон герою в ближнем кругу, это черт / черти / чертенята, которые могут вредить в огороде либо в бане:

Стал чёрт к мужуку на город лазить: то то сопрёт, то другое стащит! Мужик того чёрта словил, пруток где-то выломал и ну по хребтине охаживать! Еле убежал от яво. («Мужик и чёрт»); Тольки чериз какая-то ўремя начаў дед примечать, что ў баньки нешта неладное творится: то шайку нехто схуваит, то водой горячей с каменки прызынить, а то напусьтить ууару целую баню — са-а-ўсим мыться невозможно! («Как дед чёрта из бани выгнал»).

Сказочный сюжет, как правило, строится на движении, перемещении героя в пространстве. В связи с этим важное символическое значение имеют группы слов, обозначающих линию пути (дорога / дорожка, путь, большак), пересечение дорог (кресты), виды переправ (мост / мостик / мосток, жёрдочка) [Криничная 2011: 148–160]. Герой, покидая дом, оказывается в чужом мире, представленном родовидовой группой: лес / лесничек / лесище — березничек, ельничек, дубравище, а также словами чаща / чащоба. Лек-

⁵ Рассмотрению наименований локусов традиционного крестьянского жилища, которые маркируют границу между внутренним и внешним миром обитания человека, посвящена статья [Большакова 2014а], в которой на основе соотношения лексем угол, кут, рог показаны особенности псковской диалектной картины мира на фоне восточнославянских языковых данных.

сема *лес* является наименованием пространства, заполненного собственными атрибутами с природной (названия деревьев, других видов растений) и мифологической (названия нечистой силы) семантикой. Лес в мифологической системе представлений отождествляется «с инобытием», «маркируется знаками смерти» [Криничная 2011: 55]. В псковских сказках слово *лес* отмечено в 51 тексте, что указывает на смысловую значимость самого локуса в системе обозначений «чужого» мира.

Предметный указатель как эмпирическая база метода миромоделирования

Исследовательское направление, основанное на миромоделировании, связано с когнитивным осмыслением текстов [Кушнерук 2013]. Метод миромоделирования применяется при изучении фольклора в когнитивно-дискурсивном аспекте [Эмер 2011].

Каким образом, кроме обычного чтения (в ходе которого благодаря склонности мышления к обобщению), возможно выявить основные смысловые концепты текста и их систематизировать? Одним из методов выявления культурно значимых концептов является составленный в ходе работы над собранием сказок предметный указатель, содержащий более 2000 субстантивных слов, соотнесенных с номером сказки в собрании. Путем сплошной выборки субстантивов был проиндексирован весь предметный мир текстов сказок.

Понятиям «предмет», «предметная реалья», «вещь» в фольклоре посвящен ряд фундаментальных исследований, обзор которых дан в монографии [Добровольская 2009], где автор сосредоточивает свое внимание на мифосимволическом содержании предметной реальности в русской волшебной сказке, путем применения авторской методики создает классификацию предметных реалий как системы знаков, на основе чего получают характеристику фундаментальные особенности сказочной поэтики. Рассмотренный подход обусловлен исследовательскими задачами в рамках фольклористического направления изучения волшебной сказки.

Наша задача формирования предметного указателя определялась междисциплинарным подходом к изданию псковского собрания сказок. Предметный указатель выявил особенности псковской диалектной лексики, широкую вариативность диалектных номинаций, значительную долю этнографизмов в их составе [Большакова 2014б]. С помощью предметного указателя была создана эмпирическая база, позволившая применить метод

миромоделирования ко всему корпусу сказок, среди которых представлены жанровые разновидности: анималистические, волшебные, бытовые, кумулятивные, докучные, небылицы; включены также песни сказочного характера. Выделяя пространственную, временную лексику, названия предметов быта, традиционной одежды, пищи и т. д., мы тем самым формируем лексико-семантические группы, структурирующие предметный мир крестьянина.

Таким образом, применяя методику следования сказочным сюжетным линиям, составленный по псковским сказкам предметный указатель возможно трансформировать в семантически организованный словник [Цивьян 2006], который на следующем этапе может стать основой для подробного описания пространственной среды, для раскрытия особенностей проявления категорий сказочного и реального времени. Помимо этих универсальных лексико-семантических групп, предметный указатель может быть продуктивно использован при описании мира людей, животных, в этнолингвистическом исследовании быта и хозяйственной деятельности крестьянина.

Рассмотренный в данной статье с позиций соотношения «своего» и «чужого» предметный мир человека также был ориентирован на предметный указатель. Учитывая многоаспектность и общекультурную значимость оппозиции «свой – чужой», мы не делали попытки всеохватного описания ее проявления. Так, например, за пределами описания остались такие сущностные для отображения модели мира псковского крестьянина отношения, как родная семья — неродная семья [Пропп 1986: 462], что выражается в широко представленном в псковском собрании сюжете о злой мачехе (лексема *мачеха* отмечена в 10 текстах).

Таким образом, составленный как индекс слов для справочной части, сопровождающей публикацию текстов псковских сказок, предметный указатель уже на этапе подготовки издания функционирует как текст, имеющий самостоятельную исследовательскую значимость.

Выводы

Анализ текстов региональных народных сказок продемонстрировал глубину проникновения в фольклорный текст оппозиции «свой – чужой», которая является базовой в характеристике мира человека — носителя традиционной культуры. В ходе исследования выявлена система коррелирующих между собой семиотических оппозиций, связанных с осознанием «своего» и «чужого». Так, пространственный мир сказочного текста

проявляется в оппозиции «ближний – дальний», выступающей субститутом оппозиции «свой – чужой». Принципы пространственно-временной организации, неотделимость пространства от времени [Топоров 1982б: 340–342] позволяют видеть в противопоставлении «ближний – дальний» отражение хронотопа, когда речь идет о сближении старого и нового (молодого) через ситуацию рассказывания сказки современным исполнителем. В целом сказочный мир оказывается пронизан за счет различных вставок пояснительного или модаального характера, идущих от рассказчика. Тексты традиционных сказок, записанных в современных условиях, отражают сложность отношений внутри категории «свой – чужой», что определяется диалогичностью коммуникативной ситуации. С одной стороны, образная и фабульная система жанра сохраняет данную оппозицию, а с другой — в ситуации диалога между рассказчиком и слушателем наблюдается стремление к преодолению чуждости.

Литература

Бергсон А. 1992 — *Смех*. Москва.

Большакова Н. В. 2014а — Оппозиция «внутренний — внешний» как отражение пространственной модели в славянских языках. *Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. Выпуск 1. Псков. С. 118–125.

Большакова Н. В. 2014б — Региональные черты псковской народной сказки. *Māksla un mūzika kultūra diskursā: III starptautiskās zinātniski praktiskās konferences materiāli*. Rēzekne. Lpp. 9–16.

Добровольская В. Е. 2009 — *Предметные реалии русской волшебной сказки*. Москва.

Каргин А. С., Неклюдов С. Ю. 2005 — Фольклор и фольклористика третьего тысячелетия. *Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докл. Т. 1*. Москва. С. 14–28. URL: http://www.centrfolk.ru/kong_neklud.htm

Криничная Н. А. 2011 — *Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии*. Москва.

Кушнерук С. Л. 2013 — *Лингвистическое миромоделирование в рекламе: монография*. Челябинск.

Левкиевская Е. Е. 2002 — *Славянский оберег. Семантика и структура*. Москва.

Народные сказки Псковского края: мультимедийное издание 2016 Под ред. Н. В. Большаковой, Г. И. Площук. Псков.

Порядина Р. Н. 2007 — «Лики» чужого в народной культуре. *Вестник Томского государственного университета. Выпуск № 295*. Томск. С. 44–50.

Пропп В. Я. 1976 — Фольклор и действительность. *Фольклор и действительность. Избранные статьи.* Москва. С. 83–116.

Пропп В. Я. 1986 — *Исторические корни волшебной сказки.* Ленинград.

Сказки И. Д. и С. И. Богатыревых 1955 — *Русская сатирическая сказка в записях середины XIX – начала XX века. Подготовка текстов, статья и комментарии Д. М. Молдавского.* Москва; Ленинград.

Топоров В. Н. 1982а — Модель мира. *Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. II.* Москва. С. 161–164.

Топоров В. Н. 1982б — Пространство. *Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. II.* Москва. С. 340–342.

У истоков мира: Русские этимологические сказки и легенды 2014 / Сост. и коммент. О. В. Беловой, Г. И. Кабаковой. Москва.

Цивьян Т. В. 2006 — *Модель мира и ее лингвистические основы.* Москва.

Эмер Ю. А. 2011 — *Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ: автореф. дис. ... докт. филол. наук.* Томск.

«ЧУЖОЕ» В «СВОЕМ»: О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А. А. ГОРБОВ

Вводные замечания

Проблема разграничения «своих» и «чужих» языковых единиц является одной из классических «вечных» проблем лингвистики, в особенности лексикологии и лексикографии. В применении к объекту этих наук постановка такой задачи выглядит вполне закономерной, так как весь словарный состав языка делится по этимологическому принципу на исконную и заимствованную лексику. Отражением особого статуса заимствований в языке является, например, практика составления словарей «иностранных слов» или «иноязычной лексики».

Однако разграничение исконного и заимствованного всегда носит условный характер, поскольку иноязычная лексическая единица, входя и встраиваясь в словарный состав языка-реципиента, уже благодаря самому этому факту становится для него «своей» (к счастью, такое «присваивание», хотя и называется заимствованием, происходит на совершенно безвозмездной основе). По-видимому, единственным видом слов и словосочетаний, которые могут быть названы «чужими», являются иноязычные вкрапления, полностью сохраняющие как иностранное написание, так и иностранное звуковое оформление. В иных случаях четкое деление лексики на «свою» и «чужую» будет в той или иной степени затруднительным: как уже отмечалось в литературе вопроса, существуют целые группы лексических единиц, сопротивляющихся такому однозначному определению — см., например, [Маринова 2012].

Тем не менее любые заимствованные элементы (слова, фразеологические единицы, части слов) вне зависимости от степени освоенности отличаются от исконных тем, что имеют «чужое» происхождение.

Именно поэтому в словарных статьях словарей иноязычных слов в качестве обязательного элемента предусмотрена зона этимологии, обычно содержащая указание на язык — источник заимствования и слово этого языка, которое послужило прототипом представленного в данной статье. Во многих случаях приводится также более подробная этимологическая информация, объем и содержание которой может варьироваться в значительных пределах.

Вопросы, касающиеся содержания и объема этимологических сведений, возникают в связи с описанием заимствованных лексических единиц вне зависимости от давности их вхождения в словарный состав русского языка, хотя в отношении новых заимствований из европейских языков проблемы становятся особенно очевидными на фоне доступности современных лексикографических описаний языков — вероятных источников заимствования и экстралингвистических сведений об объектах номинации. Аналогичные проблемы встают перед исследователями при изучении слов и значений, пришедших в русский язык в результате калькирования, хотя факты такого рода обычно в словарях не фиксируются: калькирование (в том числе семантическое) является видом заимствования, однако кальки обычно не признаются иноязычными лексическими единицами, а их описания в статьях толковых словарей этимологическими справками обычно не снабжаются. Тем не менее кальки, безусловно, представляют собой результат иноязычного («чужого») влияния, и желательно, чтобы их происхождение отражалось в этимологических справках соответствующих статей толковых словарей.

Классические проблемы этимологической разработки слов иноязычного происхождения — вопросы о языке-источнике и этимоне (прототипе) описываемой лексической единицы — не теряют своей актуальности и сегодня. Даже в наиболее авторитетных словарях и лингвистических исследованиях иногда приводятся этимологические описания, не согласующиеся с имеющимися надежными сведениями о лексике языков, предполагаемых источников заимствования, и энциклопедическими сведениями об объектах номинации, с которыми может быть связан выбор наименования. Представляется, что предпринимаемое в данной работе рассмотрение ряда конкретных примеров может способствовать обобщенному пониманию проблем и формулированию некоторых выводов о принципах этимологического описания заимствований.

Кларнет: старофранцузский колокольчик или итальянская труба?

Во вступительной статье наиболее авторитетного нормативного словаря иноязычной лексики в качестве примера углубленной (по сравнению с предыдущими изданиями) этимологической разработки с указанием этимологии слова-прототипа даются следующие сведения о происхождении существительного *кларнет*, составляющие зону этимологии соответствующей словарной статьи: фр. *clarinette* < ст.-фр. *clarine* 'колокольчик' [Крысин 2010б: 12].

В указанной этимологической справке приведена одна из возможных, но при этом, как представляется, наименее правдоподобная версия происхождения слова: тезис о происхождении *clarinette* от *clarine* вызывает обоснованные сомнения, в частности, у французских этимологов.

На сайте Национального центра текстовых и лексических ресурсов [CNRTL] даются следующие сведения об этимологии существительного *clarinette*: «Plus prob. dér. avec suff. *-ette** du prov. *clarin* 'hautbois' <...> (dér. de *clar* 'clair [d'un son]' <...>) que dimin. de *clarine** <...>» — «образование при помощи суффикса *-ette* от провансальского *clarin* 'гобой' (образованной от *clar* 'чистый, ясный [о звуке]') более вероятно, чем диминутивное образование от *clarine* <...>». Действительно, образование названия духового музыкального инструмента от названия другого (близкородственного) музыкального инструмента кажется уже более естественным, чем диминутивная деривация от слова с тем же этимологическим корнем *clar-* (лат. *clarus* 'чистый, ясный' — в том числе о звуке), но со значением 'колокольчик, бубенчик (для скота)'. Кроме того, поскольку слово *clarine* с этим значением имеется и в современном французском языке, а название музыкального инструмента появилось не ранее XVIII в., неясна причина отнесения слова-прототипа к старофранцузскому языку¹.

Однако значительно более правдоподобной кажется третья — не представленная в филологических словарях — версия происхождения названия данного инструмента. В статьях энциклопедий и работах по истории музыкальных инструментов (см., например, Кругосвет; Wikipedia²) указывается, что название данного инструмента — *clarinetto* — впервые возникло в итальянском языке как диминутивное образование от слова *clarino* — названия употреблявшегося в XVIII в. вида трубы, поскольку звучание первых образцов кларнета напоминало по тембру звучание такой трубы (слово *clarino* имеет в своем составе тот же этимологический корень

¹ Старофранцузским принято называть французский язык IX – XIII вв., ср. [ЛЭС 1990: 562].

² Здесь и далее см. соответствующие статьи в Wikipedia.

clar-). По-видимому, итальянское слово *clarinetto* было заимствовано и адаптировано другими европейскими языками (фр. *clarinette*, нем. *Klarinette*). Таким образом, мы имеем дело с интернационализмом, представленным во всех основных европейских языках, однако нельзя с полной уверенностью установить, какой из этих языков послужил непосредственным источником заимствования этого слова в русский язык — итальянский, как для многих других музыкальных терминов (ср. *бас*, *виолончель*, где при заимствовании также утрачивалось окончание *-о*, а предшествующий ему геминированный согласный заменялся соответствующим кратким), или, например, французский, во второй половине XVIII в. ставший для русского языка основным «поставщиком» заимствованной лексики. Впрочем, однозначный ответ на вопрос о наличии языка-посредника не представляется принципиально важным для выяснения этимологии рассматриваемого слова: существенными в данном случае являются сведения о том, что существительное *кларнет* — это европейский интернационализм (наиболее вероятно, итальянского происхождения), имеющий в своем составе этимологический латинский корень *clar-* ‘ясный, чистый’ (о звуке). Таким образом, расширенная зона этимологии соответствующей словарной статьи могла бы выглядеть следующим образом: фр. *clarinette*, нем. *Klarinette*, ит. *clarinetto* < ит. *clarinetto*, уменьш. от *clarino* ‘особый вид трубы’ < лат. *clarus* ‘ясный, чистый (о звуке)’.

Таким образом, из имеющихся этимологических гипотез предпочтительной представляется та, которая, не вступая в противоречие с лингвистическими данными, в наибольшей степени подкрепляется энциклопедическими сведениями о самом объекте номинации и времени появления наименования. Однако так как язык — непосредственный источник заимствования с полной уверенностью указать затруднительно, в этимологической справке указано несколько языков — вероятных непосредственных доноров.

Поскольку в данном случае речь идет о заимствовании конца XVIII – начала XIX века, в число этих языков входят французский и немецкий как главные источники заимствований для русского языка соответствующего периода, а также итальянский как основной источник музыкальных терминов. Кроме того, при наличии точных сведений об этимологическом корне (например, латинском или древнегреческом) целесообразным представляется также включение в этимологическую справку этой информации.

Новые интернационализмы в русском языке: ничего кроме англицизмов?

Аналогичный подход представляется необходимым при этимологической разработке всех интернационализмов — материальных заимствований и калек, пополнивших словарный состав русского языка в конце XX — начале XXI века: учет условий возникновения таких лексических единиц способствует правильному определению языка-источника (при наличии такой возможности) и решению вопроса о целесообразности ссылки на язык-посредник.

В работе, специально посвященной проблеме представления иноязычных неологизмов в словарях, читаем: «Неологизмы последних лет попадают в русский язык почти исключительно из одного источника — из английского языка в его американском варианте, поэтому особых трудностей с этимологизацией неологизмов не возникает. Трудности могут появляться в тех случаях, когда английский язык играет роль языка-посредника: он питает русский язык не только собственным лексическим материалом, но и словами, взятыми из других языков» [Крысин 2010а: 151–167].

С приведенным утверждением трудно согласиться. Множество заимствований рубежа XX — XXI веков действительно пришло из английского языка, однако это не означает, что английское — а тем более американское — происхождение имеют все без исключения заимствования этого периода. Многие иноязычные слова, пришедшие в русский язык в последние десятилетия, являются интернационализмами, и в некоторых случаях однозначное определение источника заимствования вызывает серьезные затруднения.

Так, существительное *бутик* в значении ‘небольшой узкоспециализированный магазин, предлагающий изделия одной или нескольких дорогих и престижных торговых марок’ имеется не только во многих европейских языках (фр., англ., исп., итал. *boutique*, нем. *Boutique* и *Butike*, нидерл. *boetiek*, польск. *butik*), но и в турецком, иврите, китайском, корейском, японском, малайском и других языках. См., в частности, соответствующие статьи на этих языках в Wikipedia. В указанном значении слово входит в европейские языки не ранее 1960-х гг. XX в., когда центр мировой моды перемещается из Парижа в Лондон, и новым для английского языка французским заимствованием обозначаются расположенные на улицах Карнаби-стрит и Кингс-роуд небольшие магазины одежды и аксессуаров наиболее известных модельеров. В связи с этим можно было бы предположить, что новое значение слова *boutique* первоначально

развивается именно в английском языке. В частности, Л. П. Крысин считает, что «слово *бутик* попало в русский язык не прямо из французского (ср. фр. *boutique* ‘небольшой магазин, лавка’), а через посредство английского, где оно в процессе освоения было „повышено в ранге” и обозначает магазин, торгующий модными товарами» [Крысин 2010а: 162]. Однако с уверенностью этого утверждать нельзя, поскольку в самом французском языке такое семантическое развитие также имело место и, возможно, несколько раньше. В английский язык слово пришло уже в новом значении: в статье *BOUQUIN* на сайте [CNRTL] пример, иллюстрирующий новое значение, взят из текста, опубликованного в газете «Figaro» от 15 ноября 1951 г. В русском языке существительное *бутик* употреблялось в качестве экзотизма — для обозначения соответствующей реалии в западных странах — уже в 1960-е–1970-е гг., ср.:

- *Дорочка, я сегодня на Риволи зашла в бутик, и ты знаешь, кто его хозяйка?* (1960–1969) [НКРЯ];
- *Ирка в Париже, у нее там «бутик» ...* (1977–1979) [там же].

Показательно написание рассматриваемого слова в кавычках (во втором примере), подчеркивающее экзотический характер его лексического значения. Важно также, что данным существительным обозначаются французские, а не английские реалии (в первом примере упоминается улица Риволи — одна из центральных торговых улиц Парижа). Это косвенно подтверждает предположение о прямом заимствовании слова из французского языка, хотя и не может служить прямым доказательством.

Таким образом, как отмечалось в статье [Горбов 2011], хотя данное существительное могло быть заимствовано и через посредство английского языка, ввиду отсутствия доказательств эта версия не может быть признана более вероятной, чем предположение о прямом заимствовании из французского. Кроме того, наличие или отсутствие посредничества английского языка в данном случае не так важно, как сам факт происхождения данного слова, как и других слов, характерных для дискурса индустрии моды (*кутюрье, дефиле, от-кутюр, прет-а-порте*), из французского языка. В английском языке существительное *boutique* также сохраняет признаки слова французского происхождения — чтение буквосочетаний *oi* как /u:/, *que* как /k/, ударение на последнем слоге — и воспринимается как французское заимствование. При этом гипотеза о «повышении в ранге» при заимствовании слова русским языком из английского или английским из французского не подтверждается, поскольку значение,

предполагающее высокий статус и престиж заведения, развилось у слова *boutique* не в русском, а уже во французском языке.

В связи с этим представляется, что непосредственным этимологом существительного *бутик* в русском языке следует считать французское слово *boutique*, причем не в широком значении «лавка, небольшой магазин», а в суженном значении, идентичном тому, в котором и употребляется существительное *бутик* в современном русском языке. Таким образом, минимальная этимологическая справка статьи БУТИК в толковом словаре в обязательном порядке должна содержать лишь указание на французское происхождение слова и его написание в языке-источнике: фр. *boutique*. Приводить значение прототипа во французском языке в краткой справке нет необходимости, поскольку в русском языке слово употребляется в том же значении, в каком и было заимствовано. Более полные сведения об этимологии рассматриваемой лексики могут дополнительно содержать указание на возможность заимствования через посредство английского языка и исходное значение существительного *boutique* во французском языке — ‘небольшой магазин, лавка’, результатом развития которого и является то значение, в котором слово стало интернационализмом и сегодня употребляется в русском и многих других языках. Кроме того, расширенная этимологическая справка может включать в себя сведения о происхождении самого французского прототипа — указание на тот факт, что фр. *boutique* восходит к греч. *apothēkē* ‘склад’ (заимствовано через посредство латинского *apotheca*), то есть, в конечном счете, к тому же источнику, что и *аптека* — см. этимологические справки в [CNRTL; Oxford].

Таким образом, с трактовкой лексики *бутик* как заимствования из английского языка согласиться нельзя: это слово следует считать интернационализмом французского происхождения.

Имеются и другие новые слова, фразеологизмы и значения ранее заимствованных слов, происхождение которых иногда ошибочно связывают с влиянием английского языка. Примерами таких неологизмов могут служить слово *легионер* в значении ‘спортсмен, выступающий на контрактных условиях за иностранный клуб или сборную команду чужой страны’ и фразеологическая калька *серый кардинал*.

Анализ истории нового (спортивного) значения у существительного *легионер* также не подтверждает предположений о какой-либо роли английского языка в его появлении. Само это слово, как и другие, рассматриваемые в данной работе, является европейским интернацио-

нализмом латинского происхождения (нем. *Legionär*, фр. *legionnaire*, ит., исп. *legionario*, англ. *legionary* < лат. *legionārius* 'входящий в состав легиона, принадлежащий к легиону' [Дворецкий 1998: 445]) и имеет значение 'солдат легиона'. Однако в современном русском языке существительное *легионер* приобрело и новое значение — 'иностранец в составе команды какой-либо страны', ср.:

Последняя инициатива РФС о налоге на иностранцев (клубам предлагают платить по 500 тысяч рублей за каждого легионера) не встретила поддержки [НКРЯ].

В соответствии с гипотезой, выдвинутой в публикациях [Крысин 2008а: 108; Крысин 2008б: 177; Крысин 2010а: 163], данное слово в значении 'игрок в составе футбольной, хоккейной и т. п. команды, приглашенный из команды другой страны', является «незаконным» производным от англ. *league* 'лига'.

В поддержку выдвинутой гипотезы в указанных источниках не приведено никаких аргументов. Между тем, как признает и сам ее автор, с формальной точки зрения существительное *легионер* не может быть образовано от слова *лига*, поскольку «в словах *лига* и *легионер* — этимологически, семантически и фонетически разные корни»; с точки зрения семантики ассоциация значения 'спортсмен, играющий по контракту за иностранную команду' со значением спортивного термина *лига* «'группа команд, приблизительно равных по уровню мастерства и соревнующихся друг с другом'» [Крысин 2010б: 434] также кажется маловероятной. Гораздо более мотивированной представляется связь нового значения с уже имеющимся значением 'солдат легиона' — точнее, 'военнослужащий Иностранного легиона' [Wiktionary]. Действительно, наиболее известной войсковой единицей с таким названием является французский Иностранец легион — существующее по настоящее время соединение сухопутных войск Франции, в котором служат по контракту лица, не имеющие французского гражданства. Несколько менее известны польские легионы, создававшиеся в разных странах, в том числе в России, во время Первой мировой и Гражданской войн. В НКРЯ имеются многочисленные примеры употребления слова *легионер* в соответствующем значении, ср.:

Петлюровские гайдамаки, казатчина и добровольцы Деникина, Слащева, польские легионеры, атаманские банды — вступали в города и селения <...> [НКРЯ];

В раскаленных песках Марокко и Сахары, на каменистых краях Сирии и Ливана, в душных ущельях Индокитая рассеяны кости безвестных русских легионеров, дравшихся за честь французских знамен [там же].

Общим для легионов нового времени является то, что в них служат люди, не являющиеся гражданами государства, которому принадлежат эти войсковые единицы. Иными словами, соответствующее значение слова *легионер* содержит в себе семантический компонент 'иностранец'.

Следует, однако, отметить, что в русском языке до 1990-х гг. слово не входило в круг активно употребляемой лексики в силу неактуальности денотата. Актуализации, казалось бы, ставшей историзмом лексемы *легионер*, способствовала, вероятно, популярность в России в 1990-е гг. двух фильмов, главными героями которых являются солдаты французского Иностранного легиона — «Самоволка» (1990 г.) и «Легионер» (1998 г.). Таким образом, вполне возможно, что причины актуализации слова *легионер* в лексике русского языка напрямую связаны с феноменом массовой культуры.

Из сказанного следует, что в данном случае перед нами, вопреки предположению Л. П. Крысина, не «вторичное заимствование», а естественное самостоятельное развитие семантики лексической единицы в русском языке на основе метафорического переноса. Слово *легионер* в новом значении 'иностранец-игрок' начало употребляться в текстах спортивной тематики в 1990-е гг. (первое по времени употребление, зафиксированное в НКРЯ, относится к 1996 г.). Известно, что именно тогда практика подписания российскими хоккеистами и футболистами контрактов с зарубежными клубами и «покупки» футболистов и хоккеистов российскими клубами за рубежом приобрела широкое распространение; соответственно, появилась и потребность в однословном наименовании игрока, выступающего за иностранный клуб. Поскольку возникновение такой потребности совпало по времени с актуализацией понятия *легионер* в значении 'солдат Иностранного легиона', слово *легионер* как нельзя лучше подошло для удовлетворения этой потребности: «военные» метафоры в сфере спорта вполне обычны и естественны.

Таким образом, новое значение существительного *легионер* имеет, по видимому, свою собственную историю формирования, не связанную с иноязычным влиянием. Этот факт, однако, трудно отразить в зоне этимологии словарной статьи, поскольку этимологическая справка относится к слову в целом, а не к отдельным его значениям.

Помимо интернационализмов — лексических заимствований, существуют и интернационализмы — фразеологические кальки. Ярким примером такой кальки является словосочетание *серый кардинал*, обозначающее влиятельного человека (особенно в политике), который негласно принимает решения на высоком уровне, не занимая официальной должности, дающей такие полномочия. Выражение имеет соответствия во многих языках: фр. *éminence grise*, нем. *graue Eminenz*, англ. *grey eminence*, исп. *eminencia gris*, ит. *eminenza grigia* и т. д. Примечательно, правда, что в большинстве языков (в число исключений, кроме русского, входят украинский, эстонский и эсперанто) в составе данного фразеологизма употребляется не слово с прямым значением ‘кардинал’, а титул, употребляемый при обращении к кардиналу (‘высокопреосвященство’).

Прототипом выражения *серый кардинал* в русском языке, по мнению автора работы [Крысин 2008б: 184], является английское *grey eminence*. Однако эта этимологическая гипотеза не представляется правдоподобной, поскольку хорошо известно, что прозвище *éminence grise* впервые получил французский политический деятель — отец Жозеф, в миру Франсуа Леклер дю Трамбле (1577–1638) — монах-капуцин, ставший ближайшим помощником и советчиком кардинала Ришелье, первого министра при дворе короля Людовика XIII. Этот факт зафиксирован не только в статьях интернет-энциклопедии о данном выражении на многих языках (в том числе на русском), но и в специальном разделе статьи *ÉMINENCE* словаря французского языка [CNRTL]. Французское происхождение соответствующего фразеологизма в английском языке (в котором выражение употребляется не только в виде кальки — *grey eminence*, но и во французском написании и приближенном к французскому произношении) отражено в словаре [Oxford], где в этимологической справке также указывается имя отца Жозефа как первого обладателя данного прозвища.

Данное обстоятельство, как и роль в актуализации выражения *серый кардинал* перевода романа А. Дюма «Три мушкетера», отмечается и в статье [Шварцкопф 1991], специально посвященной истории, значению и употреблению фразеологизма. В дополнение к содержащимся в статье сведениям следует отметить, что в данном случае нет никаких оснований говорить о какой-либо роли английского языка в проникновении этого фразеологизма — правда, сначала в виде точной кальки *серая эминенция* — в лексику русского языка: первые случаи употребления выражения фиксируются в текстах конца XIX в., когда влияние английского языка на русский было минимальным, ср. пример из текста 1886 г.:

Греховодники покрупней, разные матерые юсы, заведующие частями, и советники, игравшие при «старой метле» роль негласных «серых эминенций», несмотря на наружную бодрость, тоже не без тайного страха ждут «новой метлы», особенно если слухи о ней благоприятны [НКРЯ].

Однако прямое лексическое заимствование *эминенция* в русском языке не прижилось: слово зафиксировано в словаре [Крысин 2010б], но последнее по времени его употребление в текстах, вошедших в НКРЯ, относится к 1960 году. В настоящее время в качестве титула кардинала используется слово *высокопреосвященство* [КЭ], которое в составе кальки **серое высокопреосвященство* никогда не употреблялось (вероятно, по причине своей чрезмерной длины). Вместо точной кальки во второй половине XX в. появилось несколько конкурирующих вариантов кальки приблизительной — *серое преосвященство*, *серое преподобие* — см. примеры в [Шварцкопф 1991] — и *серый кардинал*, ср. пример из газеты 2014 г.:

Дугин считает, что на него наехали после того, как он выступил с гневной филиппикой в адрес В. Ю. Суркова, помощника президента, которого называли на Западе «серым кардиналом Кремля» [НКРЯ].

Именно этот вариант оказался самым частотным (выражение вошло в активное употребление во второй половине 1980-х гг.) и к концу XX в. полностью вытеснил остальные: в основном корпусе НКРЯ имеется 76 вхождений выражения *серый кардинал* и 1 вхождение сочетания *серая эминенция*; остальные варианты не зафиксированы; в газетном корпусе зафиксирован только вариант *серый кардинал* — 259 вхождений. Выбор именно этого варианта ввиду выхода из употребления слова *эминенция* и чрезмерной громоздкости титула *высокопреосвященство* кажется закономерным, поскольку титулы *преосвященство* и *преподобие* не являются титулами кардинала. Предположение о каком-либо влиянии английского языка на выбор конкретного варианта неточной кальки также представляется лишены оснований.

Заключение

Проблема поиска и правильной идентификации «чужого» в «своем» — источников происхождения иноязычной лексики в русском языке — не теряет актуальности: проведенный анализ подтверждает, что этимологические сведения, приводимые даже в самых авторитетных лингвистических работах, могут иметь серьезные недостатки.

Вопросы этимологического описания не в последнюю очередь касаются заимствований-интернационализмов. Типичной для таких лексических единиц является ситуация, когда установление содержащегося в слове этимологического корня трудности не представляет, однако отсутствует однозначный ответ на вопрос о непосредственном источнике заимствования и ближайшем прототипе (этимоне). В таких случаях выбору наиболее вероятной версии может способствовать учет энциклопедической информации об объекте номинации и социально-культурном контексте времени заимствования. Если речь идет об относительно недавних заимствованиях, учитывать эти факторы чаще всего относительно несложно ввиду доступности соответствующей информации. Однако когда точные сведения подобного рода оказываются недоступными, установление языка, который послужил непосредственным источником того или иного интернационализма, может оказаться не только затруднительным, но и не особенно важным для понимания реального происхождения слова. Именно такова ситуация в тех случаях, когда признаки влияния языка-посредника на план выражения и план содержания слова полностью отсутствуют.

Представляется, что в случае интернационализмов язык-источник заимствования следует приводить лишь при наличии точной экстралингвистической информации о факте заимствования или явных лингвистических признаков заимствования из того или иного конкретного языка; при отсутствии таких сведений следует приводить вид соответствующего слова в тех языках, откуда слово могло быть заимствовано напрямую или через посредство другого языка на момент вхождения в лексикон языка-реципиента.

К утверждению о том, что «неологизмы последних лет попадают в русский язык почти исключительно... из английского языка в его американском варианте» [Крысин 2010а: 160], следует относиться с большой осторожностью. В эпоху глобализации русский язык, наиболее активно заимствуя лексику из английского языка, пополняет свой словарный состав и иноязычными единицами иного происхождения, причем не обязательно через английское посредство.

Отдельную трудность при разграничении «своего» и «чужого» представляют случаи самостоятельного семантического развития заимствованной лексики — формирования у слов иноязычного происхождения, в том числе интернационализмов, новых значений уже в языке-реципиенте. Такие явления (например, новое значение слова *легионер*) требуют также разработки способов указания на этот факт в словарях.

Литература

Горбов А. А. 2011 — О некоторых проблемах интерпретации иноязычного материала при описании новых заимствований в русском языке. *Вопросы языкознания*. № 6. Москва. С. 29–40.

Дворецкий И. Х. 1998 — *Латинско-русский словарь*. Москва.

Кругосвет — *Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия*. Веб-ресурс: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/muzyka/KLARNET.html.

Крысин Л. П. 2008а — *Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии*. Москва.

Крысин Л. П. 2008б — Лексическое заимствование и калькирование. *Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков*. Отв. ред. Л. П. Крысин. Москва. С. 167–182.

Крысин Л. П. 2010а — Проблемы представления новых лексических явлений в нормативных словарях (на примере иноязычных неологизмов). *Современный русский язык: Система – норма – узус*. Отв. ред. Л. П. Крысин. Москва. С. 151–167.

Крысин Л. П. 2010б — *Толковый словарь иноязычных слов*. Москва.

КЭ — *Католическая энциклопедия*. Веб-ресурс: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/catholic/>.

ЛЭС 1990 — *Лингвистический энциклопедический словарь*. Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва.

Маринова Е. В. 2012 — Современное состояние проблемы «своё vs. чужое» в отечественной лексикологии. *Научный диалог*. №8. Екатеринбург. С. 59–70.

НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. Веб-ресурс: <http://www.ruscorpora.ru/>

Шварцкопф Б. С. 1991 — Серый кадиал. *Русская речь*. №4. С. 127–132.

CNRTL — *Centre national de ressources textuelles et lexicales*. Веб-ресурс: <http://www.cnrtl.fr/>.

Oxford — *Oxford Dictionaries*. Веб-ресурс: <http://oxforddictionaries.com/>.

Wiktionary — *Викисловарь*. Веб-ресурс: <https://ru.wiktionary.org/wiki/>.

ПРАГМАТИКА СИНТАКСИЧЕСКОЙ ПРОИЗВОДНОСТИ: ИГРА «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» В СЛУЧАЕ *Я НЕ БЕЗУМЕЦ ЛЕЗТЬ ПОД ПУЛИ*

М. Я. ДЫМАРСКИЙ

Конструкции вида:

(1) *Я не безумец лезть под пули* —

интересны в целом ряде отношений. Во-первых, это случай, когда предложение внешне оформлено как простое, но в реальности является не только полипропозитивным, но и полипредикативным. Во-вторых, эти конструкции представляют собой яркий пример синтаксической производности. В-третьих, они характеризуются нетривиальным взаимодействием «своего» и «чужого», лежащим в основе семантики и прагматики конструкции. Рассмотрим эти особенности подробнее, насколько это позволяют рамки статьи.

1. «Сложное простое» предложение

Если видеть в данной конструкции простое предложение, то, с точки зрения «традиционной» (школьной) грамматики, единственная приемлемая его интерпретация сводится к трактовке инфинитивного словосочетания как несогласованного определения к предикативному имени. Но эту интерпретацию приходится отвергнуть. Ни один носитель русского языка не признает осмысленными словосочетаниями последовательности типа **безумец лезть*, **животное бороться*, **балаболка разглашать*, **машина выпускать*, **икона стоять* (см. ниже примеры 2–5). Следовательно, ни подчиняющего инфинитив имени, ни словосочетания, ни несогласованного определения здесь нет.

Признать инфинитивную группу (далее — *ИнфГ*) детерминантом также невозможно, поскольку невозможно осмыслить гипотетическую семантическую связь между предикативным ядром и группой инфинитива. *Лезть под пули* не может быть интерпретировано ни как объект предикации *я не безумец*, ни как ее субъект, ни как сирконстант. Единственное возможное решение — признать *ИнфГ* выразителем отдельной предикации, а предложение в целом — сложным.

Такое решение косвенно поддерживается колебаниями в пунктуационном оформлении конструкции. Несмотря на отсутствие видимых условий для пунктуационного выделения *ИнфГ*, встречаются случаи ее отделения запятой или тире:

- (2) *Я не животное, за существование бороться* (Р. Сенчин. Квартирантка с двумя детьми / НКРЯ);
- (3) *Я же не балаболка какая, разглашать непроверенные факты, — рычал генерал* (В. Синицына. Муза и генерал / НКРЯ)¹;
- (4) *Я устала, мне нужно немного отдохнуть, ведь я не машина — выпускать детей в год по два раза* (Е. Светлова. Хозяйка Минздрава (2003) // «Совершенно секретно», 2003.07.07 / НКРЯ);
- (5) *Я не икона — стоять передо мной на коленях!* (А. И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги / НКРЯ).

Такие колебания не случайны: они свидетельствуют о восприятии пишущими второй части конструкции как синтаксического компонента, денотирующего отдельную ситуацию.

Независимость *ИнфГ* и самостоятельность ее предикативного значения вскрываются напрашивающейся вставкой союза, которая очевидным образом превращает *ИнфГ* в придаточное:

- (6) *Я не безумец, чтобы лезть под пули / Я не животное, чтобы за существование бороться / Я не икона, чтобы стоять передо мной на коленях* и т. п.

Показательно, что из 128 реализаций данной модели, полученных в НКРЯ по запросу: {я *SPRO*, *nom*, *sg*, *1p* + [на расстоянии от 1 до 2] *не* + [на расстоянии 1] *S*, *nom* + [на расстоянии от 1 до 3] *V*, *inf*}², бессоюзный

¹ Здесь и ниже в примерах полужирный шрифт используется для выделения реализаций рассматриваемой модели на фоне более объемного синтаксического построения.

² Всего по запросу было найдено 770 документов, 970 вхождений. Сильное расхождение с итоговыми данными вызвано неснятой омонимией: подавляющее большинство «шума» —

вариант встретился 21 раз, в то время как вариант с союзом *чтобы* — 107 (в 5 раз больше). Это значит, что в узусе вариант с союзом является для данной конструкции основным, а бессоюзный вариант — стандартная для разговорной речи, с ее стремлением к экономии языковых средств, неполная реализация. Поэтому более точная экспликация модели (1) должна включать союз с указанием на его факультативность:

(1.1) *Я не X [чтобы] Y.*

Однако остается неясным, какой тип придаточного перед нами: ни одному из регулярных типов сложноподчиненного предложения наша конструкция не соответствует.

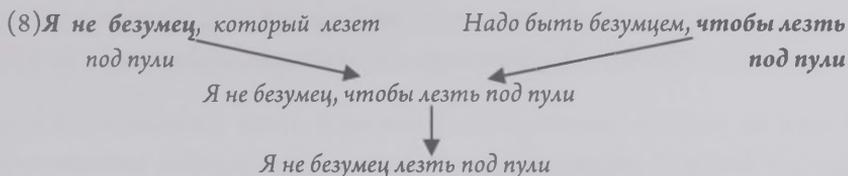
2. Производность конструкции

Внешне придаточные *чтобы лезть под пули*, *чтобы за существование бороться* выглядят как целевые, но в данной конструкции они целевого значения не имеют. Вместе с тем, союз *чтобы* здесь и не изъяснительный (отсутствует соответствующее контактное слово), а именно целевой — лучше сказать, входящий в группу семантических союзов обусловленности. Отношение обусловленности между предикативным именем и ИнфГ вскрывается перифразами, которые формулируют пресуппозицию говорящего:

- (7) *Надо быть безумцем, чтобы лезть под пули;*
- (7') *Если человек лезет под пули, то он безумец;*
- (7'') *Человек, который лезет под пули, — безумец и т. п.*

Эти перифразы служат подсказкой и относительно происхождения конструкции: она проще всего объясняется как контаминация двух стандартных моделей, реализованных в (7) и в (7''). Первая из них — модель, которая в «Русской грамматике» охарактеризована как разновидность целевого сложноподчиненного предложения, «акцентирующая соответствие признака именно данному его носителю» [РГ 1980: 595]; вторая — модель предложения с присубстантивным придаточным, в котором то же соответствие признака и его носителя выражено наиболее прямолинейно:

примеры со сказуемым *не смог* + *Inf*, которые система интерпретировала как содержащие существительное *смог*. Допуски по межсловным расстояниям в запросе объясняются стремлением не «потерять» случаи, когда в конструкцию введено дативное местоимение (*Я вам не...*) и / или союз. Дата обращения: 17.04.2016.

Таким образом, рассматриваемая модель высказывания (см. об этом понятии [Дымарский 2013]) производна от двух моделей, из которых одна — (8) — является базовой, а вторая — (7) — сама является производной (от базовой модели со стандартным целевым придаточным). Модели высказываний отличаются от базовых языковых моделей тем, что в них а) имеются фиксированные позиции, замещаемые строго определенными лексическими единицами или словами определенной лексико-семантической группы; б) порядок компонентов закреплен; в) строго фиксированы типовая функция в контексте, актуальное членение, интонационное оформление и др. [там же]. В (1.1) фиксированные признаки следующие:

1. придаточная часть постпозитивна;
2. главная часть представляет собой биноминативное предложение с обязательным отрицанием при сказуемом;
3. в позиции сказуемого могут использоваться только конкретные существительные — имена лиц или предметов — в нереферентном употреблении;
4. предикативное имя вместе с отрицанием образует абсолютную рему всей конструкции; дополнительной ремой может становиться ИнфГ придаточной части — в том случае, если семантика ИнфГ содержит элемент интерпретации денотируемой ситуации, ср. пример (2) с характерным элементом суперпозиции ремы [Янко 2001: 143] — продвижением приглагольного компонента (акцентоносителя дополнительной ремы) влево;
5. придаточная часть представляет собой инфинитивное предложение (формально — целевое) с союзом *чтобы*; допускается элиминация союза, но не допускается использование синонимичных целевых союзов *для того чтобы*, *с тем чтобы*, *дабы* и под.;
6. высказывание является реактивной диалогической репликой; коммуникативное намерение говорящего состоит в отклонении предшествующего предположения о том, что он (подлежащее

главной части) может (способен, должен и т. п.) стать субъектом или объектом X (сказуемое главной части) действия Y (ИнфГ).

Нельзя не оценить экономность получаемой путем контаминации модели (1.1). От базового образца (8) она отличается, прежде всего, значением ирреальности в признаковом компоненте, выраженном инфинитивной группой (ср. *который лезет под пули vs. лезть под пули*). В полной реализации — с союзом *чтобы* — значение ирреальности выражается, соответственно, дважды. Хорошо известно, что инвариантным модальным значением инфинитива является потенциальность (см., например, [Золотова и др. 1998: 141]), и это значение наилучшим образом согласуется с фиксированным в (1.1) коммуникативным намерением говорящего. Особенно выразительно это проявляется в случаях типа (5), ср. сходные примеры:

- (9) *Вечно с вашими глупостями; я не служанка ваша смеяться надо мной; поутру сбиралась, а вечером сиди дома!* (А. Ф. Писемский. Тюфяк / НКРЯ);
- (10) [Варя] *Папка, ты только любишься мной, ты меня не любишь? Я не картина, чтобы мною любоваться! Я живой человек!*
(А. Н. Островский, Н. Я. Соловьев. Дикарка / НКРЯ).

Как в (5), так и в (9–10) действие Y , объектом которого не желает быть говорящий, уже имеет место: тем выразительнее стремление говорящего представить это действие, вопреки очевидности, как потенциальное и при этом не должное.

Еще одна важная особенность модели (1.1) — неназванность субъекта действия Y , в отличие от (7'–8). Этот субъект может быть кореферентен субъекту-подлежащему главной части, как в (1–4), и не кореферентен ему, как в (5, 9, 10), где кореферентностью связаны субъект-подлежащее и объект действия Y . Независимо от того, какой из этих двух случаев имеет место в конструкции, субъект действия Y остается неназванным, хотя инфинитивная конструкция, как известно, не только допускает, но и предусматривает распространение инфинитива дативным субъектом. Если бы эта закономерность действовала только в случае кореферентности субъектов главной части и действия Y при условии, что первый из них — Я, как в (1.1), то о ней не стоило бы и говорить: тот факт, что при неназванном субъекте персональная отнесенность инфинитивной конструкции прочитывается в ключе 1-го лица, известен давно и отмечается многими исследователями [Fortuin 2000: 264; 427; Добрушина 2012: 47; Israeli 2014: 142 и др.]. Но в рассматриваемой модели эта закономерность действует неза-

висимо от личного значения субъекта главной части и от его кореферентности с субъектом или объектом действия Y . Единственный контрпример в нашей выборке:

- (11) *Мне не шестнадцать лет, и я не девка, чтобы мне стесняться всякого старого дурака, — сухо ответила Лушка* (М. А. Шолохов. Поднятая целина. Кн. 2 / НКРЯ).

Любопытно, что в некоторых случаях кореферентности субъекта главной части и объекта действия Y номинация субъекта действия Y как будто бы перемещается из придаточной части в главную, превращая ее в реализацию субмодели $N_1 \text{ Cop } N_{1/5} N_3$ (ср.: *Я им сосед* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин); *Разве я сторож брату моему?* (Быт. 4: 9); *И тогда я решил, что сторожем своему родному брату я отныне не буду* (В. С. Маканин. Страж)):

- (12) *...я тебе не курица, чтоб выпотрошить меня, когда тебе вздумается!* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы / НКРЯ).

Возможна и трансформация номинации субъекта действия Y в притяжательное местоимение, ср. *ваша* в (9).

Однако предположение, будто в таких случаях происходит именно перемещение номинации субъекта действия Y , компенсирующее ее отсутствие в придаточном, не оправдывается: в ряде случаев кореферентности субъектов в главной части присутствует та же дативная синтаксема, которая никак не может быть соотнесена с субъектом действия Y :

- (13) *Я вам не мальчик мешки расшнуровывать* (М. М. Зощенко. Доктор медицины / НКРЯ);
- (14) *Нет-с, позвольте, я не дура вам досталась скакать всякой день то от вас к нему, то от него к вам да тратиться на извозчика* (А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея / НКРЯ);
- (15) *Он злодей мне, а не муж, я ему не дура досталась молчать, когда он несет всякий вздор!* (А. И. Герцен. Доктор Круппов / НКРЯ)³.

Таким образом, неназванность субъекта инфинитивного действия — постоянная отличительная особенность модели (1.1). Учитывая общее

³ Примеры (14–15), помимо прочего, подводят к предположению о генезисе субмодели $N_1 N_3 \text{ Neg Cop } N_{1/5}$ (с социально-оценочным значением предикативного имени), однако обсуждение этого вопроса выходит за рамки темы данной работы.

коммуникативное задание высказываний этого типа, эту особенность представляется уместным трактовать не столько как проявление «независимости его [потенциального действия — М. Д.] от воли его потенциального же субъекта» [Золотова и др. 1998: 141], сколько как выражение концентрации внимания на самом действии и его совместимости с субъектом главной части, независимо от «примеряемой» к нему роли субъекта или объекта этого действия.

Существует еще одна линия производности, связывающая (1.1) с одной из разновидностей местоименно-соотносительных предложений фразеологизированного типа (по В. А. Белошапковой) и объясняющая, каким образом целевое придаточное оказывается в присубстантивной позиции⁴. Речь идет о высказываниях типа

- (16) *Стасик заверещал, что он не самоубийца, не т а к о й идиот, чтобы топить себя вместе со мной* (А. Слаповский. Висельник / НКРЯ);
- (17) *Петрок не т а к о й человек, чтобы зажить чужие деньги, такого за ним еще не было* (В. Быков. Знак беды / НКРЯ);
- (18) *Не т а к и е это были тонкости, чтобы не дать ей почувствовать истинную их подоплеку* (Е. Парнов. Александрийская гемма / НКРЯ);
- (19) *Не такой я человек, чтобы начать речь да и не кончить* (В. Г. Короленко. Судный день / НКРЯ)⁵;
- (20) *Не т а к о е нынче время, чтобы нянчиться с тобой!* (А. А. Блок. Двенадцать).

Близость (1.1) и (16–20) несомненна, но следует отметить большую универсальность вторых: в отличие от модели (1.1), предикативное имя в них может быть и абстрактным (и, похоже, других разрядов), что видно из примеров (18, 20).

В целом же близость (1.1) и (16–20) не следует оценивать как отношение прямой производности, так как отнюдь не любую реализацию (1.1) можно представить как простой результат элиминации элемента *такой* из местоименно-соотносительной конструкции. Если приемлемо

- (1') *Я не такой безумец, чтобы лезть под пули*, — то неприемлемо
 (9') **Я не такая служанка ваша [чтобы] смеяться надо мной*;

⁴ Подробнее о подобных коллизиях см., в частности, [Дымарский 2001].

⁵ Суммарный объем выборки из НКРЯ, полученной по запросам, учитывающим возможность инверсии в главной части (ср. примеры 16–17 vs. 18–19), составил 84 документа, 96 вхождений (дата обращения: 17.04.2016).

(10') *Я не такая картина, чтобы мной любоваться.

Между тем приведенная выше схема, представляющая генезис (1.1) как контаминацию (7) и (8), в этом отношении как раз универсальна: любая реализация (1.1) может быть подвергнута «разложению» на реализации моделей (7) и (8).

3. Взаимодействие «своего» и «чужого»

Для описания этого взаимодействия целесообразно эксплицировать асертивные и пресуппозитивные смыслы, содержащиеся в конструкции (1.1). Покажем эти смыслы применительно именно к данному случаю (Я в главной части), хотя очевидно, что в этом качестве может выступать любое лицо. Существенно, что каждый из реконструируемых смыслов относится к пропозициональному уровню.

Прежде всего, главная часть конструкции содержит асерцию вида

(i) 'Я не X'.

Это утверждение принадлежит сфере «своего» и окрашено аксиологической модальностью, выраженной в отрицании.

Второй компонент смысла, также принадлежащий сфере «своего», — пресуппозиция говорящего:

(ii) '[Я считаю, что] только X может делать Y / может быть объектом Y'.

Эта пресуппозиция окрашена деонтической модальностью: за ней стоят фундаментальные представления говорящего о том, что кому (или с кем) должно / не должно делать.

Следующие два компонента смысла принадлежат сфере «чужого». Во-первых, это пресуппозиция, которая, как правило, вытекает из левого контекста диалога:

(iii) 'Ты предлагаешь мне делать Y' / 'Ты предполагаешь, что я делаю Y' / 'Ты предполагаешь сделать / делаешь со мной Y'.

По сути, это пресуппозиция второго участника диалога, и уже по этой причине она относится к сфере «чужого».

Во-вторых, это выводимая говорящим из (iii) инференция, вскрывающая наиболее неприемлемую, на его взгляд, пресуппозицию второго участника диалога:

- (iv) 'Ты считаешь меня способным делать Y' / 'Ты считаешь возможным делать со мной Y'.

Эта — инферентивная — пресуппозиция также окрашена деонтической модальностью, и именно она является главным объектом протеста говорящего, поскольку его мнение о себе как раз противоположно.

Однако наиболее важный компонент смысла, предопределяющий форму всего высказывания, представляет собой еще одну инференцию говорящего, которая реконструирует — но на этот раз *как бы* реконструирует — пресуппозицию собеседника и вытекает из (ii–iv):

- (v) 'Ты считаешь меня X'.

Сведем для наглядности перечисленные компоненты смысла в таблицу:

«свое»	«чужое»
(i) 'Я не X'	(iii) 'Ты предлагаешь мне делать Y' / 'Ты предполагаешь, что я делаю Y' / 'Ты предлагаешь сделать / делаешь со мной Y'
(ii) '[Я считаю, что] только X может делать Y / может быть объектом Y'	(iv) 'Ты считаешь меня способным / должным делать Y' / 'Ты считаешь возможным делать со мной Y'
(v) 'Ты считаешь меня X'	

Пятый компонент смысла наиболее интересен в том отношении, что он в равной мере принадлежит как сфере «чужого», так и сфере «своего». Первое очевидно, второе же объясняется тем, что на самом деле собеседник не только не произносил, но и не имел в виду ничего подобного. В самом деле: никто в левом контексте примеров (2–5) не называл говорящего ни животным, ни балаболкой, ни машиной, ни иконой, как никто не называл его ни червонцем, ни женщиной, ни нищей и т. п. в примерах (21–23):

- (21) *Я не червонец, чтобы быть любезну всем* (И. А. Бунин. Из записей / НКРЯ);
- (22) *Я не женщина, чтобы любить безделушки*, — возразил Ольсен (А. Р. Беляев. Человек-амфибия / НКРЯ);
- (23) *Я не нищая — крошки собирать со стола* (Е. Н. Чириков. Братья-разбойники / НКРЯ).

Инференция говорящего в (v) реконструирует **несуществующую** пресуппозицию собеседника по известному полемическому принципу доведения позиции собеседника до абсурда (*ты считаешь, что я должен любить безделушки, но любить их может только женщина, следовательно, ты считаешь меня женщиной*). Поэтому семантический компонент (v) вносит в прагматику модели элемент **манипуляции**, которая заключается в скрытом внедрении в сознание собеседника мысли, будто его позиция по отношению к говорящему не только неприемлема, но даже оскорбительна, — но мысли, основанной на недобросовестной инференции, выведенной с недостаточным основанием. Классическая логическая ошибка недостаточного основания коренится в компоненте (ii): для того, чтобы любить безделушки, вовсе не обязательно быть женщиной; для того, чтобы «быть любезну всем», вовсе не обязательно быть червонцем (можно, скажем, и Пушкиным); для того, чтобы собирать крошки со стола, не обязательно быть нищим, и т. д. Ошибка, однако, делается говорящим сознательно, так как отвечает его намерениям (см. п. 4), поэтому высказывание в целом имеет **демагогический** характер.

4. Прагматика конструкции

Появление и закрепление в узусе производных синтаксических моделей (в данном случае, как было показано, производной даже не первого порядка), происходит под воздействием таких факторов, которые коренятся не в системе языке, а в прагматике. В этом заключается принципиальное различие между производными — и базовыми моделями, составляющими ядро языковой синтаксической системы.

Если вернуться к сформулированному выше коммуникативному намерению субъекта высказывания, реализующего модель (1.1), и сопоставить это намерение с приведенным в п. 3 набором компонентов смысла (1.1), то станет ясно, что смыслы (i, ii, v) избыточны: они не имеют прямого соответствия намерению говорящего отклонить перспективу выполнения им действия Y или пресечь исполнение этого действия по отношению к себе. Этому намерению прямо соответствовала бы намного более простая конструкция вида

(24) *Я не хочу делать Y / Я не хочу, чтобы ты делал по отношению ко мне Y.*

В качестве реализаций этой конструкции мы имели бы, например:

(25) *Я не хочу лезть под пули;*

(26) *Я не желаю собирать крошки со стола и т. д.*

Следовательно, появление смыслов (i, ii, v) объясняется причинами, внешними по отношению к выражению базовой семантики высказывания, то есть причинами прагматическими.

Вместе с тем, прямое выражение каждого смысла из списка (i–v) породило бы громоздкое высказывание (полужирным шрифтом выделены только те компоненты, которые на самом деле фигурируют в реализации модели):

(27) ⁱⁱⁱ[Ты предлагаешь мне **собрать крошки со стола**], то есть ^{iv}[ты считаешь меня способным (должным) **сделать это**], но ⁱⁱ[**крошки со стола собирают** только нищие], следовательно, ^v[ты считаешь меня нищим], а ⁱ[**я не нищий**] <и поэтому я не желаю собирать крошки со стола>.

Экспликация (27) замечательна тем, что из нее становится совершенно ясным, насколько неполно соответствие модели (1.1) базовому коммуникативному намерению: ведь фрагмент, реализующий это намерение прямо (в угловых скобках), отсутствует как в (27), так и в (1.1). Этот фрагмент представляет собой прогнозируемую говорящим инференцию адресата. Последняя, однако, составляет лишь часть иллокуции говорящего: в нее входят и компоненты (ii, iv, v), причем компонент (v), очевидно, составляет ядро иллокутивной силы реплики. Об этом прямо свидетельствуют, во-первых, тот факт, что три из четырех выделенных в (27) компонентов соответствуют ИнфГ и выражают уже известное, то есть **повод**, а во-вторых — формула *Я не X*, изосемично реализуемая в главной части конструкции. Это случай так называемого немотивированного отрицания, поскольку отрицается то, что не фигурировало ни в левом контексте, ни в пресуппозициях второго участника коммуникации (см. об этом [Дымарский 2012; Лужбинина 2016]). Немотивированное отрицание автоматически активизирует поиск адресатом скрытых оснований, повлекших это отрицание, а этот поиск неизбежно приводит его к (v) ‘Ты считаешь меня X’. В этом и смысл выбора в качестве номинации X существительных либо с яркой негативной оценочностью (*безумец, нищий, идиот...*), либо таких, которые совершенно не вяжутся с идеей живого человека (*червонец, икона, картина...*) или с личностью говорящего (*баба, женщина* — в то время как говорящий мужчина), — и то и другое, разумеется, с точки зрения говорящего. Лексический выбор должен быть

таков, чтобы адресат устыдился того, что своей предшествующей репликой (поведением) он оскорбил собеседника. Смягченным вариантом этого желаемого следствия является осознание адресатом неуместности (неразумности...) своей предшествующей реплики.

Намерение говорящего заключается, таким образом, не столько в том, чтобы отклонить действие *У* со своим участием, сколько в том, чтобы заставить адресата устыдиться своего якобы некорректного или неразумного (речевого) поведения; эта иллокутивная сила модели (1.1), демагогическая и манипулятивная по своей природе, и составляет *raison d'être* самой модели. Не случайно фраза И. А. Бунина (21) — возможно, не им и придуманная — довольно регулярно воспроизводится с незначительными вариациями:

- (28) *Еще Маяковский когда-то сказал: «Я не целковый, чтобы всем нравиться!...»* (Э. Рязанов. Подведенные итоги / НКРЯ);
- (29) *Вас раздражает моя жизненная позиция — допускаю. Я не доллар, чтобы всем нравиться* (Женщина + мужчина: Брак (форум) / НКРЯ).

Эффективность и хлесткость речевых формул, реализующих (1.1), таковы, что они способны если не оборвать диалог, то, во всяком случае, резко изменить его течение, закрыть тему и т. п. В этом отношении весьма показательны вводящие реплику слова автора:

- (30) — *Я не дама, чтобы складывать безделушки в шкатулку, — отрезал Ларт, — а он мне не возлюбленный, чтобы хранить его вещи* (М. и С. Дяченко. Привратник / НКРЯ).

Нет необходимости добавлять, что синтаксические свойства (1.1) наилучшим образом отвечают иллокутивной силе модели:

- главная часть представляет собой конструкцию с немотивированным отрицанием, неизбежно заставляющим адресата вывести имплицитруемый смысл (v) и, как следствие, ощутить коммуникативный (как минимум) дискомфорт;
- придаточная часть максимально кратко формулирует повод, из которого выводятся все остальные компоненты смысла (i–iv);
- из сравнения с экспликацией (27) очевидно, что собственно синтаксические отношения в (1.1) никак не актуализированы и ничем не осложнены; союз *чтобы*, даже когда он не опущен, этих отношений не проясняет: кроме того, что он является формальной скрепой, он только подчеркивает гипотетический характер

тер действия Y ; в результате конструкция состоит из фразы с немотивированным отрицанием и «голой» номинации действия Y . Такая лапидарность (в данном случае — результат лакунарности и фрагментарности) прямо нацелена на активизацию инферентивных процессов в сознании собеседника, призванных обеспечить перлокутивный эффект.

Заключение

Проанализированный материал охватывает только перволичные реализации конструкции (1.1). Тем не менее, определенные выводы можно сделать уже сейчас.

Явная диспропорция между многокомпонентной семантикой конструкции (5 смыслов пропозиционального уровня) и ее двучастной формой (которая может мимикрировать и под одночастную) служит признаком ее производности и сильной прагматической мотивированности. Форма, собственно, функционирует в данном случае как механизм, запускающий осмысление высказывания адресатом в точном соответствии со сценарием, составляющим иллокуцию говорящего. Одна из особенностей модели заключается в игре с оттенками «своего» и «чужого»: она предусматривает частичное выражение подлинного «чужого» и полное выражение мнимого «чужого» — на самом деле «своего „чужого“», а тем самым обеспечивает как демагогическую, так и манипулятивную составляющие сценария говорящего.

В 1995 г. была защищена диссертация [Максимова 1995] (научный руководитель С. Г. Ильенко), представлявшая собой один из первых опытов лингвистического осмысления философской оппозиции «свое / чужое» в широких координатах концепций Диалога М. Бубера, О. Розенштока-Хюсси, М. М. Бахтина. Прямым ее продолжением стала работа [Максимова 2006], главным содержанием которой стало обоснование положения об основополагающем характере семантической оппозиции «свое / чужое» и об огромной роли, которую играет эта оппозиция в формировании коммуникативных (в том числе текстовых) стратегий. В этих работах взаимодействие «своего» и «чужого» рассматривается прежде всего как фактор текстопорождения, то есть фактор созидательный.

Однако бывает и такой полемический диалог (не Диалог), в котором взаимодействие «своего» и «чужого» играет, скорее, разрушительную роль. Рассмотренная модель — одно из ярких средств такого диалога.

Литература

- Добрушина Н. Р. 2012 — Инфинитивные конструкции с частицей *бы*. *Русский язык в научном освещении*. № 2 (24). С. 42–64.
- Дымарский М. Я. 2001 — Понятие предикативной синтаксемы и проблема классификации сложноподчиненных предложений. *Проблемы интерпретационной лингвистики: Автор – текст – адресат: Межвуз. сб. науч. тр.* – Новосибирск: НГПУ. С. 78–89.
- Дымарский М. Я. 2012 — Дополняя «грамматику диалога»: Правило противопоставленного отрицания. *Русский язык сегодня. X Шмелевские чтения*. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. — М. — С. 147–156.
- Дымарский М. Я. 2013 — От моделей предложения — к моделированию высказывания. *Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013. Доклады российской делегации*. — М.: Индрик. — С. 308–330.
- Золотова Г. А. и др. 1998 — *Коммуникативная грамматика русского языка*. М.: Изд-во МГУ.
- Лужбинина М. М. 2016 — *Немотивированное отрицание как коммуникативная тактика*: Маг. дисс. — СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена.
- Максимова Н. В. 1995 — *Функционирование чужой речи в письмах-откликах (на архивном материале отдела писем «Учительской газеты» за 1987–1991 гг.)*: Дис. ... канд. филол. наук. СПб.
- Максимова Н. В. 2006 — «Чужая речь» как коммуникативная стратегия: дис. ... д-ра филол. наук. СПб.
- РГ 1980 — *Русская грамматика*: В 2 т. / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. — Т. 2. Синтаксис. М.: Наука.
- Янко Т. Е. 2001 — *Коммуникативные стратегии русской речи*. М.: Языки славянской / культуры.
- Fortuin, E. 2000 — *Polysemy or monosemy: Interpretation of the imperative and dative-infinitive construction in Russian*. Doctoral Dissertation, Institute for Logic, Language and Computation, Amsterdam University. Amsterdam: ILLC Dissertation Series. 522 p.
- Israeli, A. 2014 — Dative-Infinitive БИ Constructions in Russian. Taxonomy and Semantics // Witkos, Jacek / Jaworski, Sylwester (eds.). *New Insights into Slavic Linguistics / Series: Sprach- und Kulturkontakte in Europas Mitte*. Vol. 3. Frankfurt a/M, Berlin, Bern, Bruxelles, N. Y., Oxford, Wien. Pp. 141–160.

ТЕКСТЫ БИЛИНГВА: «СВОЕ» И «ЧУЖОЕ»

Е. И. КОСТАНДИ

Анализ особенностей языка диаспоры неизбежно приводит к необходимости установления факторов, прямо или косвенно влияющих на их формирование. Максимально обобщая такие факторы, частично уже описанные на материале русской речи в Эстонии, можно обозначить две основных группы. Во-первых, это системно-языковые факторы, действие которых проявляется в том, что разные языковые средства в большей или меньшей степени способны «подстраиваться» под условия диаспоры, во-вторых, коммуникативные, и шире — разнообразные экстралингвистические, с трудом поддающиеся исчислению. Разумеется, первые и вторые взаимосвязаны, влияют друг на друга, и очевидно, что их анализ требует обращения к дискурсу, дискурсивным, или речевым, практикам. Последнее уже рассматривалось нами в ряде работ, настоящая статья продолжает анализ речи диаспоры на базе понятия дискурсивных практик.

Тексты, параллельно существующие на двух языках, или тексты билингва (далее ТБ), широко распространены в современном мультикультурном обществе. Обычно они определяются как «текст на двух языках, один из которых представляет собой перевод другого: надписи-переводы на двух языках на древних каменных плитах, словарные статьи двуязычного словаря, параллельные тексты Евангелия на церковнославянском и русском языках, текст инструкции по использованию аппарата, механизма, лекарственного препарата и т. п. на двух языках» [Панькин, Филиппов 2013: 16]. Соответственно, ТБ — это не просто оригинал и перевод, а — «в идеале» — единый текст, состоящий из одинаковых частей на двух языках. Некоторые особенности ТБ на эстонском материале уже рассматривались нами в опубликованных работах и в статье, находящейся в печати. В них давалась общая характеристика ТБ [Костанди 2013], рассматривался частный пример функционирования ТБ [Костанди 2014], анализировались проблемы, связанные с направленностью перевода — эстонско-русского, русско-

эстонского или иного [Костанди 2015]. Так как настоящая статья продолжает предшествующий анализ, материал, использованный в указанных статьях, будет частично привлекаться и сейчас.

В современной Эстонии ТБ распространены в разных сферах: двуязычные газеты, надписи на упаковках многих товаров, инструкции к бытовой технике, некоторые учебные материалы для школ, частично полицейская, судебная документация, почтовые, банковские и пр. бланки на бумажных и электронных носителях, субтитры с переводом к кинофильмам, телепередачам, реклама, интернет-сайты ряда государственных учреждений, учебных заведений, частных фирм, общественных, спортивных, культурных, политических и пр. организаций, порой — устные объявления в магазине, на вокзале, в аэропорту, на различных мероприятиях и т. д. Разумеется, такое положение дел обусловлено сосуществованием носителей двух языков — государственного эстонского и русского, языка диаспоры. Традиционно такой материал рассматривается исследователями с точки зрения качества перевода [например: Щаднева 2012], другие аспекты, особенно функционального характера, затрагиваются мало. В то же время ТБ во многих своих проявлениях отражают специфику речевой деятельности в ситуации языковых контактов. В указанных выше работах нами отмечалось, что достаточно широкое функционирование и, следовательно, функциональная «нагруженность» ТБ приводят к их чрезвычайной вариативности, что ставит ряд вопросов, на которые трудно дать однозначный ответ. Оппозиция «свое – чужое», в целом обнаруживающая множество реализаций, в ТБ также имеет разные проявления, что косвенно затрагивалось в указанных выше работах, однако до сих пор предметом специального рассмотрения не становилось. В настоящей статье будут охарактеризованы наиболее регулярные реализации этой оппозиции, подробнее же остановимся на одной, которая представляется нам важной с точки зрения того, что следует или можно отнести к ТБ и как их можно квалифицировать.

Несомненно, наиболее очевидное проявление «своего – чужого» в ТБ — это соотношение двух языков, родного («своего») и неродного («чужого»). Однако уже в этом, казалось бы, простом проявлении есть ряд «темных» мест. Во-первых, в ситуации Эстонии (как и ряда других стран) не всегда очевидно, для кого какой язык является «своим» или «чужим». Это относится не только к билингвам, в полной мере владеющим двумя языками, но и ко всем людям, достаточно хорошо знающим русский и эстонский, для которых оба языка могут быть «своими», но в разной степени. Во-вторых, текст на родном языке может восприниматься как не совсем родной или даже вовсе чужой, если он переводной

и содержит «следы» оригинала. Чтобы увидеть, насколько распространены такие тексты в наших условиях, достаточно взять очередное информационно-рекламное издание любой торговой сети, где информация обычно дается на двух языках, и на первой же странице обнаружить, например, такие параллельные эстонские (оригинальные) и русские (переводные) наименования предлагаемых товаров¹: *Kohupiimakook* / *творожное пирожное*; *Gruusia šašlõkk* / *шашлык Gruusia*. В первом примере в русском переводе как будто бы все правильно, однако если посмотреть на то, какое кондитерское изделие изображено здесь под наименованием и каковы его дополнительные характеристики, становится очевидным, что *пирожным* его нельзя назвать. Это, скорее, торт — он довольно большой, весит 900 граммов, продается в большой же (примерно 20x30 см) упаковке (ср.: *пирожное* <...> 1. Кондитерское изделие небольших размеров из различных видов сдобного теста, преимущественно со сладкой начинкой (с кремом, миндалем и т. п.) [СРЯ 1987: 124]). В то же время отдельно взятое эстонское слово *kook* переводится именно как *пирожное*, а «эстонский» торт обычно выглядит более празднично, чем предлагаемый товар. Таким образом, перед нами правильный перевод (*kohupiimakook* = *творожное пирожное*) при неправильной соотнесенности русского слова с денотатом (попутно отметим, что в переводе именно этот вариант для наименования такого рода изделия почему-то закрепился в местной речевой практике). Второй пример содержит еще более очевидные вкрапления «чужого»: написанное латиницей *Gruusia* демонстрирует явное незнание (или нежелание вспомнить) переводчиком слов *грузинский* и *по-грузински*. Таким образом, в приведенных примерах русский для русскоговорящих — «свой» язык, но с элементами «чужого». В то же время и эти элементы в чем-то «свои» для местных жителей: в условиях диаспоры ее представители привыкли иметь дело с переводными текстами, в которых представлен «свой» вариант русского².

К регулярным, но более частным и спорным случаям соотношения «своего» и «чужого» языков в ТБ можно отнести следующие. Как эстон-

¹ Во всех примерах сохранены орфография и пунктуация оригинала.

² Есть множество устных и письменных примеров, подтверждающих восприятие местных особенностей русской речи как «своих», приведем лишь два метаязыковых высказывания ведущих на эстонском русскоязычном телеканале ETV+: *И уж перевод будет оригинальным и можно будет читать субтитры, как мы уже привыкли в нашей стране это делать; Сегодня день открытых дверей в Рийгикогу. Для русскоязычных жителей Эстонии это слово уже давно прописалось в лексиконе как самостоятельное, а для наших зарубежных зрителей мы объясняем, что это парламент наш.*

ская, так и русская составляющие текста, который мы можем воспринимать как билингва, в действительности порой являются переводами с какого-то другого, причем не обязательно одного и того же, языка, и лишь частью более развернутого текста на нескольких языках. Как уже отмечалось нами и в указанных работах, такие тексты можно увидеть на упаковках товаров, в «бумажных» инструкциях по использованию лекарственных препаратов, бытовой техники, косметики и пр., в интернет-среде (сайты на нескольких языках, системы продажи билетов, бронирования отелей и т. п.). Вновь встает вопрос о качестве перевода и вытекающем из него восприятии текста на «своем» языке как действительно «своего». Помимо того, в таких текстах не всегда представлены и русский, и эстонский языки, и, например, русские жители Эстонии могут эстонский текст воспринимать как «свой» при отсутствии русского. Так, например, в инструкциях к лекарствам информация регулярно дается на эстонском, латышском и литовском языках, то есть производитель (немецкий, венгерский, литовский — любой) ориентируется на рынок балтийских стран и их государственные языки. Соответственно, для всех эстонских жителей «своим» будет, скорее, эстонский язык. То же возможно и с носителем эстонского языка, который в какой-то ситуации, где отсутствует или не полон эстонский текст, может воспринимать русский как «свой». Наконец, ТБ на эстонском и русском могут читать жители России, Латвии, Армении и любой другой страны, для которых русский может быть родным языком, языком регулярного общения, языком, который они не очень хорошо, но всё же знают. Русскую составляющую в эстонско-русском ТБ они могут воспринимать как «свою», но в разной степени и по-разному «свою». Таким образом, мы видим множество вариантов восприятия языков в ТБ: от двух языков как «своих» до ситуативно «своего», но обычно «чужого» одного из языков. Разумеется, выше охарактеризованы лишь наиболее регулярные варианты, существует и ряд частных.

Говоря о соотношении языков, следует затронуть вопрос о «своем» и «чужом» происхождении (Эстония, Россия, другие страны) ТБ в целом и каждой его части и о влиянии этого показателя на восприятие языков. Не останавливаясь отдельно на вопросе происхождения, который имеет множество нюансов (см. об этом в [Костанди 2015]), перечислим лишь основные случаи. Во-первых, эстонско-русский ТБ может быть создан в Эстонии и каждая его часть может являться как оригинальной, так и переводной. Во-вторых, то же может наблюдаться в случае создания русско-эстонского ТБ в России, однако, разумеется, это более редкий вариант в силу специфики языковой ситуации в каждой из стран. Если в Эстонии

такие тексты распространены, то в России эстонско-русские и русско-эстонские ТБ могут появиться, например, в дипломатической, торговой или учебной сферах, однако никак не являются повседневной речевой практикой большинства людей. Третий регулярный вариант — эстонско-русский текст является частью более развернутого текста на нескольких языках и только ситуативно «преобразуется» в эстонско-русский или русско-эстонский ТБ. В последнем случае установить страну происхождения, «свою» для текста в целом и каждой его части, порой бывает практически невозможно. Говоря о происхождении, отметим также, что текст может иметь виртуальную привязку к одной стране, а реально создаваться в любой стране, что характерно, например, для интернет-среды. Так, на сайтах посольств Эстонии в России и России в Эстонии большая часть информации дается и на русском, и на эстонском языках (сайты эстонских посольств предоставляют информацию на русском также в Белоруссии, Казахстане и на Украине, в большинстве случаев имеется и английский вариант). В первом случае русский перевод эстонских текстов осуществляется в Эстонии или, правильнее сказать, жителями Эстонии, во втором — неизвестно, но можно предположить, что также в Эстонии, где легче найти соответствующих переводчиков, к тому же граждан России. Соответственно, сайт российского посольства представляет, разумеется, Россию, оригинальным является русский текст, переводным — эстонский, но перевод может быть не российским по происхождению. Этот частный пример свидетельствует о том, насколько сложно бывает установить страну происхождения текста и определить ее как «свою» или «чужую». Распространенность русского языка на постсоветском пространстве приводит к появлению разных вариантов соотношения языка и страны, что, в свою очередь, делает еще более вариативной оппозицию «свое – чужое» в случае с эстонско-русскими и русско-эстонскими ТБ.

Соотношение «своих» и «чужих» языков и стран — наиболее очевидные аспекты реализации данной оппозиции в ТБ. Однако для квалификации и последующего анализа речевого материала важным представляется вопрос о том, насколько русская и эстонская составляющие образуют «единый» текст, то есть текст билингва. Иными словами, являются ли текст на русском и текст на эстонском «своими» для целостного ТБ или «чужими». Таким образом, это вопрос о квалификации самого понятия ТБ и его реализации на практике. Рассмотрим в этом ключе варианты, наиболее регулярные в эстонских условиях.

Разумеется, в нашей повседневной речевой практике представлены ТБ, полностью соответствующие определению, данному выше: параллельные

тексты на двух языках, сосуществующие в едином пространстве (на одном носителе) и времени (если это звучащий текст, то между его частями есть временной разрыв, но он минимален, второй текст звучит сразу после первого, и можно говорить о едином времени звучания двуязычного текста в целом). Такие ТБ есть на упаковках товаров, лекарств, бланках учреждений, банков, в буклетах туристических и иных фирм, программах мероприятий и т. д. В них части на двух языках «свои» для ТБ в целом, и этот случай может быть определен как инвариант ТБ. Образцы таких текстов уже приводились нами во всех указанных выше работах, сейчас ограничимся двумя примерами из разных сфер — официально-деловой и бытовой. К первой относится, например, буклет на двух языках о получении ID-карты — документа, идентифицирующего личность. Приведем начальные предложения этого объемного текста:

ID-kaarti saab taotleda Politsei- ja Piirivalveameti teenindustes, Eesti Vabariigi välisesindustes, posti või e-posti teel. Kiirkorras ID-kaarti saab taotleda vaid Politsei- ja Piirivalveameti teenindustes. Kui taotled isikut tõendavat dokumenti esimest korda, siis kiirkorras ID-kaarti taotleda ei saa.

Вы можете ходатайствовать о получении ID-карты в пункте обслуживания Полиции и Погранохраны Эстонской Республики, по почте или по электронной почте. О получении ID-карты в ускоренном порядке Вы можете ходатайствовать только в пункте обслуживания Полиции и Погранохраны. Если Вы ходатайствуете о получении удостоверения личности первый раз, то Вы не можете получить ID-карту в ускоренном порядке.

В данном примере тексты на разных языках содержательно одинаковы, но есть некоторые различия стилистического и прагматического характера, обусловленные традицией использования устойчивых формул в официальной ситуации. Так, например, в эстонском тексте используется глагол в форме единственного числа (*taotled* = *ходатайствуешь*), в русском варианте используется форма вежливого обращения (подробнее об этом в [Štšadneva, Velman-Omelina 2016]) на *Вы* (*Вы можете, Вы ходатайствуете*). Кроме того, в русском тексте очевидны приметы перевода, то есть по некоторым показателям тексты не абсолютно идентичны, тем не менее перед нами, несомненно, ТБ. Аналогичная картина наблюдается и в ТБ из иной сферы — в надписи на упаковке сметаны, часть которой приведена ниже:

(EE) HARUKOOR, rasva 10% 100 g toodet sisaldab keskmiselt: energiat 489kJ / 118 kcal, rasva 10 g, millest küllastunud rasvahappeid 6,6 g, süsivesikuid 4,0 g, millest suhkruid 4,0 g, valke 3,0 g ja soola 0,1 g (soola sisaldus tuleneb ainult loodusliku naatriumi olemasolust).

(RU) СМЕТАНА, жирность 10 %. 100 г продукта содержит в среднем: энергии 489 кДж / 118 ккал, жиров 10 г, из которого насыщенных жирных кислот 6,6 г, углеводов 4,0 г, из которых сахаров 4,0 г, белков 3,0 г и соли 0,1 г (содержание соли исключительно из-за наличия природного натрия).

Как и в предыдущем примере, русский текст содержит «следы» перевода, в частности ошибки, например, отсутствие согласования между грамматически связанными единицами (*100 г содержит; жиров 10 г, из которого*). Однако и данный текст, кажется, не вызывает споров с точки зрения возможности отнесения его к ТБ.

В то же время и одинаковые тексты на практике могут не полностью отвечать критериям билингва. Так, они не всегда находятся рядом, например, тот же текст буклетов на двух языках в учреждениях, банках, на почте и т. п. регулярно представлен иначе — в двух отдельных буклетах, что может восприниматься как самостоятельные тексты. Лишь зная реальную ситуацию, мы понимаем, что это — «две стороны одной медали», и такое знание влияет на речевое и неречевое поведение людей. Приведем конкретный пример. В течение многих лет по всему миру транслируются спектакли Метрополитен-оперы. В кинотеатре г. Тарту на столике перед входом в зрительный зал лежат обычные листы бумаги с текстами, содержащими информацию о режиссере, исполнителях и др. Они находятся в двух стопках, в одной — текст на эстонском языке, в другой — на русском. Зрители подходят к столику и выбирают нужный им вариант, иногда переговариваясь, задавая вопросы о том, где что на каком языке. Время от времени листы с текстом на одном языке заканчиваются, некоторые зрители берут на другом, часто говоря своим спутникам или незнакомым людям о том, что они могут и на другом языке прочитать, иногда сопровождая это высказываниями о своем знании / незнании русского или эстонского языков. Аналогичное поведение можно наблюдать и в других похожих ситуациях: фестиваль, концерт, ярмарка, спортивное мероприятие, музей и т. п. Люди знают о том, что возможны или даже обязательны тексты на разных языках, и ведут себя соответствующим образом. Можно предположить, что следует говорить не только о текстах, но и о речевых / дискурсивных практиках билингва. В этом случае собственно текст является лишь одной из составляющих такой практики. К этому вопросу обратимся чуть ниже, здесь же подчеркнем, что части ТБ могут функционировать как отдельные, но адресат, в зависимости от фоновых знаний, воспринимает или не воспринимает ситуацию, как предполагающую наличие ТБ.

Одна из сфер раздельного функционирования частей ТБ — интернет-среда, где широко распространены одинаковые или однотипные тексты на двух и более языках, что характерно и для эстонского сегмента Интернета. Как уже отмечалось выше, сайты министерств, департаментов, парламента, президента, местных органов власти, частных фирм, спортивных, культурных, религиозных и иных организаций и т. д. во многих случаях имеют версии на разных языках. Здесь есть и абсолютно одинаковые тексты на эстонском и русском, то есть они соответствуют критериям ТБ, но разделены в пространстве, в данном случае — виртуальном. Разделение это не абсолютное, так как имеются ссылки на вариант на другом языке и, соответственно, есть возможность выбора языка. Можно, сказать, что пользователь ведет себя в целом так же, как зритель перед столиком с двумя стопками листов бумаги. Если он знает ситуацию, которую можно обозначить как «ситуация / практика / текст билингва», он поступит, исходя из этих знаний. Возможно, по ходу дела он будет корректировать свои действия, так как может оказаться, что какой-то информации на одном из языков нет или она неполная.

Наконец, следует отметить такой вариант, когда исходный ТБ может быть дополнен текстами на третьем, четвертом и т. д. языках. В Эстонии, помимо английского, это регулярно еще и языки ближайших соседей, то есть финский, латышский, могут быть и другие. Такое «приращение» зависит и от более конкретных условий функционирования ТБ, например, часто оно имеет место в туристической или торговой сферах. Можно ли все эти случаи — полностью совпадающие и расположенные рядом два текста (на эстонском и русском), эти же тексты, но не находящиеся рядом, и те же тексты с «приращениями» на других языках — рассматривать как ТБ? Если учитывать не только собственно текст, но и речевую практику, видимо, следует говорить о проявлении вариативности ТБ или дискурсивной практики билингва.

В еще большей степени вариативность проявляется в том случае, когда тексты на разных языках совпадают лишь частично. В наших условиях распространены тексты, которые изначально критериям ТБ не соответствуют, но содержат своеобразные «отсылки» к ТБ. Один из таких случаев специально рассматривался в [Костанди 2015], это — ТБ в интернет-среде, для которой в целом характерна размытость текстовых границ. В статье анализировался материал новостного сайта, имеющего эстонскую (www.delfi.ee) и русскую (www.rus.delfi.ee) версии. Оформление версий, появляющаяся реклама — то, что обрамляет новостные тексты, одинаковы или однотипны. На сайте представлены и новостные тексты на двух языках, которые могут быть квалифицированы как ТБ. Далее каждый из текстов может

«продолжаться» в комментариях пользователей, которые, конечно, различны на эстонском и русском языках и никак не являются ТБ. Однако комментаторские «ветки», или «стороны», как называют их сами пользователи, регулярно содержат отсылки «к другой стороне» (подробнее см. об этом в [Костанди 2015]). Таким образом, исходная единица, которая может быть определена как ТБ, имеет ответвления, не являющиеся ТБ.

Исследователи языка диаспоры, рассматривая переводные тексты, регулярно имеют дело с тем, что оригинал и перевод совпадают не полностью. Так, в [Паликова 2009] анализировались переводческие ошибки в рекламно-информационных изданиях торговых сетей, где одновременно присутствуют эстонский и русский тексты, что, на наш взгляд, может считаться ТБ, хотя автор статьи не пользуется этим термином, имея иную исследовательскую цель. О. Н. Паликова отмечает, что русский текст часто представляет собой сокращенный вариант эстонского, что обусловлено разными причинами, в частности, наличием неязыковых средств передачи информации (рисунки, специальные значки) и, по мнению автора, тем, «что основная функция русского подстрочника заключается не столько в том, чтобы сообщить некоторую информацию, сколько в том, чтобы продемонстрировать лояльность торговой сети по отношению к русскоязычному покупателю» [там же: 147]. Регулярно неполный перевод текстов или перевод только некоторых текстов из ряда имеющихся наблюдается в официально-деловой сфере, что рассматривалось, например, в [Щаднева 2009]. Встречается и противоположное соотношение, когда русский вариант является более развернутым (см. подробнее в [Костанди 2015]). Можно ли случаи неполного совпадения оригинала и перевода рассматривать как ТБ или хотя бы как соотносящиеся с ТБ? Рассмотрим конкретный пример, чтобы предложить свой, пока не окончательный, ответ на поставленный вопрос.

В нашей стране, как и во многих других, имеются местные телеканалы и спутниковые каналы разных стран и регионов. В спутниковом телеэфире используются множество языков, в том числе и в виде ТБ. Если ограничиться местным эстонским телевидением, то мы увидим следующее положение дел: государственные телеканалы работают преимущественно на эстонском языке, осенью 2015 года начал вещание государственный русскоязычный телеканал. Имеются частные телеканалы на эстонском и русском языках, на эстонском их больше. На местных телеканалах регулярно появляются ТБ в разных вариантах. Рассмотрим материал, собранный и частично проанализированный в бакалаврской работе К. Э. Шенк, написанной под руководством автора настоящей статьи [Шенк 2016]. В работе анализировались ТБ на материале новостной передачи государственного

телеканала ETV «Актуальная камера». В период, который исследуется в работе, передача выходила на этом канале по-эстонски и по-русски в разное время³. Сопоставление эстонского и русского выпусков новостей показало наличие следующих основных вариантов⁴:

- русский и эстонский тексты полностью совпадают (могут быть определены как ТБ),
- русский и эстонский тексты совпадают частично,
- совпадают новостные сюжеты, русский и эстонский тексты различны,
- новостной сюжет и соответствующий текст есть только на одном языке и отсутствует на другом.

Каждый из перечисленных вариантов имеет разновидности, например, второй может быть реализован как сокращение текста на одном из языков или изменение, связанное с тем, что один и тот же человек (репортер, интервьюируемый и др.) говорит об одном и том же на разных языках отдельно для эстонской и русской передач, частично меняя и содержание, и т. д. ТБ существуют и «внутри» эстонской или русской «Актуальной камеры», например, звучащий оригинал и начитываемый поверх него перевод или перевод в субтитрах. Значительная часть этого материала не может быть квалифицирована как ТБ, если учитывать только текстовую (языковую) составляющую. Однако если рассматривать новостные выпуски в целом, то мы видим, что студия, звуковое оформление, структура выпусков, начало передач на эстонском и русском языках совпадают. Обращение к еще более широкому контексту (условия диаспоры, распространенность ТБ в разных сферах, в частности, в телеэфире, фоновые знания автора и адресата, привычка иметь дело на практике с двуязычными текстами и др.) вновь приводит к необходимости говорить не о текстах, а о речевых / дискурсивных практиках билингва, текстовое воплощение которых вариативно, но тем не менее является «своей» частью соответствующих практик, а не чем-то «чужим».

Таким образом, в ТБ реализуется ряд возможностей соотношения «своего» и «чужого» (языков, «происхождений», частей единого текста), основные из которых были представлены выше. Уровень текста во

³ С осени 2015-го года эти передачи выходят на двух разных государственных телеканалах (ETV и ETV+), последний из которых русскоязычный.

⁴ Размер текстов не позволяет привести примеры в ограниченной по объему статье (см. в [Шенк 2016]).

всех его проявлениях наиболее оперативно и вариативно реагирует на коммуникативную ситуацию. Анализ материала еще раз подтвердил необходимость и перспективность дискурсивного подхода, при котором текстовая составляющая рассматривается как одна из частей коммуникативного акта, не всегда основная. Особенно очевидным это становится при рассмотрении категорий, являющихся не только и не столько языковыми, сколько характеризующими человеческую жизнедеятельность в целом, к числу которых относится и оппозиция «свое – чужое».

Литература

- Костанди Е. И. 2013 — Дискурсивные практики в условиях языковых контактов. *Актуальные проблемы контактной лингвистики и славянского языкознания*. Рига. С. 82–94.
- Костанди Е. И. 2014 — Дискурсивные практики в условиях языковых контактов: тексты билингва. *Функциональная семантика и семиотика знаковых систем*. Ч. I. Москва. С. 87–95.
- Костанди Е. И. 2015 — Специфика дискурсивных практик в ситуации языковых контактов. *Ежегодник финно-угорских исследований (Yearbook of Finno-Ugric Studies)*, 2. Ижевск. С. 29–40.
- Панькин В. М., Филиппов А. В. 2013 — *Языковые контакты. Краткий словарь*. Москва.
- Паликова О. Н. 2009 — Русский язык в рекламных каталогах Эстонии. *Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII*. Тарту. С. 143–168.
- СРЯ 1987 — *Словарь русского языка*. Т. III. Гл. ред. А. П. Евгеньева. Москва.
- Шенк К. Э. 2016 — *Вариативность новостных текстов билингва (на материале «Актуальной камеры» на эстонском и русском языках)*. Бакалаврская работа. Тарту. 2016.
- Щаднева В. П. 2009 — О месте и лингвистических особенностях русских официально-деловых текстов в языковой ситуации современной Эстонии. *Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII*. Тарту. С. 224–244.
- Щаднева В. П. 2012 — Перевод как средство межязыковой коммуникации (на материале переводов с эстонского языка на русский). *Linguistics. Linguistics Problems of Russian and Slavic Linguistics; 772. Scientific Papers University of University of Latvia*. Рига. С. 24–35.
- Štšadneva V., Velman-Omelina J. 2016 — Viisakusevormidest eesti- ja venekeelsetes ametlikes paralleeltekstides. *Lähivõrdlusi. Lähivertailuja*. 26. *Eesti Rakenduslingvistika Ühing*. Tallinn. 2016. Lk. 481–500.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

И. С. КОШКИН

0. Лексика языков Балтийского региона и Латвии в своем историческом развитии обнаруживает влияние как общетипологических тенденций, так и языковых контактов. Оба фактора эволюции лексики и семантики языка (семантическая типология и языковые контакты) могут быть связаны с оппозицией «свое – чужое». Например, социальная терминологическая лексика в истории русско-латышско-немецких языковых контактов, с одной стороны, отражает переход от значения «свой» к значению «чужой» в семантической истории социального термина (русск. *люди*, латыш. *ļaudis*), а с другой стороны, отражает более широкое взаимодействие «своего» и «чужого» во внешней, так называемой ономаσιологической истории слова-термина (история заимствования латыш. *tulks*). В первом случае речь идет о появлении семантических признаков в структуре значения, во втором — о культурно-языковом взаимодействии. Анализируемые элементы социальной терминологической лексики зафиксированы в средневековых грамотах, в других текстах правового содержания, относящихся к Балтийскому региону.

1. Семантическая типология в истории социальной терминологической лексики: дрп. *люди(e)* – латыш. *ļaudis* – снн. *lude*

В лексике средневековых договорных русско-немецких грамот и других текстов правового содержания зафиксирована традиционная формула древнерусского языка *добрши людие* со значением ‘представители социальной элиты’. Параллельно в немецких грамотах и юридических документах балтийского ареала функционировала аналогичная формула — снн. *gude*

lude ‘добрые люди’ (снн. *gõt, gut*, снн. *lūde*); обе правовые формулы обозначали людей, участвовавших в переговорах или являвшихся свидетелями в ходе судебных разбирательств, то есть людей, занимавших высокие позиции в социальной иерархии общества [Кошкин 2012: 16–27]. Аналогичная формула, связанная с обозначением категории людей, принадлежащих к зажиточным родам, встречается в языке латышского фольклора [Кошкин 2008: 120–132]. Речь идет о фольклорной формуле латыш. *labie ļaudis* (латыш. *labs* ‘хороший; добрый’ [Milenbahs, Endzelins 1923–1932 II: 397], латыш. *ļaudis* [l̥audis] ‘люди’ [Milenbahs, Endzelins 1923–1932 II: 531]. Латыш. *labie ļaudis* обозначало не только зажиточных, но и полноправных членов общества, противопоставлявшихся бесправным слугам, по отношению к которым зафиксирована номинация *sliktie ļaudis* ‘плохие люди’ [Karulis 1992 I: 480–481].

Первоначально само существительное (< ие. **leudhero-*, **leudho-*), с точки зрения этимологического значения и индоевропейской традиции развития соответствующего социального термина, обозначало тех, кто обладал определенными правами и привилегиями (см. ниже). В результате семантической эволюции у существительного возникла негативно-оценочная коннотация («ухудшение» значения), что могло стать фактором развития синтагм–словосочетаний с именами прилагательными, имевшими положительную оценочность (др. *добрии*, снн. *gõt* < герм. **gōda* ‘passend, geeignet [подходящий, свойственный]’ [EWD: 488], латыш. *labs*). Эти синтагмы превратились затем в устойчивые формулы. При этом развитие аналогичных формул, принадлежащих различным периодам и различным языкам, обнаруживает две типологически схожие черты. Первая черта связана с общим «ухудшением» значения опорного слова-компонента; вторая — с тем, что в основе семантики подобных формул лежит обозначение людей, значимых с точки зрения ценностной ориентации общества.

В контексте оппозиции «свой – чужой» интерес представляет семантическая эволюция опорного слова, когда так называемое «ухудшение значения» ведет к появлению семы ‘чужой’.

В качестве опорного слова формул выступает имя существительное — др. *людие* < псл. **l’udъje* [ЭССЯ 15: 194], снн. *lūde* < дрсакс. *liudi* < герм. *leudi-* [EWD: 795], латыш. *ļaudis* [l̥audis] < пбл. **l̥iaudi-* [Karulis 1992 I: 551]. Данное слово относят к балто-славяно-германским лексическим соответствиям [Stang 1972: 10, 32; Trautmann 1970: 160]. Однако А. Стендер-Петерсен в своей монографии о древних германизмах в славянских языках, опираясь на факт полного формально-семантического соответствия, отно-

сит это слово к германским заимствованиям: ср. псл. **l'udъ*: **l'udъ* – **l'udije* ‘Volk der Freien [народ, состоящий из свободных людей]’ и герм. **leuđa-*: **leuđiz* – *leuđijiz* ‘то же значение’ [Stender-Petersen 1927: 193]. Дополнительным аргументом для него служит наличие в германских языках словообразовательно соотносительных глаголов — гот. *liudan*, дрсакс. *liodan* ‘wachsen [расти]’ и т. д. (там же). Авторы этимологических словарей славянских языков оспаривают германское происхождение славянского слова (как псл. **l'udije*, так и псл. **l'udъ*) [Фасмер 1986–1987 II: 545; Machek 1971: 331; ЭССЯ 15: 198].

Типологические параллели связаны с общими тенденциями в развитии первоначального этимологического значения указанного существительного. Хотя установление семантики лексических единиц праязыка, как известно, во многом проблематично, немаловажным в аспекте эволюции является вопрос о денотативном значении праславянской формы именительного падежа множественного числа **leudhejes* [ЭССЯ 15: 198]. Приводимые в работе Хр. Станга значения слов связаны с понятием ‘народ, люди’: латыш. *ļaudis*, литов. *liáudis* ‘(gewöhnliches) Volk [(простой) народ]’, стсл. *l'udъje* ‘Menschen, Leute [люди]’, *l'udъ* ‘Volk [народ]’, *l'udinъ* ‘ein Freier, Mann des Volkes [свободный муж]’, двн. *liut* ‘Volk [народ]’, *liuti* ‘Leute [люди]’ [Stang 1972: 10; 32]. Дифференциация денотативных оттенков, отражающих семантическую эволюцию слова, требует анализа большего количества примеров.

С точки зрения индоевропейской реконструкции, указанные слова восходят к ие. **leudh-* ‘emporgewachsen, hochkommen [расти, вырастать]’, **leudho-*, *leudhi-* ‘Nachwuchs, Volk [молодое поколение, народ]’, *leudhero-* ‘zum Volk gehörig, frei [принадлежащий народу, свободный]’ [Pokorny 1959: 684–685]. Первоначально само существительное обозначало тех, кто обладал определенными правами и привилегиями, кто был свободным членом социального коллектива: ср. восходящее к тому же индоевропейскому корню лат. *liber* ‘свободный’ [там же], дргреч. *ἐλεύθερος* ‘свободный человек’ — слово, противопоставленное дргреч. *δούλος* ‘раб’ [Бенвенист 1974: 354]; ср. также прусск. *ludis* ‘господин, хозяин дома’ [Ślawski 1970–1974: 369], дрэнгл. *léod* ‘Fürst, König, Mann [князь, король, мужчина]’ [Holthausen 1934: 199]. А. Стендер-Петерсен, опираясь на семантику термина дрр. *людин* (форма единственного числа), первоначально обозначавшего просто свободных членов социального коллектива, противопоставленных как высшему слою общества (*княжи мужи*), так и низшему (*холопи*), определяет значение псл. **l'udъ*

‘Genossenschaft oder Verein freier Männer, freies Volk [общество свободных мужей, свободный народ]’ [Stender-Petersen 1927: 191]. Одно из исторических значений латыш. *ļaudis* ‘свободные люди (обычно крестьяне) в противоположность крепостным людям (в феодальном устройстве общества)’ [LLVV V: 25].

Основа **leud^[h]ero-* рассматривается как древний социальный термин в исторических диалектах праиндоевропейского языка, обозначавший категорию «свободных людей» в противопоставлении категории «несвободных» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 477]. Э. Бенвенист, исследуя древние социальные термины индоевропейского ареала с точки зрения их семантического развития, показал связь лат. *liber* ‘свободный’, дргреч. *ἐλεύθερος* ‘свободный человек’ с этимологическим значением указанного выше индоевропейского корня ‘расти, вырастать’: «понятие «свобода» формируется на основе социализованного понятия «роста» — роста определенной социальной категории людей, развития определенного коллектива» [Бенвенист 1974: 356]. Связующим звеном явилось значение ‘свой, принадлежащий своему роду, своей этнической группе’: «эта принадлежность дает человеку привилегии, которых никогда не имеет чужестранец и раб» [там же: 356]. По наблюдению исследователей, в древнерусской письменности денотативная сфера употребления слова *люди* (*людие*) связана с обозначением «своих», при этом, как правило, это взрослые мужчины, самостоятельные и свободные мужи [Колесов 2000: 150].

Первоначальное этимологическое значение балто-славяно-германской лексемы, очевидно, развивалось в направлении обобщенного значения ‘homines, люди’, затем в некоторых языках в направлении ‘простые люди; народ’ > ‘люди низших сословий’. Ср. некоторые примеры по данным словарей германских и славянских языков: днн. *liut* ‘Volk, Leute, Menschen, Menge [народ, люди, толпа]’ [Schützeichel 1989: 175]; снн. *lūt* ‘народ’, *lude* ‘abhängige Leute jeder Art [зависимые люди любой категории]’ [Lübben 1995: 214]; польск. (XIV в.) *ludzie* ‘poddani, chłopci, służby [подданные, крестьяне, слуги]’, чеш. *lidé* ‘homines; pracownicy, podvádní [люди; рабочие, подчинённые]’ [Sławski F. 1970–1974: 368]; укр. *люде* ‘люди; простой народ’ [Грінченко 1997: 388]. Ср. также построенную на противопоставлении «панов» и «людей» поговорку — укр. *То пани, а ми люде*. [Там же]. Русск. *люди*, по данным словаря В. И. Даля, имеет в числе прочих и значение ‘все и всяк; прислуга в доме’ [Даль 1958: 284], среди значений латыш. *ļaudis* также отмечено значение ‘kalpi [слуги]’ [LLVV V: 25].

Указанное направление семантического развития отражает взаимосвязь двух понятий — понятия «общий, всеобщий, доступный всем» и понятия «простой, обыкновенный, низкий (в социальном смысле)». Можно полагать, что сема 'зависимый' формировалась в семантике дрр. *людие* и соответствующих лексем других языков постепенно, нейтрализуя и вытесняя сему 'свободный', связанную с этимологическим значением. В славянских языках [ЭССЯ 15: 199, 203; Machek 1971: 88, 331] отмечено развитие значения 'чужой' в семантике этого существительного и образованного от него прилагательного — псл. **l'udьskъ(jь)*, что говорит о нейтрализации непосредственно связанной с этимологическим значением праиндоевропейского корня семы 'свой' (см. выше). Ср., например, одно из значений укр. *людський* — 'чужой, не свой', выступающее в языке фольклора: *Постаріла мене, брате, людська робітенька* [Грінченко 1997: 388]. Такое семантическое развитие можно рассматривать как своего рода филиацию на базе значения 'общий, свойственный всем'. В латышском языке зафиксировано устойчивое словосочетание, имеющее значение 'чужая молва' и часто встречающееся в языке народных песен: *laužu valodās* '(буквально) на языке людей' [LLVV V: 25]. В русском языке отмечено много поговорок, построенных на противопоставлении дома и людей, то есть своего мира и чужого мира. Например: *Дома, как хочешь, а в людях, как велят. Спроси в людях, что дома деется! Дома не лежу, а в людях не стою* [Даль 1958: 284–285].

Семантическая эволюция существительного стала фактором развития синтагм–словосочетаний с именами прилагательными, превратившихся затем в устойчивые сочетания–формулы (см. выше). Потенциальная формула как бы восстанавливала оценочную коннотацию: вся формула обозначала социально значимых, то есть «своих» людей.

2. Языковые контакты в истории социальной терминологической лексики: дрр. *тълкъ* – латыш. *tulks* – снн. *tolk*

Результатом языковых контактов, как известно, выступают заимствования, которые первоначально всегда являются «чужими» элементами в языке. Пути такого проникновения бывают чрезвычайно разнообразными, что связано и с наличием определенного языка-посредника, и с взаимодействием «своего» и «чужого» при освоении заимствований. Подобное взаимодействие обнаруживает, например, история одного из древних славянских заимствований в языках Балтийского региона — латыш. *tulks*, снн.

tolk (ср. также литов. *tūlkas*, эст. *tõlk*). В латышском языке слово было заимствовано как обозначение нового понятия в ходе древнерусско-латышских языковых контактов, но в дальнейшем, в истории русско-немецких языковых контактов периода Ливонии, оно стало обозначать «свои» реалии. Анализируемое слово является общим славянским заимствованием в балтийских, германских и финно-угорских языках [Фасмер 1986–1987 IV: 71]. Латыш. *tulks* ← дрп. *тълкъ* (*tolkъ*, *tūlkū*) ‘переводчик, толмач’ [Срезневский 1989 III₂: 1046] относится к группе древнейших славизмов в латышском языке. В значении ‘переводчик’ слово принадлежит лексической норме стандартного латышского языка: латыш. *tulks* ‘der Dolmetscher [переводчик]’ [Mīlenbahs, Endzelīns 1923–1932 IV: 259]. По мнению латышских лингвистов Я. Эндзелинса [там же], К. Карулиса [Karulis 1992 II: 438], слово бесспорно является заимствованием из древнерусского языка.

Латыш. *tulks* было заимствовано в период контактов языка восточных славян (древнерусского языка) с древнелатышскими диалектами (VIII–XI вв.). Такая ранняя хронология заимствования устанавливается на основе характера фонетической субституции, отраженной заимствованным словом: субститутом редуцированного звука в дифтонгическом сочетании с плавным согласным выступает близкий по артикуляции гласный латышского языка: дрп. [ъ(1)] → латыш. [ū(1)]. Следует отметить, что псл. *ъ < *ū. К. Буга, специально занимавшийся хронологией древнейших славизмов литовского языка и рассмотревший в том числе и хронологию литов. *tūlkas* [Būga 1958–1961 I: 340, II: 763], считает, что подобная субституция свидетельствует о том, что слова были заимствованы до начала XII в., так как в дальнейшем редуцированные звуки исчезли в диалектах древнерусского языка.

Между тем данное слово по своему употреблению в памятниках письменности связано с русско-немецкими языковыми контактами, имевшими место на территории Ливонии со времени ее основания немцами-миссионерами в конце XII в. — первой половине XIII в. При этом снн. *tolk* ‘Dolmetscher, interpres [переводчик]’ [Lübben 1995: 409] ← дрп. *тълкъ* (*tolkъ*, *tūlkū*) ‘переводчик, толмач’, как правило, обозначало переводчиков с ливонской стороны, то есть «своих» переводчиков. Обращает на себя внимание тот факт, что в анонимном русско-немецком разговорнике XVI в. «Ein Rusch Voeck», составителем которого предположительно считается немец, в так называемой русской части употреблено слово *tolmatz* (толмачь ‘переводчик’ [Срезневский 1989 III₂: 1046]), а в немецкой части

в качестве эквивалента русского слова употреблено, очевидно, более привычное для автора слово — *Ein tolck* (снн. *tolk*) [RB: 33].

Дрр. *толкъ* 'переводчик' встречается в текстах русско-немецких договорных грамот, относящихся главным образом к XV в., при этом оно обозначает переводчика с ливонской стороны. Например, в Грамоте новгородского епископа Семена Риге (1418–1420 гг.), в которой епископ требует «дать исправу по крестному целованию» в связи с жалобой новгородца на двух немцев, один из них (*Артемий, Herteke*) назван «местеревым толком», то есть переводчиком магистра ордена: *а жалуются на вашу братью на инчу зашемьбаку и на юго бра(т) на вртъмью на местерева толка* [ЛГИА: Nr. 147]¹.

В Договорной грамоте Новгорода с Ливонским орденом и епископом юрьевским о пятилетнем перемирии (1448 г.) среди приехавших в Новгород немецких послов был *Индрик (Hinrik)*, переводчик орденского магистра: ... *Индрикъ, толкъ князь местерев* ... (ГВНП: № 72)².

Дошедшие до нас тексты договорных грамот Новгорода с западными соседями на средненижнемецком и латинском языках также свидетельствуют о том, что переводчики были с иностранной стороны и что такие тексты являются переводами грамот на русском языке. Например, в немецком переводе Грамоты Новгорода Юрьеву (Дерпту) о согласии продолжить т. н. «Нибуров мир» 1392 г. (грамота датируется 1405 г.) упоминается присланный из Дерпта переводчик (снн. *tolke*) по имени Ганс:

Van dem ertzebisshoppe van Novgarden... an unse naburs, de borgermeistere und raet van Darbte, und gemeinliken an de van Darbt. Dat gi an uns gesand hebben Hans tolke mit juwem breve, und don witlik also her Johan Niebur mit siner selschop was to Nogarden, do se dat cruce kussededen, und de vrede wart gevesteget na der kruskussinge...
[От архиепископа Новгорода ... к нашим соседям, бургомистру и городскому совету Дерпта, и ко всему Дерпту: Вы послали к нам переводчика («толка») Ганса с Вашим письмом, и дали весть о том, что господин Иоганн Нибур с его людьми были в Новгороде, целовали крест, и мир был подтвержден по крестному целованию] [LivUB III: Nr. 1331]³.

¹ Далее в тексте грамоты ещё дважды встречается указанная номинация: *съ вртъмьжи с местеревым толкомъ, оу вортъмьи оу местерева тоуку* [там же].

² Существует и параллельный немецкий текст грамоты; то, что немецкий текст вторичен и представляет собой перевод русского текста, убедительно показано в современном комментарии к грамотам Великого Новгорода [см. Янин 1991: 113–114].

³ В грамоте речь идёт о дерптском переводчике Гансе Дюркопе. В исследованиях, посвященных внутренней корреспонденции между ливонскими и ганзейскими городами, отмечается особая роль Дерпта (Тарту) как переводческого центра [Сквайрс, Фердинанд 2002:

Снн. *tolk* ‘переводчик’, будучи славянским заимствованием, в текстах ливонско-балтийского ареала на немецком языке встречается раньше, чем в грамотах на древнерусском языке. Первое употребление датируется 1253 г.; слово встречается в Грамоте курляндского епископа Генриха [Glück 2002: 265; Сквайрс, Фердинанд 2002: 141]:

Vortmeyr Claus Cure, die tolk, die gude, die hie to Sacke hevet, die sal hie hebben von unser hant, und die hi hevet to Bandowe, die sal hi hebben von der brodere hant [Кроме того, должен Клаус Куре, переводчик, имения, на которые он претендует, от нас получить, а имения, которые он в Бандау имеет, он должен получить от орденских братьев].

Существительное *tolk* и производные от него глаголы постепенно становятся устойчивыми лексическими элементами деловой письменности на средненижнемецком языке, которые встречаются в текстах не только ливонского ареала, но и более широкого ганзейского ареала [Сквайрс, Фердинанд 2002: 141–149].

Такое внедрение и широкое распространение заимствованного слова объясняется тем, что, как было сказано, в исторической ситуации русско-немецких контактов Балтийского региона оно длительное время обозначало не «чужую», а «свою» реалию: переводческая деятельность осуществлялась немецкой стороной.

Так как латыш. *tulks* на основе фонетического критерия следует отнести к заимствованиям доливонского периода, возникает вопрос о причинах вхождения данного заимствования в латышский язык. Хронология древних славянских заимствований в латышском языке не позволяет считать правильной точку зрения, согласно которой в балтийских языках слово могло быть заимствовано через посредство нижнемецкого языка [Сквайрс, Фердинанд 2002: 149], то есть в период распространения немецкого языка в Балтии. Немецкий язык при этом, несомненно, оказал влияние на развитие ономаσιологической семантики этого слова, когда оно стало обозначать реалии ливонско-ганзейского мира. Следует отметить, что и литов. *tūlkas* ‘Dolmetscher [переводчик]’ рассматривается как заимствование из древнерусского языка (*tolkъ*) [Fraenkel 1962: 1137], и эст. *tõlk* ‘see, kes teksti (hrl suuliselt) ühest keelest teise vahendab [тот, кто переводит тексты

90]. Это подтверждается также тем, что Новгород и Псков именно с представителями Дерпта договариваются, например, о том, чтобы не повышать плату переводчикам [Инфантьев 1980: 95].

(по преимуществу устные) с одного языка на другой' считается русизмом (русск. *talk*) [EES: <http://www.eki.ee/dict/ety/>]⁴.

Как было отмечено, латыш. *tulks* относится к группе древнейших славизмов в латышском языке: слово входит в одну из лексико-тематических групп восточнославянских заимствований, связанных с административно-политическим и культурно-христианским влиянием восточных славян на территории древней (доливонской) Латвии. Ср. другие лексемы, принадлежащие этим группам, — *pagasts* 'погост, место сбора дани', *pagrabs* 'погреб, тюрьма', *karogs* 'знамя, хоругвь', *tirgus* 'торг, административно-торговый центр', *baznīca* 'церковь, божница', *kalps* 'холоп, крестьянин', *soģis* 'судья, административно-должностное лицо' и т. д. Древнерусские князья совершали военные походы, наезды с целью сбора дани и налогов на земли Латвии, особенно в восточной её части (Латгале). Поэтому древние латыши были знакомы с социальными институтами восточных славян, связанными с административно-политическим управлением. Такие контакты приводили к проникновению соответствующих социальных терминов в древнелатышские диалекты.

Известный латышский историк А. Швабе, оставивший большое исследование об истории «погостов» в Латвии, отмечает: «Немцы уже нашли (после своего прихода) деление земель латгалов на погосты, как и другие институты русских» [Švābe 1926: 25]. Латыш. *tulks*, по-видимому, обозначало человека, переводившего и разъяснявшего местному населению сказанное представителями князя во время «погоста», то есть сбора подати, или во время какого-либо судебного разбирательства. К сожалению, письменные исторические свидетельства подобной переводческой деятельности, в отличие от времен Ливонии, отсутствуют, а реконструкция соответствующих исторических реалий должным образом не проведена. Но наличие древнего заимствования, по сути, являющегося пока единственным аргументом такой деятельности, свидетельствует о важности этого института административно-политического влияния Древней Руси на территории древней Латвии.

⁴ Ср. также заимствование из русского языка: эст. *talk* 'arg, mõistus, taip, arusaamine; kasu, abi, tulu [ум, понимание; выгода, помощь, доход]' ← русск. *talk* [там же]. Авторы цитируемого этимологического словаря эстонского языка оба слова (эст. *tõlk, talk*) связывают с русск. *talk* в одном и том же значении 'sisu, tuum, olemus; taip, arusaamine; mõte, kasu [содержание, суть; понимание; смысл, выгода]'. Возможно, эст. *tõlk* было заимствовано в тех же социально-исторических условиях, что и латыш. *tulks* ← дрп. *tǣlkъ*, а следовательно, источником могло быть древнерусское слово с более определённой («социальной») семантикой.

В дальнейшем в латышском языке можно предположить расширение ономасиологической семантики заимствования: 'тот, кто понимает (древне)русский язык; тот, кто переводит с (древне)русского языка' > 'тот, кто знает иностранный язык; тот, кто переводит с иностранного языка'. По-видимому, такое же расширение произошло и в нижненемецком языке, в который это слово вошло как параллельное славянское заимствование в зоне культурно-языковых контактов Балтийского региона.

Несмотря на то, что вопрос об этнической принадлежности «долиновских» и «ливонских» переводчиков не является до конца выясненным, можно утверждать, что в ганзейско-ливонскую эпоху ономасиологическая сфера употребления дрр. *толк* < *тълкъ*, снн. *tolk* была связана с обозначением переводчиков из Ливонии, Балтии.

Во-первых, в исторических источниках сведения о переводчиках русской национальности (со стороны Руси) появляются с XVI в. Первым в этой связи обычно упоминают переводчика, позднее посла Дмитрия Герасимова (1465–1535), известного под именем Дмитрий Толмач; он родился в Пскове и, как предполагают, посещал немецкую школу в Ливонии [Glück 2002: 283; Инфантьев 1980: 94, 96–97]. В качестве другого переводчика с русской стороны называют Сильвестра Малого, который был из Новгорода и поступил в Ростовский университет в 1493 году [там же].

Во-вторых, среди документов дипломатической переписки Ливонии известны те, которые были составлены на ливонской территории на древнерусском языке. Можно предположить, что авторами этих текстов были местные переводчики. Например, Грамота рижского архиепископа к великому князю Федору Ростиславичу смоленскому 1287 г., в которой жители Витебска обвиняются в несправедливой жалобе на рижан [ЛГИА: № 8], Грамота рижан к витебскому князю Михаилу об обидах, нанесенных рижанам, 1300 г. [ЛГИА: № 19]. Сюда же относится и представленная параллельными текстами на древнерусском и средненижненемецком языке Договорная торговая грамота между Ригой, Ливонским Орденом и Полоцком 1338 г. [ЛГИА: № 30, 32]. Грамота на древнерусском языке начинается с характерного зачина, указывающего, от чьего имени выдана эта грамота: *тако хотим мы горожане с мѣштеремъ* 'так хотим мы, горожане (рижане) с магистром' [там же]. Немецкий историк права Л. К. Гётц, исследовавший русско-немецкие договоры, полагает, что в данном случае оригинал сначала был создан на средненижненемецком языке, затем в Ливонии был переведен на (древне)русский язык и из Риги доставлен в Полоцк для закрепления печатями [Goetz 1916: 337].

В-третьих, именно ганзейская сторона, судя по документам, уделяет большое внимание переводчикам, их деятельности, их образованию, а также следит за тем, кто и как может преподавать и изучать русский язык. Известно, что оговаривался даже возраст молодого человека, способного изучить русский язык [цит. по Glück 2002: 279]:

Nen lere kint boven twintich iar olt scal leren de sprake in deme Nougardeschen richte, noch to Nougarden en binnen, he se we he si, de in des kopmannes rechte wesen wil
[Никакой ученик свыше двадцати лет не может учить язык во владениях Новгорода или в самом Новгороде, кто бы он ни был, если он желает стать настоящим купцом].

Таким образом, история социального термина др. *тълкъ*, латыш. *tulks*, снн. *tolk* демонстрирует взаимодействие, переплетение «своего» и «чужого», являющегося отражением сложной картины исторических культурно-языковых контактов.

Литература

Бенвенист Э. 1974 — *Общая лингвистика*. Москва.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1984 — *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. В 2-х т. Тбилиси.

ГВНП — *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. Ред. С. Н. Валк. Москва — Ленинград, 1949. (Указывается номер грамоты в данном издании).

Грінченко Б. 1997 — *Словарь української мови*. Репринтне видання, 1907–1908. Т. 2. Київ.

Даль В. И. 1958. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4-х т. Репринтное издание 1880–1882 гг. Т. 2. Москва.

Инфантьев Б. Ф. 1980 — Русский язык в Остзейском крае до XVIII века. *Acta Baltico-Slavica*. № XIII. С. 85–109.

Колесов В. В. 2000 — *Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека*. Санкт-Петербург.

Кошкин И. С. 2008 — *Русско-германские языковые контакты в грамотах Северо-Запада Руси XII–XV вв.* Санкт-Петербург.

Кошкин И. С. 2012 — Текстовые формулы в письменных памятниках Северо-Запада Руси как отражение русско-немецких языковых контактов. *Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве*. Отв. ред. Н. В. Большакова. Псков. С. 16–27.

ЛГИА — *Латвийский государственный исторический архив* (Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs, Rīga), фонд 673, опись 4. (Указывается номер архивного дела).

Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. 2002 — *Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов*. Москва.

Срезневский И. И. 1989 — *Словарь древнерусского языка*. Репринтное издание 1893–1912 гг. В 3-х томах. Москва.

Фасмер М. 1986–1987 — *Этимологический словарь русского языка*. В. 4-х т. Перевод с немецкого и дополнения чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачёва. Издание второе, стереотипное. Москва.

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Ред. О. Н. Трубачёв. Выпуск 15. Москва, 1988.

Янин В. Л. 1991 — *Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий*. Москва.

Būga K. 1958–1961 — *Rinkiniai raštai*. Z. Zinkevičius (sud.), V. Mažiulis (red.). Trys tomai. Vilnius.

EES — *Eesti etimoloogiaõnaraamat*. Koostanud ja toimetanud Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2012, <http://www.eki.ee/dict/ety/> (просмотрено 29.04.2016).

EWD — *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. Erarbeitet unter der Leitung von Wolfgang Pfeifer. 4. Auflage der Taschenbuchausgabe. München, 1999.

Fraenkel E. 1962 — *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Bde 1–2. Heidelberg.

Glück H. 2002 — *Deutsch als Fremdsprache in Europa vom Mittelalter bis zur Barockzeit*. Berlin; New York.

Goetz L. K. 1916 — *Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters*. Hamburg.

Holthausen F. 1934 — *Altenglisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.

Karulis K. 1992 — *Latviešu etimoloģijas vārdnīca*. 2 sējums. Rīga.

LivUB — *Liv-, Est-, Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten*. Hrsg. F. G. Bunge, H. Hildebrand. Bde 1–15. Riga; Moskau, 1853–1914. (Указывается номер документа в данном издании).

LLVV — *Latviešu literārās valodas vārdnīca*. 1.–8. sējumi. Rīga, 1972–1996.

Lübben A. 1995 — *Mittelniederdeutsches Handwörterbuch*. Vollendet von Christoph Walther. Repr. Nachdruck. Darmstadt.

Machek V. 1971 — *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha.

Milenbahs K, Endzelins J. 1923–1932 — *Latviešu valodas vārdnīca*. Red., papild., turp. J. Endzelins. 1.–4. sējumi. Rīga. (Mühlenbach K, Endzelin J. *Lettisch-deutsches Wörterbuch*. 1.–4. Bde.)

Pokorny J. 1959 — *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. Bern, München.

RB — «Ein Rusch Boeck...»: *ein russisch-deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert*. Hrsg. Adam Falowski. Köln; Weimar; Wien, 1994.

Schützeichel R. 1989 — *Althochdeutsches Wörterbuch*. Tübingen.

Słowski F. 1970–1974 — *Słownik etymologiczny języka polskiego*. T. IV. Kraków.

Stang Chr. S. 1972 — *Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen*. Oslo; Bergen; Tromsö.

Stender-Petersen A. 1927 — *Slavisch-germanische Lehnwortkunde*. Göteborg.

Švābe A. 1926 — *Pagasta vēsture. Pirmā daļa: Līdz krievu laikiem*. Rīga.

Trautmann R. 1970 — *Baltisch-Slavisches Wörterbuch*. Unveränderter Nachdruck der 1. Auflage von 1923. Göttingen.

Сокращения

герм.	— (пра)германский
гот.	— готский
двн.	— древневерхненемецкий
дрангл.	— древнеанглийский
дргреч.	— древнегреческий
дрр.	— древнерусский
дрсакс.	— древнесаксонский
ие.	— праиндоевропейский
лат.	— латинский
латыш.	— латышский
литов.	— литовский
нем.	— немецкий язык
пбл.	— прабалтийский
польск.	— польский
прусск.	— прусский
псл.	— праславянский
русск.	— русский
свн.	— средневерхненемецкий
снн.	— средненижненемецкий
ср.	— сравни
стсл.	— старославянский
укр.	— украинский
чеш.	— чешский
эст.	— эстонский

СВОЕ И ЧУЖОЕ В ОРФОГРАФИИ ЗОГРАФСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ (I): ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ *ЕРОВ* В СИЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ

А. М. КУЗНЕЦОВ

Уже в 1929 году в Тезисах Пражского лингвистического кружка указывалось: «Если понимать под *старославянским языком* тот язык, который употребляли Кирилл и Мефодий и их последователи для литургических целей и который в течение X–XII вв. являлся литературным языком всех славян, исповедовавших православие, — то было бы методологически неверно считать этот язык одним из живых славянских языков X–XII вв. и изучать его с позиций исторической диалектологии», и далее: «Местные редакции старославянского языка (его литературные диалекты) можно обнаружить в результате анализа используемых писцами с X до начала XII в. языковых норм. Эти литературные диалекты старославянского языка необходимо строго отличать от живых славянских диалектов, особенности которых проникают в тексты как ошибки и незначительные отклонения от нормы, характерной для того или иного писца» [Тезисы 1967: 32–33].

Получая южнославянскую рукопись для копирования, древнерусский писец вряд ли разбирался в том, мораванину, болгарину или сербу принадлежат какие-то инновации в антиграфе. Он редактировал текст, опираясь на те сведения в области графики и орфографии, лексики и т. п., которые приобрел в процессе обучения чтению, книжному произношению и переписыванию книг. Но и болгарского писца XI в. антиграф не интересовал с точки зрения его происхождения, переписать его и при этом озвучить текст он мог, опираясь на навыки, полученные в местной школе письма. Однако графико-орфографические нормы старославянских памятников XI в. до сих пор остаются описанными поверхностно, без различения инноваций и «незначительных отклонений от нормы».

Процесс утраты *еров* в полном объеме рассматривается уже в истории

отдельных славянских языков, что представляется логичным. Но, например, древнейшие памятники древнерусского письма — это те же тексты церковного содержания, которые связаны с корпусом старославянских рукописей. Если мы изучаем историю восточнославянских *еров* по этим памятникам, различая диалектные процессы и книжное произношение, то тщательное изучение старославянских манускриптов должно предварять подобное исследование.

Одной из древнейших старославянских рукописей признается Зографское евангелие (ЗЕ), изданное В. Ягичем [Jagić 1879], ошибки издания по рукописи исправил Н. К. Грунский [Грунский 1907], наиболее полный состав исправлений представлен в работе Л. Мошинского [Moszyński 1961]. Примеры на отражение истории *еров* в этом памятнике приводили многие исследователи, но они носили выборочный характер.

1. Сильная позиция: ь → е, ъ → о

Начнем с самого позднего слоя отражения истории *еров* — с замены исконных *еров* в сильной позиции буквами о и е. А. М. Селищев указал, что «в Зографском кодексе таких примеров мало» [Селищев 1951: 291]; так же считал А. Вайан [Вайан 1952: 46–47] и другие исследователи.

Имеются в виду случаи «прояснения» *еров* в корнях. Их, действительно, не так много. Гораздо чаще замены касаются гласного переднего ряда *еря*:

ь → е: Мф 5.25 въ тѣмнѣнцѣхъ, Ин 19.29 възнѣздѣше, Мф 12.20 не възнѣмѣша еѣ, Мф 25.3 прнѣмѣша, Мф 26.37 поѣмѣ петра, Мф 26.52 вен бо прнѣмѣши ножь, Мф 27.6 прнѣмѣше ѣзрѣбро, Мк 8.32 прнѣмѣ, Мк 14.1 ѣмѣше, Лк 13.21 прнѣмѣши, Ин 19.16 поѣмѣше; и многочисленные примеры с корнем шь(д)-: Мф 4.13 прншѣдѣ, Мф 5.24 шѣдѣ, Мф 8.1 ѣшѣдѣшю, Мф 8.5 възшѣдѣшю, Мф 8.7 прншѣдѣ, Мф 8.14 прншѣдѣ, Мф 8.25 прншѣдѣше, Мф 8.29 прншѣлѣ, Мф 9.10 прншѣдѣше, Мф 9.23 прншѣдѣ, Мф 9.31 шѣдѣша, Мф 11.4 шѣдѣше, Мф 12.45 възшѣдѣше и др. (всего 18, но + 1 – см. ниже).

По мнению Н. Ван-Вейка фонетические причины изменения ь > е в корне (j)ьт- в приведенных примерах касаются только словоформы възнѣмѣша, в то время как в остальных случаях — с j в начале корня — изменение носило аналогический характер [Ван-Вейк 1957: 139], поскольку ожидается фонетическое изменение в (j)i. Аналогия могла идти и от глагола нматн — нѣмѣж с исконным е, ср. случай Ин 7.39 се же рече о дѣствѣ · ѣже хотѣхѣхъ прнѣматн (инф.) на месте исконного прннматн. Но и отрицать фонетиче-

ское изменение [jim-] > [jem-], вызванное понижением подъема перед твердым согласным, нельзя.

На книжное произношение влияла старая орфографическая норма, в результате чего сохранялось побуквенное чтение *им-* как [(j)im-] независимо от позиции. После исчезновения фонем *ер* и *ерь* перед писцом оказывались разные варианты корня: кроме указанных выше случаев с гласным *e*, были формы с *и* — на месте «сильной» позиции Мф 14.19 *прнѣмѣ* и со стяжением Мф 25.1 *прнѣмѣшѣ*, на месте «слабой» позиции Мф 6.2 *въспрнѣмѣтъ*, Мф 10.38 *прнѣмѣтъ* и со стяжением Мф 10.14 *прнѣмѣтъ*, 10.40 *прнѣмѣтъ*, 10.41 *прнѣмѣтъ*. Одна и та же словоформа пишется по-разному: Мф 25.16 *прнѣмѣ* *д̄* *таланѣтъ* (членное дейст. причастие прош. вр. Ип. ед.ч. муж.р.) – Мф 25.20 *прнѣмѣ*. Здесь остается констатировать незавершенность стабилизации нормы. Некоторые примеры могут указывать на интерпретацию писцом буквы *ѣ* не только как знака для гласного [e], но и для [j] — *прнѣмѣ*, как это встречается и в древнерусских рукописях. Но в ЗЕ отражается уже «сбой» в результатах изменения *еров* в сильной и слабой позиции, так, и в корне *шѣд-* наблюдается унификация: Ин 7.50 *г̄ла* *ннкоднѣмѣ* *къ* *нѣмѣ* · *прншѣдѣ* *къ* *нѣмоу* *ноштнѣ* — членная форма причастия образована от именной, где гласный был в сильной позиции.

Примеров на изменение гласного непереднего ряда в корне всего два:

ъ → о: Мк 4.38 на *крѣмѣ* · на *дохѣторѣ* *гѣпа* (*дохѣторѣ* ‘подушка, изголовье’, в МЕ на *крѣмѣ* на *възглавннцѣ*); Мк 11.20 *смоковннцѣ* *осушѣшѣ*.

Существительному *дохѣторѣ* посвятил свою статью Карел Горалек [Horalék 1947–1948]. Первоначально В. Ягич определял это слово как заимствование из немецкого *doftâ, thôfta* ‘Ruderbank’, считая сочетание на *крѣмѣ* · на *дохѣторѣ* лексическими вариантами и при этом учитывая кириллическую запись над строкой на *крѣмѣ* [Ягич 1883: 474, 504]. Однако в греческом тексте также два слова: *τῆ πρῦμνῃ ἐπὶ τῷ προσκεφάλαιον* ‘на корме на изголовье/подушке’. На это обратил внимание Р. Траутман, он же привел нижненемецкую форму *ducht* и предположил существование формы **doftâri*. К. Горалек же предложил этимологию славянскую — с корнем *dъsch-* и привел сербохорватский глагол *dahtati / dâhtati* ‘отрывисто, тяжело дышать; отдуваться’ [Толстой 1957: 118], правда, суффикс *-or-* и в германском слове, и в славянском остался необъясненным. Но если можно на фоне глаголов типа **groxъtati, *rъpъtati, *šъpъtati* реконструировать глагол **dъxъtati* ‘дышать, отдыхать (значения ‘отдыхать, отдых’ отме-

чаются у слов **dъxati*, **dъxъ* [ЭССЯ, 5 1978: 177–178]), то можно предположить и существительное **dъxъt-or-ъ* с суффиксом *-or-*, как у слова **kosorъ/kosorъ* ‘коса, маленький топорик, резак, серп’ [ЭССЯ, 11 1984: 151], в значении ‘предмет или место для отдыха’.

Гораздо больше примеров на замены в суффиксах:

ь → ѣ:

в суффиксе *-ьн-* – Мф 5.21, 5.22 повннѣнъ, Мф 9.32 бѣеѣнъ, Мф 11.16 подобѣнъ, Лк 1.79 на пѣтъ мнрѣнъ, Лк 16.7 длѣженъ, Ин 7.18 ѣстннѣнъ; в суффиксе *-ьд-* – Мф 5.45 правѣднѣнѣ, Мф 10.41 правѣднѣнка · въ има правѣдннѣе, Мф 13.17 правѣдннѣнѣ, Мф 13.43 правѣдннѣ, Мф 13.49 правѣднѣнѣхъ;

в др. суффиксах – Мф 7.4 ѣжѣѣць;

ъ → о:

в форманте **и-основ* – Мф 24.32 ѡтъ ємоковѣннѣ, Мк 11.13, 11.20 ємоковѣннѣ, Мк 13.28 ѡтъ ємоковѣннѣ, Лк 13.6, 21.29 ємоковѣннѣ, Ин 1.49, 1.51 ємоковѣннѣнѣ, Мк 9.42 камень · жрѣнѣнѣ, Лк 17.2 камень жрѣнѣнѣ, Мф 26.61 разорѣнѣнѣ црѣковѣ бѣннѣ, Мф 27.40 разарѣнѣ црѣковѣ, Мк 11.16 єквожѣ црѣковѣ, Мк 14.58 црѣковѣ снѣ, Лк 18.10 въ црѣковѣ, Лк 19.45, 21.38 въ црѣковѣ, Ин 2.19 црѣковѣ снѣ, Ин 8.2 въ црѣковѣ, Лк 22.52 црѣковѣннѣмъ, Лк 23.45 црѣковѣнѣ, Ин 13.35 ѣубовѣ ѣматѣ;

в др. суффиксах – Лк 12.59 поелѣдннѣ трѣхѣтъ (‘грош, лепта’ трѣхѣтъ) въздаѣн.

Один случай в приставке —

ъ → о:

Ин 13.5 волнѣ водѣ въ оумывальннѣнѣ.

Остальные случаи приходятся на флексии —

ь → ѣ:

Т. ед. **и-основ* и на согл. – Мф 3.11, 3.12, 8.14, 13.40 огнѣемъ, Мк 1.30 огнѣемъ, Мк 9.49 огнѣемъ, Лк 3.16, 3.17 огнѣемъ, Мф 8.28 пѣтемъ, Мф 7.22(×2), 9.9 ѣменемъ, Мк 5.22 ѣменемъ, Лк 1.5, 1.59, 1.61 ѣменемъ;

Д. мн. тех же основ – Мф 16.10 ѣтѣрѣмъ тѣѣштѣмъ, Мф 27.64 ѣудѣмъ, Лк 20.9 къ ѣудѣмъ, Мк 1.33 къ двѣрѣмъ, Лк 1.20 словѣемъ моимъ, Мк 6.11 єдомомъ · лн гоморѣнемъ, Лк 10.12 содомѣнемъ, Лк 19.2 єтарѣ мѣтарѣмъ, Лк 20.9 дѣлатѣлемъ, Лк 21.12 къ црѣмъ; Ин. 2.6 лн трѣмъ мѣрамъ;

М. мн. тех же основ – Мф 4.23, 9.35, 26.5 въ ѣудѣхъ, Лк 21.23 на ѣудѣхъ, Мф 24.33 прн двѣрѣхъ, Мк 11.4, 13.29 прн двѣрѣхъ, Ин 18.16 прн двѣрѣхъ, Мк 6.36 къ

окръстѣннѣхъ селѣхъ і вьсехъ, Лк 22.28 въ напастехъ, Лк 2.7 въ ѡслехъ, Мф 5.12, 5.45, 6.1, 6.9 на небееехъ, Мк 13.32 на небсехъ, Лк 11.2 на нсехъ, Мк 10.24 ѡ словесехъ, Лк 1.4 словесехъ, Лк 1.7, 2.36 въ днехъ, Лк 2.46 по трѣхъ днехъ, Лк 15.13 не по мнозѣхъ днехъ, Лк 11.46 прнкасаете сѧ брѣменехъ, Ин 4.9 самарѣнехъ;

в сочетании с постпозитивным местоимением — Мф 6.11 днесь, Мф 11.23 до днесьнѣаго днѣ;

ъ → о:

Т. ед. *й-основ — Мф 24.45 надъ домоумь;

М. мн. тех же основ — Мф 11.8 въ домоухъ;

в сочетании с постпозитивным местоимением — Мф 11.16, 24.34 родесь, Мк 8.12, 13.30 родесь, Лк 11.29 родесь · родъ лжаквъ ееть, Мк 12.16 образьсь, Лк 23.48 на позорьсь, Ин 7.8 въ праздникоьсь, Ин 7.49 народсь, Лк 12.43 блаженъ работъ;

в сочетании с постфиксом — Мф 25.15, 26.22 кождо, Лк 13.15 кождо, Ин 6.7 кождо, Ин 16.32 кождо (ср.: Ин 7.53 къждо);

в окончании односложных указательных местоимений И.= В. ед. ч. муж. р. — Мф 26.48 ёгоже аште лобжж · то есть · ѡмѣте н; Мк 14.44 ѡмѣте н то ёеть.

В литературе делались попытки объяснить изменение $ь > е$, $ъ > о$ во флексиях нефонетическим путем — унификацией по мягкому склонению *й-основ (Т. ед., Д. мн.) и унификацией начального форманта флексии — гласного $е$ — в склонении на согласный [Ван-Вейк 1957: 242–243, 247–248]. В качестве доказательства привлекались рукописи, в которых переход $ь > е$ в других случаях не отмечается (Саввина книга, Супрасльская рукопись). Форму въ домоухъ в ЗЕ также объясняли аналогией, но внутри *й-склонения, где в И. и Р. мн. ч. флексии начинались гласным $о$, при этом отмечали немногочисленность примеров на переход $ъ > о$. Думается, для ЗЕ нет надобности предполагать только морфологический процесс унификации: переход $ь > е$, $ъ > о$ в говоре писца уже осуществился. Кстати, композиты типа родось представляют уже не живой процесс «вокализации» еров, а морфонологическую модель сочетания субстантива с членом.

Кроме того, выделяются случаи замены конечного ера в предложе перед следующим словом с начальным гласным [о]: Мф 10.29 безо оца вашего, Лк 9.35 ѡзоблака. Оба случая касаются предлогов, которые этимологически не содержали ера и получали его в результате аналогии, ср. Лк 6.49 безд основаньѣ, Лк 22.35 безд влагалашта, но: Мф 4.4 ѡз оустъ бжн, Мф 7.5 ѡз оуесе, Мф 10.14 ѡз домоу, Мф 14.29 ѡз корабль, Мф 15.16 безд-а-разоума, Лк 22.6 безд народа, Мф 13.22 безд плода. Здесь имела место ассимиляция гласных на

стыке в то время, когда *ery* еще существовали в языке. Подобные примеры встречаются и в древнерусских рукописях [Зализняк 1993: 258–262]. В ЗЕ писец или только копирует формы антиграфа, или сам произносит в такой позиции [о-о] как вариант наряду с [о]. Допустимо предположить, что вариант [о-о] может возникать, если начальный гласный следующего слова получает глухую гортанную смычку, а конечный звонкий щелевой согласный предлога перед этой смычкой становится долгим и лабиализованным (особенно при медленном проговаривании): бѣ[з^оо]тъца > бѣ[зо^о]тъца.

Иногда в сильной позиции отмечается мена ъ → ь: Мф 11.29 вѣзмѣтъсѣ, 13.12 вѣзмѣтъсѣ, 15.33 вѣзмѣмъ; Мк 2.22 вѣлѣтън. Вряд ли межслоговая ассимиляция согласных и гласных касается последнего писца, то есть писца ЗЕ, у которого мы находим пример в Ин 13.5 вѣлѣтъ. Подобная ассимиляция наблюдается и в примерах с другими гласными: Мф 16.18 вѣзидѣтъ цркъвъ мож · ѿ врата адова не оудѣлѣтъ ѣн; Лк 22.21 вѣ мнозѣ етъ на трѣпѣзѣ; Мк 9.42 дѣбрѣ ѣмоу стѣ <= етъ > пауѣ; 9.43 дѣбрѣ тн ѣтъ; 9.45 дѣбрѣ тн ѣтъ вѣннтн вѣ жнкотѣ хромоу. Процесс, вероятно, был активным до падения еров, а писец ЗЕ только копирует антиграф, иногда при этом с описками: Лк 9.3 ѿ рече къ ѣнмъ · ннучсоже не вѣзѣмѣте (так! вѣзмѣте?) на пѣтъ. В слабой позиции подобные написания, скорее, говорят об ассимиляции только согласных: Мф 13.31 вѣзмѣтъ, 13.33 вѣзмѣтъ. Тем не менее возникают графические варианты, не отражающие напрямую произношение. Может быть, этим объясняются и более странные примеры: Мф 26.41, Мк 14.28 вѣ бѣдѣтъ (ср. Мф 24.43 вѣдѣтъ оубо бн); Лк 5.30 рѣпѣтъ~ахъ; Лк 4.38 тѣшта же енмоѣтъ бѣ · одрѣжнма огнѣмъ вѣлѣмъ (ср. прилаг. тѣштѣ); Ин 19.46 вѣртѣтъ (о варианте вѣртопѣ см. [Селищев 1951: 287–288]).

2. Исконные еи ѡ: е → ѡ, о → ѡ

Случаев написания еров на месте исконных гласных [е] и [о] меньше и обычно на них не обращают внимания, несколько случаев указал Дильс [Diels, I 1932: 101–103]. Приведем все примеры:

ѣ → ѡ:

в корне – Мк 2.22 вѣ мѣхѣ вѣтѣхѣ, Мк 15.25 бѣ же годнна трѣтъѣ;

во флексии Т.п. ед.ч. *ѡ-склонения – Мф 5.25 съ сѣпѣрьмъ своимъ;

в суффиксах – Мф 27.34 оцѣтъ съ злѣунѣ размѣшьнѣ, Лк 7.23 ѿ блажѣнѣ сстѣ ѿ же ѣште не съблазнтѣ сѣ ѡ мнѣ;

в окончании односложного местоимения ср.р. – Мф 28.11 **ѣ** ѣтерѣ отъ коустов днѣа;

в форманте относит. местоимения м.р. – Мф 5.16 **ѣ**жѣ ееть, Мф 5.19 а **ѣ**жѣ сътворитъ, Мф 5.21 **ѣ**жѣ бо, Мф 5.22 **ѣ**жѣ бо речеть, Мф 5.22 **ѣ**жѣ речеть, Мф 5.45, 6.1, 6.18, 7.3, 7.11, 7.21, 16.17 **ѣ**жѣ ееть, Мф 7.24 **ѣ**жѣ създаа; Мк 2.42 а **ѣ**жѣ не ѣмать, Лк 6.42 **ѣ**жѣ ееть.

Утверждать, что в форме **ѣ**жѣ имеет место полная редукция гласного [е] под влиянием других форм муж. рода — напр. мжжѣ — не обязательно. Возможно, форма нжѣ вместо иже представляет собой графическое уподобление. Форму **ѣ**жѣнѣ в ЗЕ авторы старославянского словаря [Старославянский словарь 1994: 11, 91] приводят в качестве гапакса, считая ее прилагательным с суффиксом -ѣн-. На фоне многих примеров с взаимозаменяемой букв е и ѣ такое решение неоправданно.

о → ѣ:

в корне и префиксе – Лк 22.38 **дѣ**вѣльнѣ ееть; Мф 5.41 **прѣ**пърнште едно (так!); во флексиях *ѣ-склонения И.–В.п. и Т.п. ед.ч. – Мф 16.19 **ѣ** еже аште съважши на землѣ · бждеть съважанѣ на небѣхѣ, Лк 8.23 въ езерѣ, Мф 13.14 словухъм оуѣлшнште, Мк 1.26 глаеѣмъ велнемъ, Лк 23.46 глаеѣмъ велемъ, Лк 9.32 бѣахѣ отагѣуєнн ѣнѣмъ;

в форманте аориста – Мф 25.20 **прѣ**обрѣтъхѣ (даже если это аорист, переправленный из асигматического на сигматический);

в наречных образованиях – Мф 5.24, 7.5 **тѣ**гда, Лк 20.13 **не**вѣдн.

Когда исследователи пишут, что примеров на переход *еров* в гласные [е] и [о] в рукописи находится мало и, следовательно, процесс находится еще только в начале, смущает в подобных рассуждениях нелогичность: если переход уже фиксируется, то как понимает писец значение букв *ер* и *ерь*? Все равно их читает как [ъ] и [ь], которых в живой речи уже нет? Или в одних словах фонетический переход проходил, а в других *еры* сохраняли свое фонетическое качество? В принципе, возможны две ситуации в связи с вариантами ѣ-ѣ и ѣ-о в ЗЕ: 1) писец держит перед собой антиграф с отражением перехода, а в его произношении он еще не осуществился или пошел иным путем (ср. ситуацию начала письменности на Руси); 2) перед писцом антиграф с архаичным письмом, различающим ѣ и ѣ, ѣ и о, а в произношении писца такого различия уже нет, он старательно копирует текст, иногда допуская отступление от старых норм.

В связи со случаями написания *еров* на месте исконных гласных [е]

Изредка форма причастий имеет суффикс, обозначенный буквой юс *малый* с «хвостиком» €̅, которую В. Ягич передал знаком Δ: Мк 14.13 *і сзрѣштѣтъ въ ѱкѣ · въ склѣдольницѣ водѣ несаΔ* (то же в Лк 22.10). Эту букву интерпретируют как [e] после твердого согласного [Вайан 1952: 37–38] или [a].

Членные формы прилагательных, производные от именных форм с гласным **ū* в окончании, также пишутся через *зи*:

Р.п. ед.ч. жен.р. — Мф 27.45 *штѣ шестѣмъ же годннзи*;

В.п. мн.ч. муж. и И.=В. мн.ч. жен. р. — Мф 5.45 *дждѣтъ на правѣднѣмъ · і нев правѣднзи*; Мф 8.20 *лнси ѣзвннзи имѣтъ і пѣнѣ неѣскѣмъ гнѣзда*.

У действительного причастия наст. вр. подобная членная форма отмечена единожды: Ин 11.26 *і вѣкѣ жнвѣн · і вѣровѣн въ ма не оумрѣтъ въ вѣкѣ*. Обычно же членная форма пишется через юс *малый* с «хвостиком» €̅: Мк 11.09 *бгвнѣ градн въ іма гнѣ*; 13.16 *і сдѣ на еелѣ · да не вкзу вратнтѣ са въепѣтъ*; Ин 6.57 *поѣзла ма жнвѣн оцѣ*.

Однако формы И. и В.п. м.р. ед.ч. членных прилагательных (производных от именных с флексией **-ъ*) пишутся через сочетание *ѡж* = *зи*: Мф 4.5 *въ сѣмъ градѣ*, 6.24 *ннкѣмъ же рабѣ*, 8.20 *снѣ ѱскѣмъ*, 10.2 *прѣвѣмъ же снмонѣ*; так же — и дейст. причастия прош.вр.: Мф 10.39 *шбрѣтъмъ дшѣмъ своѣмъ погоубнтѣ нѣ*. Подобное оформление окончаний указывает на то, что до падения *еров* аккомодация [ъj̅] > уj̅] в говоре писца протографа не происходила.

Обычно такое сочетание букв отмечается и в косвенных падежах мн. числа и Т.п. ед.ч.: Мф 5.19 *енѣмъ малѣмъ*, Лк 21.23 *горѣ непразднѣмъ*, Мф 24.3 *еѣ глагомъ велнмъ трѣбнѣмъ*, 25.8 *боумъ рѣшѣмъ мждрѣмъ*, где следует подозревать отражение произношения [ъ(j)j̅] до распределения *еров* по позициям — сильной и слабой (заслуживает внимания и знак над второй буквой). Случай с *ерем* на месте *ера*: Мк 1.8 *ѣ тѣ крѣтнтѣ въ дѣомъ еѣмъ* — В. Ягич сопроводил комментарием, что буква читается неясно.

Подобное сочетание букв видим и на стыке приставки и корня: Мк 2.20 *отѣметѣ ел* — [ъj̅], то же — Мк 4.15, 4.25, Лк 8.18, 10.42, 19.26 *отѣмѣтъ* (Лк 11.22 *отѣметѣ* — пропуск *і*), 24.53 *вѣѡжъ вѣнѣ · въ црѣкѣ*, 1.76 *прѣвѣдшн*. Это древнейший орфографический слой евангельского текста, не нарушенный переписчиком рукописи ЗЕ, но ср.: Мк 5.5 *вѣнѣ* со стяжением.

Только один раз отмечена форма В.п. ед.ч. прилагательного с отражением аккомодации: Ин 6.32 *нѣ оцѣ моі · даѣтъ вамѣ хлѣбѣ істиннѣнѣн сѣ неѣе*. Редкие примеры аккомодации отмечаются еще на стыке предлога и корня — Мф 14.29 *і прнде къ неѣн*, 26.17 *прнстѣпнша оуѣнннн къ неѣ*,

в конце слова перед союзом — Лк 1.50 $\dot{\text{и}}$ мно́стѣ ѿго въ родѣ $\dot{\text{и}}$ родѣ бо́лѣшнѣмъ сѧ е҃го.

С другой стороны, те же формы прилагательных и причастий прошедшего времени могут писаться и через букву ѣ (ѣѣ), которая говорит о стяжении [ъ(j)і] и [ъ(j)і] > [ѣ]:

И = В.п. ед.ч. муж.р. — Мф 6.32 въстѣ бо оцѣ въшь небѣскѣ; 9.33 $\dot{\text{и}}$ нзгнаноу бѣсоу · прогѣла нѣмѣ; 11.23 и тѣ кафѣрнаоумѣ · възнесѣ сѧ до небѣ; *И.п. ед.ч. муж.р. местоимения:* Лк 24.25 $\dot{\text{и}}$ тѣ <то есть *tѣjі 'тот'> рече къ нѣма, Лк 14.31 ли кѣ цѣрь · іды къ іномоу цѣрю · сзнити сѧ на бранѣ;

Косв. п. мн.ч. — Мф 7.13 вындетс жѣзѣкѣмн братѣ, 10.1 на доустѣхъ неунв стѣхъ; Лк 4.43 дроугѣмъ градомъ, 14.7 къ зѣванѣмъ, 22.52 стратнгомъ цѣрѣковнѣмъ, Лк 24.5 сѣ мртѣвѣмн.

Стяжение отражено еще в форме императива: Мф 6.17 тѣ же постѧ сѧ помажн ен глаѣж евож · $\dot{\text{и}}$ лице твое оумѣ, М.п. существительного: Мк 9.42 камень · жрѣновнѣ ѿ **вѣ** ѿго. Эти результаты, скорее всего, возникли уже после падения *еро*, когда утратилось различие гласных по долготе.

Распределение архаических и новых форм прилагательных и причастий по текстам евангелий представлено ниже в таблице:

	Мф	Мк	Лк	Ин	
<i>И=В ед. муж. -ѣ</i>	53	21	7	1	
<i>Косв.п. мн. -ѣхъ</i>	27	21	30	2	
<i>И=В ед.ч. -ѣ</i>		15	16	19	33
<i>Косв.п. мн. -ѣхъ</i>		1	–	16	7

Интересно, что к концу рукописи архаические формы исчезают. Скорее всего, писец сначала строго следовал антиграфу и писал в членных формах сочетание ъ , которое когда-то обозначало произношение [ъ(j)і] или [ъ(j)і]. Но поскольку в речи писца ЗЕ *еры* уже отсутствовали, он должен был озвучивать их иначе — в соответствии со своим произношением.

Сам издатель ЗЕ В. Ягич в предисловии [Jagić 1889: XXIV–XVI] высказал мнение, что писец во всех случаях с сочетанием **ѣѣ** (ѣ) произносил [oj / oji], на что указывает единственный случай с написанием о) в окончании В.п. ед.ч. муж.р.: Лк 1.72 $\dot{\text{и}}$ помѣнѣтн закѣтѣ стѣи скои, — ср., например, Мф 4.5 въ стѣи градѣ. Однако здесь и *уже* другая — **ѣѣ**, и отсутствие других подобных примеров заставляет думать, что писец мог просто недописать *ер*

в диграфе *ery* ѿѣ или, переписывая побуквенно (а здесь слово сокращено!), озвучил *er* как [o]. Кроме того, некоторые исследователи предполагают здесь буквенную аттракцию под влиянием следующего слова. А. М. Селищев все-таки признавал болгаро-македонское произношение [oj], которое позже в болгарских говорах исчезнет [Селищев 1951: 297–298].

Если писец ЗЕ и произносил в окончании [oj] в обыденной речи, то все-таки в тексте евангелия отражал церковное произношение [y (ы)] и отождествлял сочетание ѿѣ с диграфом ѿѣ. В ходе переписки он постепенно перестал следовать за антиграфом и все чаще стал писать привычный диграф ѿѣ. Формы И = В.п. ед.ч. муж.р. на *-ъи* / *-ои* и косв.п. мн.ч. на *-оимъ*, *-оими* унаследованы были древнерусскими писцами XI в., но вряд ли соотносились напрямую с реальным произношением — древнерусским или церковным [Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006: 91–95, 106–107, 11–113].

Отметим также пример: Лк 1.59 бѣстѣ въ осмы днь, где мягкая основа вместо твердой осмы / осмы, вероятно, мотивирована мягкой группой [с'м'ь] в формах количественного числительного осмь.

Следует заметить, что примеры с аккомодацией *vj > uj*: Ин 6.32 хлѣбъ ѿстннннѣн, Мф 14.29 кѣ нѣкн не принадлежат писцу ЗЕ, у которого *erov* уже нет в речи, это также следы антиграфа.

4. Сильная позиция: *bjj, *bjj̄ = ѣ / нѣ (н) / н

Передний гласный *erъ* [ь] гораздо реже отмечается без аккомодации перед *j*, так, в Киевских листках имеется только три примера для сильной позиции: G.pl. бѣ заповѣды (ѿ+гѣзѣальѿѣ); т. Acc.sing. 3v, бг сѣ (ѿѣѣ); а остальные 6 примеров относятся к слабой позиции: 1v ѣстѣтѣн; 4г, 4v, бг, 7г млостѣн; 5г помощѣн. Обычно же пишется на месте *erя* или ѣ, или ѿ, а в последовательности из двух и — ѿѣ или ѿѣ [Кузнецов 2015: 56–57]. Вероятно, аккомодация *erя* происходит гораздо быстрее, чем *era*, в силу того что звуки [ь] и [j] артикуляционно и акустически близки.

В ЗЕ графические сочетания ѿѣ, ѿѣ (ѣ, ѣ), в которых *erъ* когда-то был сильным (сочетание ѿѣ = ѣн в этой позиции не встречается), отмечаются очень редко:

И = В.п. ед.ч. муж.р. член. причастий — Мф 26.68 кѣто естѣ оударѣ тѣ; Мк 10.30 въ вѣкъ градѣштѣ; 14.20 ѿмоуѣ сѣ мѣноѣ въ солло; Лк 10.37 сѣтворѣ млостѣннѣ сѣ ннмѣ; 18.30 въ вѣкъ градѣштѣ.

И = В.п. ед.ч. муж.р. крат. и притяж. прилагательных, сравн. степени (суффикс): Мк 15.37 $\overline{\text{Н}}\overline{\text{С}}$ же поушть гласъ велы · $\overline{\text{I}}\overline{\text{Z}}\overline{\text{D}}\overline{\text{Z}}\overline{\text{S}}\overline{\text{E}}$; 15.39 въ истннѣ $\overline{\text{Y}}\overline{\text{K}}\overline{\text{Z}}$ съ · $\overline{\text{C}}\overline{\text{N}}\overline{\text{Z}}$ бжы въ; Лк 9.48 всѣхъ васъ · съ естъ кашты; 22.26 нъ болы васъ · да бждеть ѣко $\overline{\text{I}}$ мьни.

Р.п. мн.ч. суц.: Мк 11.26 $\overline{\text{O}}\overline{\text{T}}\overline{\text{Z}}$ поустнтъ прѣгрѣшены вашнхъ; 12.29 ѣко пръвѣшн заповѣды · $\overline{\text{E}}\overline{\text{S}}\overline{\text{T}}\overline{\text{Z}}$ веѣхъ; Лк 1.78 мнозерды радн мностн бѣ нашго;
В корне: Мк 15.7 $\overline{\text{I}}$ же въ горѣ оубыства створнша.

Надо сказать, что в евангелии от Иоанна вообще отсутствуют написания с ерем перед иже. Обычно и в первых трех евангелиях пишется сочетание из двух иже:

И = В.п. ед.ч. муж.р. член. причастий и прилагательных — Мф 5.26 дондеже въздасн послѣднн · конздратъ; 26.23 $\overline{\text{O}}\overline{\text{M}}\overline{\text{O}}\overline{\text{Y}}\overline{\text{N}}\overline{\text{I}}$ съ мноѣхъ въ солнло ржкѣ; Лк 2.15 $\overline{\text{I}}$ виднмъ глѣ съ бзвѣшн;

И = В.п. ед.ч. муж.р. крат. и притяж. прилагательных, сравн. степени (суффикс): Мф 4.3 аште съ еси бжн; 5.19 съ велн нареуетъ сѣ; 12.12 колбмн оубо лоуун естъ $\overline{\text{Y}}\overline{\text{K}}\overline{\text{Z}}$ овьуате; Мк 1.6 медъ днвн; 9.31 въ трстн днь;

Р.п. мн.ч. суц. и прилаг.: Мф 14.21 развъ женъ $\overline{\text{I}}$ дѣтн; Мк 1.13 дьнн б; 7.7 заповѣдн $\overline{\text{Y}}\overline{\text{Y}}\overline{\text{S}}\overline{\text{K}}\overline{\text{Z}}$; Лк 24.13 стадн шесть дссатъ; 23.27 многоз народъ людн; Ин. 1.13 не отъ рзвн; 2.15 бнучь отъ рзвн; Мф 4.4 $\overline{\text{I}}$ з оустъ бжн.

В корне или суффиксе: Мк 5.18 възодаштоу смоу въ ладнцѣ; Лк 23.25 за крамож · $\overline{\text{I}}$ оубнство; 23.22 онъ же третнцѣж рече къ ннмъ;

Стяжение в форме И. = В. падежей ед. числа муж. рода членных прилагательных и сравнительной степени — явление редкое:

Мф 6.34 оутрѣнн бо днь; 8.24 $\overline{\text{I}}$ се тржсъ велн възить; 11.11 мьнн же въ црствѣ нбѣцѣемъ болн его сстъ;

Лк 9.37 въ прочн днь; 15.13 създравъ всс мьнн снъ;

Ин 13.16 нѣсть рабъ болн гѣ; (под титлом) 1.29, 3.36 бжѣ, 1.36 бжн.

Так же редко отмечается стяжение в Р.п. мн.ч. и в корне: Мк 6.56 възкрнн рнзды его прикоснжтъ сѣ; Ин 8.44 онъ $\overline{\text{Y}}\overline{\text{K}}\overline{\text{O}}\overline{\text{O}}\overline{\text{U}}\overline{\text{B}}\overline{\text{N}}\overline{\text{I}}$ ца въ $\overline{\text{I}}$ сконн. В И.п. мн.ч. членных прилагательных: Мф 11.5 слѣпнн прозрнжтъ · $\overline{\text{I}}$ хромн ходатъ — стяжение захватывает сочетание исконно долгих гласных.

Получается, что стяжение в сочетании **vji* опережало подобный процесс в сочетании **vji*.

Что касается косвенных падежей мн. числа членных прилагательных и причастий, а также Т.п. ед. ч., то в Мф форм типа -нхъ отмечено 18, а -нхъ —

4; в Мк — соответственно 13 и 1; в Лк — 13 и 17 (в перечне еще 14 стяженных); в Ин только стяженные — 14 форм.

И только действительные причастия иногда получают флексии с последовательностью *-el-*: Мк 4.24 *камъ слышаштѣимъ*; Лк 15.10 *ѡ ѣдномъ грѣшницѣ кажштѣимъ са*; Ин 1.22 *да отвѣтъ дамъ погьлавъшеимъ ны*; 6.11 *възлежаштѣимъ*. Однако эти формы скорее следует считать производными от именных и членных форм И.п. мн.ч. муж.р. типа Мф 13.13 *слышаштѣ*, 5.4 *плаужштѣн*. При этом в ЗЕ отмечены и новые формы именных причастий в И.п. мн.ч. муж.р.: Мф 7.13 *ї мнози сѣтъ възходаштн имъ*; Мф 4.16 *людн сѣдаштн въ тѣмъ*, 5.6 *блаженн алужштнц ї жажджштн*. Формы на *-el-* оказываются специфически книжными.

Исключением является и единственная форма с изменением *ь > е* в суффиксе сравнительной степени: Мк 1.7 *градѣтъ крѣплѣи мене*, которая хотя и отражает живое произношение писца, но не вошла в норму церковного языка.

Выводы

Итак, в орфографии ЗЕ выделяется несколько слоев. Первичный слой кирилло-мефодиевской эпохи — это слой, сохраняющий этимологически верное написание *erov*, причем в это время аккомодация отсутствовала в положении перед *j*, поэтому сочетания знаков *ѣ* и *ѣ* (собственно *ѣѣ* и *ѣѣ*) имели разное фонетическое значение. Второй слой отражал аккомодацию *erov* перед *j* в некоторых болгарских говорах (например, восточных) и дальнейшее стяжение гласных, к этому слою примыкает и межслоговая ассимиляция по ряду гласных и мягкости согласных. Для последнего слоя — писца ЗЕ — характерно отсутствие аккомодации *erov* перед *j*, конвергенция фонем *ъ* — *о* и *ь* — *е* (в сильной позиции), что отражается во взаимозамене букв *ъ* ↔ *о*, *ь* ↔ *е*. Однако в книжном произношении писец сохраняет восточноболгарскую традицию с аккомодацией *erov* перед *j* и стяжением последовательностей *-ui-*, *-ii-*, *-ij-*, в результате чего сочетания знаков *ѣ* и *ѣ* (*ѣѣ* и *ѣѣ*) получают одинаковую фонетическую интерпретацию.

Литература

- Вайан, А. 1952 — *Руководство по старославянскому языку*. Москва.
 Ван-Вейк, Н. 1957 — *История старославянского языка*. Москва.

Грунский Н. К. 1907 — К Зографскому евангелию. *Сборник ОРЯС*. Том LXXXIII, № 3. Санкт-Петербург.

Зализняк А. А. 1993 — К изучению языка берестяных грамот. В. Л. Янин, А. А. Зализняк. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.)* Москва.

Кузнецов А. 2015 — Диграф *ery* в первоначальной глаголице. *Valoda–2015. Valoda dažādu kultūru kontekstā*. Zinātnisko rakstu krājums XXV. — Daugavpils. С. 52–58. http://du.lv/wp-content/uploads/2015/12/Valoda_2015.pdf

Кузнецов А. М., Иорданиди С. И., Крысько В. Б. 2006 — *Историческая грамматика древнерусского языка. Т. III: Прилагательные*. Москва.

Селищев А. М. 1951 — *Старославянский язык. Часть первая. Введение. Фонетика*. Москва.

Старославянский словарь 1994 — *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*. Москва.

Тезисы 1967 — Тезисы Пражского лингвистического кружка. *Пражский лингвистический кружок*. Сборник статей. Москва.

Толстой И. И. 1957 — *Сербо-хорватско-русский словарь*. Москва.

Ягич И. В. 1883 — *Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями*. Санкт-Петербург.

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Москва. Выпуск 5. — 1978; Выпуск 11. — 1984.

Diels, Paul 1932 — *Altkirchenslavische Grammatik. Mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch. I. Teil: Grammatik*. Heidelberg.

Horálek, Karel. 1947–1948 — Stsl. *dochъtorъ* (**dъchъtorъ*). *Slavia* 18, 57–60.

Jagić, V. 1879 — *Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus*. Berolini.

Moszyński, L. 1961 — *Ze studiów nad rękopisem Kodeksu Zografskiego*. Wroslaw–Warszawa–Kraków.

К ДИАЛЕКТИКЕ СВОЕГО И ЧУЖОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ РАССЕЯНИЯ¹

И. П. КЮЛЬМОЯ

Проблема разграничения и взаимодействия *своего* и *чужого* издавна интересовала лингвистов с самых разных точек зрения [Пеньковский 1989, Арутюнова 1998, Красных 2003 и многие другие], в силу постоянных изменений в языке не теряет она актуальности и сейчас, на наш взгляд, представляя особый интерес в условиях языковых контактов и развития языка в инокультурном и иноязычном окружении, то есть в диаспоре, в рассеянии. Именно в таких условиях функционирует русский язык в Эстонии и ряде других стран постсоветского пространства. В Эстонии он не является ни государственным, ни официальным языком, вследствие чего утрачены его функции как языка политики, военного дела и др. Однако русский язык сохраняется в СМИ, Интернете, официально-деловых текстах (в основном все же в переводах), является языком образования и культуры, наконец, он употребляется в повседневном бытовом общении, при этом не только в семейной, но и в социальной сфере.

Язык, функционирующий и развивающийся в отрыве от основной территории распространения национального языка, обычно характеризуется лингвистами как имеющий две основные тенденции развития: тенденция к консервации и тенденция к большому количеству заимствований под влиянием окружающего государственного (и поэтому более престижного) языка. Первая тенденция отражает сохранение *своего* — культуры, языка, на основе которого строится культура; вторая представляет процесс освоения *чужого*.

¹ Исследование осуществлено при поддержке гос. программы «Эстонский язык и культурная память», тема ЕККМ14-299 «Составление лексикона народной культуры старообрядцев Эстонии».

О. А. Лаптева определяет консервацию как замедление процессов языкового развития и, в частности, отмечает «ослабление тенденции к демократизации литературного языка, действие которой определяло облик русского литературного языка во все периоды его существования» [Лаптева 1996: 138]. Правда, в основном это касается речи эмигрантов первой волны, «ориентированной прежде всего на литературность, при которой речевые вольности нынешнего разговорного или прежнего просторечного характера не поощряются» [там же]. М. А. Кронгауз в интервью (30.07.2009), связанном с современным состоянием русского языка, с соблюдением его норм («чистота» или «порча» языка) говорит: «Иногда ставят в пример русский язык эмигрантов, особенно первой волны. Действительно, в этом случае можно говорить о консервации языка, но именно здесь и видны ее недостатки. <...> Их <эмигрантов — И. К.> вроде бы чистого русского языка не хватает, для того чтобы говорить обо всем, происходящем в мире. Грубо говоря, они должны либо молчать, чтобы сохранить язык в чистоте, либо начать его пополнять, то есть, исходя из описанной выше точки зрения, «портить». То, что многие называют чистотой — вещь обманчивая. И то, что называется порчей — не порча. Это субъективная оценка изменений. Часто без того, что называется порчей, язык не может прожить. Язык, который остается чистым независимо ни от чего — это язык, ступивший на путь вымирания. Консервация языка приводит к тому, что он перестает отвечать нашим потребностям» [Кронгауз 2009].

В диаспорах, сложившихся на постсоветском пространстве, ситуация несколько иная, прежде всего в силу иных демографических условий (значительно больший процент русскоязычного населения, чем в странах, принимавших русских эмигрантов). Важно также наличие сфер, в которых русский язык сохраняет свои функции (образование, культура, деловое общение и др.), кроме того, в наше время большую роль играет развитие информационных технологий, появление Интернета, социальных сетей и тесное сетевое общение. Можно полагать, что консервация литературной речи в новых диаспорах по сравнению с речью эмигрантов, которых записывала, например, Е. А. Земская, идет медленнее. По всей вероятности, консервация имеет место, но она, несомненно, менее заметна, прежде всего касается реалий, отсутствующих в стране диаспоры (лексика официально-деловой сферы, государственного устройства и др.). Изнутри диаспоры о консервации, впрочем, довольно трудно судить. Предположение о ее замедлении заслуживало бы исследования и статистического подтверждения или опровержения.

В нашем случае мы можем с уверенностью говорить лишь о том, какие единицы языка можно отнести к результату консервации в русских говорах староверов Эстонии². Наиболее показательна в этом отношении еще сохраняющаяся у старшего поколения диалектная лексика, приведем здесь лишь несколько слов: *гнила* (глина), *гуньба* (тмин), *журавина* (клюква), *запряжать* (заставлять, принуждать), *мститься* (казаться, чудиться), *ранний* (прежний, бывший). Можно найти целый ряд архаичных черт и в фонетике, например, явление второго полногласия (*верёх, четверег, столоб*), произношение [шн] на месте исконного [*-чън]: *яны зажито[шн]ые были, брусни[шн]ое варенье* [подробнее см. Ровнова 2004: 145–146].

Более сложные отношения между *своим* и *чужим* наблюдаются в грамматике. С одной стороны, и здесь имеются архаичные, «законсервированные» формы, например:

- членные формы прилагательных: *по дурным дятям, водили туды хлеб пленным* [там же 150].
- формы плюсквамперфекта: *Первом классе два года была сидела. Знакомы крестьяны были там жили в Кастреотсе (Пийриссаар 2011). Жана была запявала песни. Другой был присылал (Пийриссаар 2004). Мама была тоже ходила в моленну (Малые Кольки 2005).*

Такие формы встречаются все же довольно редко, в основном в речи лишь очень пожилых респондентов. [Кюльмоя 2013: 417].

С другой стороны, у некоторых употреблений синтаксических конструкций есть свои особенности в аспекте оппозиции «свое — чужое». Так, в бытийных предложениях встречается имя «бытующего предмета» в родительном падеже: *В яво е братьёв. Так здесь есть таких, что только наливай (Малые Кольки 2005). Бывало, к нам в гости идут вси. А в меня — пирогов! Разностей! Рыбы! (Новая Казепель 2003).* По мнению Н. Д. Арутюновой, «русский язык (возможно, под финно-угорским влиянием) постепенно эволюционировал в сторону «языков бытия» от «языков обладания» [Арутюнова 1997: 59]. Форма родительного падежа в наших говорах, вероятно, поддерживается соответствующей эстонской конструкцией с партитивом при выражении неопределенного количества

² Диалектные примеры почерпнуты из опубликованных и неопубликованных материалов диалектного архива кафедры русского языка Тартуского университета, сформировавшегося на основе записей студентов и преподавателей кафедры (включая автора статьи) в течение нескольких десятилетий.

и нереперентности «бытующего предмета». Конструкции с родительным бытующего предмета, по моим наблюдениям, характеризуют также речь ранних билингвов при усвоении русского литературного языка.

Подобная ситуация наблюдается и в случае с активно используемыми формами северо-западного перфекта в разных значениях [Кюльмоя 2013: 417–419]. Из трех разновидностей перфекта³ наибольшим своеобразием обладает пассивный перфект, по мнению О. Г. Ровновой, высказанному в устном обсуждении, почти утраченный староверами Псковской области, говоры которых О. Г. Ровнова записывала, но, по нашим наблюдениям, хорошо сохранившийся в эстонском Причудье. По-видимому, и здесь сыграла свою роль поддержка несогласованного пассивного перфекта эстонской конструкцией имперсонального (неопределенно-личного) залога, который близок по своей семантике и функциональному потенциалу. Это вполне вероятно, если учесть то обстоятельство, что большая часть староверов двуязычна. Таким образом традиционное *свое* поддерживается *чужим*, в нашем случае — эстонским языком, и может содействовать сохранению *своего*.

Действие второй тенденции — заимствования из окружающего языка, освоения *чужого* — призвано обеспечить соответствие языка потребностям говорящего, то есть жизнеспособность языка. Освоение чужого в языке рассеяния происходит в виде **смещения кодов** — иноязычных, в нашем случае — эстонских — вкраплений в текст. Это процесс, характерный как для литературного, так и для диалектного и других вариантов языка. Вкрапления могут быть в виде лексем, словосочетаний и несколько реже — предложений. В речи даже наивного носителя языка это все же осознанное смешение кодов, обычно в беседе с билингвом, часто для идентификации предмета речи, иногда при подыскивании подходящего слова, при цитации, нередко это языковая игра. Процесс смешения кодов может предшествовать заимствованию. Разновидности вкраплений и их использование в разных стилях литературного языка описаны в [Костанди 2011],

³ 1) причастие на -(в)ши в предикативной функции, чаще от непереходных глаголов совершенного вида (СВ) — *только карточка оставши; он от его научивши* (Березье 2005); 2) пассивный перфект [Маслов 1949] — конструкция «у + существительное / местоимение в род. пад. + страдательное причастие СВ»: *Всё в йих было предусмотрено* (Казепель 2003). 3) пассивный перфект, сходный с пассивом СВ в литературном языке, но отличающийся от него отсутствием согласования причастия с существительным в числе или роде: *В меня уже дети нажито* (Кольки 2005). *Во дворе играю, а двор закрыто* (Березье 2005).

некоторые их типы в речи староверов отмечены в [Кюльмоя 2004: 155–159], поэтому приведем лишь некоторые примеры:

*Вот первый день в Вороньи, а второй день оттудова эти приезжали, там большой **seltsimaja** <народный дом> был (Желачек 2004). В Тарту работал в «Ранна»-отеле (Тони 2004). Вначале я ещё держала корову, поросят дяржала, растила, а потом поступила в «Marat» <название трикотажной фабрики> работать (Муствез 2003).*

Заемствованную лексику в русских говорах Эстонии исследовала О. Н. Бурдакова в своей магистерской диссертации. Ею отмечено около 500 заимствованных слов из финно-угорских языков, в основном из эстонского [Бурдакова 1998]. Имеется и некоторое количество германизмов, однако и они вошли в говоры при посредничестве эстонского языка (*шафрейка, мантель*). В магистерской работе рассматриваются все русские говоры Эстонии, то есть включен также материал северного Причудья, Принаровья и Обозерья, в говорах староверов западного Причудья эстонских заимствований значительно меньше, всего 156 единиц. Заимствования распределяются на тематические группы, среди которых наиболее многочисленная бытовая лексика (жилье, хозяйственные помещения, внутреннее убранство дома, домашняя утварь, питание, одежда, обувь) — 52 слова; сельскохозяйственная лексика (32 лексемы), промысловая и ремесленная лексика (26), народная метрология (8), народные праздники и верования (9), административно-социальная лексика (18); лексика, связанная с человеком (8); лексика, связанная с природой (1), прочее — 2 [Бурдакова 1998: 106–107]. Заимствований нет в профессиональной сфере. Чаще всего вместе с определенными реалиями заимствуется и их название, происходит освоение предмета и освоение слова.

Если обратиться к диалектным записям, можно увидеть, как интерпретируют сами носители говора заимствованную лексику. С этой точки зрения можно распределить высказывания в зависимости от их целей следующим образом:

1. Сопоставление близких по звучанию и значению лексем двух языков:

*Ну, **редель** и по-эстонски *redel*, по-нашему-то — **редель**. Потом морковка — *rogandid*, мы <называем> — **баркан** (Воронья 2003). **Мейерьска** <маслобойня> — куда молоко-то водим. Палаская **мейерьска** была. По-эстонски — *meier*, а мы — **мейерьска**. «Куды молоко?» — «Да в **мейерьску** вяди».*

(Калласте 2007). *Koppel* — по-эстонски, **копля** — по-русски. Закроют кол, загорожено коровам, и им не выйтить (Калласте 1997). Таки слова некоторые есть, что они и грамматически не переводятся: у нас **рабарбар**, а эстонцы тоже — *rabarberid* <ревень> (Кольки 2004). **Кельки** — это что санки, а по-эстонски — *kelgid* (Калласте 2016). А **шафрейка** мы называли, ну по-эстонски «шахвер» <*sahver*>, а так кладовка же (Муствез 2003).

2. Осознание лексемы как заимствованной и указание на язык-источник заимствования:

А мы всё **редель** говорим, это из эстонского (Казепель 2003) Кладовка как по-русски больше, а **шафрейка** больше как на эстонский лад (Кольки 2003). А вот по строительству у мужиков эстонские <слова>: мастерок — **кельма**, брёвна — это **бальки**, **шибер** — это задвижка (Муствез 2003).

3. Оценка влияния эстонского языка на лексический состав говора и заимствований в нем:

У нас такие слова, что с эстонского на русский переделают и всё. Вот как говорили: на гринкиной **копле** мы играли в лапту. А что такое **копля**? *Koppel* — это поляна такая (Муствез 2003). У староверов очень много намешано слов: **третка**, **треп**, по-эстонски — *trepp*, у староверов — **третка**, ну это лестница (Кольки 2014). **Корфики** — корзины картошку носить, мы называли **корфики**. Мы и сейчас говорим **корфик**. Много слов таких смешано с эстонским (Калласте 1997). Вот эта лестница **редель** называют у нас. Это, знаете, смешанный разговор, у нас здесь много таких слов (Ротчино 1996). Была деревня Воронья, это эстонцы переделали в Варнья, а была деревня **Воронья** (Воронья 2003).

4. Указание принадлежности заимствования говору данной местности (чужое, ставшее своим):

Стропила по-нашему — **шпары** (Казепель 2003). Може другие по-другому как-то называли, а мы-то называли **мурником** рабочих, которые ездили строили дома (Казепель 2003). Другой раз в Ленинград приедешь: «А **калики** хотите? — А что это такое **калика**?» Яны говорят бряквя, а мы — **калика**. (Кольки 2003).

5. Оценка заимствованного слова с точки зрения его традиционности, сохранности, реже новизны:

Раньше в байне мылись не с тазов, а с **кипок**. Это прежде так звали **кипка** (Калласте 2007). Так и сейчас **кельки** говорят: «Где **кельки**?» или «Дай **кельки**» (Кольки 2005). Концерт это теперь зовут, а раньше всё говорили: «Куды идёшь?» — «На **пиду** (*pidu*) иду» (Калласте 2007).

6. Сопоставление семантики своего и чужого слова (встречается реже):

*Это и сейчас называют **варуши**. Или в навиды, иль на **варуши**. Ребёнок родится, тогда идут все на **варуши** — это идут смотреть, идут поздравлять (Кольки 2003). Что поршни, что **пастал** — всё онно (Пийриссаар 2004). Каморка, **шафрейка** одно и то же (Пийриссаар 2009). Эта **корфик** и корзинка была две разницы. **Корфик** был значит такой продолговатый немножечко, плетёный. <...> А корзинка, например, была такая четырёхугольная (Кольки 2008).*

Тематику разговорной речи диаспоры отличает, в частности, регулярно возникающая в разговоре тема дву- и многоязычия, что говорит об актуальности этого вопроса для представителей диаспоры. Часто комментируется ситуация сосуществования языков, в наших условиях прежде всего эстонского и русского. Языковая ситуация неизбежно отражается в речи и может становиться попутной или специальной темой разговора. Высказывания о языке, повышенная метаязыковая рефлексия являются, как отмечает Е. И. Костанди, характерной чертой новых дискурсивных практик в диаспоре [Костанди 2016: 276]. Эта черта проявляется и в диалектной речи. Сами носители говора вполне осознают *чужое* слово, даже уже хорошо освоенное и используемое многими.

Таким образом, существование *своего* и *чужого* в языке представляет собой довольно сложный симбиоз перехода из одной категории в другую (прежде всего, освоение чужого), взаимовлияния и в некоторых случаях определенной поддержки *чужим* *своего*. Процессы взаимодействия и варьирования языков представляют собой закономерное явление, способствующее адаптации языковых систем к потребностям носителей языков и в условиях рассеяния составляющие основу формирования типового дискурса диаспоры, который включает в себя темы, актуальные для диаспоры. Ключевыми компонентами такого дискурса являются «актуальная для диаспоры тематика, локализация в «своих» пространстве и времени, особенности языковой рефлексии и характер оценочности» [см. об этом подробнее Костанди 2016: 279].

Литература

- Арутюнова Н. Д. 1997 — Бытийные предложения. *Русский язык. Энциклопедия*. М.: Дрофа. С. 57–59.
- Арутюнова Н. Д. 1998 — Чужая речь: «свое» и «чужое». *Язык и мир человека*. Москва. С. 668–686.

Бурдакова О. Н. 1998 — *Прибалтийско-финские заимствования в русских говорах Причудья*. Диссертация на соискание ученой степени *magister artium* по русскому языку. Тарту.

Костанди Е. И. 2011 — Иноязычные вкрапления в разговорной речи диаспоры. *Humaniora: Slavica Tartuensia IX. Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков*. Тарту. С. 409 – 418.

Костанди Е. И. 2016 — Типовой текст диаспоры: когнитивный аспект. *Русистика и современность*. 18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей, Рига: Балтийская международная академия, 2015. с. 273–280.

Красных В. В. 2003 — «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. Москва.

Кронгауз М. А. 2009 — «Идея законсервировать русский язык, к счастью, неосуществима». https://www.gazeta.ru/comments/2009/07/30_x_3229157.shtml (дата просмотра 20.07.2016).

Кюльмоя И. П. 2004 — О влиянии эстонского языка на говоры Западного Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Издательство Тартуского университета. С. 155–159.

Кюльмоя И. П. 2013 — К синтаксической характеристике говора староверов Эстонии. *Русские старообрядцы: язык, культура, история*. Сборник статей к XV Междунар. съезду славистов. Отв. ред. Л. Л. Касаткин. Москва: Языки славянских культур. С. 414–423.

Лаптева О. А. 1996 — Изучение русской эмигрантской речи как лингвистическая проблема. *Aspektheja*. (= *Slavica Tampereusia. V*). Tampere, 1996. С. 137–145.

Маслов Ю. С. 1949 — К вопросу о происхождении посессивного перфекта. *Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук*. Вып. 14. Ленинград. С. 76–104.

Пеньковский А. Б. 1989 — О семантической категории «чуждости» в русском языке. *Проблемы структурной лингвистики 1985-1987*. М.: Наука. С. 54–82.

Ровнова О. Г. 2004 — О современном языке староверов Западного Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Издательство Тартуского университета. С. 144–154.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА В ГЕРМАНИИ: ОПЫТ ОДНОЙ СЕМЬИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

К. МЕНГ, Е. Ю. ПРОТАСОВА

Введение

Опыт возвращения и вживания в немецкоязычное общество у российских немцев, прибывших на историческую родину два века спустя после отъезда в Россию, интересен во многих отношениях. Их самобытность определяется уже не только традициями, немецким языком и культурой, вкладом в развитие России, Казахстана и снова Германии, но и выживанием в перипетиях XX века [НИЭЭНР], сосуществованием с представителями различных национальностей в Российской империи и СССР, адаптацией к условиям германского капитализма после советского социализма. Разителен контраст между обстановкой, из которой выезжали в конце 1980-х – начале 1990-х, и той, которая сложилась на постсоветском пространстве сегодня. Авторефлексия по поводу пройденного пути, проблемы сочетания языков и культур в современной жизни пожилого поколения репатриантов были предметом дискуссии, состоявшейся в одной семье переселенцев в январе 2016 г. и ставшей материалом для настоящей статьи. Мы проводили так называемые «юбилейные» групповые интервью, отмечая 25 лет интеграции в немецкое общество. Начиная с 1990-х, мы прослеживали, как складывается судьба наших информантов от мала до велика, как они пользуются языками, что для них важно в этой жизни [об этом подробнее см. Менг, Протасова 2015; Meng, Protassova 2016]. Мы строим свои заключения на основе анализа наблюдений за общением в ситуации группового интервью со старшим поколением (обоим супругам за 70, они на пенсии). Его можно рассматривать как дискурс, связанный с построением идентичности [Ainsworth, Hardy 2004].

Говоря об интеграции российских немцев сегодня, следует учитывать два типа источников информации: что говорят люди в повседневной жизни

и что читают о российских немцах в газетах или слышат по телевидению. Жители Германии имеют на этот счет разные точки зрения. В историческом плане со стороны не всегда понятно, что за политическими решениями стояло не единое народное мнение, а борьба мнений среди различных группировок [ср. CESifo]. За последние 30 лет отношение коренных немцев к российским немцам изменилось. Можно наметить три этапа:

1980-е гг., когда приезжали российские немцы, еще говорившие в семье по-немецки, среди членов их семьи лишь в исключительных случаях были не немцы по национальности. Эту иммиграцию приветствовали в политическом отношении скорее консерваторы. Для них не было проблемы в том, чтобы одобрить в качестве основания для получения гражданства принцип происхождения, то есть тот, который применялся к российским немцам и другим «фольксдойче» (то есть этническим немцам, родившимся за рубежом и проживающим в диаспоре). Для них принятие российских немцев имело также антикоммунистическую и антисоветскую направленность. Другие немцы, в большей степени либерально или левоориентированные, выступали за иное основание для получения гражданства (соглашаясь с конституцией страны). Они боялись, что возвращение «фольксдойче» в Германию усилит имеющуюся в Германии националистическую, «антимодерную» совокупность мыслей и в политическом плане поможет ХДС, что и произошло.

1990-е гг.: большое число приезжающих российских немцев и усиление русского элемента у вновь прибывших привело среди многих немцев, особенно менее состоятельных, к страху перед ухудшением своего материального положения и усилением иностранного влияния. Настроение против российских немцев, или, как тогда многие говорили, против «русских», было подобно тому, которое сегодня направлено против беженцев. В СМИ было очень много сообщений о криминальности российских немцев. Политика реагировала ужесточением законов о «возвращении» и новым сокращением финансирования. В дальнейшем с понижением количества прибывающих российских немцев они перестали быть объектом внимания общественности, не упоминалось о них и в повседневных разговорах. Это значит, что проблемы не были заметны.

2010-е гг.: Научные исследования подтвердили положительную и прогрессирующую от поколения к поколению интеграцию российских немцев [Woellert et al. 2009], например, высоко ценятся их успехи по сравнению с другими группами иммигрантов, особенно с турками, и официальные СМИ это констатировали. Новый акцент проявился, правда, в связи с украинским кризисом и Крымом. В газетах сообщалось, что российские

немцы смотрят прежде всего российские СМИ и являются сторонниками Путина. По нашим наблюдениям, это касается прежде всего старшего поколения. В политическом смысле образование российских немцев за время жизни в Германии не претерпело существенных изменений. Изменить это положение трудно, особенно на примере вышеназванного конфликта, тем более что официальное формирование общественного мнения на этот счет не вполне прозрачно. Отношение к беженцам как к угрозе широко распространено не только среди российских, но и среди коренных немцев, особенно среди тех, кто боится за свое будущее и свое социальное положение, что, в свою очередь, усиливает скепсис «современных и открытых миру» немцев по отношению к российским немцам.

Целью нашего интервью было исследование взаимозависимости владения языками и культурами у двуязычных российских немцев разных поколений. Идея восходит к Ф. Грожану, предположившему, что несмотря на множество утверждений о такой связи реальные доказательства ее наличия отсутствуют [Grojean 2015]. Вопрос о том, сохраняются ли русский язык и культура как составная часть идентичности российских немцев, репатрировавшихся в Германию, является частью проблемы этнолингвистической витальности группы в мультилингвальных обществах [Bourhis et al. 2007]. Здесь применимы объективный (демографический фактор, институциональная поддержка, статус) и субъективный (социальная конструкция, зависящая от витальности группы и социополитических обстоятельств) подходы. Специфика исследуемой группы состоит в том, что немецкая самоидентичность была ей изначально свойственна, переезд в Германию увеличил рождаемость и способствовал адаптации через детей, свободно владеющих немецким и разбирающихся в окружающих социальных институтах, в то время как стремление стать своими было определяющим. Недостаточное владение языком у старших поколений и сохранение привязанности к русскоязычной культуре были тормозящими факторами на пути к полной ассимиляции, но удовлетворяли культурные запросы. Специальный статус складывался из социально-экономических мер поддержки со стороны принимающего общества, распространяясь только на первое поколение приехавших. Возможность школьной поддержки русского языка имеется не везде, а различные внешкольные формы обучения в значительной части являются результатом деятельности русскоязычных общественных организаций. Буквальные цитаты в тексте статьи даются курсивом.

Опыт жизни и самоощущения

Супруги Штайнер — сельские труженики, многожды награжденные за заслуги в Казахстане, о них там помнят до сих пор. Он — российский немец, вполне свободно говоривший изначально по-немецки, она — украинка, часто вставляющая в речь украинские и немецкие слова. У них трое детей, постепенно присоединившихся к ним в Германии, все работают. Внукам и правнукам легче говорить по-немецки, потому что все кругом так говорят, и они делают это очень быстро и легко, *а по-русски они уже путаются, не найдут, какое Wörter* [‘слова’ во мн.ч.] *взять.*

Начальный период дался нелегко: *Когда мы сюда приехали, ты устроишься на работу, ты выглядишь таким тупым, если ты не можешь говорить, и не можешь объяснить, и не можешь понять, что говорят, ну кто ты такой тогда? Вот, тупой человек, что ты с него возьмешь. И куда с таким багажом пойдешь? Сразу не пойдешь. И нагружать себя зачем, лишняя головная боль.*

В советское время много делалось для создания национальных кадров, однако шовинизм был не только для казахов, был и для евреев, для немцев я и не говорю, потому что они были как козлами отпущения все-таки из-за войны. Согласно Штайнеру, трудности с усвоением русского языка были у всех, но немцы достаточно быстро изучали и его, и технику, *разбирались в таких вещах простых, крестьянских вещах, и они становились хорошими работниками...* Это не спасало от издевательств: *кто-то выйдет из себя, из терпения, обозвать как фриц или фашист или в этом духе, такое можно было слышать.* Супруги вдвоем рассказывают, как один из сосланных в Магадан немцев, приехавший потом в Казахстан, пытался стать летчиком, это не получилось, работал учителем немецкого языка в школе, прошел армию, вступил в партию, сменил национальность на украинскую, стал санинструктором, только после этого смог поступить в медицинский институт. Чтобы выехать в Германию, снова стал немцем. Видимо, национальность для информантов — это статус, право и неизбежно вытекающая из этого совокупность черт поведения в определенных обстоятельствах.

Господин Штайнер понимает казахстанское население: *Нас привезли туда, в Актюбинск, в 45-м году, в августе месяце, все думали, все видели, как привезли немцев, тех, которых разгромили там, где-то, да, в каждой семье то дядька погиб, то отец погиб, то брат погиб, то сын... Конечно, мы были те, которые убили этих, или наши родители убили их родителей. Я не понимаю, как они должны были к нам относиться по-другому. Хотя мы были только козлы отпущения.* После войны казахи не понимали, что это

другой народ: тем людям никто не объяснил, откуда мы. Мы ж советские немцы, я же родился на Украине... И мать моя даже пионеркой была. Она в школу же советскую ходила... правда, мы под оккупацией потом жили и потом попали в Германию. Когда подходила Советская армия, нас депортировали в Германию так, а потом в советскую зону оккупации попали, нас снова назад, на родину.

Разбор актуальной ситуации начинается с вопроса о беженцах: супруги волнуются из-за будущего. Недостаточное владение немецким оказывается опасным: «Мы без прав, ничего, мы не знаем ни полиция вызвать, если надо», — говорит госпожа Штайнер. Их опыт межкультурной коммуникации связан и с прошлым в Казахстане, с соседкой-иранкой — золотым человеком, с которой они угощают друг друга вкусными вещами. Кухня интернациональна: Мы готовим и казацкое, и таджикское, и лагман, и плов, и манты, это же не русские, манты вот это, ну пельмени, ладно, сибирские, ладно, вареники, это ладно, а так, со всей нации понемножку, и широкий ассортимент получается. Для господина Штайнера всегда важно узнать разные точки зрения, не занимать сразу только одну позицию, а поискать и другие варианты, послушать вторую сторону. Он пользуется Интернетом, смартфоном, считает, что большинство приехавших во взрослом возрасте не критично относится к тому, что показывают по российскому телевидению. Хотя недавно приехавшим родственникам нравится жить в Германии, они не поддерживают ее политику, несмотря на то, что очень хорошо выучили язык и нашли престижную работу.

Для самоопределения группы важно иметь авторитеты из своей среды. Такими могли бы быть знаменитые люди России немецкого происхождения. В отличие от всех других опрошенных, господин Штайнер знает многих, в том числе Раушенбаха, Шмидта, Штерна, Шнитке, Рихтера, Крузенштерна, Гейма. Все же для него не так важно, чтобы герои были в прошлом, а чтобы и сейчас были успехи у тех, кто приехал: приветствую и как будто немножко рад, что наши люди тоже здесь кем-то становятся. От этого у меня немножко гордость такая. Если наши дети — в смысле не только наши дети, но вообще дети нашего народа, здесь в гимназии учатся, тоже это очень радует, неважно, что они не мои. О поколении своих детей говорит, как о потерянном: они закончили школу в Казахстане и там никем не стали, здесь не смогли ни выучиться, ни повысить квалификацию. В общем, это нормально: Они зарабатывают, как обыкновенные бюргеры; Он работает, им гордятся, шеф его до сих пор приглашает помогать.

Мы спросили, не интересно ли заняться общественной работой, и узнали, что такие мысли не приходили в голову. Это почему не занимаются — потому что там говорить надо. А если ты говоришь так, через пень колоду, то что же ты там скажешь-то. А я вот своим — ну не детям, а внукам, говорю: ну занимайся ты, в политику идите. Вступайте в какую-нибудь партию и идите в политику. Почему нет? Вот тут мы знаем одну — еврейка она, дружили с ней, она, правда, померла уже. Так ее внучка пошла сразу в политику. — Партия зеленых. — Теперь она учится в Штутгарте, внучка. У евреев — это немножко по-другому они мыслят. Дальнейшая жизнь планируется... Мы же колхозные люди, мы не те. Там было, это действительно было. Вот я, допустим, был депутат районного совета, три созыва. Здесь сразу в упряжку пошел, и этот язык, который у меня был, он только хватал, чтобы там на работе объясниться и понять что-то. Супруги считают, что, возможно, хорошо было бы петь в хоре, но сейчас уже поздно, и нет к этому стимулов.

Мы спрашивали и о том, какие праздники отмечают наши хозяева. Мы любили всегда Новый год, но теперь уже не любим его. Как-то он тягостит, как-то он угнетает, и устаешь от него. Когда начинают стрелять — без конца. Надоедает, и скорей бы кончилось. В Казахстане, по воспоминаниям информантов, все заранее готовились к празднику, была елка в клубе, танцы, и все шили к каждому празднику новый наряд, хотели себя показать, блеснуть. Они понимают, что тогда была молодость. Сейчас ближе стало Рождество, и все родные собираются вместе в большом доме старшей дочери, там красивая елочка. Принято готовить утку (у коренных немцев ее едят обычно 25-го декабря, а у российских немцев 24-го). На стол ставят и русские, и немецкие блюда, и итальянские, и китайские. Но все равно предпочтение все-таки русским блюдам. Те, которые мы привыкли. Ну, не без того, там экзотические какие-то блюда, которых я вот, кстати, не люблю. Вот и потом, когда покушали, все, теперь подарки... И это какое-то оживление в семье дает, и немножко веселей стало. И все рады. Подарку каждый рад, хоть он не нужен... Ну, песню споем там. Госпожа Штайнер признается, что ее дочери готовят лучше, чем она, потому что здесь больше выбор ингредиентов, особенно для выпечки.

В Казахстане Рождество не отмечали, хотя, например, мать господина Штайнера, готовила праздничный ужин 24 декабря, и они иногда к ней ходили, как и на Пасху. За неимением подарочной бумаги она делала внукам кульки из газеты, но вообще ничего не было, в середине 1960-х была бедность. Информанты считают, что окружающие могли посмеяться над

теми, кто отмечал Рождество, идея веры была смешна, и дети не перенимали веру. Родители-украинцы православное Рождество не отмечали, но варили кутью, в сочельник ели сочиво. Господин Штайнер знает, что и у немцев, и у русских до Рождества продолжается пост. Его супруга крестилась уже в Германии: *katolische* ('католическую') взяла, потому что в Казахстане вообще не было рядом никаких храмов. С немецкой стороны все католики, однако одна из родственниц православная, и к ней ходят в гости на русское Рождество.

Из других праздников отмечают Пасху и дни рождения. Здесь принято ходить в рестораны, но им это не нравится, потому что нет особой близости. Супругам кажется, что в ресторане неуютно, несвободно, нельзя есть то, что хочешь, нужно заказать какой-то салатик и кусочек мяса и бесконечно долго ждать этой малости. Господин Штайнер считает, что не стоит отмечать в ресторанах семейные торжества, разве что трудовые достижения, как было в России. В крайнем случае можно снять зал, ведь в квартире очень хорошая слышимость, невозможно посидеть подольше из-за соседей, которых и на праздник нельзя пригласить, как это делают в деревне. Его жена вспоминает, что раньше гуляли и пели до утра, а потом шли прямо на работу.

Про День объединения Германии знают, но он проходит как обыкновенный день, в общем-то, люди особенно не знают, как его праздновать, если нет личных чувств к этому событию, это просто выходной день. 1 Мая раньше было Днем трудящихся, Днем труда: *У нас всю школу выгоняли на улицу с флагами, пели, и в один поселок километр, и в другой*, это отошло. 9 Мая вызывает сложные чувства, конечно, это День Победы, но в Германии отмечать его не принято, однако он празднуется каким-то образом, как освобождение от гитлеризма, от нацизма, Германия ведь тоже страдала от этого Гитлера немало, и мне кажется, что Гитлер Германию угробил. Какая она была, Германия, какая она вообще должна была быть, и вообще этот народ, а что сейчас все — *alles versaut* ('все испорчено'), так сказать. В этом высказывании, как кажется, отражается тоска по невозвратной Германии, Германии мечты, какой она представлялась раньше по рассказам и книгам.

Политику Назарбаева в Казахстане одобряют, потому что там спокойно. В семье известны даже казахстанские праздники, например, Наурыз 22 марта, который раньше тоже отмечали *втихаря*. 8 Марта отмечают и сейчас — поздравляют женщин и дарят цветы. О других праздниках имеют неясное представление, *эти праздники не сильно по душе*; советские праздники помнятся лучше.

Может быть, один из самых интересных вопросов — о том, что было бы, если бы они не переехали в Германию. Респонденты плохо представляют себе, как бы сложилась их жизнь, но думают, что *и там пробились бы* и твердо стояли на ногах. Говоря о прошлой деревенской жизни, отмечают, что постоянно были заняты и на работе, и дома, в подсобном хозяйстве, у них были свиньи, коровы. Работали без выходных, без отпусков, никогда не высыпались. В городе, считают они, по-другому, можно отработать и пойти домой. В Казахстане все удобства были на улице, даже в тридцатиградусный мороз, в буран им надо было выходить из дома, так что до такого пожилого возраста они могли и не дожить. Здесь им *грех жаловаться*. *Я не думала, что тут люди так хорошо живут. А я там как раб*. В последние годы даже носки, халат, рубашку давали по списку, а в Германии такие вещи просто отдают друг другу бесплатно. Крупа, сахар, конфеты, водка в Казахстане были по талонам. К бедам относится то, что заработанные своим трудом деньги обесценились; например, при отъезде за корову можно было купить только шапку. Чтобы устроить поминки или проводы в армию приходилось *идти черт-те к кому*. Развал колхоза-миллионера супруги восприняли трагически. *И вот с такой памятью мы сюда и приехали. И все время мы сравниваем с тем, с тем периодом*. По словам информантов, сейчас положение изменилось и в Казахстане: все есть в магазинах, в том числе и в поселке, люди строят себе не дома — дворцы. Мысли об оставшихся там родных мучат каждый день: *если скота не осталось, что же они едят?*

Собственная жизнь им тоже не кажется безоблачной. Частая тема обсуждения для переселенцев — что стало за это время дороже, а что дешевле (в частности, цены на одежду почти не изменились, немного выросли на еду, а жилищно-коммунальные услуги постоянно дорожают). Описывая жилье, Штайнеры отмечают, что дом старый, качество строительства плохое. Из положительного: их знакомые пьют меньше и занимаются спортом.

Культурно-языковые практики

Информанты отмечают, что местные немцы считают приехавших из Казахстана казахами. Для информантов национальность определяется по родителям. Когда их внучка говорит, что она русская, они не согласны, хотя ее мать (жена сына) — русская, то есть она *ближе к матери держится*, любит свою русскую бабушку, *не определилась в этом смысле*. При этом с отцом дети говорят по-немецки. Господин Штайнер не верит: *как ты мо-*

жешь считать себя русской, если ты не знаешь русской культуры, не знаешь русской литературы, архитектуры и прочее там всякое. Другие внуки не будут считать себя русскими. Одна из внучек взяла себе русский язык как предмет в гимназии, а бабушка ее отговаривала: *Kind* ('ребенок'), *зачем? Ведь же ж schwer* ('тяжело'). Она говорит: ну вот, если *schwer*, я брошу. Бабушка подарила внучке «Анну Каренину» по-немецки, но это еще не значит, что она будет знать русскую литературу. Интересно определение хорошего владения языком у одной знакомой: *она знает надежи, знает склонять, грамотно она выучила, не как мы, и объяснение: она ученый человек, ей же любые / любой язык дастся легче, чем какому-то там бездарю.*

Мы спросили, кем они себя стали больше чувствовать, немцами или русскими за то время, что они здесь живут, и получили ответы: *конечно, чисто русскими*; им кажется, что если не смотреть на фамилию, то по речи не отличишь от русских. Более подробное объяснение таково: *Мы не живем, как немцы, у нас блюда свои, мы не будем немцами уже, такими, как настоящие, здешние немцы, потому что мы приехали / вся наша жизнь там прошла, все это, как говорится, с молоком матери впитали, литературу, грамматику, ну все, все это русское, а здесь мы ничего не приобрели еще. И не приобретем.* Господин Штайнер считает, что чтобы быть немцем, требуется знать историю, географию, литературу, язык, *хорошо причем надо знать. Потому что плохо знаешь язык — ты его не поймешь много там. И не прочитаешь много про эту страну. И прожить надо, чтобы вариться в этом котле. Вот тогда только.* Согласно Штайнеру, литературу все учили в школе, но никто из сидящих за столом на 100% не может сказать, что знает русский язык, только, возможно, грамматику в пределах школы; в жизни еще кое-что приобреталось в результате чтения книг, газет. Сами они любят петь и часто поют вместе с друзьями, родственниками, обычно старые песни, которые *выжимают слезу, с которыми они выросли. Вот это тоже подчеркивает русскость. Песня тоже много значит. Много песен душевных, хороших, русских песен, а мы немецкие не знаем.* У четы Штайнеров много соседей — российских немцев, с которыми они говорят по-русски.

Вопрос о немецкой культуре сложный: *А зачем тебе культура немецкая, когда ты сидишь вот в этих, никуда не это, я живу да живу, зачем она мне, культура чья-то, я в ней участия не принимаю, нигде ничего. А куда ж я пойду? —* считает госпожа Штайнер. Еду они готовят сами, местные кебабы не пробовали. Ее муж не согласен, требует работы над собой. Ему нравится покупать *цивилизованно, когда продукты аккуратные, чистые, здоровые, но он понимает, что так же торгуют теперь и в Казахстане.*

Немецкая культура общения была чужой: к Штайнеру обращались на «ты», хотя он был старше, он был уважаемый человек, а тут имел работу ниже своей квалификации, и стаж не учитывался. *Все дело в том, как к тебе относятся. Тут любой пацан не считает тебя даже за старшего, что ты тоже что-то в голове имеешь, тоже что-то понимаешь, или просто уважение к возрасту...* К такому равенству, к обращению ко всем на «ты», привыкнуть было трудно.

По поводу различий между культурами сообщают свои наблюдения: они часто угощают пару соседей-немцев, несколько старше их по возрасту; те ничего обычно не рассказывают о своей прошлой жизни, не хотят просто поболтать, возможно, здесь не принято тратить время на это, зато приносят в ответ почитать местные газеты. Знакомые встречаются на улице, но не приглашают друг друга зайти, хотя могут часами стоять и разговаривать.

Важная черта, которую подчеркивали и другие респонденты, это стремление российских немцев *ходить в глаженной одежде, хорошо одеваться, если идешь в магазин, а не ходить в той же мятой футболке, в которой и дома сидишь*. Собеседники с юмором относятся к неумению немцев носить меховые шубы и шапки: они надевают их в дождь, и мех пропадает. В СССР дамы одевались *в норковые шубы, в приличные шапки, снег хрустел под ногами, ходили, как королевы*. Здесь часто пальто *хоть и дорогое, но не подогнанное по фигуре, висит, как на вешалке*. Уверены: *если наша женщина хорошо оденется, она будет выглядеть, как царица*. Объяснение этому нашла еще учительница, которая нам преподавала *Sprachkurs* ('языковой курс'), она говорила: *тут не смотрят, как ты нарядился, твои наряды, это не имеет значения почти. Как тебе удобно, так и одевайся. Вот удобно тебе в кроссовках приходить куда-то, ну, я думаю, в театр они тоже в кроссовках не пойдут. Или если там какое-то торжество, танцы или что-то такое, в кроссовках, конечно, не потанцуешь там*. Для немцев одеваться модно и культурно, считают информанты, это пройденный этап, а в России каждая женщина принаряжается на работу или в кино.

Особенности русского языка

Прожив вместе более 50 лет, супруги говорят на разных вариантах русского и немецкого языков. Муж почти не вставляет немецкие слова в русскую речь (только когда передает высказывания, свои и чужие, делая это без акцента, но не очень точно), может перевести на русский: *надежное Arbeitsplatz, рабочее место* (здесь интересен средний род – как в русском)

или не дать перевода: *обыкновенная Vorspeise* ('закуска') или *Nachspeise* ('десерт'). Обращения к бабушке и дедушке — *она* и *ома* — всегда употреблялись у российских немцев.

Жена говорит на суржике, у нее имеются вкрапления из немецкого. Многие слова относятся к русскому варианту немецкого: так их представляют себе русские, не говорящие по-немецки, например, *эти беженцы шайзе* ('дерьмо') *делают; она только приехала сюда и так перфект* ('в совершенстве') *выучить*. Устойчивые короткие фразы типичны для тех, кто немного выучил из немецкого: *не знаю зачем, keine Ahnung* ('нет понятия'); *Ты будешь петь, а они скажут: Mach zu deine Klappe* ('закрой свою пасть'). Часть слов усваивается еще в переселенческом лагере, часть соответствует местным реалиям: *шлёсы* ('замки') *там строят эти трехэтажные; А не позвонит — Entschuldigung, Oma* ('извини, бабушка'), *я забыла; Там он кто был, а тут Putzfrau* ['уборщица']; *Hochzeit* ['свадьба'] *будет по-немецки; у меня собственный privat Dolmetscher* ('личный переводчик'); *Wohnung* ('квартира') *тоже наценяют, Strom* ('электричество') *тоже, газ тоже. Alles teuer* ('все дорого'); *Geburtstag* ('день рождения') *дети приходят сюда, тут мы празднуем. А если уже кто-то из детей, тогда идем в ресторан. Aber gefällt nicht* ('но не нравится'); *Иногда так придет сосед, так вполголоса, а мы там привыкли laut* ('громко'); *Посмотри состав, все Zutaten* ('ингредиенты'), *раз – и испекли* (слова, часто встречающиеся в печатном виде, понятные из контекста, легко заимствуются). В некоторых случаях новый смысл передается новым перенятым словом: *chinesische* ('китайский') *якой-то ресторан; там рисовые эти Blättern* ('листья', вероятно, неправильное окончание).

Вот как выглядит испещренная заимствованиями речь в контексте беседы, где затрагивается много реалий германской жизни: *она определила ее в Alterheim* ('дом престарелых', должно быть Altersheim) *на месяц, потому что дочкин мужик инсульт получил* (возможно, калькирование немецкой конструкции), *лежал долго тут в университет-клинике* (университетской), *потом в реа-клинике* (реабилитационной), *она тоже до ренты* ('пенсии') *недалеко осталось, она говорит: я не могу бросить работу, и на месяц устроила ее в сениоренхаус* ('дом для пожилых'), *вот мы ходили там, aber traurig* ('но грустно'), *Вы знаете, она egal* ('все равно') *кто... и ее sofort* ('сразу') *отправили сюда в университет-клинику, и мы тоже ходили ее безухать* ('посещать', русифицированный глагол от besuchen). В целом заимствований немного, их число усиливается в соответствующем контексте.

Заключение

В центре статьи — российские немцы из Казахстана, семья, смешанная по этническому происхождению, старшее поколение родилось на Украине, переехали в Германию четверть века назад. Молодость Штайнеров прошла в Казахстане, они приехали в Германию в тот момент, когда СССР только начал рушиться. Для них контрастными противопоставлениями являются деревня — город, Казахстан — Германия, социализм — капитализм, до 1990-х — после 1990-х. Этапы их жизненного пути совпали с ходом истории. Господин Штайнер, несмотря на свой возраст, как кажется, наиболее адекватно воспринимает ситуацию в мире, стараясь разобраться в истории и современности, в европейской и российской политике. С его точки зрения, *русский язык сохранится еще не одно поколение, я думаю. Ну, кроме нас, дети сохраняют еще язык этот...* Во внуках особой уверенности уже нет: они не живут той жизнью, которая необходима для развития русского языка, хотя многое зависит от конкретной семьи. Есть мотивация к изучению языка: пока еще есть такие бабушки, которые недостаточно хорошо знают немецкий, а также если откроют границы, если будут взаимовыгодные контакты, русский язык будет нужен.

Смешение языков происходит в двуязычных обществах естественным образом, причем пример рассматриваемой семьи показывает, что если человек привык смешивать два языка, он легче смешивает и три.

Пока еще среднее поколение мигрантов, получивших образование в СССР, играет определяющую роль в жизни российских немцев. В целом представляется, что владение русским языком и интерес к российским СМИ представлен не у всех, группа витальна, но интерес к сохранению русского языка и особой культуры зависит от того, будет ли реальная выгода от его изучения и использования.

Литература

Менг К., Протасова Е. 2015 — Трансформация культурно-языкового самосознания российских немцев в Германии. *Этнографическое обозрение*, № 6, 13–25.

НИЭЭНР — *Новая иллюстрированная электронная энциклопедия немцев России*. <http://www.enc.rusdeutsch.ru> [просмотрено 27.10.2016]

Ainsworth S., Hardy C. 2004 — Critical discourse analysis and identity: Why bother? *Critical Discourse Studies*, Vol. 1, No. 2, 225–259.

Bourhis R.Y., El-Geledi S., Sachdev I. 2007 — Language, ethnicity and intergroup relations. In: Weatherall A., Watson B. M., Gallois C. (eds.) *Language, discourse and social psychology*. Houndmills.

CESifo — <http://www.cesifo-group.de/de/ifoHome/facts/Glossar/04-Bevoelkerung-und-Migration/Einbuengerungsprinzipien.html> [просмотрено 27.10.2016]

Grojean F. 2015 — Bicultural bilinguals. *International Journal of Bilingualism*, 2015, Vol. 19(5), 572–586.

Meng K., Protassova E. 2016 — Deutsch und Russisch: Herkunftssprachen in russlanddeutschen Aussiedlerfamilien. In Publikationsserver. Mannheim: Institut für deutsche Sprache (IDS). <http://ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/index/index/docId/4615> [просмотрено 27.10.2016]

Woellert F., Kröhnert S., Sippel L., Klingholz R. 2009 — *Ungenutzte Potenziale. Zur Lage der Integration in Deutschland*. Berlin.

О НЕКОТОРЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

Я. В. МЫЗНИКОВА

Оппозиция «свой – чужой» является одним из базовых противопоставлений, бытующих в наивном или донаучном сознании и, соответственно, в наивной картине мира. Она членит окружающую действительность на два мира: «свой», близкий, безопасный, оцениваемый положительно, и «чужой», плохой, опасный. По словам В. В. Колесова, противопоставление своего и чужого в человеческом коллективе является одной из древнейших оппозиций, при этом чужой всегда был «незнаемым и пугающим» [Колесов 2000: 64]. Совершенно естественно, что оппозиция «свой – чужой», как один из способов категоризации действительности, имеет отражение в языке, сопрягаясь с категорией отрицательной оценки [Пеньковский 1989].

Данная оппозиция изучается в качестве одной из базовых категорий культурологии, социальной психологии и философии. В последние десятилетия противопоставление «свой – чужой» исследуется как одно из ключевых в теории межкультурной коммуникации [Балясникова 2003; Герман 2012]. Внимание лингвистов чаще всего привлекает реализация данного противопоставления на лексическом уровне [Петроченко 2005; Серебренникова 2004], хотя появляются и комплексные исследования проявления данной оппозиции в языке [Кишина 2009]. Будучи социально-культурным феноменом, данная оппозиция влияет и на организацию диалектной коммуникации.

Материалом для данного исследования послужили, главным образом, записи русских говоров Среднего Поволжья, сделанные с 2012 по 2015 гг. в ходе диалектологических экспедиций в населенные пункты Старомайского и Чердаклинского районов Ульяновской области, а также тексты,

опубликованные С. А. Мызниковым [Мызников 2005]. Говоры Среднего Поволжья представляют особый интерес для автора исследования в связи с той полиэтнической и полиязыковой средой, которая исторически сложилась в этом регионе в результате совместного проживания славянских, тюркских и финно-угорских групп населения. Однако выявляемые в исследовании коммуникативные особенности, реализующие общекультурную оппозицию «свой – чужой», не являются территориально обусловленными, хотя их проявления могут варьироваться в зависимости от языковой ситуации в конкретном регионе.

Татары, чувашы, мордва, марийцы жили на территории Среднего Поволжья еще до заселения края русскими. Преобладающая часть русских населенных пунктов возникла в середине XVII века. Говоры Ульяновской области являются говорами позднего заселения. На севере Ульяновская область граничит с Республикой Мордовия, Чувашской Республикой и Татарстаном, поэтому смешанный состав населения вполне закономерен.

На протяжении своей жизни люди входят в состав тех или иных социокультурных групп. Каждая такая группа обладает своей микрокультурой в составе материнской культуры и имеет с ней как сходства, так и различия. Различия могут быть обусловлены образом жизни, уровнем образования, культурными обычаями и другими причинами. Каждая социальная группа имеет свой набор традиций и правил, которые директивно или косвенно предписывают членам данной группы формы общения друг с другом и с представителями других групп.

Как показывает А. Вежбицкая, культурные нормы, которые оказываются специфичными для каждого конкретного общества, являются факторами, выстраивающими модели коммуникации данного общества в рамках эксплицитных культурно-обусловленных сценариев: «это прежде всего сценарии того, что кто-то может или не может сказать, того, что кто-то может или не может делать, а также того, что «хорошо» говорить или делать. Они составляют неписаную «культурную грамматику» языкового коллектива, части которой могут «всплывать» временами в открытом дискурсе, в форме пословиц, поговорок, популярных фраз, формулах ежедневного общения и т. д.» [Вежбицкая 1999: 130]. Базовое противопоставление «своего» и «чужого» в сознании человека проявляется в различных сферах социальной жизни, регулируемых культурно-обусловленными сценариями. Процесс диалектной коммуникации также во многом выстраивается на основе данной оппозицией в различных аспектах ее проявления.

Общение между собирателем-диалектологом и информантом-диалектоносителем представляет собой, как правило, процесс межсоциумной ком-

муникации, в котором оппозиция «свой – чужой социум» может препятствовать достижению коммуникативной цели адресантом и приводить к коммуникативной неудаче.

Приведем пример диалога по теме «Ландшафтная лексика» с участием собирателя (С) и информанта (И)¹:

- С.: У вас есть тут возвышенности какие-нибудь?
 И.: А чо эт такое вазвышенности?
 С.: Ну неровности / холмики какие-нибудь?
 И.: Нет / у нас фсё равно / фсё равно у нас //
 С.: А вот какие-нибудь низины есть у вас тут? Впадины какие-нибудь / ямки?
 И.: Не-ет // Ровна у нас степь / нету...
 <...>
 С.: А вы не знаете / как называется / когда речка впадает куда-то?
 И.: У нас никуда ана не фпадает // Фсё время стоит // Ана не фпадает никуда // (Кременские Выселки Старомайн. Ульянов. МА).

Отказ информантов признать в принципе наличие предмета разговора приводит к заключению о существовании проблем не объективного, а культурно-психологического порядка:

- С.: Теть Марусь / расскажите пожалуйста / у вас наверно огород есть?
 И.: Нет у меня никакo ничево / адна я // Ни агорода ничево // Адна я / и палка вот мая // Больше нет у меня ничево // (Кременские Выселки Старомайн. Ульянов. МА).

Таким образом, у собирателей диалектного материала могут возникнуть трудности с мотивацией информантов на установление контакта, что может быть обусловлено недостаточной коммуникативной компетенцией собирателей. Часто препятствием к установлению коммуникации становится общекультурная оппозиция «свой – чужой». Участники диалектологических экспедиций сталкивались с проявлением этой оппозиции на разных уровнях: языковом (свой – чужой язык или говор), конфессиональном (своя – чужая вера), социальном (свой – чужой социум, коллектив, сообщество). Исследования в области социальной психологии выявляют следующую закономерность: явное противопоставление «мы – свои» / «они – чужие» характерно для сообществ коллективистского типа с низкой терпимостью к неопределенности (или высоким уровнем избега-

¹ Здесь и далее примеры из материалов автора (МА) приводятся в транскрипции для большей точности передачи всех особенностей диалектной речи; в примерах из книги С. А. Мызникова [Мызников 2005] сохранена книжная орфография.

ния неопределенности) [Hofstede 2001: 175, 231]. В таких коллективах неожиданные ситуации и незнакомые люди вызывают эмоциональное беспокойство, дискомфорт, чужое считается опасным.

Как показано в работах Н. М. Лебедевой, ценности традиционной русской культуры и ее духовной основы — православия — располагаются ближе к полюсу коллективистски ориентированных культур. Однако в последние десятилетия в ряду ценностей русской культуры наблюдаются серьезные изменения, затрагивающие ключевые основы национального характера: молодые постепенно переориентируются на ценности индивидуализма [Лебедева 1999: 200]. Люди постарше остаются в рамках ценностей коллективистской культуры, подразумевающих скромность, приверженность традициям и устоям, сдержанность в общении с малознакомыми людьми. В коллективистских культурах люди предпочитают знать и рассказывать больше о других, чем о себе, а в индивидуалистских культурах — наоборот, индивид больше склонен знать и говорить о себе, чем о других. Людям из коллективистских культур поведение участников индивидуалистских культур обычно может показаться эгоистичным и нескромным.

С проявлением оппозиции «свой – чужой» может быть связано этическое табуирование некоторых тем разговора, отказ информантов «признать» наличие в их говоре искомой лексики, особенно, если это касается экспрессивной лексики. Так, жители села Базарно-Мордовские Юрткули весьма неохотно поддерживали разговор на тему мужских и женских прозвищ, хотя до этого сообщили:

Зесь ни одной бабы нет / штобы прозвища ей не было // И у мужикоф //
(Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн. Ульянов. МА)

При «столкновении» с «чужими» принадлежность к «своему» коллективу становится для информанта-диалектоносителя регулятором поведения. Гармония и сохранение мира — важные ценности коллективизма, один из принципов которого — «не выносить сор из избы».

Диалектный речевой акт обладает высокой степенью конвенциональности, то есть обусловлен правилами и традициями речевого поведения, принятыми в конкретном сельском социуме. В сообществах коллективистского типа на речевое поведение могут быть наложены такие ограничения, как настороженное отношение к «чужим», нежелание говорить о том, что потенциально может «навредить» членам социума:

У нас молодёш фсе хорошые // у нас ничо такова ни делаецца / плохо // фсе хорошые // чужых у нас никово нет / и плохо у нас ничо не делаца // (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн. Ульян. МА).

Данная реплика диалектоносителя является ответом на вопрос о наличии прозвищ у жителей этого села. Конечно, это высказывание по своему содержанию не является ответом на запрос информации, а представляет собой манифестацию принципов речевого поведения по отношению к «чужому» для данного социума индивиду.

В режиме общения «свой – свой» в данном селе Ульяновской области, как и во многих других селах, действуют другие, «внутренние» правила, которые как раз предусматривают обращение друг к другу по «улишным именам», то есть прозвищам, либо данным конкретному человеку, либо распространяющимся на всю семью или род:

У нас например шло по роду / мы были Пе'кши // это «липа» по-мордовски // то есть видимо мягкие по характеру / такие вот / мяжкотелье // вот мы были Пекши / мы были вот Пекши // но мы были Пекши по маме / по маме / а по отцу вот Кули'кцы Митя'ти // когда мы в детстве так дразнились / нас «Кулики» кричали // (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн. Ульян. МА).

«Улишные» имена известны только своим и являются своеобразным «пропуском» в сельскую коммуникативную среду:

Дрыга / ходит и весь дрыгаецца // Базяй / базяй по-здешну «зять» // Моряк / он служил моряком // вот первый зять у меня / зовут ево Носом / потому што нос большой // а фторово зятя у меня зовут Брат // вот зачем брат зовут? // вот Вовку / Абрам / тоже не знаю зачем Абрам зовут // пузатый / Сварной / живот полный вот такой он // ещё Жижей ево зовут / Жижей / он больно жирный / а тело ш трясеца // (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн. Ульян. МА).

Слишком настойчивые попытки собирателей преодолеть этот коммуникативный «барьер» при помощи расспросов о прозвищах могут столкнуться с сопротивлением членов сельского социума, стремлением уйти от разговора:

С.: Как ещё мужиков-то называют?

И.: Да пошли они к чорту! (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн. Ульян. МА)

Ещё одним фактором внутрисоциумной коммуникации является использование в «своей» среде этикетных формул, которые также служат «паролем», идентифицирующим «своих»:

С.: Если человек в дом заходит, что он должен сказать, как поприветствовать?

И.: Мир вам! Хлеп да соль! Кто скажет «Спасибо!» // а кто скажет «Едим да свой!»

С.: А если хозяйка в доме чем-то занята, что ей говорили, как приветствовали?

И.: Ну «Добрый час!» // или «Дай Богу спорыньи!» (Большая Кандаля Старомайн. Ульянов. МА)

В ситуации общения диалектолога с диалектоносителем коммуникативный барьер не является непреодолимым. Опытный собиратель использует, как правило, целый ряд средств для установления контакта с диалектоносителем, начиная с «дресс-кода», который может быть значим для членов консервативного социума, заканчивая выслушиванием длительного повествования информанта обо всех обстоятельствах его жизни, предоставлением ему возможности «выговориться».

Проявление коммуникативной оппозиции «свой – чужой» можно отметить и в отношении информантов-диалектоносителей к соседним сельским социумам. Так, в рассказах диалектоносителей можно встретить пояснения, в какие окрестные населенные пункты ходили гулять, а куда не ходили, куда обычно выходили замуж. В приводимом ниже тексте пожилая женщина вспоминает, какой трагедией для нее стал выход замуж в «чужое» село Базарно-Мордовские Юрткули, тогда как жители ее деревни — Михайловки — привыкли «касаться больше-то в Грибовку».

Вышла моя золофка сюда / замуш // дярвеня у нас стала распадацца // Михайлофка там Грибофка // пять кило'метроф отсюда // свёкрофь сюды приехала / с сынъм с однем: // – Айдать пожалуста / вам этъ здесь лучиэз будет / фсе мы здесь / друга' золофка вышла //

Мать моя родная / у меня как пять голосьёф ток реву // в этом углу этим голосом / в этом углу этим / неохота было сюда / неохота // в Грибофку мне былъ охота // оне касаюца больше-то в Юрткули / а мы в Грибофку / вот // ну и черти приташишыли сюда / сорок / сорок шестом году // когда Писе-тъ умер? // какем году-т? // ох-ох-ох / удавлюс! // – Шура! / у тя витъ Марь Иванна хочет давица // – Да пусть давица! // – Не надо сынок / не говори! / тоскует она / осталась мать там // как я привыкла / я не знаю / долго эт я // ни к кому не могу прям вот сходить / к золофкам и то // (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн. Ульянов. МА)

В приведенном примере барьер между соседними сельскими социумами может иметь в своей основе этнический фактор, так как население села Базарно-Мордовские Юрткули является смешанным, в основном, русско-мордовским. Однако в социальной самоидентификации конфессиональный фактор все же преобладает над этногенетическим. Так, жители села Базарно-Мордовские Юрткули подчеркивают идентичность русского и мордовского населения:

У нас одёжы фсё по-русски // у татар вить то оборки то платки / носят по-другому повязано / а у нас фсё русская // у нас нету безлички / убезлички нет никакой / русская ли я мордофка ли // ничо не было личново такова штобы вот // и никто нами не марковал не брезговали / берём русских и никогда вот / вот шас / как родные // у нас драки нету никакой // (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн. Ульян. МА).

Иной тип отношений складывается у жителей Базарно-Мордовских Юрткулей с населением окрестных татарских деревень, с которым они разделены барьером «чужой веры»:

Вот татары у нас / три деревни / но мы туда не касаемся // Средний Юрткуль / но мы туда нет // касаемся вот / дружим и фсё и // законно / не ссоримса / а замуш туда / которы уш больно уш такие есь / бойкие // ретка очень ретка // вот в русе' мы эти / чувашки даже вот зьдесь есь // работать приежжали / познакомились с нашими ребяташикими / зьдесь осталис // оне тоже уш стали / обрусели так же / как свое... // у нас большинство русский нарот // (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн. Ульян. МА).

Из приведенной иллюстрации видно, что разграничение деревень, куда жители Базарно-Мордовских Юрткулей «не касаются», происходит не на этнической, а скорее на религиозной основе. Об этом свидетельствует и тот факт, что православные чувашки быстро становятся «своими». В целом надо отметить, что для обследованных районов Ульяновской области характерно смешанное русско-мордовско-чувашское население сел и деревень. Записи С. А. Мызникова в Чувашской Республике и в Республике Марий Эл также свидетельствуют об этнически смешанном характере деревень:

Когда оно стало русское село, не знаю. Откуда русские-то зьдесь маленько явились. А потом вот тут деревня Шабуланы, там так слепились вместе, дружили вместе, там чувашки, оне как русски, оне по-русски, мы немного и я по-чувашски знала,

час уж забываю, так разговор путаю (Буртасы Урмар. Чуваш.) [Мызников 2005: 177].

Ковда объединение колхозов, наши ребята переженились на марийках, они доярками работали. Сейчас в Нуж-ключе чисто русских семей нет, только смешанные (Нуж-ключ Моркин. Марий Эл) [Мызников 2005: 220].

Отметим однако, что такой ситуация была не всегда, так как фактор чужого языка и чужого этноса всё же играет не последнюю роль. Жители Чувашии и Марий Эл отмечают, что в прежние времена отношения были весьма напряжёнными:

Здесь раньше чуваш не было. Чувашам не давали пройти по улицэ, дрались. За чувашэй раншэ замуж не отдадут и не возьмут, сиди сто лет (Буртасы Урмар. Чуваш.) [Мызников 2005: 182].

Как вот война-то кончилась, так и все помешались. До войны не было никакех тут сторонних, одни русские. Бывало, вот попадёшь где, то башку снесут, ненавидели. Йор-йор и всё, а мы не понимаем их (Майдан Юрин. Марий Эл) [Мызников 2005: 193].

Существенная роль конфессионального фактора в формировании оппозиции «свой – чужой» видна во взаимоотношениях с соседними староверческими селами, которые не всегда складываются гладко:

Ну вот видишь / даже ф сёлах разных и то по-разному // у нас вить вот в Городицах вроде одинаково / а вот Красный Яр / там вить / ну / другой нарот // он рускый / православный же / но оне знаешь / староверы называюца / кулугуры / понимаешь ... // я веть проста / ты понимаешь / рускый человек / хресьяни'н // и фсё / я проста славя'нин и фсё / кришонный я / а те они не крешоны / у них софсем другая вера / ты понимаешь ... // оне хресьянской веры / а исповедают пь-другому / ты понимаешь? / у них законы софсем другие // он вот каждый свою посуду имет / даже вот крушку он свою фсегда / лошку свою / он её никому не даст / ты панимаешь? // вот ф Красный Яр раньше идёш / пить охота / зайдёшь / «Тётя / дай попить!» / – «Есть посуда?» – / «Нет!» / – «Ну иди!» / понятно? / оне не дадут своей посуды // (Крестово-Городище Чердаклин. Ульян. МА).

Следует, однако, отметить, что в последнее время конфессиональные барьеры между староверами и «православными» уже не являются столь жесткими, непреодолимыми, что демонстрирует следующий фрагмент рассказа-воспоминания женщины из старообрядческого села:

У нас замуж не вытти за православново. Как раз у поповой дочери был православный жэних. Мы её скрывали, потихоньку, она ево не видала, мы гостинцы покупали. Мы её прятали. Не разрешили ей вытти за ево. Щас бы она конечно не поглядела. У меня внучка за православново. Грех што ль будет. Какой, говорит, грех. Бох один веть. Исус Христос. А какая разница, никакой разницы... (Можарки Янтик. Чуваш.) [Мызников 2005: 173].

Отметим, что конфессиональная чуждость пришлых людей, «наехавших» в село, может повлиять на восприятие «чужих» как потенциально опасных, а их слов — как не заслуживающих доверия, заведомо ложных:

Шас веть / слушай / ну разных секций <сект> шас / этъ вот наехали тут / ты понимаешь? // а у нас зесь вот только были / вот эт староверы / и хрессыне простые... // а шас их много / оне вон даже один рас ко мне явились / эта я там живу вон / в своём доме... // ну вот / оне значит / ну оне глядят / оне чаво / для чаво собираюца / шобы содрать // тут веть сколько одурачили людей / оголят // што есть / фсё им // оне давай там вместе вместе вместе вместе // а потом вон в газетах / по телявизэру показывают / как эт вмесьте // (Крестово-Городище Чердаклин. Ульян. МА).

Видимо, общекультурное противопоставление «свой – чужой» лежит в основе коллективных прозвищ и своеобразных микроэтнонимов, которыми наделяются жители соседних сел и деревень. Широко известны такие, например, коллективные прозвища, как *капустники* (псковичи), *ершееды* (осташи), *толоконники* (порховцы), *гуцееды* (новгородцы), *ряпушники* (тверитяне) и т. д.

В Старомайнском районе Ульяновской области, помимо совершенно обычных для этих мест локативов *в мордвах* (в селе Базарно-Мордовские Юртуки), *в русе* (в селе Русские Юртуки), используется микроэтноним *в поляках* (в селе Жедяевка), в основе которого — польские корни части местного населения, а также легенды о появлении здесь польских шляхтичей:

С.: Вы русский по национальности?

И.: Нет поляк // шас я растолкую // вот здесь улицы / вишь каки названия были? // у нас паны' были // Малькофские Сахофские Долганофские Миранские Богданофские Быкофские // фсе вот // эт Екътерина што ль // так шо здесь поляки // меня приежжали с телявизера-ть / спрашивали: / – Ты знаш польский язык? // кто ш ево знат / кто помнит / кто помнит как поляков прислали // вот по фамилии толькь // дет и отец были поляки // или ж она в плен забрала этих полякѣ / и сюда вот в Жидяефу... (Жедяевка Старомайн. Ульянов. МА)

В своей статье «Русские «иностранцы» (народные микроэтнонимы и изоглоссы)» А. И. Рыко показывает, что микроэтнонимы (*шведы, болгары, поляки, мордва, москали*) и коллективные прозвища (*волосня, цыгунки*), зафиксированные во время экспедиции в Тверской области, могут иметь в своей основе различия в говорах (или «микроговорах»), ориентацию на тот или иной культурный и духовно-религиозный центр, реальные социально-исторические разграничения (бывшие волостные крестьяне и панские, вольные и барские) [Рыко 2001].

Как заключает А. И. Рыко, «установление лингвистических границ самими носителями диалекта, которое зачастую сопровождается «квазиэтническими» номинациями соседей, а также исторические факты, содержащиеся в рассказах деревенских жителей о прошлом своего края, часто оказываются вполне соотносимыми с лингвистической и исторической реальностью» [Рыко 2001: 23].

Подводя итоги, отметим, что для диалектоносителя круг «своих», как правило, очерчивается рамками социума сельского населенного пункта. При этом в диалектном дискурсе можно отметить следующие коммуникативные проявления оппозиции «свой – чужой»:

1. коммуникативные неудачи как результат коммуникации представителей городского и сельского социума — собирателей и информантов;
2. использование определенных «паролей» доступа в круг «своих»: обращения «по-улишному», элементы речевого этикета, принятые в данном социуме;
3. использование коллективных прозвищ, часто экспрессивных, микроэтнонимов для выделения соседних микросоциумов;
4. наконец, полный отказ от коммуникации в случае потенциальной опасности общения с представителем «чужого» социума.

Рассмотренные коммуникативные особенности диалектной речи ни в коей мере не исчерпывают проблемы всестороннего описания общекультурной оппозиции «свой – чужой», но лишь заостряют внимание на ее наиболее выразительных проявлениях.

Условные сокращения административных единиц Среднего Поволжья:

Моркин. Марий Эл	— Моркинский район Республики Марий Эл
Юрин. Марий Эл	— Юринский район Республики Марий Эл
Старомайн. Ульянов.	— Старомайнский район Ульяновской области
Урмар. Чуваш.	— Урмарский район Чувашской Республики
Чердаклин. Ульянов.	— Чердаклинский район Ульяновской области
Янтик. Чуваш.	— Янтиковский район Чувашской Республики

Литература

- Балаяникова О. В. 2003 — «Свой – чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Москва.
- Вежицкая А. 1999 — Культурно-обусловленные сценарии: новый подход к изучению межкультурной коммуникации. Перевод О. Н. Дубровской. *Жанры речи*. Вып.2. Саратов. С. 112–132.
- Герман Н. Ф. 2012 — Оппозиция «свое – чужое» и проблемы взаимопонимания в межкультурном диалоге. *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*. № 4 (32). Челябинск. С. 45–49.
- Кишина Е. В. 2009 — Комплексное исследование категории «свойственность – чуждость» в русском языке. *Вестник Томского государственного университета*. № 320. Томск. С. 11–14.
- Колесов В. В. 2000 — *Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека*. Санкт-Петербург.
- Лебедева Н. М. 1999 — *Введение в этническую и кросс-культурную психологию*. Москва.
- Мызников С. А. 2005 — *Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл*. Санкт-Петербург.
- Пеньковский А. Б. 1989 — О семантической категории «чуждости» в русском языке. *Проблемы структурной лингвистики 1985–1987*. Москва. С. 54–82.
- Петроченко М. Н. 2005 — *Семантический компонент «свой/чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск.
- Рыко А. И. 2001 — Русские «иностранные» (народные микроэтнонимы и изоглоссы). *Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах (история, теория, педагогическая практика)*. Материалы научной конференции (4–7 сентября 2000). Петро-заводск. С. 17–23.
- Серебренникова А. Н. 2004 — *Диалектное слово с семантикой «свойственности – чуждости» (лигвокультурологический аспект)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск.
- Hofstede G. 2001 — *Culture's consequences: comparing values, behaviours, institutions and organizations across nations*. SAGE Publications, Thousand Oaks, CA, USA.

СВОЯ — ЧУЖАЯ РЕЧЬ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ НОСИТЕЛЯМИ ДИАЛЕКТА¹

Е. В. ПУРИЦКАЯ

Введение

Языковая рефлексия, отражающая народные представления о языке, является важнейшим источником изучения народной культуры. Исследователями не раз подчеркивалась важность изучения «народного (наивного) языкознания» как элемента этнического самосознания и отмечалось обилие метаязыковых высказываний среди записей живой народной речи. Нельзя согласиться с мнением о том, что «В современной диалектологии проблеме отношения носителей диалекта к своему языку почти не уделяется внимания. Последние наблюдения такого рода относятся к середине и второй половине XX в.» [Лопухина 2014: 100] — изучение народной языковой рефлексии активно продолжается и в начале XXI в. [Гынгазова 2000; Герд 2001; Иванцова 2002, Пурицкая 2004; Бельская 2004; Крючкова 2007; 2008; Гольдин 2009; Гетка 2012; Лагута 2013; Мызникова 2015].

В своих выводах исследователи языковой рефлексии диалектоносителей чаще всего единодушны: метаязыковая функция реализуется в диалектной речи прежде всего в виде элементов поясняющего характера; оценка языковых явлений происходит по шкале «свое — чужое»; при сравнении своего говора с чужим последний осмеивается и оценивается отрицательно, часто в силу непонимания чужой речи; диалектоносителями прежде всего отмечаются (и часто осмеиваются) фонетические особенности чужих говоров; при сравнении «деревенского» и «городского» способов выражения носителями диалекта подчеркивается более высокий статус литератур-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта СПбГУ «Региональные формы русского языка в исторической перспективе», 31.38.291.2014.

ного («городского») языка, при сравнении двух говоров более высокий статус приписывается собственному говору [Крючкова 2007; 2008; Гольдин 2009; Лопухина 2014; Лагута 2013, Гынгазова 2000].

Однако отрицательная оценка соседнего говора, осмеяние чужой, иной, непохожей речи — это яркие явления, которые «лежат на поверхности» и потому привлекают внимание исследователя-диалектолога в первую очередь. Между тем в спонтанной речи деревенских жителей гораздо более частотны нейтральные, безоценочные суждения о своей и чужой речи, замечания скорее констатирующего характера. К тому же репрезентация лингвотерриториальных различий носителями диалекта шире, чем просто высказывания о языке: представления о своей / чужой речи могут выражаться и имплицитно, заключаясь в семантике языковых единиц [Ростова 2000]. Важность метаязыковых наблюдений диалектоносителей для лингвогеографического анализа была отмечена еще в 1960-е гг.: Е. В. Ухмылина писала, что комментарии носителей диалекта, зачастую образные и ироничные, содержат представления, отражающие «диалектное членение русского языка, происхождение говоров, жизнь говоров и законы их развития» [Ухмылина 1960: 172]. Сегодня ценность изучения представлений говорящих о своем языке вновь актуализируется [Головки 2012: 9–16], кроме того, сегодня наблюдения носителей говоров можно сопоставить с достаточно обширным материалом диалектных словарей, атласов, опубликованных записей диалектной речи.

Цель данной статьи — анализ репрезентации лингвотерриториальных различий и представлений о *своем / чужом* говоре, выраженных как в метаязыковых высказываниях носителей диалекта, так и в семантике языковых единиц (как диалектных, так и общерусских, часто остающихся за рамками исследовательских интересов диалектологов), а также попытка определить возможности использования такого рода наблюдений над *своим / чужим* говором. Исследование выполнено на материале псковских говоров (источники: ПОС, КПОС²), представляющих собой сложный диалектный континуум. Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными» как словаря полного типа содержит материал, часто остающийся за рамками дифференциальных словарей и значительно расширяющий возможности анализа.

² Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными», хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета, содержит полевые записи с 1945 г. по наст. вр.

Локализация *своего / чужого*: другое место, другая деревня

Записи, репрезентирующие *свою / чужую* речь, сделанные на территории распространения псковских говоров, демонстрируют представления диалектоносителей о большой диалектной дробности, характерной для диалектов переходного типа. Лексика, с помощью которой данная особенность репрезентируется в высказываниях о языке, семантически отражает идею различий, но при этом является оценочно и экспрессивно нейтральной, не несет дополнительных коннотаций:

разный, разно, наразно, по-разному:

Визде разно говорят, разговор визде разный (Оп.). У каво́ какая наре́ция, как-то разны́ языки (Пушк.). Я жы́ла коли Пско́ва, там пагаворка така́я, зашто́ реч разная́ (Беж.). А наразна́ гаваря́т, уш ско́лька люде́й гавари́ла (Пск.). У нас фсе́ заву́ть па-разному́: мы вот се́на ва́рачить хо́дим, а ани́ капа́ть, а яши́ше гаваря́ть ва́рашы́ть (Вл.). Пъ-разньму́ люди́ гъваря́т, в на́шэй дяре́вни так, а в друго́й ужэ́ пъ-другому́ (Пуст.).

иначе, наиначе:

Травы́ ф ка́ждой дире́вни наина́че называ́юца (Печ.). У нас реч ина́че веде́цца, чы́шише как-то, раён к раёну́ не сравниши́ (Пл.). Вот наре́чие, видиши́, у нас такое́, в Астра́ву ина́че (Стр.).

другой, по-другому, на другой лад, другаяк:

Пади́ за озе́рь, ани́ сафсе́м друго́як гаваря́т, сафсе́м друго́й разгово́р (Н-Рж.). У ка́жнава ча́лаве́ка сваё́ наре́чие, я с адной́ стараны́, ты з друго́й, а у нас-та́ язы́к друго́й (Слан.). Ф Пи́рисаре́ гавора́т на друго́й ла́т (Гд.).

Представления о лингвотерриториальных различиях репрезентируются существительными с семантикой локуса, среди которых наиболее употребительными являются слово *ме́сто* и его производные *ме́стность*, *ме-стечко*:

*Разны́е ме́ста и разны́е гаворки́ (Нев.). В ка́жном ме́сте свой разгово́р, свая́ наре́ция (Гд.). За вся́ким ме́стом своё́ наре́чыё́ е (Пушк.). Поё́ть в друго́ ме́ста, там о́пять сы́зно́ва говора́, дру́гим ма́нерам (Гд.). Где́ ка́коя мясте́цка, напри-ме́рна, вьзде́ па-разному́ гаваря́т (Остр.). Для бо́льшей конкре́тиза́ции говора́щие испо́льзуют термины́ адми́нистра́тивного де́ления, в том числе́ и устаре́вшие: **губе́рния, о́бласть, райо́н**: У нас няве́стка, а в дру́гих о́бластях — сна́ха (Пск.). У нас реч ина́че веде́цца, чы́шише как-то, раён к раёну́ не сравниши́ (Пл.). Ф ка́ждой губе́рни́ сваё́ красна́ре́чие (Беж.).*

Заметно, что, характеризуя локальные языковые различия, информанты употребляют местоимение *свой*. В псковских говорах местоимение *свой* имеет также значение ‘самый близкий, ближайший’, причем не только по отношению к родственникам (*Он мне был свой*), но и по отношению к земле, территории: *свой* ‘ближе всего расположенный к чему-либо’:

Первые поле, рядьм, сваё (КПОС); Фсе работъли ф сваих мястах, ф сваих диявнях, на гарадам ня ездил, а фсе дома были (КПОС).

Идея дробности, пестроты языкового континуума отражена также в значениях лексем *сменный* ‘меняющийся’:

Ф Себешкам раёне тоже многа языкоф сменных (Сиб.); меноваться ‘варьироваться, меняться’: Онно слова сто рас минуица: мы так гаварим, а вы па-другому (Порх.); устойчивом сочетании мелкий порядок ‘способ расположения, размещения’, в основе которого лежит образ некоего языкового пространства, соотносимого с пространством реальным: Дажа нарецыя разныи, мелкий парядак разный (Оп.).

Как отмечают и другие исследователи народной лингвистики [Лопухина 2014: 102], наиболее распространенными являются высказывания, где маркером лингвотерриториальных различий выступает населенный пункт — деревня:

Ф каждой дивени свой разговор, нам и блиска не понять, што гварят ф саседнем силе (Ляд.). Пъ-разньму люди гварят, в нашэй дярвни так, а в другой ужэ пь-другому. Пуст. В другой дярвне был другой наречий (Беж.). Ф каждой дярвне свая нацыя, разговоры, мы ешио гаварим патхадяшиз (Беж.). Ф каждой дярвне сваи разговоры, «цаво, придет, пайдёт», а мы: «придёт, пайдёт» (Беж.). Дъликоль думаецца етъ дярвня, а говор другой (Остр.).

На первый взгляд, эти наблюдения лишены конкретных примеров и вызывают мысль о том, что, возможно, это некий регулярно воспроизводимый стереотип, что деревня — просто более понятный для говорящих локус. Поэтому были проанализированы высказывания, в которых названы конкретные деревни, а часто и приведены примеры различий:

Ой, дивно в Дубягах гаваря! (Гд., Корытно, 1972). Куст деревень Дубяги — Новые Дубяги, Ереховы Дубяги, Некрытые Дубяги — находится в Гдовском районе, примерно в 10 км на северо-восток от дер. Корытно;

Пъйди ф Сталбовъ, там фсе нарецыя другая (Пушк., Горелик, 1970). Между дер. Горелик и Столбово примерно 4 км;

«Качяты́ карачут», у Губанах гаварят: «Петухи́ паю́т» (Вл., Кашевицы, 1962). Дер. Губаны расположена в 43 км на северо-восток от г. Великие Луки, между деревнями Кашевицы и Губаны 12 км;

В наз здесь ни гаваря́т «бить са́нками», а ряда́м, в диве́рни Трeньки, я слы́хал: «Ня бе́й са́нками, ня ври!» (Кр., Отево, 1961). Между дер. Треньки и Отево примерно 7 км. Дер. Отево отсутствует не только на современных картах, но и в справочниках 1980-х гг. Согласно записям 1961 г., когда там работала экспедиция филологического факультета ЛГУ, это «маленькая деревушка на берегу реки Лжи, всего три хозяйства, в 2 км от дер. Рудиновка» (КПОС).

Вот па-своeму гаваря́т: расьтé трава́ така́я, как лукавица, в нас называю́т лабаза́, ф Канечки — саба́льник, а в Муравицах заву́т ляжа. А как пра́вильна? (Пск., Жидилов Бор, 1966). Деревни Жидилов Бор, Конечек, Муровицы расположены на берегу Псковского озера на расстоянии 4-6 км друг от друга;

У наз гаваря́т наишэ́сть, а в Лебя́жьем наишэ́рсть, ф ка́жднай дярeвни свае́ нарече́ие (Беж., Ухошино, 1977). Дер. Ухошино расположена на берегу реки Полисть, в заболоченной местности, на современных картах Лебяжье отмечено как урочище, примерно в 8 км от Ухошино, очевидно, там были хутора;

Вот у меня́ невестка ис Пали́бина, мно́гэ гва́рит ни па-на́шыму (Стр., Подложье, 1975). Дер. Полибино Псковского района находится в примерно 30 км от дер. Подложье;

Мы гавари́м «пако́йника павязли́», а в Астрава́х «павяли́», ду́маю, мо́жэ зби́лся он са сло́ф са сваи́х (Печ., Заходы, 1995). Имеются в виду Талабские острова в Псковском озере, дер. Заходы расположена на противоположном берегу озера, в Печорском районе;

Вот мы пабли́жэ к Пско́ву, а у Езе́ришче не пайме́ш нарече́ние, гаво́рки (Нев., Мисники, 1962). Между дер. Мисники и дер. Езерище примерно 15 км;

В Мидве́шки нарече́ны пы-тылапа́нски (Слан. Монастыре́к, 1958). Дер. Медвежек и Монастыре́к находятся очень близко друг от друга, между ними буквально 3 км. В данной цитате обращает на себя наречие **по-талапа́нски**. Возможно, это звукоподражательное слово, описывающее чужую, отличающуюся, непонятную речь (типа **балабо́н, балабо́лка**). Слова с корнями **талапа́н-** / **талабо́н-** зафиксированы как в псковских говорах: **талапа́нец** 'разговорчивый человек, болтун' Талапа́нцы — кагда́ кто-либа шуми́т, вот балту́ша-та, шуми́т как талапа́нец. Гд.; **талабо́н** 'то же' Ну, таки́х талабо́наф ня на́да, [это значит], што он гавари́т ни па паря́тку, што папа́ла, сабира́ит. Нев., так и в других русских говорах: **талала́** 'картавый, косноязычный человек', **талала́й** 'болтун', **талала́к** 'кто говорит на непонятном языке', **талала́ка** 'говорун, болтун' и др. [СРНГ, т. 43: 238–239].

Рассмотренный материал показывает, что ключевым словом, маркирующим локальные различия в языке, с точки зрения носителей говоров, является *деревня*. Деревни, говор которых интерпретируется говорящими как «другой», находятся достаточно близко друг от друга. Репрезентация лингвотерриториальных различий носителями диалекта демонстрирует почти полное отсутствие эмоциональной оценки чужого, другого языка (хотя встречаются факты отрицательной оценки и осмеяния чужого говора, а также указания на плохое понимание жителей других мест). Заметно также, что диалектоносители обращают внимание прежде всего на лексические различия в говоре разных деревень.

Репрезентация лексических лингвотерриториальных различий

Наиболее ярким фактом различий между *своей* / *чужой* речью в представлениях носителей диалекта является лексическое варьирование. Наблюдения информантов содержат указания на лексические параллели и семантически тождественные слова в своем и чужом говоре:

Крошутъ, а хто рубють, у каво какаѣя нарецьѣ, как-то разныи языки (Пушк.).
Улица, а абадворак в другой меснасти (Печ.). *Павешън бывала къялок, вот так моюцца, прикланивают, гилёк, гилёк-та стярляся, кислицца па-нашыму* (Н-Рж.).
Привяс завут, а мястам цапец (Пореч.).

Часто носители говоров даже указывают границы распространения лексических явлений, которые подтверждаются записями лингвистов:

У нас называю̆т бӑня, а за Крутйлова лазня̆ (Нев., Дубокрай, 1963). Имеется в виду дер. Крутелево, расположенная на 12 км севернее дер. Дубокрай. По данным КПОС, ареал слова *лазня̆* 'баня' (Себ., Кун. и Вл.), то есть также более северный;

В мя там <в Гдовском и Полновском районах> проехано на конй, там наречіе друго̆е, а в них «загнетй лампу», у нас «зажгй лампу» и фсӗ, это <выражение «загнети лампу»> гдофская, полнофская (Остр.). Действительно, ареал распространения слова *загнетйть* — более северный: Гд., Печ., Пск., Слан., Эст., хотя есть фиксации в Себ. и Пл. [ПОС, вып. 11: 135];

У нас ф Патрешӑх сухрѣстак называю̆т, где даро̆ги сходя̆цца, а на Сталбо̆ве говӑр друго̆й, рŏстани говӑря̆т (Кр. Патреша, 1963). Дер. Столбово Красногородского района находится на противоположном берегу реки Лжи, напротив дер. Патреша. География распространения слов, обозначающих 'перекресток' (*рŏстани*: Беж., Вл., Гд., Кр., Ляд., Нев., Н-Рж., Н-Сок., Оп., Остр., Пуст., Себ.,

Тор.; *сухрёсток*: Гд., Дн., Кр., Ляд., Остр., Пл., Сл., Слан., Сер., Стр.) показывает, что *росстани* имеет ярко выраженный юго-восточный ареал, а *сухрёсток* — северо-западный, и, возможно, граница этих явлений проходит именно по реке Лжа.

Однако к лингвотерриториальным наблюдениям диалектоносителей нужно относиться осторожно. Так, например, в записи: *Рей в други́х местáх завё́цца ри́га, у нас гумно́, у други́х овён* (Кр., Синениколы, 1961) — обращает на себя внимание форма слова *овён* 'хлебный амбар, овин'. Вариант *овён* зафиксирован только со слов диалектоносителя, который сам это слово не употреблял, но слышал «у других». В Беж. и Тор. зафиксирован вариант *овень*, однако вариант с твердой основой не встречается ни в псковских, ни в других русских говорах, то есть информант, возможно, называет слово ошибочно.

Таким образом, лингвотерриториальные лексические различия, на которые обращают внимание носители диалекта, могут служить маркерами, позволяющими, в сопоставлении с фактами реального бытования слов, очертить границы микроареалов. Такие факты могут дополнить перечень лексических признаков, характерных для зоны псковских говоров, как центральных, так и переходных (юго-западной зоны): «В области лексики чертами, объединяющими смоленские и городокско-невельские говоры, являются следующие: распространение лексем *бич*, *цеп* 'орудие для ручной молотбы' (в псковских *привязь*), *вилы*, *вилки* 'ухват' (в псковских *ухват*), *дежка* 'посуда для теста' (в псковских *квашня*), *дуже* 'очень' (в псковских *горазд*), *морква* 'морковь' (в псковских *боркан*), *бурак* 'свекла' (в псковских *свекла*), *чепельник* 'приспособление, с помощью которого держат сковороду' (в псковских *сковородник*), глагол *ховать* 'прятать' (в псковских *прятать*), наличие лексем *лапина*, *лапик* 'заплата' (в псковских *заплата*), глагола *лапить* 'чинить одежду, ставя заплату'; семантические различия: употребление лексемы *жито* в значении 'рожь' (в псковских *ячень*), *ляда* 'росчисть под пашню' (в псковских употребляется *лядина* 'лес')» [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 129].

В то же время метаязыковые высказывания, посвященные различиям в употреблении слов, демонстрируют также, что лексическое варьирование, как правило, не воспринимается говорящими как чужое или необычное явление:

Хош кателки, хош чууны́ (Нев.). Называ́ецца хош корёц, хош поварёшка, хош чюми́чка, всё равно́, суп налива́ть (Стр.). Кошка катяни́лась, патаму́ шта ка-

тяняты, а хош катяты (Сер.). Блишница, суп з грибоф или грибошница (Гд.). Кто назавё кочьки, хто клочья, ф клочья касить пашли (Гд.). Сталбунки — уаршки улияныи, а ешио жбанки завут (Себ.). Хто завёт куча, хто завёт конны, эта адинакава (Беж.).

Очевидно, такое отношение можно объяснить языковой ситуацией сложного диалектного континуума, каковым являются псковские, особенно южно-псковские говоры: в ситуации пересечения ареалов разные лексемы не воспринимаются в качестве «чужих» и «своих», а имеют равный статус.

Микроареалы и микротерритории: основания для выделения

В народном сознании и культурной памяти носителей псковских говоров отчетливо выделяются микрзоны (микротерриториальные образования) — небольшие территории, чаще с центром в населенном пункте, основанием для выделения которых служат языковые различия. Для наименования таких небольших территорий с центром в населенном пункте используются существительные соответствующего корня с суффиксом *-щин-*:

Гультяёвщина 'деревня Гультяи Пустошкинского района и ее окрестности': *Вон в Гультяёшшыны наречая другая, вязде па-разнаму гаварять (Пуст., Галузино, 1962).;*

Выборщина 'дер. Выбор Новоржевского района и ее окрестности' (находится примерно в 40 км на юго-запад от дер. Навережье): *А у нас наречие видимо другое, в Выборшшыну пойдём, там софсем по-другому говорят: «пойдет», «придет», вот так вот, на букву е (Дед., Навережье, 2005).;*

Островщина 'дер. Остров и другие на полуострове в озере Але Новоржевского района': *Гараз нихарашо в Астрашшыны гварят (Н-Рж., Борихново, 1957). Расстояние до озера от дер. Борихново составляет примерно 25 км.;*

Дубковщина 'село Дубково Новоржевского района и его окрестности': *Дупкофшына, ёто Новоржефсково раёна, так там сафсем разговор другой, на «е» (Дед.).*

Яркой формой лингвистической репрезентации лингвотерриториальных различий являются лексемы, обозначающие говор таких образований:

дубковщинка 'говор села Дубкова Новоржевского района и его окрестностей'. *Как приду я, так и говорят дефки: «Настя, хатим дупкофшынку паслушать, расскажы што-нибудь» (Н-Рж.).*

Микротерриториальные образования могут выделяться носителями говоров не только на основе лингвотерриториальных различий, но и по другим основаниям:

- в соответствии с особенностями ландшафта. Так, микрозонами, отличными и в языковом отношении, считаются **берег** 'побережье, прибрежные селения (на Чудском, Псковском озерах)': *Прияжжали з берега гсударственны рыбаки* (Гд., Глушь, 1959). *В биярзгу многа лосий, у Чутскова. В биярзгу жэ там вродэ паиначе гаварят* (Сер. Подъяблонье, 1956), а также **острова** 'Талабские острова в Псковском озере' *Мы гаварим «пакойника павязли», а в Астравах «павяли»* (Печ., Заходы, 1995).
- по культурным особенностям (на основании сведений о чужих верованиях, обычаях и т. п.): *В разных дярвнях разный говар, а я ящэ помню, как старинные люди гаварили, ф каждой дярвни сваё паверья* (Н-Сок.). *У нас медведя нельзя гаварить, зайца нельзя гаварить, лиса нельзя гаварить, а ко Гдову нельзя гаварить «цыган». А если скажэш, гаварят: «На катёл его, несите смолу»* (Гд., Сосно).
- по конфессиональному признаку: **староверщина** 'область в Красногородском районе, где проживали представители старообрядчества': *Хлен возют со старавершишыны, отофсюду* (Кр., Зубавы, 1999). *У нас недалёко тут старавершишына* (Кр., Рыбаки, 1999). *Прошлый гот сена касили ани ф старавершишыны* (Кр., Шелгуны, 1999). *А чиво, ани здесь на гарах, там, где Авдаши [деревня], где стараверы, я ня знаю* (Кр., Рыбаки, 1999). Жители Псковской области комментируют свое соседство с представителями конфессиональных групп: староверами, пашковцами, баптистами и др., в том числе делятся своими наблюдениями над их речью: *Есь такая нацыя — стараверы, малельна называецца цэрква, и поп свой, адежда другая, лентам аввешафшы, гаварят ни «спасиба», а «спаси, Госпади»* (Пушк.). *А ф стараверах ацца звали отче и батя* (Пуст.). Однако в этом случае наблюдений над чужой речью немного и в них отмечены не диалектные, а скорее этикетные различия, поскольку говор староверов, очевидно, не отличался от говора их соседей. При этом в материалах КПОС массово представлены высказывания жителей, подчеркивающие бытовые и религиозные отличия представителей конфессиональных групп (староверов, пашковцев, баптистов) и часто содержащие негативную оценку: *Стараабряццы здесь были, тык враждавали с нашыми фсе, ис сваей пасуды есть, пить ня давали, а если кто каснёцца с нас, тык сквирёная шшитали* (Порх., Шмойлово, 1970). *Стараверняк уш он и есь стараверняк, у их зь скабу ни вазьмёся, у них вярёвчэка привязнь* (Дед., Городно, 1967). *Кака воша ходит, ана старавёрская атродья* (Нев.,

Осовик, 1962). Тут у нас старавёры, дак ани с нашым братам ня очень (Н-Рж., Михалкино, 1966). Пашковыцы, старавёры были, баюф выно́сят с хаты (Нев., Осовик, 1962). В Выстафке есть пашко́фцы, ани бо́гу не па-на́ишэму моля́цца, а фсё па кни́шкам (Палк., Петричино, 1961). Пашко́фцы папам не ве́руют, ани ста́раму завету ве́руют, Христу ве́руют, а кресту не ве́руют (Палк.). А пашко́фка — ф цэ́ркэ́ф ани ня ходю́ть, люде́й хатя́ угруби́ть (Печ.). Есть ба́ги па разным языкам, здесь и ба́мтисты́ есть (Тор., Михайловская, 1963).

Итак, микротерритории, выделяемые диалектоносителями по лингвистическим признакам, соотносятся с каким-либо населенным пунктом, особенностями рельефа (побережье, острова), а также культурными особенностями жителей. Такие же принципы лежат в основе историко-культурного районирования: иерархия районов строится «по природно-ландшафтным маркерам или же опирается на историко-культурные (лингвистические, этнографические») границы» [Вампилова, Манаков 2014: 83]. Обращает на себя внимание и то, что описания микротерриториальных различий зафиксированы в экспедициях не только 1960-х гг., но и последних 10–15 лет.

Заключение

Нами была проанализирована лингвистическая и металингвистическая репрезентация лингвотерриториальных различий носителями псковских говоров. Представления о *своей* / *чужой* речи репрезентируются с помощью лексем с семантикой инаковости, однако эта лексика демонстрирует почти полное отсутствие эмоциональной оценки «чужого», другого языка. При этом в метаязыковых высказываниях встречаются факты отрицательной оценки и осмеяния чужого говора, а также указания на плохое понимание жителей других территорий. Наибольшее внимание говорящих привлекают лексические различия, и некоторые наблюдения носителей говоров столь точны, что позволяют выделить лексические маркеры для определения границ ареалов.

География метаязыковых комментариев показывает, что микротерриториальные лингвистические различия отмечаются информантами по всей территории Псковской области, в том числе в центральных и северных районах. Но больше всего подобных фактов отмечено в южных районах: Пустошкинском, Новосокольническом, Великолукском, Невельском, что подтверждает осознание жителями псковско-белорусского пограничья

своей территории как особой [Большакова 2013а; 2013б: 146]. На переходных территориях, в зоне диалектного смешения говорящими могут считаться «своими» и употребляться семантически тождественные слова, имеющие разные ареалы. Тем не менее, жителями выделяются микротерриториальные образования, характеризующиеся «другим» говором. Такие микротерритории выделяются говорящими на основании не только лингвистических, но и географических и культурных признаков, что согласуется с принципами историко-культурного районирования. Возможно, выделение «других» микротерриторий с «другим» (а фактически очень близким) говором поддерживает локальную идентичность жителей, отграничивая их от «других» и позволяя осознавать свою особенность. Выделяются микротерритории и по культурным особенностям их жителей, при этом говор представителей иных конфессиональных групп не описывается как иной, возможно, потому, что он не отличается от говора соседей, а может быть, и по причине того, что религиозные, культурные отличия в данном случае являются более «сильным» фактором разграничения, нежели отличия языковые.

Литература

- Бельская Е. В. 2004 — Интерпретация интенсивной лексики носителем диалекта. *Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст*. Екатеринбург.
- Большакова Н. В. 2013а — Мотив «смешения» как признак этноконтактной диалектной зоны (на материале псковских говоров). *VALODA — 2013. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XXIII*. Daugavpils. Lp. 13–18.
- Большакова Н. В. 2013б — Южнопсковские говоры в контексте лингвогеографических и этнолингвистических проблем. *Вестник Псковского государственного университета. «Серия Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки»*. Вып. 3. Псков. С. 143–150.
- Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В. 2008 — Говоры русско-белорусского пограничья. *Исследования по славянской диалектологии*. Вып. 13. 118–179.
- Вампилова Л. Б., Манаков А. Г. 2014 — Историко-географическое районирование северо-западной России: методика и опыт. *Псковский регионологический журнал*. № 18. С. 78–92.
- Герд А. С. 2001 — *Введение в этнолингвистику*. Санкт-Петербург.
- Гетка Й. 2012 — «Каждому народу свой язык хорош», или об отношении к своему идиому жителей белорусско-российского пограничья. *Исследования по славянской диалектологии*. Вып. 15. Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде. Москва. С. 56–71.

Головки Е. В. 2014 — «Народная лингвистика» как объект исследования. *Антропологический форум*. № 21. С. 9–16.

Гольдин В. Е. 2009 — Повествование в диалектном дискурсе. *Известия Саратовского университета*. Нов. сер. № 9. С. 3–7.

Гынгазова А. Г. 2000 — Чужая речь в языке диалектной личности. *Актуальные проблемы русистики*. Томск.

Иванцова Е. В. 2002 — *Феномен диалектной языковой личности*. Томск.

Крючкова О. Ю. 2007 — Оценки речи как проявление культурно-языковой идентичности носителей диалекта. *Проблемы идентичности в современном мире*. Саратов.

Крючкова О. Ю. 2008 — Рефлексивность диалектной речи. *Язык. – Сознание. – Культура. – Социум*. Саратов.

Лагута Н. В. 2013 — Размышления о языке в речи носителей диалекта. *Слово: фольклорно-диалектологический альманах*. Вып. 10.

Лопухина А. А. 2014 — «Хуже нашей говори нет» vs «Говор чистой только у нас»: изменение отношения носителей диалекта к своей речи. *Антропологический форум*. № 21. С. 100–108.

Мызникова Я. В. 2015 — Лексикографические рефлексии диалектоносителя. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный журнал*. 3(15).

ПОС = Псковский областной словарь с историческими данными. Ред. Ивашко А. А., Лутовинова И. С., Тарасова М. А. Вып. 18–26, СПб.: Из-во СПбГУ, 2006–2015 (издание продолжающееся).

Пурицкая Е. В. 2004 — Вербализация представлений о языке в речи носителей диалекта. *Севернорусские говоры*. № 8. С. 252–260.

Ростова А. Н. 2000 — *Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания*. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000.

СРНГ = Словарь русских народных говоров. — Вып. 1–24 / гл. ред. Ф. П. Филин / ред. Ф. П. Сороколетов. — М.; Л.: Наука, 1965–1989. — Вып. 25–48. / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. — СПб.: Наука, 1990–2015 (издание продолжающееся).

Ухмылина Е. В. 1960 — О языковой сознательности носителей говора (на материале их высказываний о языке). *Уч. зап. Горьковского гос. университета им. Н. И. Лобачевского*. Вып. 76. Сер. лингвистическая. С. 159–173.

Сокращения

- Бж. — Бежаницкий район Псковской области
 Вл. — Великолукский район Псковской области
 Гд. — Гдовский район Псковской области
 Дед. — Дедовичский район Псковской области
 Кун. — Куньинский район Псковской области

- Ляд. — Лядский район Псковской области
Нев. — Невельский район Псковской области
Н-Рж. — Новоржевский район Псковской области
Н-Сок. — Новосокольнический район Псковской области
Оп. — Опочецкий район Псковской области
Остр. — Островский район Псковской области
Палк. — Палкинский район Псковской области
Печ. — Печорский район Псковской области
Пл. — Плюсский район Псковской области
Пореч. — Пореченский район Псковской области
Порх. — Порховский район Псковской области
Пск. — Псковский район Псковской области
Пуст. — Пустошкинский район Псковской области
Пушк. — Пушкиногорский район Псковской области
Себ. — Себежский район Псковской области
Сер. — Середкинский район Псковской области
Сл. — Славковский район Псковской области
Слан. — Сланцевский район Ленинградской области
Стр. — Стругокрасненский район Псковской области
Тор. — Торопецкий район Калининской области
Эст. — Эстония.

«СВОЁ» И «ЧУЖОЕ» В СФЕРЕ ГОРОДСКОЙ НОМИНАЦИИ РОССИИ¹

Е. Н. РЕМЧУКОВА, Т. П. СОКОЛОВА

Проблема взаимодействия «своего» и «чужого» в языке является сегодня одной из актуальных и активно обсуждается лингвистическим сообществом с разных точек зрения. Активизация иноязычной лексики на рубеже XX–XXI вв. потребовала осмысления процессов семантической спецификации заимствований, явлений языковой экономии, речевой моды и т. п. [см., например, Крысин 2004, Кронгауз 2007 и др.]. Следующим шагом было описание словообразовательной адаптации заимствований [см., например, Маринова 2008], затем графогибридизации [Попова 2012] и других форм внедрения «чужого» и его освоения в речи [Нефляшева 2011].

Сегодня очевидно, что причины вовлечения «чужого» многообразны, как и формы его взаимодействия со «своим». В этом взаимодействии можно увидеть антиномию «свое – чужое», которая находит выражение на всех уровнях и пронизывает современное коммуникативное пространство России. Причины этого взаимодействия отражают общие тенденции в речевой практике современного российского общества. Однако сегодня следует говорить не только об этих общих тенденциях, но и о своеобразии взаимодействия «своего» и «чужого» в разных типах дискурса, так как современная коммуникативная среда характеризуется многообразием дискурсивных практик, обладающих специфическими чертами [Иссерс 2012].

Взаимодействие «своего» и «чужого» в сфере современной городской номинации России, «зоне» современного коммуникативного пространства, имеет целый ряд специфических черт. Прежде всего, это область коммерческой номинации: современные русские урбанонимы — названия коммерческих объектов (кафе, ресторанов, магазинов, салонов красоты, жилых комплексов, фитнес-центров и т. д.). Такие урбанонимы — резуль-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-04-00282.

тат современного нейминга, в основе которого лежит креативная речевая деятельность, обусловленная активными языковыми процессами и прагматическими намерениями номинатора — создателя коммерческого имени. Повышенная лингвокреативность урбанонимов (то есть творческое преобразование семантики и структуры языковых единиц, использующихся для номинации) стала отличительной чертой современных русских городов [Ремчукова 2013, 2015].

Способы освоения «чужого», внедрения «чужого» в этой сфере, как правило, имеют лингвокреативную форму, являются результатом творческой деятельности номинатора, с одной стороны; с другой — имеют четко выраженную прагматическую направленность, так как основная цель создателя коммерческого имени — «рассказать» о специфике своего заведения и привлечь потенциального потребителя.

В рамках данной статьи мы остановимся на взаимодействии «своих» и «чужих» реалий и имен, ибо их комбинации создают в сфере городской номинации особый поликультурный код. Так, широкое внедрение латиницы в городские вывески, которое стало объектом постоянной критики «наивного лингвиста» и в котором профессиональный лингвист часто склонен видеть разные формы проявления языковой игры [см., например, Шмелева 2014] является одной из форм выражения этого поликультурного кода.

Однако взаимодействие «своего» и «чужого» в городской номинации не исчерпывается соотношением латиницы и кириллицы², за внешней репрезентацией названий на вывесках стоят более сложные явления — более сложные формы сопряжения разных культур.

Городские вывески демонстрируют реализацию антиномии «свое – чужое», акцентируя в названии объекта внимание потребителя на ценности «своего», русского, национального. Маркерами «русскости» в таких случаях часто становятся элементы старой орфографии (магазин «Мясновъ», ресторан «Грільяжъ»), слова с отчетливо выраженным этнокультурным компонентом (ресторан «Квась»), топонимы (рестораны «Суздаль», «Китежъ град», жилой комплекс (далее в тексте ЖК) «Киевская Русь», ЖК «Бородино») и прецедентные имена культуры (рестораны «Шаляпин», «ПушкинЪ», ЖК «Ломоносов», ЖК «Маяковский», ЖК «Три богатыря»).

Так, в названии ресторана «Идиотъ» (г. Санкт-Петербург, [www.idiot-spb.com]) литературный пласт прецедентного феномена находит отраже-

² См. об этом подробно в [Кириллица – латиница – гражданца, 2009].

ние в топографии (наб. реки Мойки), в интерьере (стилизация квартиры дворянской семьи, так как значительная часть сцен всемирно известного романа Ф. М. Достоевского разворачивается в петербургской квартире Еланчиных), в специфике меню (русская кухня). [www.idiot-spb.com]. Название жилого комплекса «Орловъ» (прецедентное имя с орфографическим маркером «Ъ») отражает концепцию роскошной дворянской усадьбы «в духе позднего классицизма» по соседству с историческими владениями графского рода Орловых [https://vk.com/graff.orlov]. Использование в названии клубного дома «Палаты Муравьевых» архаизма «палаты» (в значении «великолепное здание, дворец» [Ефремова 2000], «большое богатое здание с множеством комнат» [Кузнецов 2000: 775] и прецедентного имени старинного графского рода *Муравьевых*, с одной стороны, указывает на сегмент элитного жилья, с другой — на архитектурно-планировочное решение.

В номинации жилых комплексов чужие прецедентные имена (ПИ) (в основном топонимы) могут использоваться в функции семантического предиката, что демонстрирует сопряжение «чужого и своего». Продуктивны две модели такой номинации:

1. ЖК как чужое ПИ: ЖК «Hydepark», ЖК «Deauville» («Довиль — французский шарм» [www.deauville.ru/]). Такие названия, как правило, указывают на элитный класс жилого комплекса.
2. ЖК — это наше (кириллица) + чужое ПИ: ЖК «Ля Дефанс» (во французском оригинале «La Defence»).

В метаязыковом высказывании на сайте строительной компании раскрывается мотивация номинации: *Название «Ля Дефанс» выбрано не случайно: во Франции, в Париже это известный район, рядом с Площадью Согласия, где находится большое количество исторических памятников; (ЖК — это наш, московский «Ля Дефанс»)* [www.moskvadeluxe.ru/zhk-la-defence-3-ya-frunzenskaya-ulica-19/]. Такие названия, как правило, указывают на элитный класс жилого комплекса.

Как видно из приведенных примеров, «чужое» может передаваться как кириллицей, так и латиницей, причем на вывеске и в рекламном тексте на сайте могут использоваться оба варианта. Так, при номинации ресторанов премиум-сегмента часто используются нетранслитерированные итальянские и французские слова: «Cantinetta Antinori», «Garçon» «La Marée», «Cinqsens», «Parisienne», «Château de fleurs». Данный факт обусловлен общей тенденцией к латинизации и стремлением номинатора повысить

статус заведения, так как изысканная дорогая кухня традиционно ассоциируется именно с итальянской или французской гастрономией.

Нетранслитерированные вывески фирменных магазинов указывают на производителя товаров за счет использования мировых брендов, в том числе трансонимизированных прецедентных имен: магазины электроники «*Samsung*», «*Sony*», спорттовары «*Nike*», косметика «*Christian Dior*», одежда «*Giorgio Armani*» и т. п. Это хорошо известное всем «чужое» не просто содержит информацию о производителе, но обеспечивает качество продукции и, следовательно, характеризует статус ее потребителя.

Однако использование в нейминге топонимов (итальянской кухни «*Тоскана*», ливанской кухни «*Бейрут*»), экзотизмов (итальянские рестораны «*Песто*», «*Траттория*») и национальных имен (немецкий паб «*Ганс и Марта*», грузинское кафе «*У дедушки Ваню*») на русском языке позволяет полноценно информировать посетителя о специализации заведения и создать определенную «национальную ауру» и без использования латиницы.

Кроме того, представление в урбанониме «своего» (русского) как «чужого» при помощи транслитерации стало распространенным приемом современного коммерческого нейминга: кафе «*Bulka*», «*Iskra*», ЖК «*Korovino*», ЖК «*Sosnovka Park*», ЖК «*Lipki Park*» и др. Именно этот случай подачи «своего» через «чужое» вызывает, как правило, наибольшее количество «нареканий» от широких кругов лингвистически ориентированной общественности.

В некоторых случаях транслитерация обусловлена международным статусом объекта: *Большой театр* — это русский бренд, что и подчеркивает номинация ресторана «*BOLSHOI*», тем самым усиливая информативную функцию урбанонима: ресторан «*BOLSHOI*» рядом с Большим театром позиционируется как изысканное заведение для интеллигентной аудитории. Эта мотивация вполне понятна и приемлема. Фамилия «своего», русского, писателя — *Чехов*, перенесенное в качестве прецедентного имени в урбаноним, очевидно, именно в транслитерированном варианте призвано реализовать стратегию повышения статуса («*Chekhov*» — *роскошный клубный дом в историческом центре города с собственным выходом в сад «Эрмитаж»* [www.novostroy-m.ru/baza/jk_chehov]). Однако подобная «спекуляция» с прецедентными именами культуры вызывает отторжение.

Транслитерация русских имен и названий часто сочетается с заменой «своих» терминов иноязычными эквивалентами. Так, авторы названия элитного дома «*St. Nickolas*» в ходе транслитерации заменили русскую

модель названия старейшей Никольской улицы Москвы «чужой», а сам термин улица английским *St. (street)*, придав урбанониму «*лоск и шарм*»: «современные апартаменты премиального класса в отреставрированном историческом доме XIX века на Никольской улице» [www.novostroy-m.ru/baza/zhk_st_nickolas]. Иноязычный облик названия ЖК «*Katrin-House*» (на улице Екатерины Будановой) создается не только частотным в городской номинации компонентом *house* (вместо русского *дом*), но и галлицизированным именем (*Catherine*) [Епишкин 2010].

Оксюморонное сочетание «*English Dacha*» в названии жилого комплекса подчеркивает желание номинатора подстроить специфические русские реалии под западный (в данном случае английский) стиль, что подчеркивается в рекламном тексте: «*дома, построенные в духе Старой Англии*» [www.englishdacha.ru/]. Слово *дача*, обладающее отчетливо выраженным этнокультурным компонентом, не переводится, а транслитерируется на английский язык и объясняется, например, в Оксфордском словаре, как «второе летнее жилье, небольшой русский летний домик» [Concise Oxford English vocab].

Появление иноязычного компонента в урбанониме может быть обусловлено отсутствием в русском языке нужного слова для обозначения новой реалии: так, в связи с активным строительством малоэтажного жилья в России в русском языке появилось слово *таунхаус* — «амер. городской односемейный дом, примыкающий к таким же домам и вместе с ними образующий улицу; часто подобные строения имеют единый архитектурный облик» [Комлев 2006].

Чужой облик недавно заимствованного слова сохраняется и в русской транслитерации, поэтому использование его в сочетании с концептуальными русскими прецедентными именами приводит к нейминговой неудаче: «*Таунхаусы Добрыня*» (*Добрыня* — имя одного из трех древних русских богатырей). Следует отметить этическую несостоятельность подобных номинаций (рестораны русской кухни «*Ivan*», «*Valenok*» и др.)

Наибольшее количество урбанонимов с использованием латинских графем сосредоточено в сфере торговли непродовольственными товарами. Это названия магазинов одежды, обуви, мебели, ювелирных и хозяйственных товаров. Анализ результатов сплошной выборки неймов показал, что из 3 778 названий московских магазинов 2 528 содержат нерусские графемы, преимущественно латинские [Sokolova 2014: 362–365].

В составе «чужих» урбанонимов около половины произведены от антропонимов, которые своей формой указывают на страну — производителе-

ля товаров, действительную или мнимую. В языковом сознании русского человека сложились стереотипные модели иностранных имен, под которые подстраивается восприятие названий магазинов: например, «*Richard James*», «*Elizabeth and James*», «*Betsey Johnson*» — английские или американские, «*Pierre*», «*Nicol*» — французские, «*Roberto Morelli*», «*Fabiani*» — итальянские, «*Rodriguez*» — испанский, «*Schumacher*» — немецкие и т. д.

Частотность на городских вывесках псевдоитальянских антропонимов (с конечными формантами -о (-io), -и (-etti, -ani, -ini, -li), -е) — «*Cividini*», «*Fabio Gavazzi*», «*Pietro Filipi*») обусловлена прагматическими факторами. У российского потребителя итальянские товары пользуются большим спросом, и русские компании стали называть свои магазины «на итальянский манер», чтобы привлечь больше покупателей и вместе с тем установить более высокие цены, чем на товары отечественного производства. Так, в 1992 г. русский инженер Илья Резник начал выпускать обувь «*Carlo Pazoni*», зарегистрировав созданный им товарный знак как *фантазийный*, то есть искусственно сконструированный, не имеющий отношения к производимым товарам [см. подробнее о термине «фантазийный» Соколова 2015: 182–183], в настоящее время «*Carlo Pazoni*» — сеть фирменных магазинов.

Такие неймы коммерчески успешны, поэтому их количество возрастает: урбаноним «*Paolo Veroneze*» отсылает к прецедентному топониму *Verona* (слово «*veronese*» в итальянском языке означает «веронский; веронец») и указывает на якобы итальянское происхождение» предлагаемых в магазине изделий из кожи, а название магазина кожгалантереи «*Paolo Novarese*» искусственно создано по той же модели и лишь имитирует итальянское звучание.

Продуктивна в нейминге следующие модели маскировки «своего» под «чужое»:

транслитерация + иноязычный эквивалент имени владельца магазина: Сергей Зино → «*Sergio Zino*» (сумки, зонты и одежда);

транслитерация + деривация (присоединение маркированного иноязычного форманта): Игорь Барцев → «*Barti*» (кожа и текстиль); *Маралян* → «*Maraliani*» (одежда и обувь).

Нейминговая экспертиза, которая формируется на стыке лингвистики и юриспруденции [Соколова 2016], служит выявлению псевдоиностранных урбанонимов с целью их замены (в процессуальном и непроцессуальном порядке) и предупреждения появления новых названий, вводящих в заблуждение потребителей товаров и услуг.

В сфере номинации ресторанов и кафе установка номинатора, использующего транслитерацию и деривацию, иная: не маскировка «своего» под «чужое» с целью ввести потребителя в заблуждение, а привлечение клиента необычностью, оригинальностью названия. Например, сетевой ресторан русской кухни «*MARI VANNA*» (транслитерация + языковая игра на основе русского имени, особый статус *Марии Ивановны*): «*Мари Ванна*» — *подомашнему уютный рестораник в духе старого доброго советского ретро* [www.marivanna.ru/msk/].

Графогибридизация как прием смешения кириллической и латинской графики также является феноменом взаимопроникновения «своего» и «чужого». Исследователи выделяют два вида графогибридизации — асемантическую и семантическую [Бутакова 2013]. Наиболее частотна в коммерческой номинации асемантическая графогибридизация: замена кириллических букв или буквосочетаний соответствующими латинскими: ресторан «*Ваниль*», ЖК «*Новорижский*», магазин «*Мир Заколок*», фитнес-клуб «*ЗАРЯДКА*», кафе «*Сказка*» («чужая» буква выполняет функцию аттракции и может занимать разную позицию в слове, что подчеркивает асемантичность).

Степень латинизации нейма может быть разной — от одной латинской буквы в слове (кафе «*ДереВня*») через графемную симметрию (ресторан «*Водный*») до двух (ресторан «*Ugolёк*») и, наконец, до одной русской буквы (ресторан «*Faru*»). Графогибридизация может сопровождаться грамматической игрой, например, авторы названия ресторана «*Barashka*» объясняют его появление следующим образом: «... со временем тяжелую азербайджанскую кухню решили европеизировать, облегчить, стилизовать, а вместе с кухней изменилось и название ресторана. В результате трансформации появилось новое умильное слово, которое поменяло род и происхождение, а именно «*Barashka*»: половина слова пишется кириллицей, половина — латиницей» [<https://novikovgroup.ru/restaurants/barashka/>].

В названии магазина «*Диван Диваныч*» архисема производящей основы «мебель», указывающая на ассортимент товаров, обыгрывается в традиционной русской антропонимической модели «имя + отчество» и сопровождается графогибридизацией.

Особого внимания заслуживает частотный в коммерческой номинации элемент *-off* [см. подробнее Ремчукова, Махиянова 2015]. В названиях жилых комплексов формант *-off* может реализовывать стратегию повышения статуса, придавать названию оттенок элитарности: клубный дом «*Плотникoff*» (по расположению в *Плотниковом* переулке), ЖК «*Хлебникoff*»

(нейм частично выполняет топографическую функцию, так как ЖК расположен на *Хлебозаводской* улице, но в коммерческой номинации «производственное» название заменяется прецедентным антропонимом). Однако в названиях магазинов, например, «*ОчкоFF*» (салон оптики), конечный формант не связан со «статусностью» объекта номинации, а выполняет аттрактивную функцию, выделяет данный салон из ряда подобных, что подчеркивается капитализацией не всего форманта, а только конечных букв *FF*. Под влиянием таких номинаций появляются урбанонимы-имитации, например, салон красоты «*КреатиFF*».

Как частный случай асемантической графогибридизации мы рассматриваем использование иноязычных типографических знаков (в частности, амперсанда) в качестве соединительных элементов: «*Фарш & Бочка*», «*Пряности & Радости*», «*Хмель & Эль*».

В данном типе номинации выявляется усложнение: кириллица+ латиница + амперсанд: ресторан «*Greenberry. Виски & Закуски*»; кафе «*Pedro & Gomez у Ларисы*». Эти случаи можно считать переходными между асемантической и семантической графогибридизацией. Кроме того, данные примеры можно рассматривать в качестве оксюморона. Следует отметить и специфику употребления амперсанда: он скорее используется как красивый графический знак, а его синонимичность союзу «и» легко «узнается» носителем языка.

Семантическая графогибридизация обеспечивает возможность актуализировать омонимию сегмента русского слова и иноязычного вкрапления, причем иностранная лексема часто выполняет информативную функцию, указывая на специализацию заведения: бар «*Веерлога*» (*beer* — англ. 'пиво' + *лога*); салон красоты «*ИСПАНИЯ*» (*SPA* и Испания).

Название магазина «*Хлеб & со*», с одной стороны, обыгрывает продуктивную модель городской номинации «*Имя владельца и компания*», с другой — сочетанием русского слова-концепта «хлеб» и латинского элемента «*& со*» выявляет особенность пекарни — сочетание русских и западных традиций (что отражено на сайте компании), наконец, элемент «*со*» соотносится со словом «кондитерская» на вывеске (булочная-кондитерская).

Вкрапления иноязычных слов (или сегментов) в русские слова (или словоформы) порождает так называемые «*слова-матрешки*», что влечет за собой удвоение смысла. Так, в коммерческих именах «*Веерлога*» и «*ВЕЕРЖА*» актуализируется омофония между английским словом *beer* ('пиво') и русскими *берлога* и *биржа*. Этот же способ реализуется и в урба-

нониме «КОПteam», в котором английское слово *team* ('команда'), использованное в качестве семантического компонента (о чем свидетельствует передача слова латиницей), омофонично глагольной форме *коптим*. Комбинация лингвокреативных приемов (шрифтовыведение, графогибридация, актуализация омонимии) позволяет реализовать информативную функцию урбанонима (в ресторане подаются блюда из домашней коптильни). Игровой характер названия поддерживается месторасположением заведения — на *Коптевской* улице.

Еще одна разновидность рассматриваемой модели номинации связана с интересным использованием артикля: данный грамматический элемент привносит дополнительную семантику в название. Так, английский определенный артикль *the* в урбанониме «*The Веранда*» имплицитно сообщает адресату об исключительности данного заведения (ср. *веранд много, но эта — та самая*). См. также названия кафе: «*The Сад*», «*The фиш*», «*The Хмель*».

«Чужой» элемент оформляется как «свой» (кириллицей) при квазиономимизации: описанный выше лингвокреативный элемент *-off* передается кириллицей (явление «обратной транслитерации»): «*Едофф*», «*Мибелефф*», «*Грузовичкофф*», «*Блинофф*», «*Пельменефф*», что объясняется модой на использование иноязычных формантов в качестве экзотизмов и прагматической установкой номинатора создать индивидуализированный товарный знак.

Особо следует выделить многочисленные примеры взаимодействия «своего» и «чужого» без использования латиницы. Это прежде всего «словообразовательные игры»: междусловное наложение: «*Уютерра*» (←*уют* + *терра* / транслитерированное латинское *terra* — 'земля'), «*Ауррум*» (←*аура* + *рум* / транслитерированное английское *room* — 'комната'); кафе «*Пастарианец*» (слово «паста» в значении «собирательное итальянское название любого блюда из макаронных изделий» [Зданович 2001] оформлено конечным формантом слова «*вегетарианец*» (с наложением). Креативные неймы жилых комплексов на базе иноязычных прецедентных имен тоже образуются за счет замещения созвучного компонента в «чужом» прецедентном топониме «своим» (например, ЖК в Москве «*Мос-Анжелес*» ← *Los Angeles*).

Сопряжение «чужого» и «своего» в урбонимической номинации может происходить через фразеологизм. Такой нейминг свидетельствует о высоком уровне развития языковой компетенции номинатора. Ресторан «*Китайская Грамота*» — проект профессионального ресторатора и успешного юриста Александра Раппопорта. Компонент «*китайская*»

в нейме указывает на тип кухни (в основном кантонской), в то же время название воспринимается как устойчивое словосочетание «*китайская грамота*» — «разг. что-либо трудное или недоступное для понимания» [Федоров 2008]. Семантика фразеологизма актуализирует значение «чужого», незнакомого и потому трудного для понимания, но помета *разговорное* свидетельствует о широкой употребительности фразеологизма именно в сниженной, разговорной речи, то есть само устойчивое сочетание в русском языке давно стало своим.

Таким образом, номинация отражает сложные когнитивно-дискурсивные процессы: возникновение фразеологической единицы «*китайская грамота*» связано с невозможностью прочесть письменный текст (грамоту), именно такое значение «неразборчивое, непонятное писание» с указанием вариантов «*тарабарская грамота, татарская грамота*» зафиксировано словарем М. И. Михельсона в начале XX в. [Михельсон 1902–1903: 429], далее, вследствие усиления спаянности компонентов, у фразеологизма появилось второе, более общее значение «о незнакомом, неизученном деле» [БАС Т.3: 363], в современном фразеологическом словаре А. И. Федорова приведено только указанное выше обобщенное значение, но нейминговая стратегия рассчитана на восприятие названия как хорошо знакомого, своего и в то же время как указания на «чужую», экзотическую кухню.

Подводя итоги, следует отметить, что одной из важнейших задач при создании коммерческого имени является поиск равновесия между *национальным* (то есть связанным именно с данной культурой) и *универсальным* (интернациональным) компонентом значения имени. Это особенно актуально для больших городов: мегаполис развивается динамично, он поликультурен, и этим объясняется тот факт, что владельцам заведений нужно привлечь как можно больше посетителей, включая и местных жителей, и иностранных гостей. Как было показано выше, в сегменте номинации магазинов подобная лингвокреативная деятельность номинаторов приобретает очевидную прагматическую цель — замаскировать русского производителя товаров и услуг под иностранного для достижения коммерческого успеха («*Paolo Veroneze*», «*Laura Donati*», «*Sergio Zino*»).

Выявление «своего» и «чужого» в городской номинации, лингвистически и юридически грамотная квалификация феноменов сопряжения культур, языков, графических символов приобретает особую значимость в аспекте нейминговой экспертизы, которая, с одной стороны, способствует защите прав интеллектуальной собственности на урбанонимы, с другой — препятствует появлению в городской среде конфликтогенных, этически некорректных и неудачных названий.

Литература

- БАС. 1956–1959 — *Словарь современного русского литературного языка в 20 томах.* Москва-Ленинград.
- Бутакова Е. С. 2013 — Лингвистическая креативность в томской эргонимии. *Вестник ТГПУ.* – 2013. – № 3 (131). – Томск. С. 146–152.
- Елишкин Н. И. 2010 — *Исторический словарь галлицизмов русского языка.* Москва. Электронный ресурс: <http://www.enc-dic.com/gallicism/>
- Ефремова Т. Ф. 2000 — *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный.* Москва. Электронный ресурс: <http://www.efremova.info/>
- Зданович Л. И. 2001 — *Кулинарный словарь.* Электронный ресурс: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_culinary/
- Иссерс, О. С. 2012 — *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи.* Москва.
- Кириллица – латиница – гражаница:* Коллективная монография 2009 — Великий Новгород.
- Комлев Н. Г. 2006 — *Словарь иностранных слов.* Москва.
- Кронгауз М. 2007 — *Русский язык на грани нервного срыва.* Москва.
- Крысин Л. П. 2004 — *Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике.* Москва.
- Кузнецов С. А. 2000 — *Большой толковый словарь русского языка.* С.-Петербург.
- Кургузов В. А. 2011 — Свое – чужое – наше как алгоритм развития культуры. *Культура и цивилизация.* № 1. С. 109–125.
- Максимова Н. В. 2005 — Коммуникативные доминанты речевого поведения (на примере оппозиции «свое – чужое»). *Вестник ОГУ* № 11. С. 95–105.
- Маринова Е. В. 2008 — *Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: Проблемы освоения и функционирования.* Москва.
- Михельсон М. И. 1902–1903 — *Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии.* Тт. I, II. С.-Петербург.
- Нефляшева И. А. 2011 — Иноязычные графические элементы в структуре окказионального слова. *Вестник Ставропольского государственного университета.* № 76. С. 91–99.
- Попова Т. В. 2012 — Современные графо-орфографические игры: коммуникативные удачи и неудачи (на материале графиксатов русского языка рубежа XX – XXI вв. *Лингвистика креатива-2* [Текст]: Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. Екатеринбург. С. 199–233.
- Ремчукова Е. Н. 2013 — Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта. *Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика.* №2. С. 83–90.
- Ремчукова Е. Н. 2015 — Прагматическая и эстетическая ценность «массового лингвокреатива». *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова.* Вып. 7. Москва. С. 157–168.

Ремчукова Е. Н., Махиянова А. Р. 2015 — Лексико-грамматические механизмы лингвокреативности в сфере городской номинации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Теория языка. Семиотика. Семантика*. № 2. Москва. С. 132–142.

Ремчукова Е. Н., Соколова Т. П., Махиянова А. Р. 2015 — Проблемы нейминга: новые русские урбанонимы в лингвокреативном аспекте. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. № 9. С. 328–333.

Соколова Т. П. 2015 — Лингвокреатив в аспекте нейминговой экспертизы. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. Вып. 7. Москва. С. 179–194.

Соколова Т. П. 2016 — *Нейминговая экспертиза: организация и производство*. Москва.

Федоров А. И. 2008 — *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Москва. Электронный ресурс: <http://www.phraseology.academic.ru/>

Шмелева Т. В. 2014 — Омнимические игры в городской среде. *Лингвистика креатива-3 / Под общей ред. Т. А. Гридиной*. Екатеринбург. С. 315–332.

Concise Oxford English vocab. Электронный ресурс: <http://slovar-vocab.com/english/concise-oxford-vocab.html>

Sokolova T. 2014 — Unconventional anthroponyms in Moscow urban names. *Unconventional Anthroponyms: Formation Patterns and Discursive Function*. Cambridge. P. 354–369.

«ДРУГИЕ ЯЗЫКИ» В КНИГЕ РУССКОГО СТАРООБРЯДЦА ИЗ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ*

О. Г. РОВНОВА

Книга, о которой пойдет речь, называется «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева», ее автор — старообрядец часовенного согласия Данила Зайцев из Аргентины. Он родился в 1959 г. в Китае, в Синьцзяне, в старообрядческой семье. С 1961 г., когда его родители вместе с другими старообрядцами перебралась в Южную Америку, жил в Аргентине, а затем и в других странах (Уругвай, Бразилия, Чили, Боливия). Важной частью его биографии стала попытка обосноваться с семьей в России в 2008 г. Он прожил здесь около полутора лет — сначала в Белгородской области, потом в Красноярском крае, регулярно наезжая в Москву. Столкнувшись с политическими, административными, юридическими и экономическими реалиями современной российской жизни, перейдя от первоначального восторга и воодушевления к горькому разочарованию, Данила Зайцев вернулся в Аргентину. Вырастил арбузы, дыни, кукурузу и на вырученные от их продажи деньги вывез из России семью. Драматичная история переселения побудила Данилу Терентьевича написать книгу, в которой он изложил свой опыт российской жизни и дал объемную историческую панораму жизни старообрядцев часовенного согласия в XX–XXI вв. — в России (на Алтае и Дальнем Востоке), Китае (Синьцзяне и Маньчжурии), Южной Америке. Книга, подготовленная мной к изданию, вышла в конце 2014 г. в московском издательстве «Альпина нон-фикшн» [Зайцев 2015]¹. О Даниле Зайцеве, знакомстве с ним, обстоятельствах со-

* Статья написана в рамках проекта «Старообрядцы Латинской Америки: исследование языка и экономики», поддержанного грантом РГНФ № 14-04-00380.

¹ Произведение Д. Т. Зайцева стало фактом литературной жизни. Обзор мнений о книге литературных критиков и читателей, высказанных сразу после выхода произведения в свет,

здания рукописи, принципах подготовки ее к публикации подробно рассказано в предисловии [Ровнова 2015a].

«Повесть и житие» — произведение документальное и по жанру, и по языку. Языковая стихия книги обусловлена уникальной лингвистической биографией автора. Текст создан на русском диалектном языке — в рукописи переданы фонетические, грамматические и лексические черты родного для автора говора старообрядцев-«синьцзянцев» [Ровнова 2014]. Получили отражение и другие языки, вошедшие в языковую компетенцию необычного писателя-старообрядца: церковнославянский, испанский, португальский, русский говор «харбинцев» — второй группы старообрядцев в Южной Америке. В тексте можно найти и освоенные им лексические единицы современного «российского» русского языка, в стихию которого он окунулся впервые во время пребывания в России, услышав и литературный вариант его, и диалектный (южнорусский говор в Белгородской области, среднерусский — в Красноярском крае), и просторечие.

О лингвистической биографии автора можно узнать из самой книги. Как принято у старообрядцев, читать и писать по-русски он научился от старших родственников: «К русской грамоте и славянской духовной мы мало учились. Евдокея и Степан <старшие сестра и брат> учились у деда Степана Корниловича, а мы у маминой сестре по матери — моя крёстная мать, у неё учились. Я по-русски научился кое-как писать и читать, а по-славянски прошёл только азбучку. Крёстна мало нас поучила, но и то слава Богу» [Зайцев 2015: 38]². С детства любил читать, «читал русские сказки, испанские» [с. 58]. Позднее Данила под руководством тестя — наставника общины в Уругвае — освоил чтение богослужебных текстов и крюковое пение [с. 57–58]. Он свободно говорит на испанском языке, владеет его письменной формой: выучил испанский в детстве, в аргентинской школе, куда ходил, правда, всего четыре года: «Я дошёл до четвёртого класса, и меня больше не пустили в школу, сказали: надо работать» [с. 36]. Способный к языкам, молодым парнем научился говорить по-португальски («по-бразильски»), когда несколько месяцев гостил у родственников жены в Бразилии:

содержится в [Ровнова 2015б: 314–316]. Режиссер-кинодокументалист В. Е. Герчиков, прочитав «Повесть и житие», снял о Д. Т. Зайцеве фильм «Спасение» (2016). Книга вошла в листы ряда литературных премий: в лонг-листы премий «Большая книга» (2013–2014) и «Русский Букер» (2015), шорт-листы премий «Ясная Поляна» и «НОС» (2015), — и получила премию «НОС» («Новая словесность»). О дискуссии, разгоревшейся вокруг этого события на сайте COLTA.RU, см.: [Алешковский 2016].

² Далее номера страниц указываются по этому изданию.

- (1) Мне затеялось выучить португальский язык, говорю:
— Дядя Марка, у вас есть бразильски книжки?
— Да сколь хошь, вон у Карпуньки.
Взялся я читать. За три месяца — сидим с рабочими, анекдоты рассказываем, один рабочий говорит:
— Интересно, когда ты приехал, умел говорить «бом дия» <добрый день, порт. *bom dia*> и «муйту обригадо» <большое спасибо, порт. *tuítoobrigado*>, а чичас сидишь анекдоты рассказываешь. — Мне самому чўдно показалось [с. 69].

Важно подчеркнуть, что Д. Т. Зайцев писал книгу в Аргентине, после возвращения из России, — она, таким образом, вобрала в себя весь его языковой опыт. Необходимые для работы «спокойствия и концентрацию» Данила обрел в доме дочери Татьяны и зятя Элиаса. О самом творческом процессе он сообщает скупно, но выразительно: «Я набрал семя, удобрения и орошения, ночами стал писать, а днями садить. У меня дело пошло»; «Я ночами пишу, а утрами за огородом хожу, у меня пошло как по маслу» [с. 536, 544]. «Откуда такая память берётся, сам не понимаю», — говорит он по телефону жене Марфе, оставшейся в сибирской тайге, и просит молиться за него [с. 551]. Человек с горячим религиозным чувством и религиозным сознанием, Данила Терентьевич потом признается, что ему помогали в написании книги молитвы жены и Господь.

Рассмотрение «других языков», использованных автором в книге, ограничивается в статье двумя языками — церковнославянским и испанским. Ее задача — показать, как, почему и с какой целью они вплетены в языковую ткань книги.

II

Семь рукописных тетрадей «Повести и жития» (805 рукописных, 660 страниц книжного формата 17 x 24 мм) написаны русской гражданской азбукой, печатными буквами в сочетании со скорописными, без разграничения прописных и строчных. Используются все буквы азбуки, кроме твердого знака (в разделительной функции выступает буква «и»: «семия», «сиел»). Рукопись написана фонетическим письмом, отражающим живую речь: так пишут по-русски дети, не знающие о существовании орфографических и пунктуационных норм русского языка. Книга опубликована с соблюдением этих норм и сохранением некоторых авторских написаний в качестве стилистического средства, отсылающего к рукописи с ее орфо-

графическим своеобразием: *сердыце, туризьма, постороньяй, порядошный, хичная птица, загрань паспорт, Пцалтырь, лиценет, лисэпед, на лисепеде.*

Буквы церковнославянской азбуки в рукописи не используются. Тем не менее на первой странице книги проявляется ориентация автора-старообрядца на церковнославянское письмо: он использует диакритические знаки оксии (') и вари (`), которые ставит строго по правилам: оксия над гласной — в начале или середине слова, вари — в конце. В первом предложении рукописи диакритику имеют 5 фонетических слов из 9-ти: «предки моего отца, прадед сиргеи зайцев из томска, прозвища кержаки»; четыре нижние строки не имеют ударений, диакритики появляются в 4-х из 5-ти фонетических слов следующего предложения: «предки моего отца с материннаи стараны»; нижние десять строк вновь без ударений, на одиннадцатой появляется акцентуированное слово «вили». В дальнейшем автор отказывается от акцентуации по простой причине — «надоело» (так объяснит мне), тем не менее время от времени ставит знаки ударения. В постановке их удается проследить определенную закономерность [Ровнова 2015б: 321–322].

В книге изредка встречаются церковнославянские морфологические формы. Они отмечены во фрагментах, повествующих о религиозной жизни старообрядцев. Совершенно естественно употребление вокативов, местоимения *мя*, причастия *сущий* в молитвах:

- (2) *Открою мою тайну. Да, я любил повеселиться, курил, брился, пил и девушак не оставлял, но сердце у меня ныло, и я всегда слезами уливался и Бога просил: «Господи, за мое беззаконие дай мне болезни перенести и напасти перенести, но спаси мя» [с. 9].*
- (3) *Вот Господь опять выручил, слава Тебе, Господи Пресвятый, ишо не бывало, чтобы ты, Господи, бросил нас в трудную минуту [с. 635].*
- (4) *<...> святителю Христов Николае, скорый помощник, теплый заступник и молебник ко Спасу о душах наших, помоги и сохрани в беде сущих и наставь на истинный путь [с. 633].*

Морфологические церковнославянизмы обнаруживаются в покаянном, стилистически близком к жанру христианской молитвы письме к «тятя и маме», в котором Данила-сын просит родителей дать благословление на брак: «простите мя, многогрешнаго», «простите меня Бога ради, нед стойнаго», «простите мя, Бога ради, и благословите, многогрешнаго», «писал аз многогрешный, дорожащей вас и любящей вас Данила Зайцев» [с. 51].

Обращает на себя внимание употребление вокатива: *отче* — 6 раз, *друзе* — 4 раза, *человече* — 1 раз. У формы *отче* наблюдается жанрово-тематическая прикреплённость: она дважды встречается в названии молитвы («*помолились “Отче наши”*»), четырежды в фольклорном тексте — сказке о батюшке-царе, монахах и Иване, действие которой происходит в монастыре. Форма *отче* используется при обращении монаха к игумену монастыря, что, как и дважды употреблённая в речи «батюшки-царя» форма местного падежа *на небеси*, а также фонетический церковнославянизм у *врат*, соответствует стилистически миру сказки:

- (5) — *Отче, отче, батюшка-царь у врат стоит с дружиною!*
 — *А ты врата отворил?*
 — *Нет, отче. <...>*
 — *Отче, Иван-пьяница просит два целкова и говорит, всё наладит* [с. 65].
- (6) *Иван кланяется в ноги:*
 — *Ваше превосходительство, батюшка-царь!*
 — *Ну что, сосчитали звёзды на небеси?* [с. 66].

Вокативы *друзе* и *человече* отмечены «за пределами жанра» — во фрагментах, не связанных с религиозной тематикой, передающих живую диалогическую речь или внутреннюю речь автора. Так, форму *друзе* Д. Зайцев использует в своем приветствии — в ситуациях личной встречи (7) и телефонного разговора (8), а также при обращении к другу во время доверительного разговора (9):

- (7) *Смотрю, стоит Федя Скачкёв, он тоже меня увидал.*
 — *Ну, здорово, друзе!* [с. 490].
- (8) *С Москвы звонит Новосёлов Владимир.*
 — *Ну, здорово, друзе, что вам нужно?* [с. 370].
- (9) *Но мне жалко было хозяина и друга. <...> Мне приходилось уговаривать его:*
 — *Друзе, что с тобой, что неладно, в чём помогчи?* [с. 82].

В следующих примерах звательные формы употреблены при передаче внутренней речи автора, адресованной воображаемому собеседнику:

- (10) *Ну, милый друзе, думаю, всё равно ты узнаешь правду когда-нибудь, вижу, что обиженный остаёшься. Знаю, что ты обращаешься в вышние органы ради нас, и теперь получаешь позор. Прости, друзе, прости* [с. 474].

- (11) *Когда человек работает, у него мозги чисты, ему некогда до конфликтов и для разных развратов. <...> Но, одним словом, одумайся, человеке, будь конструктивным, но не деструктивным, и матушка-земля будет за это тебя благодарить [с. 558].*

Употребление вокатива в примерах (7) — (11) является эмоционально окрашенным. В отличие от литературного русского языка, где церковнославянизмы используются в стилистических целях для придания речи торжественности и книжности, в диалектном языке автора церковнославянская звательная форма имеет эмоциональную окраску доброжелательности, сердечности и одновременно уважительности, что наиболее ярко проявляется в (9) и (10). В целом же, в речи автора «Повести и жития» (как и в диалектной речи старообрядцев Южной Америки вообще) вокатив не является живой морфологической формой и представлен лексикализованными образованиями, в самом употреблении которых сказывается знакомство писателя-старообрядца с христианской литературой на церковнославянском языке — первом «другом языке», который учат дети в старообрядческих семьях.

III

Слова, заимствованные из испанского и португальского языков, автор пишет русскими буквами. Его знание латинской графики проявляется в рукописи в единичных описках: слово начинается с латинской буквы и продолжается русскими: «у миня нихватаит 1.000 резав» (*исп. peso*); «зона Варварко», «в зони бута ранкиль» (*исп. zona*). В двух случаях латиница используется автором намеренно, как средство выражения ироничного (12) или неприязненного отношения к персонажу (13):

- (12) *А Герман всё это раскопал <узнал>, приезжает и говорит:
— Данила, строится пляж, участки ничего не стоят, я куплю участок возле моря, построю **hotel** и отдам тебе, работай из половина.
Мы со Степаном хохочем: ну дурак же, куда деньги бросат на ветер!
И знали, что Герман скупой и с нём кашу не шибко-то и сварить, какой-то закоснелый [с. 97].*
- (13) *<...> у них было два рабочих немса, но один, по имени **Wilson Vagner**, с кем жизнь связала, — маленькй, беззубой, завидный [с. 93].*

Вильсон Вагнер — немец-лютеранин, в молодые годы перешедший в старообрядчество, освоивший русский диалектный язык, женившийся на ста-

рообрядке, сейчас уже пожилой человек — получил в старообрядческой общине прозвище Немец. Он недруг Даниле Зайцеву, и о неприязни к нему автор невольно «проговаривается» в написаниях с *Wilsonam*, *нещястя* с зятям *Вагнерам*, маркируя латиницей имя «чужого».

В книге выявлено около 200 лексических заимствований из испанского и португальского языков или при их посредничестве (без учета многочисленных топонимов, имен собственных лиц, названий организаций и учреждений). Среди них преобладают испанизмы, что объясняется биографией Д. Т. Зайцева: он дольше всего жил в испаноязычных странах Южной Америки, а не в португалоязычной Бразилии. Заимствования, за небольшим исключением, относятся к номинативной лексике. Это наименования политических, финансово-экономических, административных, географических, природных, культурных, бытовых реалий южноамериканской жизни. Попытка систематизировать иноязычный материал приводит к выделению от 15 до 20 лексико-тематических групп с нежесткими границами, различных по количеству заимствованных единиц.

Самый мощный пласт заимствований отражает экономическую деятельность старообрядцев и их разнообразные социальные связи. Эти слова входят в следующие лексико-тематические группы:

- названия объектов и действий в финансово-экономической и хозяйственной сфере: *абилитировать* (получить официальное разрешение на использование чего-либо, оформить, *исп. habilitar*), *абилитированный* (имеющий официальное разрешение), *администрировать* (управлять, *исп. administrar*), *аренда*, *арендовать* (*исп. arriendo, arrendar*), *аустралес* (*исп. austral* — денежная единица, в Аргентине с 1985 по 1991 г.), *бизнес* (*исп. business*), *бизнесмен* (*исп. businessman*), *доллар* (*исп. dólar*), *импорт*, *импортировать* (*исп. importación, importar*), *инвестиция* (*порт. investimento*), *инвестор* (*порт. investidor*), *квота* (взнос в банк, *исп. cuota*), *компромисс* (*исп. compromiso* — договор, соглашение), *контракт* (*исп. contrato*), *крузейро* (*порт. cruzeiro* — денежная единица в Бразилии с 1942 по 1986 г.), *лицензия* (*исп. licencia*), *лота* (участок земли, *исп. lote*), *патент* (*исп. patente*), *запатентировать* (получить патент), *песо* (*исп. peso* — основная денежная единица в Аргентине, Уругвае, Чили), *приват* (частная собственность, *исп. privado* — частный), *субсидия* (*исп. subsidio*), *цент* (*исп. cent*), *чакра* (*исп. chacra* — ферма, небольшое имение), *экспорт*, *экспортировать* (*исп. exportación, exportar*);

- общие названия различных учреждений и организаций: *гериятрико* (дом престарелых, исп. geriátrico), *дефенса сивиль* (служба гражданской обороны, исп. defensa civil), *инмобильярия* (агентство недвижимости, исп. inmobiliaria), *миграционная служба* (исп. servicio de migración), *муниципалитет* (городской совет, исп. municipalidad), *огар* (приют для бездомных, исп. hogar — дом), *отель* (исп., порт. hotel), *префектура наваль* (береговая охрана, исп. prefectura naval), *регистро сивиль* (загс, исп. registro civil), *сибер-кафе* (интернет-кафе, исп. cybercafé), *умонар* (исп. UMOPAR — боливийская наркополиция), *фэрия* (ярмарка, исп. feria);
- названия лиц по профессии, роду деятельности, должности: *агрикультурор* (земледелец, фермер, исп. agricultor), *антрополог* (исп. antropólogo), *аркитект* (архитектор, исп. arquitecto), *виденте* (ясновидец, исп. vidente), *губернатор* (исп. gobernador), *директор дель мэдио амбьенте* (букв.: директор окружающей среды, исп. director del medio ambiente), *директора* (женщина-директор, исп. directora), *ехекутиво* (ответственный работник, исп. ejecutivo), *инженьеро* (инженер, исп. ingeniero), *интенденте* (мэр, губернатор, исп. intendente), *команданте* (начальник, командующий, исп. comandante), *лисенсиядо Карлос Риос* (исп. licenciado — дипломированный специалист), *президент* (исп. presidente), *префейто* (начальник, порт. браз. prefeito — мэр), *продуктор* (производитель овощей и фруктов, исп. productor), *профессор* (учитель, исп. profesor), *стансёр* (фермер, исп. estanciero), *субдиректор* (заместитель директора, исп. subdirector), *субофицер* (младший офицер, исп. suboficial), *супервизор* (инспектор, контролер, исп. supervisor), *сьентифик* (ученый, исп. científico), *фискаль* (прокурор, исп. fiscal), *шеф* (начальник, исп. jefe);
- названия лиц по национальности, месту жительства и происхождению: *абориген* (коренной житель страны в отличие от иммигрантов, исп. aborigen, порт. aborígene), *боливьянец* и *боливьянка* (от исп. boliviano — боливиец, боливийка), *бразильян* / *бразильянин* (от исп. brasileño — бразилец), *гринги* (белокожие иммигранты и их потомки в отличие от коренного населения, исп. gringo), *емигрант* (исп. emigrante), *латины* (латиноамериканцы, исп. latino — латинский), *мексикан* (мексиканец, исп. mex-

icano), чилéнец и чилéнка (от исп. chileno — чилиец, чилийка), русо (русский, исп. ruso).

Вторым по мощности является пласт заимствований, обозначающих природные объекты:

- названия животных, птиц, рыб: а́нты (тапиры, порт. anta — тапир американский), червяк гусáн (исп. gusano — червяк), дого (дог, исп. dogo), капибáры, карпíнчо (исп. capibara, carpincho — водосвинка), макаки (обезьяны, порт. macaco — обезьяна), о́нсы (леопарды, порт. onça — вид леопарда); ара́ры, па́тки (вид домашних уток, исп. pata — утка), пирикíты, тука́ны; бо́га, дора́до, жау́, корви́на, кури́мба, пинта́ду, пиранья́, пирара́ра, пирипу́танга, пия́ва, саба́льо, суруби́, траи́р, фильёте;
- названия растений и лесов: евка́липт (исп., порт. eucalipto), ко́ка (кустарник и листья, из которых добывается кокаин, исп., порт. coca), ма́ра (вид красного дерева, исп. mара), ма́та (трава мате, используемая для приготовления чая, сам такой чай, исп. hierba mate); жу́нгля (джунгли, исп. jungla, yungla), фо́рест (лес, исп. forsto, порт. floresta).

Использование в книге этой заимствованной и освоенной лексики позволяет сделать вывод о высокой степени социальной и экономической интегрированности старообрядцев в южноамериканское общество, с одной стороны, и об открытости самого Д. Т. Зайцева миру и людям и его наблюдательности — с другой. Благодаря этим свойствам автора в книге действует огромное количество персонажей со своими особенностями характера, в том числе местные жители с испанскими именами и фамилиями. Опыт общения с самыми разными людьми приводит к формированию еще одной лексико-тематической группы заимствований:

- названия и характеристики лиц по поведению, тем или иным свойствам личности: дискрими́натор (тот, кто унижает другого человека, исп. discriminador), е́гоист (исп. egoista), карисма́тик (человек с харизмой, исп. carismatico), ма́чо, ма́чиста (исп. macho, machista), оппорту́нист (человек, руководствующийся в своих действиях соображениями выгоды, исп. oportunista), деструкти́вный (разрушительный, исп. destructivo), конструкти́вный

(созидательный, *исп.* *constructivo*), *конфликтивный* (конфликтный, *исп.* *conflictivo*).

В связи с последней группой нужно отметить своеобразный случай реализации оппозиции «свой — чужой», о котором можно узнать из книги. Некоторые слова «другого языка», развивая оценочно-характеризующее значение, стали использоваться в старообрядческой среде в качестве прозвищ: *Префейто* (о человеке, любящем командовать), *Шупин* (от *порт.* *chupar* 'сосать'), *траиры* и *макаки* — взаимные прозвища «синьзянцев» и «харбинцев» (*порт.* *trairão* — вид рыбы, *масасо* — обезьяна):

- (14) *Харбинсы в Бразилии синьзянсов прозвали траирами. Траир — это рыба, спокойна, до семи килограмм, как полешки, и любит погреться на солнушке. Один раз на свадьбе несколько мужиков-синьзянсов, крепко подвыпивши, лягли под куст и уснули. Харбинсы увидели, говорят: «Посмотрите, лежат, как траиры». И то пошло дальше, так и прозвали нас траирами. А наши прозвали их макаками, почему — потому что всё им нужно, везде они лезут и везде они наглы [с. 62].*
- (15) *Я ей дал адреса, к кому заехать <в Бразилии>, но, боюсь, расскажет, что я дал адреса, опять буду масоном. Знаю, синьзянсы обойдутся нормально, но макаки — не знаю [с. 431].*

Отрицательную оценку приобретает и слово *масон* (*исп.* *masón*), которым староверы называют Данилу, несправедливо подозревая его в тайных связях с масонскими организациями Уругвая из-за умения решать с органами власти разнообразные проблемы, см. (15) и (16):

- (16) *Донеслось до меня, что Николай и Немец катют <ругают> меня масоном: как так у его получается так быстро и хорошо, это неспроста, масон и всё, гнать надо его отсюда [с. 152].*

Употребление иноязычной лексики имеет в книге сюжетную обусловленность. Слова «другого языка» сконцентрированы, конечно, в «южноамериканских тетрадах», повествующих о событиях, происходивших в Аргентине, Уругвае, Боливии, Чили, Бразилии. Главный принцип использования иноязычной лексики — принцип коммуникативной необходимости: автор осваивает объекты «другого мира» вместе с их обозначениями и описывает его средствами «другого» языка. Заимствования отмечаются и в «русских тетрадах», где они не обусловлены сюжетом и имеют вынужденный характер: Д. Т. Зайцев встречает в России знакомые ему по Южной

Америке предметы и явления, испанские наименования которых ему известны, но он не знает их русских эквивалентов и поэтому использует привычные испанизмы:

- (17) Ты посмотри, через всю улицу в Белгороде есть **панкарты** <плакаты, исп. pancarta>, написано «Матершинство — позор России!» [с. 357].
- (18) Хотел позвонить Москвину и всё рассказать, но визитки не оказалось, в моей **агенде** <записной книжке, исп. agenda> только секретаря <...> [с. 522].
- (19) Приезжаю домой, новости: **директора** школы меня вызывает. Ага, чичас узнаем. Прихожу в школу, сообщаю:
— Меня ждёт **директора** [с. 382].
- (20) И мне что понравилось здесь в России: уровень образование здесь превосходный, вот ишо бы добавить божество да **приват** — тогда бы было отлично [с. 435].
- (21) Да, но чичас нужен **карисматик**, психолог и пожилой дипломат, вот Лукин Владимир Петрович — это был бы настоящий **екекутиво**, но у нас пока таких нету [с. 336].

Вместе с тем именно в «российской тетради» отмечен единственный случай употребления испанского языка в функции «тайного языка». Д. Т. Зайцев рассказывает о встрече с В. П. Лукиным — Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации. Начальные фразы их беседы произносятся на испанском языке, передача их по-испански является сюжетно обусловленным стилистическим приемом, особенно если принять во внимание содержание фразы, произнесенной дипломатом:

- (22) Выходит Лукин Владимир Петрович и его секретарша: зрелый возраст, весёлой, разу видать — добрый и хороший дипломат. <...> начался разговор, он на испанском хорошем языке мне говорит:
— **Si tienes algun problema para resolver, estamos para servir. Aqui nadie habla espanol, habla con confi anza.** <Если у тебя есть какие-то трудности, мы готовы помочь. Здесь никто не говорит по-испански, говори откровенно.>
— **Le agradezco de corazon, pero no hace falta. Si hara acudiremos, de igual manera muchas gracias.** <Благодарю вас от всего сердца, но ничего не нужно. Если что-то понадобится, мы обратимся. В любом случае, большое спасибо.>
На русском языке:
— Вы чисто говорите по-испански.

- *Ишо бы, там вырос!*
 — *А ишо каким языком владеете?*
 — *Португальским.*
 — *Замечательно. Ну, в чем я могу вам помочь? [с. 288].*

Анализ языка «южноамериканских тетрадей» показывает, что частота, с которой заимствования встречаются в тексте, зависит от типа речи — монологической или диалогической. Они наиболее концентрированно представлены в диалогах, в реальной жизни происходивших на испанском языке. Иногда реплики настолько насыщены испанизмами, что текст трудно понять без комментария:

- (23) — *Даниель, какая у тебе точки зрения над рыбалкой уругвайской?*
 — *Да, это сурьёзная дело, рыба вылавливается, и никто об этом не думает, эту проблему можно решить, надо хороший **компромисс** <договор> заключить — государство с рыбаком. Это **артефисияльно** <искусственно, исп. artificial — искусственный> помочь рыбе в закрытых помещении выметать икру, потому что рыбе не каждый год удаётся выметать благополучно из-за климатических условий, а потом очень много **депредадоров** <хищников, исп. depredador — хищник>, какой-то низкий процент выживает, и это надо помочь балансировать.*
 — *А как **дорадо**?*
 — *Очень просто. Надо ему устроить **абитат** <среду обитания, исп. hábitat>, где он мечет икру, и будет **дорадо** сколь вам угодно [с. 242].*

Значительно чаще при передаче диалогической речи автор употребляет единичные испанские вкрапления. В одних случаях они используются в силу коммуникативной необходимости, из-за отсутствия в родном диалекте автора слов для обозначения реалий другого мира:

- (24) *Начальник спрашивает:*
 — *На сколь время думаете остаться в Мендосе?*
 — *Толькя сегодня.*
 — *Но тогда ничего не выйдет, чтобы разные **бодегу** <винодельни, исп. bodega> показать. Сперва надо это всё организовать, на это понадобится три-четыре дня.*
 — *Хорошо, это наш первый визит, на следующей раз придет **комитива** <делегация, исп. comitiva — свита> лично по бизнесу [с. 416].*
- (25) *<Капитан судна:>*
 — *Неси паспорт, сделаем контракт на два года. <...> А на каждом порту, где будет стоять судно, даём **вьяттик** <командировочные, исп. viático> на каждый день по тридцать долларов на личные расходы [с. 106].*

В других случаях испанизмы, имеющие эквивалент в родном языке автора, приобретают в тексте функцию специального сигнала, который напоминает читателю, что разговор происходит на «другом языке»:

- (26) *Приезжаем в Сан-Буено, заехали к Ортенсии, она увидела и ахнула:*
 — *Что с тобой случилось, дон Даниель, так высох!*
 — *Да болел, малярию поймал* [с. 208].
- (27) *Судья три раза приходила ко мне и рассказывала мне и ужасалась:*
 — *Это астудо* [исп. astuto — хитрый] *и неуловим, таких я ишо не встречала* [с. 580].

В нескольких диалогах русскими буквами передана целая фраза на испанском языке. Автор делает это со вполне определенной целью: фраза представляет собой экспрессивное высказывание, содержащее поразившую Д. Зайцева мысль, как (28), или его же лестную характеристику, как (29):

- (28) *У меня дружба с Хулио Дупонтом продолжалась искренняя, я любил его за его ум. Всё, что произошло в деревне и что сделали со мной, он всё знал и сочувствовал. Я стал ему говорить, что обидно и охота отомстить, он улыбнулся и говорит:*
 — *Даниель, я тебя считаю за очень умного, и неужели ты этому позволишь? <...> Матало кон индиференсия* <убей его равнодушием, исп. matalo con indiferencia> *ему намного будет чужалея, чем ты ему отомстишь. Жалай ему сто лет жизни, он сам себя утопит, а ты после многого терпения, когда он будет падать, подай ему руку, тогда он спомнит все свои дела, а ты сверху будешь улыбаться. Эти слова запомнились на всю жизнь* [с. 157].
- (29) *Я смеюсь, он <инспектор Рауль Пуиг> спрашивает:*
 — *Даниель, чичас нашнутя конференсы и конгрессы насчёт рыбалки, ты можешь высказать все твои точки зрения?*
 — *Конечно могу, и у меня на это есть большой интерес, это будуща нашему поколению.*
 — *Даниель, ес инкреибле ту пунто де виста, ме дехасте кон ла бока абьерта* <Данила, твоя точка зрения удивительна, ты оставил меня с открытым ртом — исп. Daniel, es increíble tu punto de vista, me dejaste con la boca abierta>. — *Обои смеёмся* [с. 243].

Из сделанных наблюдений над двумя «другими языками» — церковнославянским и испанским, которые наряду с русским диалектным входят в языковую компетенцию писателя-старообрядца из Южной Америки Д. Т. Зайцева и его одноверцев, подводят к следующему обобщению. Цер-

ковнославянский язык продолжает оставаться в старообрядческой среде языком сакральной сферы; употребление в живой речи его отдельных лексикализованных элементов (звательная форма) является особенностью идиолекта Д. Т. Зайцева. Многочисленные заимствования из испанского языка, относящиеся к сфере экономики, финансов, разнообразных социальных отношений, говорят о широте социальных связей автора книги и глубокой интегрированности старообрядческого сообщества в жизнь южноамериканских стран. Использование автором испанизмов не только в прямой номинативной функции согласно принципу коммуникативной необходимости, но и в экспрессивно-художественных целях, с помощью показанных в статье стилистических приемов, — свидетельство лингвистической и писательской одаренности автора своей «Повести и жития».

Литература

- Алешковский П. 2016 — О старом и новом в современном литературном процессе. COLTA.RU. 24.02.2016. <http://www.colta.ru/articles/literature/10205>.
- Зайцев Д. Т. 2015 — *Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева*. Подготовила к изданию Ольга Ровнова. Москва.
- Ровнова О. Г. 2014 — *Говор старообрядцев Южной Америки по письменным материалам. Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. III. Диалектология*. Москва. С. 374–399.
- Ровнова О. Г. 2015a — *Автор, его книга и принципы ее публикации. Д. Т. Зайцев. Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева*. Подготовила к изданию Ольга Ровнова. Москва.
- Ровнова О. Г. 2015b — *Старообрядческая документальная повесть как литературное явление и диалектологический источник. Діалекти в синхронії та діахронії: текст як джерело лінгвістичних студій*. Киев. С. 314–327.

СФЕРА СВОИХ И ЧУЖИХ В ЖАНРЕ НОВОГОДНЕГО ПОЗДРАВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТОВ РОССИИ, БЕЛАРУСИ И ПОЛЬШИ

Ж. Р. СЛАДКЕВИЧ

В рамках изучения политического дискурса последних десятилетий особое внимание уделяется анализу президентского речевого ритуала [Ослопова 2009: 19], [Patocka-Sigłowy 2011: 95]. Это не случайно, поскольку президент занимает высшую позицию в политической иерархии и по сути воплощает на данном историческом этапе идеал политика и руководителя страны. Президентская риторика включает такие жанры, как инаугурационная речь, послание парламенту, торжественные поздравления с календарными праздниками и т. д. Особое место в этой жанровой структуре занимает новогоднее телевизионное поздравление главы государства.

Жанр новогоднего обращения главы государства образовался из жанра поздравления. История речевого жанра поздравления прослеживается уже с XVII века, в то время как первые новогодние поздравления главы государства берут свое начало в XX столетии [Ослопова 2009: 19–20]; [Новогоднее]. Впервые всех поздравил с Новым годом по радио на латинском языке Папа Римский в 1931 году. В 1932 году король Георг V из своей резиденции в Садринхеме записал радиообращение к гражданам Великобритании. Текст обращения написал Р. Киплинг. В России начало официальным новогодним поздравлениям положил М. Калинин, который впервые от имени государства обратился по радио к советским гражданам 31 декабря 1935 года¹. После 1943 г. традиция новогоднего обращения прервалась до 1954 г. Как известно, в конце 1950-х страна

¹ Отметим, что предпосылки к формированию жанра складывались в России гораздо раньше. Так, от имени императора Петра Великого поздравляли представителей дворянства, духовенства, купечества; впоследствии эту традицию поддерживали и другие русские монархи.

стала усиленно бороться с «культом личности», в связи с чем обращения обезличились, и советский народ поздравляли ЦК КПСС, Верховный Совет и Совет Министров СССР. Традицию телеобращений главы государства открыл Л. И. Брежнев перед наступлением 1971 года. Затем с Новым годом граждан поздравляли Н. Подгорный (1971 г.) и А. Косыгин (1972 г.). В последний раз Брежнев обратился к стране в 1973 г., после чего традиция новогодних обращений снова надолго прервалась. С конца 1970-х годов поздравление к советскому народу хорошо поставленным голосом зачитывал известный диктор центрального телевидения И. Кириллов. Возобновил традицию лишь Михаил Горбачев. С наступающим 1992 годом страну поздравил сатирик М. Задорнов. В следующем году на экране появился президент РФ Б. Ельцин, объявив о своей отставке. С 2000 года страну ежегодно поздравлял В. В. Путин, а в период с 2008 по 2011 год — Д. А. Медведев.

Время на осмысление и лингвистический анализ жанра новогоднего обращения президента к народу пришлось на рубеж XX и XXI веков, когда этот ритуальный жанр окончательно оформился и вошел в регулярную сетку новогоднего телеэфира.

Вариативность номинации — новогоднее обращение / поздравление — свидетельствует о том, что новогоднее обращение главы государства является диффузным жанром, сочетающим в себе признаки двух вышеуказанных жанров [Сладкевич 2016]:

1. форма речи: вторично устная речь, то есть предварительно написанная и откорректированная специалистами и впоследствии, после публичной устной презентации, опубликованная в газетах и Интернете;
2. сфера и характер общения: общественно-политическое, медийное сообщение, записанное для общенационального телевидения;
3. повод: наступление нового календарного года;
4. коммуникативная цель: ведущая — объединение нации на основе общих ценностей и главенствующей идеологии; сопутствующие — подведение итогов уходящего года, обозначение перспектив на будущий год, внедрение в массовое сознание идей, необходимых правительству для достижения намеченного политического результата, поздравление народа с праздником и уси-

- ление положительного эмоционального состояния, в котором находится адресат;
5. образ / статус адресанта: высшее должностное лицо — глава государства, что обычно закреплено в названии жанра;
 6. образ адресата: граждане страны;
 7. ответная реакция: в случае коммуникации, осуществляемой посредством СМИ, ответной реакцией на новогоднее обращение является перлокутивный эффект эмоционального типа (ощущение адресатом радости, патриотических чувств, благодарности и т. д.);
 8. обязательные структурные элементы: обращение к адресату; обозначение повода; подведение итогов уходящего года; определение задач на будущий год; идеологический и патриотический компоненты; оптатив: поздравление с праздником и пожелания;
 9. ритуальный характер рассматриваемого жанра: новогоднее обращение перформативно, носит циклический характер и локализовано во времени (транслируется по телеканалам 31 декабря за несколько минут до полуночи²); четко прослеживается ритуальная атрибутика новогоднего телеобращения.

Целью данной статьи является анализ реализации гиперонимической оппозиции «*свои* — *чужие*» в жанре новогоднего обращения президента к народу. Материалом для исследования послужили тексты новогодних обращений Президента РФ В. В. Путина за 1999–2007 и 2012–2015 гг., новогодних поздравлений Д. А. Медведева 2008–2011 гг., Президента Беларуси А. Г. Лукашенко 2000–2015 гг., Президентов Польши А. Квасьневского, Л. Качинского, Б. Коморовского и А. Дуды за 2000–2015 годы.

Представление и структурирование общества через построение бинарной оппозиции «*свои* — *чужие*» имеет глубокие социокультурные корни. М. Телюс, вслед за Г. Тэджфелом, обосновывает существование дихотомии «*свои* — *чужие*» с позиции социальной психологии: а) человек имеет потребность самоидентификации; б) человек стремится к позитивной самоидентификации; в) человек самоопределяется, в том числе через груп-

² Точное время эфира может колебаться до нескольких часов: так, в Польше новогоднее поздравление президента не считается значимым коммуникативным событием и транслируется обычно в 20.00, после вечернего выпуска новостей. В России несколько часовых поясов, в связи с чем новогоднее поздравление транслируется регионально в разное время.

повую принадлежность (социальная идентичность + личная идентичность = концепт собственного «я»); г) общественные группы формируются через обратную связь с ментальной категоризацией действительности; е) с точки зрения индивида, эти группы разделяются на собственные (ingroups) и чужие (outgroups); д) с учетом б) и в) индивид стремится к позитивной оценке собственной группы, а ее наиболее эффективным источником является негативная оценка чужой группы; е) ментальная категоризация действительности — это общественный продукт; ж) индивид усваивает ее в процессе социализации [Telus 2000: 253].

Итак, гиперонимическая дихотомия «свои — чужие» необходима, чтобы упорядочить знания о мире и определить свое место в нем. Рассматриваемая бинарная оппозиция участвует в формировании коллективного самосознания. Социальные группы организуются на основе общности интересов и системы ценностей. О. С. Иссерс отмечает, что «консолидация общества происходит по закону „чтобы объединиться, надо размежеваться“» [Иссерс 2006: 45]. Повышение престижности своей группы путем диффамации образа противника — это традиционный прием политический борьбы в медийном дискурсе.

Как указывает А. В. Олянич, для достижения задачи поддержания в социуме состояния когнитивной компетенции, выгодной субъектам властных структур, в политических выступлениях воздействующая сила языка направлена на модификацию ментальной рамки социума, являющегося мишенью воздействия [Олянич 2004]. Основным интенциональный вектор — борьба за власть как цель политики — определяет общее содержание политической коммуникации, которое можно свести к классической семиотической триаде: «формулировка и разъяснение политической позиции (ориентация), поиск и сплочение сторонников (интеграция), борьба с противником (агональность)» [Шейгал 2004: 121]. Относительно базовой семиотической триады структурируется жанровое пространство политического дискурса. По характеру ведущей интенции Е. И. Шейгал разграничивает: а) ритуальные жанры (инаугурационная речь, юбилейная речь, традиционное радиообращение), в которых доминирует фатика интеграции; б) ориентационные жанры (партийная программа, манифест, конституция, отчетный доклад и др.); в) агональные жанры (лозунг, предвыборные дебаты и парламентские дебаты).

В этой связи «игру на повышение» (upplay) *своих* и «игру на понижение» (downplay) *чужих* можно рассматривать как глобальную стратегию в области речевого воздействия. К признакам ориентации дискурса на указанный принцип деления мира на *своих* и *чужих* можно отнести: поля-

ризацию оценок (*виновник-жертва, плохой-хороший, нормальный-ненормальный, здоровый-больной* и т.п.), актуализацию в коммуникации этнических, социальных, религиозных стереотипов, доминацию в обсуждении не рационально-рассудочного, а чувственно-эмоционального начала. Ценности своей группы (*соотечественников, членов одной религиозной и национальной общности, политических единомышленников*) провозглашаются истинными, а чужие воспринимаются как препятствие к удовлетворению собственных интересов. «Долговечность» существования дихотомии «мы – они» в бытовом и общественном дискурсе и ее продуктивность объясняются гибкостью и простотой в манипуляции сознанием [Сладкевич 2013: 118].

Жанр новогоднего обращения является одним из прототипических³ образцов ритуальной политической коммуникации, поскольку отражает основные ее характеристики, изложенные нами выше: стимулом является общественно значимое событие, жанр имеет формальную фиксацию, символическую нагруженность и выполняет интегрирующую функцию [Варавкина 2011]. По доминирующей интенции новогоднее обращение является фатическим жанром, в котором информационный вектор редуцирован до минимума, в силу ритуального перформативного характера этого политического текста. В связи с коммуникативной ориентацией жанра на контактоустановление, контактоподдержание и интеграцию языковая реализация *своей* сферы представлена в новогодних выступлениях пропорционально гораздо шире, чем *чужой*. Рассмотрим это подробнее.

Свои

Базовой гиперонимической дихотомии «*свои (мы, я и вы) — чужие*» в значительной степени подчинена проработка в тексте новогоднего обращения образов адресанта и адресата, а также косвенного детерминанта событий недавнего прошлого и ближайшего будущего. Поскольку ведущей интенцией адресанта является единение слушателей как нации, нивелирование границ между массовым адресатом⁴ и статусным отправителем, последний выступает не только как президент, но и как личность. В этой связи

³ М. Колодейчак отмечает, что специфическая конфигурация жанровых признаков обращения президента к народу, а именно: 1) адресант исполняет важную роль в социуме, 2) сообщение касается общественно важных тем, 3) массовый адресат сообщения, — указывает на примарно политический характер таких текстов. [Kołodziejczak 2014: 139]

⁴ Детально лингвокогнитивное моделирование образа адресата в текстах новогоднего обращения главы российского государства и его эволюция представлены в диссертационном исследовании Ю. В. Варавкиной [2011].

в тексте эксплицитно очерчивается «свой круг». К специализированным знакам интеграции автора и «своих» можно отнести:

Инклюзивное «мы», концентрирующее в себе коллективное начало, объединяющее в данном случае отправителя и получателя текста, позиционирующее субъекта верховной власти как репрезентанта всего народа: *Мы предприняли серьезные шаги, направленные на повышение эффективности власти, ее открытости обществу и ответственности перед ним.* (Путин, 2004).

Следует обратить внимание на то, что местоимение «я», означающее субъекта повествования, а также «вы», маркирующее адресата, появляются, как правило, лишь в оптативе — поздравительной части текста: *Я поздравляю вас с наступающим Новым годом! Пусть все ваши желания исполнятся.* (Путин 2006), а также в некоторых местах на метатекстовом уровне: *мне бы хотелось, я уверен.* В новогодних выступлениях белорусского президента А. Лукашенко до 2011 года ощущается противопоставление: я — Президент, представитель власти, а вы — простой народ: *Как глава государства я благодарен вам за то, что вы отстаивали собственный путь развития нашей страны* (Лукашенко 2004); *Я сердечно благодарю всех граждан страны за доверие, которое вы всегда оказываете власти.* (Лукашенко 2008). Такие частые апелляции Лукашенко к собственной личности можно связать с острым чувством собственной значимости. Однако с 2012 года оппозицию я – вы практически полностью вытесняет стратегия использования инклюзивного мы с целью максимального сближения адресанта с адресатом.

Лексемы совместности (*вместе, все, наш, единство, народ; wszyscy, razem, jedność, nasz, naród, lud*); в новогодних обращениях именно «единство» представляется центральной концептуальной категорией, которой подчинена организация всего коммуникативного пространства текста: *Мы будем вместе строить современную Россию, сильную, открытую, дружелюбную.* (Медведев 2011); *У нас с вами есть замечательная черта — чувство локтя.* <...> *Все проблемы решали сообща, помогая и сопереживая друг другу.* (Лукашенко 2011); *Вся страна как один человек переживала за наших олимпийцев — и они не подвели нас!* (Лукашенко 2014); *Wszyscy pragniemy, by Polska była krajem spokoju i dobrobytu, państwem silnym i bezpiecznym. Mamy wspólne cele i dążenia.* (Duda 2015).

Лексемы с компонентом единения, маркирующие семантическое поле «СВОИ». Вокативы являются по сути фатическими знаками в политической коммуникации и используются для демонстрации единения

и патриотизма. В значительной степени эти знаки присутствуют в интродуктивном и завершающем коммуникативном блоке; в объемных текстах (например, поздравлениях А. Лукашенко) знаки этой группы открывают каждый смысловой блок текста. И если в поздравительной речи В. Путина и Д. Медведева преобладают номинации *дорогие друзья* и *уважаемые граждане России*, то А. Лукашенко всегда начинает обращение словами *дорогие соотечественники*, а также использует вокативы *дорогие друзья*, *уважаемые гости Беларуси*, *дорогие земляки*. Новогодние речи польских лидеров также, как правило, всегда адресованы именно землякам, полякам: *Drodzy Rodacy, w tym ostatnim dniu roku, ogarniamy swoją myśl Polaków rozszaniach na całym świecie. Potomków zesłańców na Syberii i w Kazachstanie, Polaków na Litwie, na Białorusi, na Ukrainie i na Zaolziu. Dumną ze swych polskich korzeni Polonię amerykańską i tych, którzy w ostatnich latach, w celach zarobkowych, wyjechali do Wielkiej Brytanii, do Irlandii i do innych krajów Europy.* (Кaczyński 2007).

Лексемы, входящие в семантическое поле семья. Адресат должен почувствовать себя частью одной большой нации-семьи. Глава государства подчеркивает значение родных и близких для каждого человека, и в том числе самого президента, который включается в круг тех, кто ставит семейные ценности на первое место: *И всех нас — таких разных — сейчас <...> объединяет чувство принадлежности к одной большой семье, имя которой Россия.* (Путин 2006); *Мы прожили этот год на одном дыхании, как единая большая семья.* (Лукашенко 2013); *Polska to nasz rodzinny dom.* (Duda 2015).

Конститутивными элементами текста новогоднего поздравления являются национальные ценности, на которых в президентском обращении выстраивается как оценка прошлого — событий уходящего года и более отдаленных исторических этапов, так и видение будущего — обозначение перспектив и общественных задач в наступающем году. Главным образом, смысловое наполнение текстов выступлений организовано в рамках дуальной модели, реализующейся «через действие определенного набора общесемиотических оппозиций» [Китайгородская, Розанова 2002: 156]: *плохой / проблемный, старый, чужой, опасный, фальшивый / и хороший / необходимый, новый, свой, благоприятный, плодотворный, истинный*/. Особенно значимым для текста новогоднего поздравления главы государства представляются такие идеологемы, как «Родина / Страна», «Свобода / Независимость», «Народ / Нация», «Благополучие / Процветание». Так, в выступлениях А. Лукашенко происходит сакрализация белорусского наро-

да и Беларуси как священной земли: *Так давайте беречь нашу святую землю с нежным именем Беларусь* (Лукашенко 2007); *Мы ещё раз ощутили себя причастными к священному единству, имя которому — народ Беларуси* (Лукашенко 2008). Прагматической установке на единение нации и позиционирование своего народа как надежды мирового сообщества подчинены все новогодние тексты белорусского лидера.

Лексемы, акцентирующие лояльность адресата. Тексты А. Лукашенко тяготеют к риторике советских времен, когда обращение субъекта власти ориентировано было только на «**лояльных к власти советских людей**» [Ослопова 2009: 21]. Эксплицитное обращение президента с отдельными словами благодарности к **политически лояльному населению** представляется неэтичным с точки зрения политической риторики: *Как глава государства я благодарен вам за то, что вы отстаивали собственный путь развития нашей страны. Вы искренне поддержали власть, и власть будет достойно и верно служить вам, белорусскому народу.* (Лукашенко 2004). После президентских выборов 2010 года и жесткого подавления народного протеста Лукашенко вновь делает реверанс лояльным гражданам: *Именно благодаря вам я имею уникальную возможность в эти волнительные мгновения истории войти в дома белорусов, в ваши семьи с поздравлениями и пожеланиями мира и добра...* (Лукашенко 2010).

В текстах президента Беларуси задействована стратегия, связанная с **персонализацией адресата**. А. Лукашенко называет представителей ключевых профессий (учителя, врачи, крестьяне, рабочие, предприниматели, директора заводов, военные и др.): *Особая благодарность, конечно же, нашим любимым и любящим женщинам, охраняющим наш мужской покой.* <...> *В этот чудесный праздничный вечер хочется сказать самые добрые слова нашим учителям и врачам <...>. Нашим учёным, пытливым разум которых обновляет и преображает мир. Нашим специалистам, рабочим, строителям, нашим крестьянам, руками которых создаётся наш материальный достаток и благополучие. Людям в погонах, оберегающим мир, закон и порядок. Всем, кто вносит свою лепту в строительство нашего общего белорусского дома.* (Лукашенко 2013).

Подобные приемы сближения характерны для поздравления настоящего президента Польши — А. Дуды: *Chcę wyrazić szczególny szacunek i podziw dla polskich matek.* <...> *Przekazuję także najlepsze życzenia przedsiębiorcom. Swoim codziennym trudem przyczyniacie się Państwo do budowania dobrobytu całego społeczeństwa.* <...> *W ten wieczór kieruję swoje myśli także ku Rodakom o długim stażu pracy.* <...> *W nadchodzącym roku życzę*

wielu inspiracji **ludziom kultury**, szczególnie tym, którzy poprzez literaturę, muzykę, sztukę rozślawiają Polskę w świecie. Życzę wielu wspaniałych odkryć **polskim naukowcom**. Życzę wreszcie sukcesów **sportowcom**, których czekają w 2016 roku igrzyska olimpijskie w Rio de Janeiro i piłkarskie mistrzostwa Europy we Francji. (Duda 2015).

Союзники. Эта категория «своих» наиболее выразительно проявляется в поздравлениях президентов Польши, с 2004 года вошедшей в Европейский союз. В зону «своих» в речах польских лидеров включены страны Евросоюза, НАТО, Шенгенская зона, страны бывшего соцлагеря, жившие, как и Польша, за железным занавесом: *Wydaje się, że nasz kraj bardzo dobrze korzysta z szansy jaką było przystąpienie do Unii Europejskiej. <...> Umocniliśmy pozycję Polski w świecie. Podpisaliśmy **dobry dla Polski Traktat w Lizbonie**, weszliśmy **do Strefy Schengen**. (Kaczyński 2007); *Powróciliśmy do serca Europy. Umocnimy to zmianami w konstytucji, które zaproponowałem parlamentowi. Obejmujemy przewodnictwo Unii Europejskiej.* (Komorowski 2010).*

Для польских новогодних обращений, помимо перечисления союзников, также характерно поименное перечисление наиболее выдающихся поляков — религиозных и политических деятелей, спортсменов: *To czas — jak mamy głęboką nadzieję — **beatyfikacji głowy Kościoła Katolickiego Jana Pawła II, wielkiego papieża Polaka**, który przewodził rzymskiemu Kościołowi przez ponad 26 lat. Ale także **beatyfikacji księdza Jerzego Popiełuszki, wikariusza w parafii św. Stanisława Kostki na warszawskim Żoliborzu, bohatera**, który zginął z rąk komunistycznych siepaczy.* (Kaczyński 2009).

Чужие

Эта группа в новогодних поздравлениях представлена весьма редуцированно, как правило, на уровне *implicite*. Президент Беларуси А. Лукашенко на встрече со студентами и преподавателями Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники признался, что текст новогоднего обращения должен быть тщательно выверен: «А вдруг там какое-то словечко резкое прозвучало, от меня же не заржавеет, начнут потом крутить посольства, реагировать» (21 дек. 2012) [Лукашенко смотрит... 2012]. Условно можно выделить три группы, определяющие зону «чужих» в новогодних текстах: 1) внешние враги, 2) внутренние враги и 3) неблагоприятные обстоятельства, охватившие весь мир — как внутреннее пространство страны, так и внешнее.

- (1) **Внешние враги:** В новогодних речах А. Лукашенко достаточно выразительно прорисовывается собственный образ — борца с мировым злом, неггибаемого правителя и победителя, в связи с чем в обращениях белорусского лидера (в отличие от сдержанных выступлений президента России) эксплицитно представлены номинации «чужих»: те, кто пытался *„раскачать страну“* (2006), *те, кто предвещал нам неминуемый крах, и те, кто его нам желал* (2007); те, кто пытался *поставить нас на колени* (2007); *Лидеры некоторых стран, чтобы отвлечь внимание от своих проблем, вдруг „озаботились“ ситуацией в Беларуси.* (2007).

Следует заметить, что В. Путин использует подчеркнито нейтральные номинации, адресованные максимально широкому кругу возможных адресатов полинациональной страны, в то время как в речи А. Лукашенко довольно отчетливо обозначены две противопоставленные группы адресатов — *соотечественники* (граждане Беларуси) и *гости страны* (иностранцы). Оценка в текстах лидера Беларуси ориентирована на аксиологическую парадигму, составляющую ядро национальной культуры: *свой = белорусский* (сильный, процветающий, достойный, трудолюбивый, мудрый, независимый); *чужой = антибелорусский* (расколотый, коррумпированный, агрессивный, деградирующий, безнравственный).

При этом отметим, что «чужая» сфера не представляет собой константу: в зависимости от экстралингвистических факторов *чужое* может значительным образом варьироваться и видоизменяться. Так, в 2006 году к числу внешних врагов Беларуси причислили Россию (из-за острого спора о цене на газ): *Но если угрозы Запада нас уже не удивляют, то антибелорусские настроения некоторых властных структур наших друзей вызывают сожаление. Нарушая ранее достигнутые договоренности, они наносят удар по нашей вековой дружбе. Видимо, забыта старая русская мудрость: „Бог не в силе, а в правде“* (Лукашенко 2006). В данном тексте не называется Россия, но номинации *наши друзья, вековая дружба* и цитирование *русской мудрости* позволяют прочесть подтекст и идентифицировать «врага».

Чем ближе к современности, тем туманнее становятся образы внешних врагов в речах Лукашенко и реалистичнее прорисовываются вызовы, проблемы и задачи, стоящие перед страной-миротворцем: *Уверен, каждый из нас желает скорейшего восстановления мира на земле наших братьев. <...> Мы, белорусы, желаем мира всем нашим друзьям и соседям.* (Лукашенко 2014); *От терактов и военных конфликтов гибнет все больше людей. В самых разных уголках планеты все громче голоса тех политиков, кто ставит свои амбиции выше блага народа.* (Лукашенко 2015).

В сдержанных новогодних текстах российских лидеров наиболее отчетливо среди внешних (а также внутренних) врагов прорисовывается терроризм: *Дорогие друзья, мы склоняем голову перед жертвами жестоких терактов, уверенно, жестко и последовательно продолжим борьбу с террористами до полного их уничтожения.* (Путин 2014); *А сегодня особо хотел бы поздравить с праздником тех наших военнослужащих, которые борются с международным терроризмом <...>* (Путин 2015).

- (2) К **внутренним врагам**, препятствующим благополучному развитию государства, в текстах новогодних обращений можно отнести безработицу, бюрократизм, лень и гражданское равнодушие, внутренние распри и политическую разобщенность населения: *bezrobocie, ubóstwo i bezdomość* (Kwaśniewski 2002); *Szybko spadało bezrobocie — choć w dalszym ciągu pozostaje istotnym problemem.* (Kaczyński 2007); Для счастливой жизни недостаточно превратить Беларусь в „островок стабильности“. *Надо, чтобы „климат“ на этом „островке“ не отравляли бюрократизм и равнодушие* (Лукашенко 2005).

За последние несколько лет в речах белорусского лидера враждебные внешние силы замещаются внутренними вызовами. Только внутренняя консолидация нации защищает Беларусь от того раскола, который постиг соседние государства: *Мы воочию убедились, к чему ведут внутренние распри, ненависть и нетерпимость. От ярких и броских лозунгов, сеющих вражду, один шаг до раскола общества. От раскола общества один шаг до всеобщей ненависти. А от неё один шаг до войны.* (Лукашенко 2014)

- (3) **Неблагоприятные обстоятельства**, как мировой экономической кризис, проблемы цивилизации, также препятствуют развитию страны: *Wierzę, że tak jak Solidarność przyniosła Polsce wolność, tak więcej solidarności w Europie pomoże Unii wyjść z kryzysu.* (Komorowski 2011); **Кризисы** *приходят и уходят — мы остаемся!* (Лукашенко 2009). Следует отметить, что белорусский лидер внутренние экономические проблемы связывает не иначе как с влиянием соседей: *Нас попробовал на прочность привнесённый извне финансово-экономический кризис.* (Лукашенко 2010); *Войны и раздоры в мире ведут к кризису в экономике. В двадцать первом веке все страны связаны между собой тысячами нитей. Беды и неурядицы ближайших и дальних соседей немедленно бьют и по нашей стране.* (Лукашенко 2015)

Следует отметить, что **невербальное оформление** телевизионного новогоднего обращения президента как семиотически осложненного жанра

также значимо в отношении рассматриваемой дихотомии. Проксемика новогоднего поздравления главы государства полностью подчинена маркировке «своей сферы», начиная с общенациональной символической атрибутики (Кремль, куранты, резиденция президента, национальный флаг, исполняющийся после поздравления национальный гимн) и заканчивая персональными элементами президента как личности (напр., рубашка с национальным орнаментом или фотографии детей президента Беларуси, оформляющие интерьер) [Сладкевич 2016].

Таким образом, базовая для политического дискурса гиперонимическая оппозиция «свои — чужие» в ритуальном фатическом жанре новогоднего поздравления президента представлена в пропорциях, оптимальных для реализации коммуникативных интенций говорящего — консолидации нации, демонстрации достижений уходящего года, определения приоритетов на будущий год и поздравления с праздником. Многопланово вербализуется тактика сближения адресанта и адресата, в связи с чем широко и эксплицитно очерчен круг *своих*, сфера же *чужих* — внешних и внутренних — представлена фрагментарно и, главным образом, на имплицитном уровне.

Литература

- Варавкина В. Ю. 2011 — *Новогоднее обращение главы государства: жанровая специфика и лингвокогнитивное моделирование образа адресата*. Омск.
- Дементьев В. В., Седов К. Ф. 1998 — *Социопрагматический аспект теории речевых жанров*. Саратов.
- Денис С. 2010 — Стратегическая «смесь» для нации: анализ новогодних обращений Лукашенко А. (2003–2009). *Палытычная сфера*. №14. С. 80–89.
- Иссерс О. С. 2006 — *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва.
- Китайгородская М. В., Розанова В. В. 2002 — Современная политическая коммуникация. *Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация*. Москва. С. 151–239.
- Кондратенко Н. В. 2007 — Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макроструктурные компоненты и средства их выражения. <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/45.htm>. Доступ: 12.03.2016.
- Лукашенко смотрит новогоднее обращение президента России, чтобы сравнить со своим. 2012. <https://news.mail.ru/politics/11394121/>. Доступ: 10.03.2016.
- Новогоднее обращение к народу, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/218686>.
- Обращение президента к белорусам. Что общего у пропаганды и Нового года? <http://vitebsk.ws/content/view/144042/76/>. Доступ: 12.03.2016.

Олянич А. В. 2004 — *Презентационная теория дискурса*. Волгоград. <http://cheloveknauka.com/prezentatsionnaya-teoriya-diskursa>. Доступ: 10.03.2016.

Ослопова В. Ю. 2009 — Новогоднее обращение главы государства к народу как жанр политического дискурса. *Вестник Томского государственного университета*. №329. С. 19–22.

Президент Медведев впервые поздравит россиян с Новым годом. Как это было до него. 31.12.2008. <http://www.newsru.com/russia/31dec2008/ngspeech.html#1>. Доступ: 15.03.2016.

Сладкевич Ж. Р. 2016 — Организация семиотического пространства новогоднего поздравления президента. *Политическая наука*. № 3 (в печати).

Сладкевич Ж. Р. 2013 — *Политический фельетон в свете теории речевого воздействия*. Gdańsk.

Чудинов А. П. 2012 — Дискурсивные характеристики политической коммуникации. *Политическая лингвистика*. №2 (40). С. 53–59.

Шейгал Е. И. 2004 — *Семиотика политического дискурса*. Москва.

Fras J. 2005 — *Komunikacja polityczna. Wybrane zagadnienia gatunków i języka wypowiedzi*. Wrocław.

Kołodziejczak M. 2014 — Inauguracyjne orędzia prezydenckie jako przedmiot interpretacji politologicznej, *Przegląd Politologiczny*. Nr 2, S. 137–148.

Patocka-Sigłowy U. 2011 — Orędzie prezydenckie jako gatunek wypowiedzi politycznej. *Dyskursy komunikacji medialnej*. Łódź. S. 93–100.

Telus M. 2000 — Konstrukcja narodowego „my”, czyli dlaczego kochamy ojczyznę. *Acta Universitatis Wratislaviensis*. No 2229. *Język a kultura*. Tom 14. Wrocław.

ЛЕКСЕМЫ С АМБИВАЛЕНТНОЙ КОННОТАЦИЕЙ В АСПЕКТЕ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»: ГОСТЬ.

Г. С. СЫРИЦА

Бинарная оппозиция «свой – чужой» является универсальной и находит отражение в целом ряде соотносящихся с ней и в известном смысле вытекающих из нее оппозиций: *близкий – дальний, праведный – греховный, чистый – нечистый, живой – мертвый* и др. Противопоставление «свои» и «чужие» «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 1997: 472]. Оппозиция «свой – чужой» восходит «к архетипическим, древнейшим представлениям» и относится «к глубинным слоям культурного пространства» [Красных 2003: 297]. Характерной особенностью этой оппозиции является ярко выраженная аксиологичность (*хороший – плохой*). В ряде случаев амбивалентность оценочных коннотаций может закрепляться в одной лексеме. Так, потенциальная аксиологическая амбивалентность заключена в лексемах *друг, враг, сосед, гость, странник* и др. Семантику потенциального гостя удерживает, например, лексема *путник* в значении «человек, который может попроситься на ночлег»: «Путешественник, странник, идущий или едущий куда-л., прохожий, проезжий» [МАС 1981, 3: 565]. Ср. также образное сравнение Пушкина: *То, как путник запоздалый, / к нам в окошко застучит* («Зимний вечер»). Термины родства, связанные с указанием на «своего», родного (*мать, отец, сын, дочь, брат, сестра* и др.), а также на обретение статуса «своего» (*теща, свекровь, зять* и др.) тоже могут приобретать амбивалентные коннотации. Коннотативный фон своего, домашнего, праздничного и чужого, пугающего, «морозящего» закреплена в антропониме *Дед Мороз (Мороз)* — см. об этом [Душечкина 2003].

Рассмотрим подробнее особенности функционирования лексемы *гость* во фразео-паремиологической системе и художественном дискурсе. Гость «в народной традиции лицо, соединяющее сферы «своего» и «чужого», объект сакрализации и почитания, представитель «иного» мира <...>. Превращение «чужого» в гостя связано с ритуализованными формами обмена, включающими пиры, угощения, чествования <...> [СД 1995, 1: 531]. Устойчивое выражение *садись, гостем будешь* (ср. также: *садись, так гость будешь; пришел — не стой: хозяйина не томи* [Даль 2007]) направлено на сближение, указывает на переход из одного статуса (*чужой, не-гость*) в другой (*гость*). Ритуальным знаком этого перехода является приглашение *сесть*. Одновременно и для гостя чужой дом, чужая сторона обладают коннотацией неизвестного, непознанного пространства, которое нужно освоить, в известном смысле сделать «своим». Обряд гостеприимства является своего рода инициацией, превращающей чужого в своего: *кто сидел на печи, тот уже не гость, а свой; это домашний (свой, запечный) гость; напоил, накормил и спать уложил (и в баню сводил)* [Даль 2007]. Позитивно-оценочный потенциал удерживают лексемы *гостеприимный* («радушный до гостей и странников хозяин»), *гостеприимец* («охотно принимающий гостей, путников»), *гостеприимствовать* («быть гостеприимным, приглашать и угощать людей») [Даль 1981, 1: 387]. *Негостеприимство, как и негостеприимный человек, осуждаются: зовут Фокою, а живет собою: в гости не ездит и к себе не зовет; как бирюк в нору забился (как байбак, как медведь в берлоге); дома сидит, ни на кого не глядит; у него гостят четыре угла (никого)* [Даль 2007].

Лексема *гость* коннотативно энантиосемична: она заключает в себе позитивно-оценочные коннотации «своего» гостя (желанного, дорогого, долгожданного) и «чужого» (непрощенного, незваного). Потенциальная аксиологическая энантиосемичность заключена в структуре значения лексемы *гость*: человек, пришедший по приглашению (ассоциативный оценочный фон — желанный) или незванный (ассоциативный фон — нежеланный); ср. значение: «посетитель, человек пришедший по зову или незванный, навестить другого, ради пира, досуга, беседы и пр.» [Даль 1981, 1: 387]). Таким образом, возникает оценочная оппозиция: желанный («свой» гость) – нежеланный («чужой» гость). Лексема *гость* репрезентирует как «своего», так и «чужого» гостя. При этом следует оговорить относительность оценки «своего» и «чужого» гостя, они могут меняться местами: «свой» может стать чужим, «чужой» — своим. Особенность аксиологичности оппозиции «свой – чужой» заключается

в том, что «она не абсолютна, а относительна, то есть как бы «подвижна»: свой меняет знак, становясь чужим, чужой «приватизируется», «друг делается врагом» [Цивьян 2002: 467].

Коннотативная энантиосемичность лексемы *гость* отражена в известных строках О. Мандельштама: *И всю ночь напролет жду гостей дорогих, / Шевеля кандалами цепочек дверных* («Ленинград»). Один ряд лексики поддерживает позитивно-оценочное значение «дорогих гостей», «близких сердцу», «родных» (ср.: *я вернулся в мой город; у тебя телефонов моих номера; у меня еще есть адреса*). Другой ряд поддерживает противоположный коннотативный фон: речь идет о «нежеланных, непрошенных гостях», «несущих угрозу жизни» (ср.: *шевеля кандалами цепочек дверных; и в висок / ударяет мне вырванный с мясом звонок*). Следует отметить, что контекстуально обусловленные амбивалентные коннотации удерживают и дериваты *гостёк*, *гостенёк*.

Появление гостя в доме ассоциируется с Богом (*принес бог гостя, дал хозяину пир; пошли бог гостей, и хозяин будет сытей!*) или чертом (*краюшка невелика, а гостя черт принесет — и последнюю унесет*) [Даль 2007]. Амбивалентное отношение к гостю отражают паремии: *гость на гостя — хозяину радость; просим на избу: красному гостю красное место: доброму гостю хозяин рад* [Даль 2007]; *каков гость, таково ему и угощенье; гость гостю рознь, а иногу — хоть брось* [Даль 1981, 1: 386]. *Гость приносит в дом не только радость: гость на двор, и беда на двор; гости навалили, хозяина с ног сбили* [там же]. Амбивалентность отношения к гостю выражается в ритуалах приветствия, с одной стороны — *добро пожаловать, дорогие гости, милости просим!* (ср. также: *рад не рад, а говори: милости просим!* [Даль 2007]), с другой — в «специальных приветствиях, имеющих цель обезопасить хозяйство и достаток от порчи и возможного урона», в разного рода оберегах от случайного гостя, появившегося в неурочный час [СД 1995, 1: 531]. Случайный гость становится обузой, доставляет неприятности: *а — если гость случайный — Гость как в глотке кость, гость — как в подметке гвоздь* (М. Цветаева, «Двух станов не боец»). Первичное опознание своего или чужого происходит уже во время стука в дверь, когда на вопрос: «Кто там?» — следует ответ: «Свои». Это как бы пароль, дающий право на вход.

Этимологически лексема *гость* связана с указанием на чужого: «др.-русск. *гость* — «гость, чужестранец, приезжий купец» <...>, лат. *hostis* — «чужеземец, враг» [Фасмер 1986, 1: 447]. Семантика чужого удерживается и в архаичном значении «торговец, купец» (ср. в «Сказке о царе

Салтане» Пушкина: *Чем вы, гости, торг ведете / И куда теперь плывете?*). Лексема *гость* входит в группу квазисинонимов, обозначающих чужого: *враг, неприятель, чужак, странник, чужеродец* и др. Негативно-оценочный фон закрепляет отраженное в словаре Даля значение лексемы: «*гостями* зовут, ради шутки или вежливости, *недобрых людей, незваных посетителей, воров, особенно грабителей по Волге* [Даль 1981, 1: 386]. Лексема *гостья* с коннотацией чужого, неприятного, нежеланного выступает как табуистическое название болезней — тифа [Фасмер 1986, 1: 447] (ср. также лексему *гостец* — «колтун» [там же: 446]), холеры: *Я уже писал тебе, что в Петербурге холера и, как она здесь новая гостья, то гораздо более в чести, нежели у вас, равнодушных москвичей* (из письма Пушкина П. В. Нащокину 26 июня 1831 г.) [Пушкин 1975, 10: 37]; *Все в городе струсили, потому что холера надвигалась из соседней губернии. Замечу, что у нас были приняты по возможности удовлетворительные санитарные меры для встречи непрошеной гостьи* (Ф. Достоевский, «Бесы»). Лексема *гостья* развивает также переносное значение с позитивно-оценочными коннотациями: *Вылетела первая пчелка, / Полетела по ранним цветочкам / О красной весне поразведать, / Скоро ль будет гостья дорогая* (А. Пушкин «Еще дуют холодные ветры...»). Амбивалентные коннотации удерживает также дериват *гостьюшка*, форма которого изначально тяготеет к позитивной оценочности.

Стереотип поведения — важный фактор, отличающий своих от чужих [Степанов 1997: 474]. Гость как представитель чужого мира заключает в себе опасность, непредсказуемость поведения. Ср.: *чужой* — «не свой, сторонний; неизвестный, незнакомый; не родня, не нашей семьи, не нашего дома» [СД 1995, 4: 613]; *гости хозяина выжили; бесстыжего гостя из избы пивом не выгонишь* [СД 1995, 1: 386]. В стихотворении Пушкина «Из Ксенофана Колофонского» («Чистый лоснится пол...») воссоздается картина античного пира, которая заканчивается словами, дающими оценку гостю: *слава / Гостю, который за чашей беседует мудро и тихо!*

Во время пребывания в гостях «свой» гость может становиться чужим, нежеланным. Стереотипное представление о госте — временность его пребывания в гостях. Переход в разряд нежеланного гостя происходит в случае нарушения этого правила: *в гости едет, а из гостей — ни со двора; пора гостям и честь знать; гость погостит, да и домой поспешит; загостилась, догостилась до ссоры* [СД 1995, 1: 386]. Семантика перехода из одного статуса (*гость*) в другой (*не-гость*) закреплена также в поговорке: *гость гостя, а пошел — прости!* [Даль 2007]. Статус желанного гостя предподре-

делен временем его пребывания: негативно-оценочные коннотации закреплены за гостем задерживающимся, гостящим дольше положенного срока. Условное время пребывания в гостях устанавливается «принимающей» стороной (ср.: *в чужой монастырь со своим уставом не ходят*), при этом, как правило, не оговаривается. Превышение положенного для пребывания в гостях времени неизменно оценивается негативно. С наблюдением за поведением в гостях связаны приметы: *часто за шапку берется, не скоро уйдет; гость коли рано подымается, то ночевать хочет*. Негативно-оценочные коннотации удерживают дериваты *гостейник*, *гостилка* («прихлебатель, охочий до пиров, до чужих обедов»), *гостейничать* — «ходить много по гостям, разъезжать для гощения» [СД 1995, 1: 386].

Одним из знаков «своего» выступает запах. Ю. С. Степанов пишет: «Еще и в наше время в старинных домах или квартирах, где неизменно жили несколько поколений одной семьи, можно ощутить особый, «семейный» запах. Согласно древним представлениям европейских народов, каждый народ имеет «свой запах», «свой дух». <...>. Запах разделяет мир живых и мир мертвых, «точнее выходцев мира мертвых, не имеющих запаха» [Степанов 1997: 479]. Представление о дурном запахе как запахе «чужого» находит отражение в паремиях латышского и немецкого языков. Задержавшийся дольше положенного срока гость «приобретает запах», сравнивается с рыбой, которая портится после трех дней: *zivs un ciemiņš trešajā dienā smird; der Gast und der Fisch stinken nach drei Tagen* [Kokare 1988: 208]. В немецком языке встречается целый ряд рифмованных паремий, в которых загостившийся гость сравнивается с протухшей рыбой: *dreitägiger Gast ist eine Last; den ersten Tag ein Gast, den zweiten eine Last, den dritten stinkt er fast; ein Gast ist wie ein Fisch, er bleibt nicht lange frisch* [Kokare 1988: 208].

Семантику «прижившегося» в чужом доме гостя передает лексема *приживальщик*: «обнищавший дворянин, купец, интеллигент, живший из милости в чужом богатом доме, не имевший никаких определенных обязанностей и развлекавший хозяев, составляя их общество» [МАС 1981, 3: 409]. Лексема развивает переносное значение с ярко выраженными оценочными коннотациями («тот, кто живет за чужой счет, угодничая перед своим покровителем») [там же]. Эти же коннотации имеет ряд сниженных синонимов: *блюдозил, дармоед, иждивенец, лизоблюд, нахлебник, паразит* и др.

Лексема *приживальщик* удерживает семантику чужого, претендующего на роль своего, играющего роль своего. Она является одной из частотных характеристик в описании персонажей романов Достоевского. Приживальщиком неоднократно назван черт, явившийся Ивану Карамазову: *Там*

вдруг оказался сидящим некто, бог знает как вошедший. <...>. Похоже было на то, что джентльмен принадлежит к разряду бывших белоручек-помещиков, процветавших еще при крепостном праве; <...> обратившийся вроде как бы в приживальщика хорошего тона, скитающегося по добрым старым знакомым, которые принимают его за уживчивый складный характер <...>. Такие приживальщики, складного характера джентльмены, умеющие порассказать, составить партию в карты и решительно не любящие никаких поручений, если их им навязывают, — обыкновенно одиноки, или холостяки, или вдовцы, может быть и имеющие детей, но дети их воспитываются всегда где-то далеко, у каких-нибудь теток <...>. Гость ждал и именно сидел как приживальщик, только что сошедший сверху из отведенной ему комнаты вниз к чаю составить хозяину компанию, но смиренно молчавший в виду того, что хозяин занят и об чем-то нахмуренно думает; готовый однако ко всякому любезному разговору, только лишь хозяин начнет его и др. Лексема приживальщик характеризует Федора Павловича Карамзова: бегал обедать по чужим столам, норовил в приживальщики («Братья Карамзовы»); Степана Трофимовича Верховенского: я открыл ужасную для меня... новость: je suis un простой приживальщик. Ср. также диалог Петра Верховенского с отцом: Фу, какую лакейскую должность исполнял ты все время. Даже я краснел за тебя. — Я исполнял лакейскую должность? — не выдержал Степан Трофимович. — Хуже, ты был приживальщиком, то есть лакеем добровольным. Лень трудиться, а на денежки-то у нас аппетит («Бесы»). Контекстуальными синонимами слова приживальщик становятся слова лакей, шут и др. [Сырица 2007: 145].

Коннотативный фон лексемы гость закрепляется в устойчивых эпитетах. Семантику чужого (незваного гостя) поддерживает устойчивое сочетание заезжий гость: Бабушка теперь уже не могла усмирять расхорившегося дворянина: она выслушивала, как губернатор репрезентовал ей заезжего гостя и потом как сам гость, на особом французском наречии, на котором говорят немцы, сказал княгине очень хитро обдуманное приветствие <...> (Н. Лесков, «Захудалый род»). Заезжий гость таит в себе опасность: Мы охраняли дом со стороны моря и у калитки: от булочника, от точильщика, от «корюшка, свежая корюшка!», от случайного заезжего гостя. Однажды, когда вот так Корней Иванович случайно уснул, а мама ушла на станцию и мы были дома одни, явился из Петербурга незнакомый господин по срочному делу (Л. Чуковская, «Памяти детства: Мой отец — Корней Чуковский»). Одновременно заезжий гость может иметь коннотации желанного (долгожданного): Ни пароходного вскрика, ни заезжего гостя — мертво до самой

весны, пока не сломается лед (Е. Носов, «И уплывают пароходы, и остаются берега»).

Негативно-оценочные коннотации отражены в устойчивом сочетании *незванный гость*, синонимом которого является *чужой*. Его коннотативный фон закреплен во фразеологизме *незванный гость хуже татарина*, в паремиях *к обедне ходят по звону, а к обеду по зову*; *званный — гость, а незванный — не (не черт его нес)*, *незванные (поздние) гости глодают кости, на незваного гостя не припасена и ложка; кто ходит незванный, редко уходит негнанный* [Даль 2007]. То же находим в художественном дискурсе: *А незванный гость — хуже татарина, не знаешь, как себя повести, да куда его устроить, чтобы поскорее вон выпроводить, чтобы, упаси бог, не засиделся пришелец* (В. Личутин, «Крылатая Серафима»). В ассоциативном словаре на слово стимул *гость* самыми частотными являются лексемы *незванный, неожиданный* [РАС 2002, 1: 143].

То же отношение к незваному гостю отражено в идентичных латышских и немецких паремиях: *nelūgtam viesim nav krēsla (karotes), ein ungeladener Gast bekommt keinen Stuhl* [Kokare 1988: 208]. Одновременно в паремиях передается амбивалентное отношение к незваному гостю: *незванный, да желанный; неожиданный гость лучше жданных двух; незванный гость легок, а званный тяжел (на званого все паси: званный приема ждет); званный гость убыточен; на званого гостя угодить надо* [Даль 2007]. В немецком языке также, наряду с паремиями, оценивающими незваного гостя негативно (ср.: *ungeladene Gäste gehören nicht zum Feste; ungeladener Gast ist ein' Last* [Sprichwörter 1861: 133]), встречаются паремии с противоположной оценкой: *ungeladener Gast ist der liebste; guter Gast kommt ungeladen; die liebsten Gäste kommen von selbst*) [там же].

Закрепленность негативно-оценочного фона *незваного гостя* предопределяет развитие метафорического значения. Ср. о совести: *Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть, / Незванный гость, докучный собеседник <...>* (А. Пушкин, «Скупой рыцарь»); о старости: *А старость — тот незванный гость, что встал и не уходит* (Б. Слуцкий, «Не грозный оклик палача»). Устойчивое сочетание *незванный гость* выступает в роли перифразы со значением «враг, вторгшийся в чужие пределы»: *Мы засели в наши норы / И гостей незваных ждем* (А. Пушкин, «Бонапарт и черногорцы»). Оно же используется в сравнениях: *Думаю о том, что каждый из нас постепенно уходит, когда уходят люди, составляющие как бы часть тебя, и постепенно среди новых поколений начинаешь себя чувствовать, как незванный гость, докучный и чужой <...>* (В. Астафьев, «Зрячий посох»).

Незванный гость может быть *недобрым* гостем. В этой роли выступает ряд персонажей романов Достоевского. Как незванный гость является Раскольников к старухе-процентщице: *Старуха взглянула было на заклад, но тотчас же уставилась глазами прямо в глаза незваному гостю* («Преступление и наказание»). *Незванным гостем* назван Ставрогин: *Отворилось оконце, и Шатов выглянул на улицу; темень была страшная, и разглядеть было мудрено; Шатов разглядывал долго, с минуту.*

— Это вы? — спросил он вдруг.

— Я, — ответил *незванный гость*.

Петр Верховенский, который пугает Шатова: <...> *внезапное появление такого гостя решительно испугало его* («Бесы»).

В «Страшной мести» Гоголя *недобрым гостем* назван колдун: «*Не так еще страшно, что колдун*», — говорил он, — «*как страшно то, что он недобрый гость*». Это словосочетание является одним из вариантов табуированного названия нечистой силы. В этой же функции выступает лексема *волк*, имеющая хтоническую символику. Запрет на упоминание его имени находит отражение в поговорках: *помянули волка, а он и тут; помяни волка, а волк из колка* [Даль 2007]. Идентичные поговорки есть в латышском и немецком языках: *te vilku piemin, te vilks klāt; wenn man den Wolf erwähnt, ist er gleich da* [Kokare 1988: 208].

Неожиданным гостем назван черт, явившийся Ивану Карамазову: *Физиономия неожиданного гостя была не то чтобы добродушная, а опять-таки складная и готовая, судя по обстоятельствам, на всякое любезное выражение*. Ср. также: *Клетчатые панталоны гостя сидели превосходно, но были опять-таки слишком светлы и как-то слишком узки, как теперь уже перестали носить <...>*. Доктор рассказывает на суде о болезни Ивана: «*Был же он положительно не в здравом состоянии ума, сам мне признавался, что наяву видит видения, встречает на улице разных лиц, которые уже померли, и что к нему каждый вечер ходит в гости сатана*», — заключил доктор. *Гостей (чертей поганых) собирается изгонять отец Ферапонт: <...> притек здешних ваших гостей изгонять, чертей поганых*. Смотрю, много ль их без меня накопили. Веником их березовым выметать хочу (Ф. Достоевский, «Братья Карамазовы»).

Заграничным гостем назван Воланд: *Но, позвольте вас спросить, — после тревожного раздумья спросил заграничный гость, — как же быть с доказательствами бытия божия, коих, как известно, существует ровно пять?* (М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»). *Недобрым гостем* предстает *черный человек* С. Есенина,

двойник лирического героя: *Черный человек! / Ты — прескверный гость! / Эта слава давно / Про тебя разносится* («Черный человек»).

Оппозиция *свой – чужой* в обозначении недоброго гостя трансформируется в оппозицию *живой – мертвый* (представитель потустороннего мира, гость из мира мертвых, пугающий, вызывающий ужас). Он появляется в неурочное (ночное) время, наполняя сердце страхом. Эмотивная доминанта желанного гостя — радость; нежеланного, ночного гостя — страх. О таком госте идет речь в стихотворении Пушкина «Утопленник»: *Есть в народе слух ужасный: / Говорят, что каждый год / С той поры мужик несчастный, / В день урочный гостя ждет* (ср. также время его появления: *В ночь погода зашумела, / Взволновалась река*). Не менее страшен образ ожившей статуи — **каменного гостя** — в сюжете о встрече человека с потусторонним миром (*о, тяжело / Пожатые каменной его десницы!*) (А. Пушкин, «Каменный гость»).

Семантику *чужого* удерживает устойчивый эпитет *странный*: *И странный спутник был мне послан адом, / Гость из невероятной пустоты* (А. Ахматова, «И странный спутник был мне послан адом»); *Кто стучится? / Ведь всех впустили. / Это гость зазеркальный? Или / То, что вдруг мелькнуло в окне...* (А. Ахматова, «Поэма без героя»). *Странный* — это прежде всего необычный, непонятно какой. *Чужой* — это странный, не такой как «мы», чудной. Ю. С. Степанов устанавливает связь между концептами *чужой* и *чудо* — «не объяснимое естественным порядком вещей: «в некоторых формах и в некоторых словоупотреблениях оба концепта прямо налагаются друг на друга (контаминируют). К таким случаям принадлежит, в частности, прилагательное *чудной* — по форме несомненно происходящее от корня *чуд-*, а по значению почти совпадающее с *чужой*, *чужий* «странный, необычный» <...> [Степанов 1997: 484]. Странным (чужим) может быть как *гость из небытия*, так и реальный человек, репрезентирующий мир «чужого». Странным гостем предстает перед Бездомным Мастер: *У меня нет больше фамилии, — с мрачным презрением ответил странный гость, — я отказался от нее, как и вообще от всего в жизни* (М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»).

Таким образом, потенциальная амбивалентность оценочных коннотаций закреплена в структуре значения лексемы *гость* и находит отражение в паремиях и художественном дискурсе. Позитивно-оценочные коннотации предопределены прежде всего тем, что гость предстает как *желанный* (дорогой, долгожданный), имеет статус своего, близкого; негативно-оценочные коннотации закреплены за нежеланным, незванным гостем,

имеющим статус чужого. Оценочная оппозиция характеризуется подвижностью: *свой гость* может становиться чужим, *чужой* — своим. В коннотативном фоне лексемы *гость* преломляются стереотипные представления о поведении гостя. Анализ функционирования лексемы *гость* в составе паремий и в художественном дискурсе позволил на диахроническом срезе выявить устойчивый характер амбивалентного оценочного фона рассматриваемой лексемы. При этом следует отметить, что амбивалентные коннотации отражены в ней неравномерно. Переносные значения лексемы *гость* (*гостья*), наличие большого количества устойчивых сочетаний, восходящих к инварианту *незванный гость* (*заезжий гость*, *неожиданный гость*, *недобрый гость*, *странный гость* и др.) свидетельствуют о большей степени закреплённости негативно-оценочных коннотаций. Это находит отражение и в современном ассоциативном словаре, где в качестве самых частотных ассоциатов на слово *гость* выступают *незванный*, *нежданный*. Материал нуждается в дальнейшем изучении в дискурсах разного рода с привлечением других источников, в том числе фразеографических. Особый интерес представляет сопоставление коннотативного фона рассматриваемой лексемы в аспекте оппозиции *свой* – *чужой* в разных языках.

Литература

- Арутюнова Н. Д. 1998 — *Язык и мир человека*. Москва.
- Даль В. И. 1981 — *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4-х т. Т. 1–4. Москва.
- Даль В. И. 2007 — *Пословицы русского народа*. Веб-ресурс: royallib.com/book/dal_vladimir/poslovitsi_russkogo_naroda.html (29.04.2016).
- Душечкина Е. В. 2003 — *Дед Мороз и Снегурочка. Отечественные записки*. №1. Веб-ресурс: magazines.russ.ru/oz/2003/1/2003_01_31-pr.html (12.04.2016).
- Красных В. В. 2003 — *Свой среди чужих: миф или реальность*. Москва.
- МАС 1981 — *Словарь современного русского литературного языка*. В 4-х т. Т. 1–4. Москва.
- Пушкин А. С. 1975 — *Собрание сочинений: в 10 т.* Т. 10. Москва.
- РАС 2002 — *Русский ассоциативный словарь*. В 2-х т. Т. 1. Москва.
- СД 1995 — *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. В 5-ти т. Т.1. Москва.
- Степанов Ю. С. 1997 — *Константы: Словарь русской культуры*. Москва.
- Сырица Г. С. 2007 — *Поэтика портрета в романах Достоевского*. Москва.
- Фасмер М. 1986 — *Этимологический словарь русского языка*. В 4-х т. Т.1. Москва.

Цивьян Т. В. 2002 — Современная русская языковая ситуация в проекции на модель мира. *Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением*. Москва. С. 465–475.

Kokare E. 1988 — *Latviešu un vācu sakāmvērdņu paralēles*. Rīga.

Sprichwörter 1861 — *Die Sprichwörter und sprichwörtlichen Redensarten der Deutschen*. Leipzig.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ЖЕНЩИНЫ- СТАРООБРЯДКИ В АСПЕКТЕ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»

В. П. ЩАДНЕВА

1. Введение

Ни для кого не секрет, что информантами диалектных записей в значительной степени оказываются представительницы женского пола. Тем самым исследователи изначально попадают в поле преимущественно женского мнения о событиях, о жизни, об оценках женщинами своего положения в этноконфессиональной общине.

В данной статье¹, посвященной *гендерному* аспекту рассказов старообрядцев западного Причудья и острова Пийриссаара, рассматривается значимое для социально-религиозной концепции староверов вербальное и невербальное проявление гендерной проблематики. Актуальность темы обусловлена тем, что в наше время наблюдается переход к более партнерским отношениям полов. Поскольку старообрядцы всегда отличались нацеленностью на строгое соблюдение устоявшихся традиций, то обращение к культуре староверов вполне закономерно. В свете современных изменений в гендерной сфере представляет интерес проявление равноправности / подчиненности женщины-старообрядки в своем социуме, традиции которого создаются взаимосвязью *религии, семьи, дома, труда*. Комплекс этих концептов предопределяет особенности языкового отражения роли и статуса женщины в их рассказах и в итоге создает картину мира старообрядки. Реализация названного отражения в аспекте *свой-чужой* является **объектом** данной публикации.

Духовная и материальная жизнь староверов изначально опирается на заключенную уже в названии сообщества идею времени, поскольку с ней

¹ Исследование осуществлено при поддержке гос. программы «Эстонский язык и культурная память», тема ЕККМ14-299 «Составление лексикона народной культуры старообрядцев Эстонии».

связана религиозная концепция старообрядцев [Щаднева 2016: 594–600]. Наиболее значимые для человека представления о своей принадлежности к определенному социуму у староверов включают в себя взгляды, оценки, нормы поведения, обусловленные древними канонами, которые сформировали старообрядчество как обособленное этноконфессиональное сообщество. Тем самым основа оппозиции *свой-чужой* заложена уже во временном плане.

Эмпирическим **материалом** для рассмотрения этого противопоставления послужили диалектные записи, выполненные преподавателями и студентами отделения славистики Тартуского университета за нескольких десятилетий. В ходе анализа тетрадных и электронных записей учитывались содержание рассказов и языковые факты, представленные как в уже изданных [Очерки I 2004; Очерки II 2007; Очерки III 2012]², так и в еще неопубликованных диалектных материалах. В качестве вербальных иллюстраций использовались и связанные с эстонскими староверами материалы двух диалектных словарей: [МСРСГП 1963] и [СГСЭ 2008]. Следует подчеркнуть, что за небольшим исключением в корпусе примеров предпочтение отдавалось речи женщин.

2. Женщины-старообрядки в религиозной жизни

Так как весь уклад жизни староверов зависит от веками соблюдавшихся консервативных канонів, то возникает вопрос: можно ли говорить о равенстве женщин и мужчин в религиозной и семейной жизни? Ведь в беспоповских согласиях с их строгими нормами почитаемые староверами религиозные книги изначально предписывают различие нравственных и семейных обязанностей мужчин и женщин, что закреплено в неукоснительном соблюдении древнего обычая надевать при крещении на мальчиков и девочек кресты разной формы. Зачитывая собирателям диалекта отрывок из религиозной книги, женщина-информант повторяет часть цитаты:

- (1) *Не должна быть утварь мужска на жане. У нас разные кресты для мужчин и для женщин. Так не бывает, чтоб одному и другому, тот и другой, не. Мужчине свой, нам свой. Вот это женский, вот такой покрой, это женский* (Малье Кольки, 2005).

² Автор учитывал не только опубликованные в сборниках расшифровки диалектных текстов, но и языковые примеры из представленных там же статей И. П. Кюльмоя, О. Н. Паликовой, А. В. Штейнгольд.

Данный пример³ свидетельствует и о том, что в первую очередь сами женщины обучают гендерным различиям детей, с малых лет внедряя в их сознание разные нормы, например, где в моленной должны стоять женщины, как они должны одеваться и т. п.

- (2) В церковь **нельзя было с голой головой**, чтобы без платка, — **ба́тька** сразу отправит. **В коротких юбочках или в брюках нельзя было** (Калласте, 2003).
- (3) Бабушка **не ходила голой головой**, всегда в платке (Калласте, 2006).

Различение мужского и женского начал сохраняется даже в скромных мужских и вышитых женских *лестовках* — матерчатых или кожаных чётках староверов:

- (4) *Лестовки делали, и сейчас тоже делают*. У нас это надевают на руку, когда в гроб-то уже кладут по-староверски (Варнья, 2003).

Подчеркивание гендерных различий весьма знаменательно. Для староверов-беспоповцев с введением никонианства священство лишилось благодати. К тому же с момента гибели коломенского епископа Павла староверие лишилось высшего иерарха, способного рукополагать в священнослужители. Но старообрядцы отказались не от самого священства как такового: ими были отвергнуты лишь священники, поставленные «никонианскими» архиереями. Поэтому верующие сами выбирали и выбирают наставников из своей среды — прежде всего, уважаемых, начитанных мужчин. Однако по разным объективным причинам у беспоповцев наставниками могут становиться и женщины, что с конфессиональной точки зрения повышает их статус в старообрядческой общине, а это, в свою очередь, отражается лингвистически: в смысловом согласовании по категории рода (6, 7):

- (5) Устарел наш **ба́тька**, таперь простой мужчина стал учить славяньску грамоту, выучился и пошёл в моленну добровольно. В Кольках уже **две женщины служат в моленных**, намест батек стоят, вси программы знают (Новая Казепель, 2003).
- (6) У нас **ба́тюшка женщина, Варвара**. Яна всю грамоту, всю свободно знает (Кольки, 2005).
- (7) И у **нашей ба́тюшки** такой голос яркий, хороший (Кольки, 2005).

³ Фонетические особенности говора представлены в примерах адаптированно, жирным шрифтом отмечены значимые смысловые блоки.

Иными словами, хотя преимущества при отправлении духовных дел принадлежат мужчине, статус женщины-староверки претерпел изменения, поскольку религиозный дискурс старообрядцев определяется и бытовыми реалиями. Тем самым в своей конфессиональной общине женщина может занимать более значимое место, чем в никонианском (новообрядческом) православном социуме.

Существенна роль женщин и в укреплении старой веры, ибо староверки последовательно поддерживают патриархальные каноны, что является одним из ключевых моментов, позволяющих исследователям трактовать социальные воззрения староверов как консервативно-охранительные. Разумный консерватизм помогал и помогает староверам из поколения в поколение сохранять уклад религиозной и семейной жизни.

Женщины-старообрядки создают и свою женскую обрядовую субкультуру, свое особое ритуальное пространство, в котором властвует неприкосновенность женской воли и куда нет доступа мужчинам. К таким обрядам относится, в частности, по-разному называемый в разных деревнях праздник, который устраивают женщины по случаю рождения ребёнка:

- (8) *Идут бабы к роди́хе <роженице>, хто пирог, хто что-друго́ нясе́. Мужики на наве́ды не ходю́* (МСРСГП 1963: 163).
- (9) *Дети рождались, так тогда приходили в наве́ды. <...> двадцать человек придёт, и все с пирога́м, вот после войны, и все идут с пирога́м. Только женщины* (Желачек, 2004).
- (10) *Когда ва́руши <от эст. varrud 'крестины'>, тогда никаких претензий к ба́бам не должны иметь. Ба́бы собрались, отмечают рождение ребёнка — это было как святой закон* (Муствез, 2003).

3. Женщины-старообрядки в семье и в доме

Неразрывно связанные между собой понятия *семья* и *дом*, как и вопрос о положении женщины в семье и в доме, в концепции староверов также обусловлены религиозной составляющей.

Без передающихся по наследству икон и металлических крестов не обходится ни один сельский старообрядческий дом. Угол дома, в котором в соответствии со старорусской традицией на деревянной угловой полочке, застеленной белой нарядной салфеткой, покоятся украшенные искусственными цветами образа, в духовном отношении и в наши дни считается особо значимым. О. Н. Паликова, рассматривая мирское и сакральное в пространстве дома, отмечает, что такой угол имеет ряд названий: *божий*,

больший, большой, красный, общий [Паликова 2013: 216], что подчеркивает особую значимость этого места в жилище.

В организации дома и домашнего хозяйства старообрядцы западного Причудья отнюдь не консерваторы. Они перенимают у иноконфессиональных соседей отдельные конструктивные особенности хозяйственных построек, целесообразные для жизнедеятельности большой семьи, поэтому старообрядческое жильё обладает признаками, общими как с домами новообрядческого русского населения (печь как центральная часть дома), так и с домами эстонских крестьян (крытый хозяйственный двор) [там же: 213–215]. Следует отметить, что в постройке своего дома активное участие принимают и женщины:

- (11) *Свой дом самы построили. Я строил, баба <жена> кирпич резала, двое строили* (Малые Кольки, 1964).

Различия обязанностей мужчины и женщины косвенно отражаются в рассказах диалектоносителей о жизненных ситуациях, о структуре семьи, отце и матери, о труде членов семьи и т. п. Хотя в проанализированных диалектных материалах правовое положение женщин в семье прямо не обсуждается, женская тема затрагивается постоянно, ибо а) с рождением детей женщина оказывается продолжательницей рода; б) воспитание детей — забота женщин; в) именно женщина занимается бытом семьи, домом и придомным участком. Примечательно то, что сами староверки основную роль в семье отводят мужчинам, тем самым радикально решая для себя вопрос о своем — женском — в семейной жизни:

- (12) *Дочка́ в дому — брако́вный товар, а сын — хозяин* (МСРСГП 1963: 34).

Во многих диалектных записях — и женских, и мужских — прослеживается мысль о главенстве отца, ибо его основная обязанность — материальное благополучие семьи:

- (13) *Все деньги были у отца, вестимо. А когда я иногда выезжал на лошади с луком, продавать, — всё это приносил, отдавал отцу* (Новая Казепель, 2003).
- (14) *Отец рыбак, а мать — как восемь детей, куда ей! <...> Мало того, отец, мать и нас восемь, — две бабушки были. Отец прокармливал всех...* (Желачек, 2009).

Хотя хозяин в семье — мужчина (отец, муж), в самом доме доминируют старшие женщины: бабушка, мать, свекровь. Но положение в семье моло-

дых староверок, судя по многим рассказам, было зависимым, а девушки в вопросе о замужестве подчинялись воле родителей:

- (15) *На сямнадцатом году замуж выдали, я и в гла́зы не видала жениха сваво до свадьбы. Всё батька за мяня обделал. **Поневоле пришлось идти, ведь сватана была**, а согласие было дано без мяня, мне ничаво не приходилось делать (Высу, 1970).*

Тем не менее авторитет отца, даже невзирая на его требовательность, у староверок, как правило, высок, и далеко не случайно они отзываются о своих отцах с уважением:

- (16) *А отец если сказал раз — всё. Второго раза не дожидай — тогда получишь! **Он строгий у нас был. Хороший** (Воронья, 2003).*
- (17) *Я отцова дочка. <...> Если я чувствую, что ругаться надо идти, — **я думая отцовы слова**: „Которое слово сказано — это проклятое, а которое не сказано — это святое” (Воронья, 2003).*
- (18) *Так вот пока в школу ходили, **отец не разрешал по деревне блудить, покупал пряжу — и вязали кружава** (Воронья, 2003).*
- (19) *Ну, конечно, я мало ходила так по крестьянам <работать>, потому что **у нас отец вина <водки> не пил, он труженик был**. <...> он зарабатывал хорошо (Желачек, 2004).*

За серьезное отношение к семье, любовь к детям положительно оцениваются и мужья — даже в том случае, если женщине пришлось выйти замуж по настоянию родителей:

- (20) *<С мужем вы хорошую жизнь прожили?> По-разному, да слушай, трезвый был он и исключительный человек, он был и чистоплотный, и работающий. И особенно как он **рябат любил**, по няму можно было еще десять штук. **Очень хороший семьянин**. Они, бывало, другой раз и проштрафятся или что-то провинятся. **Ну уж он не давал мне пальца на их положить** (Малые Кольки, 2005).*

Впрочем, судя по диалектным записям, обычно староверки с благодарностью вспоминают обоих родителей:

- (21) *И родители нас очень **берягли** <любили, заботились>, много научили (Кольки, 2005).*

Причину такого отношения детей к старшим можно усмотреть в структуре семьи, организации семейного быта и, конечно, в воспитании детей в труде и послушании. По конфессиональному канону семья старообрядцев должна иметь не менее 9 детей, ибо чем больше детей, тем устойчивее семья:

- (22) *У моей свекрови было десять мальцов и последняя дочка* (Новая Казепель, 2008).

Отношение к рождению детей закрепляется и в паремиях:

- (23) *Раньше же семьи были большие, это теперь только один-два, от силы два, а так уже на одном заканчивается история. А раньше наши мамы ведь не имели права никаких, даже про аборт не было и в помине, никто даже об этом не разговаривал. Раньше говорили так старые люди: „Дал Бог детище, даст и пищу”. И тяжело было, а всё равно все росли* (Малье Кольки, 2005).

Чтобы семья была крепостью, старшие в семействе приучали детей соблюдать религиозные и моральные нормы поведения:

- (24) *Как три часа — все к вечерне. А так и играли, и бегали, и всё. А как три часа — все <дети> домой, ни одного не было больше, все в моленну* (Воронья, 2003).
- (25) *<Женщина, с которой рыбак поделился рыбой,> сразу крестится: „Ой, пришли тебе, Господи, с морюшка, с озера”. Ну и поедешь, так и ребятам я говорю: „Вот видишь, просто дающему рука не оскудеет”. Вот дастишь, и яна крест там бросает, Бога просит, чтоб тебе пришёл <улов>. И мы как поедем, так рыбы, сколько хошь!*⁴ (Желачек, 2004).

Результатом того, что детей с малых лет приучают прислушиваться к мнению старших, являются крепкие родственные связи: своих матерей-отцов в дома престарелых старoverы не отдают, а усопших не забывают. Несомненно, в этом значительна заслуга женщин, поскольку в отличие от мужчин они всегда рядом с детьми:

- (26) *Мы каждую память молимся, нас много <родственников>, мы скопляемся <собираемся> и пока мы ящѣ ни одной годово́й <панихида по усопшему через год после смерти> не пропустили. Вот тяпѣрь по брату молились годово́ю. Вот Зоиньке было три года, тоже молились* (Кольки, 2005).

⁴ Более подробный комментарий этого примера см. в [Щаднева, Паликова 2012: 124–125].

4. Женщины-старообрядки в бытовом общении

Старообрядческое мировоззрение, выдвигая свои принципы семейной жизни, диктует и такие бытовые правила, о сути которых иноконфессиональные миряне судят поверхностно. Не зная же причин поведения представителей Древлеправославия, иноконфессиональные соседи по деревне и посторонние люди порой отмечают крайнюю обособленность и необщительность староверов:

- (27) *Женщины у них **никуда не ходя*** (Выпсу, 1970).
- (28) *Мужик с жёнкой из **одной чашки не пьют и напиток никому не дадут из своей кружицы*** (Выпсу, 1970).

Анализ диалектных материалов в целом подтверждает свойственное всей конфессии стремление обособиться от чужого, ибо староверы, считающие древнюю веру единственно правильной, свою строгую религиозную обрядовость переносят и на бытовую сферу. В былые времена каждый пил чай из собственной — «чистой» — чашки, а гости или приходили со своей чашкой, или же им подавали «мирские» стаканы:

- (29) <Не было принято, что пили из разных чашек?> *А как же! **Это христианское считалось, а это мирское**. Я вышла замуж в эту сямью, дедушка-то был такой грамотный. Полки были. Сказано мне: **тама мирская, это как у пьяниц, стаканы да рюмки. Эта вот — наша, староверская*** (Новая Казепель, 2003).

Наиболее последовательно установленные правила соблюдают пожилые староверки, которые, поддерживая своими действиями и высказываниями различие светского (мирского) и сакрального (священного), распространяют это противопоставление и на членов семьи:

- (30) *Тётка наша ходила на исповедь перед Пасхой. Приходила и сразу мыла всю свою посуду, чашечки, ложечки — всё вымывала и ставила отдельно: **„Моё не трогать! Вы мирские“**. Это после исповеди. Она намывала, и мы не имели права трогать её посуду, потому что **мы были грешные, а она уже все грехи свои сдала*** (Калласте, 2003).

Более того, строители, рыбаки, возвращаясь домой, тоже какое-то время ели из посуды для гостей, прежде чем доставали из шкафа свою чашку. Такой карантин, как и запрет пить воду прямо из корца — ковшика для

воды⁵, не наливая ее в стакан, имеет гигиенический смысл: не заразить близких чужими болезнями.

Незваных гостей староверки в дом приглашают далеко не всегда. Однако утверждение о том, что общение женщин-староверок ограничивалось лишь домашним кругом, не соответствует истине: и девушки, и замужние женщины встречались на супрядках — зимних вечерних посиделках, где собирались для общения и занятий рукоделием, на религиозных праздниках, в выходные дни и т. п.:

- (31) *Были супрядки. Собиралась вся молодёжь, сколько есть, — девки, рябята, и разные частушки пели. Кто вышивает, кто вяжет, кто какие байки рассказывает, сказки — ну, как молодёжь, шутили да всё... Летом не было время, лето есть лето — зимой собирались, когда свободно времято, тогда и собирались. Всё равно в кого собирались: сегодня к тебе, завтра у меня... (Желачек, 2004).*
- (32) *И замужние женщины тоже собирались. Вот Рожество — в гости ходили, Пятров день — престольный праздник, в Рожество и Пятров день ходили один к онному. Но и так ходили в воскресенье посидеть: я к тебе, ты ко мне придёшь (Желачек, 2004).*

Влияние старообрядческой догматики наблюдается также в рассказах женщин об иноконфессиональных соседях, которых и сейчас рассматривают как чужих. Считая себя представителями Древлеправославия⁶, относящегося к старшей ветви православия как одного из направлений христианства, причудские староверы тем не менее отделяют себя от приверженцев официальной Православной церкви, называя их или *православными* (35, 36), или *христианами* (34), однако используют эти лексемы двояко (ср. пример 34 с 30):

- (33) *А в Любницах чисто русские живут, у нас почти вси староверы, а тама христиане (Березье, 1970).*

Будучи убежденными в правильности своей старой веры, старообрядцы долгое время запрещали браки с иноверцами, что подтверждает зависимость молодых женщин от воли старших:

- (34) *А бабушка — его мать — была красавица. Она была несчастна за красоту. Кто её хотел <сватал>, были другой веры, православные. Тогда*

⁵ О символической роли корца в доме см. подробнее [Паликова 2013: 222].

⁶ Напомним, что свои течения есть и в рамках старообрядчества.

строго было: родители не отдали, замну́ли её. А она хотела за этого, какой приехал за ней с России, они были российскийские, а мы были красногорские <от Красные Горы, ныне Калласте> (Воронья, 2003).

Однако со временем жесткие правила были смягчены, и в наше время ни для женщин, ни для мужчин строгих запретов на межконфессиональные браки нет. Правда, в проанализированных текстах есть упоминания о том, что такие браки разрешались в случае крещения в старую веру, но насколько строго это соблюдалось, неясно.

- (35) *Моя соседка ранняя <прежняя, давняя>, яна православная, вышла замуж за старовера (Новая Казепель, 2003).*

Более того, по свидетельствам пожилых женщин, в память об усопшем муже, исповедовавшем новообрядческую веру, староверка порой хранит и его икону в своем божьем углу — под иконой, выполненной по старообрядческому канону. Такой божий угол был показан собирателям в 2014 году.

Любопытно и то, что, будучи русскими, женщины-старообрядки противопоставляют себя не являющимся староверами русским, которые живут как в соседних деревнях (34), так и на территории России (37, 39). Особенно это свойственно жителям Пийриссаара, которые вообще отделяют себя от населения и западного, и восточного берега Чудского озера, что ярко проявляется как в используемых островитянами географических номинациях [Паликова 2012: 160–161], так и в иной лексике:

- (36) *<Тех, кто из России, русманами называют?> Называют, и сейчас называют. Это плохого нет ничего. Русма́ны — с России, аль российскийские, аль как? Как называть? Русма́ны, аль русские, аль... Я эти за оскорбление не считала сама. Они сами, приезжали всегда в магазин (в меня там подруг столько в каждой дяревни!) — идут: „Ну, Варенька, русма́ны мы приехали. Грей чай!“ Я говорю: „Заходите, русма́ны, заходите, чай готов“ (Желачек, 2009).*

Однако названное противопоставление не мешает старообрядкам причислять себя к русским, то есть в случае использования данной лексемы также наблюдается неоднозначность:

- (37) *В выходные что день <каждый день> служба идет. Ведь в русских праздников много. И батюшка е. Теперь яму тоже под девяносто год уже, а всё еще ходит в моленну (Воронья, 2003).*

Информанты проводят черту не только между своим и чужим миром, но и своей и чужой языковой культурой:

- (38) С Подборовья у нас приезжали сюда выменивать „цасечка на цасечку”. Называлось так: „цасечка лучку — цасечка ягод” или „цасечка лучку, а я вам парочку носочков”. И вот они говорят: „Ой, как-то у вас в деревне говорят необразованно: пришовши, ушовши!” Это у нас на -вши говорили старики. „А как у вас, образованных, говорят?” — „А у нас: пришодцы, ушодцы”. **Это русманское было, с той стороны.** Вот это жизненный анекдот! (Желачек, 2009).

В то же время языковая рефлексия в диалектных текстах отражается и в некотором умалении староверками своей языковой культуры, что означает осознание себя носителями уходящих реалий и языка:

- (39) Сейчас публика стала грамотная (Березье, 1970).

Поскольку национальный ландшафт Западного Причудья определяет необходимость общения и с иноязычным населением, то в диалектных записях проявляются также отношения с его представителями:

- (40) Тут ещё одна эстоночка — яна таперь умерши — ещё ростила цигорий <цикорий>, так у меня ещё было от ей взято сямьян (Воронья, 2003).

Тем самым оппозиция *свое-чужое*, органично входя в картину мира женщины-старообрядки, в быту проявляется разнонаправленно. При этом случаи двойственного осмысления ряда понятий (ср. примеры 30, 34 – 39), думается, можно расценивать как проявление амбивалентности мировоззрения староверок.

5. Трудовые занятия женщин-старообрядок

Религиозные устои староверов предопределяют уважительное отношение к любой работе, ибо для представителей Древлеправославия упорный труд является и обязательным элементом жизни, и способом адаптации к географическим и социальным условиям проживания в иноязычной, инокультурной, иноконфессиональной среде, и путем спасения души [подробнее о языковом отражении идеи *труд* см.: Щаднева, Паликова 2011; Щаднева, Паликова 2012].

Поскольку отцы и мужья часто подолгу отсутствовали, занимаясь отхожими промыслами для обеспечения семьи, то все домашнее хозяйство ло-

жились на плечи женщин. А это значит, что в сфере домашнего производства староверка была вполне самостоятельна в принятии решений. Особенности почвы западного Причудья привели к созданию рациональной системы выращивания качественного лука: на высоких грядках с весьма глубокими междурядьями. Так как огородом занимаются в первую очередь женщины, то не исключено, что именно они придумали и высокие грядки, и размещение в междурядьях сорной травы, которая становится компостом для грядок следующего года, ибо их выкапывают по линиям междурядий предыдущего года:

- (41) По центру оставляют полоску такую гряды, а это всё <края грядки> распускают в междугрядок, и останется такой гребень. И вот по этому гребню копают новый междугрядок на следующую весну. <...> И между этими двумя гребнями расстилали навоз. Что когда весной снова копают гряды, этот навоз закрывается землёй. Именно сюда сажают лук, и он за счёт навоза питается (Новая Казепель, 2008).

Лук, ставший важной статьёй дохода староверов, женщины после сушки сплетают в косы, развешивают на стойках около дворов и продают прямо на деревенской улице. В наше время старообрядки занимаются и предпринимательством, например, в деревне Кольки есть рыбно-луковый ресторан старообрядческой кухни, в котором подают блюда, приготовленные по старинным рецептам. Иными словами, женщины не только обеспечивают быт большой семьи, но и создают материальную культуру.

Женщины-староверки не гнушаются никаким трудом и работают, по их словам, «по-лошадиному», а в случае необходимости выполнят и тяжёлую мужскую работу вне дома:

- (42) Мужики уедут, так бабы тогда ещё и на озеро, ещё рыбы поймут (Воронья, 2003).
- (43) У меня бабушка работала, будары <большие парусные или моторные лодки для перевозки дров> разгружала. Они дрова возили (Новая Казепель, 2008).

Тем самым в труде женщины и мужчины отчасти равны, что также характеризует картину мира старообрядки. Тем не менее ее основные трудовые обязанности связаны с внутренним пространством своего дома и хозяйства.

6. Речь женщин-старообрядок

Хотя специфика женской речи уже затрагивалась в ходе обсуждения отдельных концептов, следует остановиться еще на некоторых значимых для картины мира старообрядки ярких языковых особенностях, не отраженных в предыдущих частях статьи.

Играя важную роль в религиозной жизни общины, в первую очередь именно женщины становятся хранительницами богатой религиозной лексики. Впрочем, староверки сохраняют и традиционные бытовые слова, прежде всего, связанные с разными видами труда, ибо активно работают до глубокой старости. Поэтому неудивительно, что в рассказах старообрядок немало паремий о поощряемом ими труде и отвергаемой лени:

- (44) Пусть <она> полет. **Работа, говорю, не спортит никого** (София, 2009).
- (45) Такой лян^ой, такой лян^ой — **слать не дошл^еся, и пошл^ешь — не дож-д^еся** (Новая Казепель, 2008).
- (46) **Легко смолить да к стенам становить** <рассуждать со стороны, что сделал бы лучше> (Желачек, 2010).

Существенно и то, что женщины (впрочем, как и мужчины) приучают детей соблюдать моральные нормы поведения не только своим примером, но и весьма яркими по языку наставлениями:

- (47) <Из рассказа о небезобидной шалости в отношении продавца магазина: дети заблокировали дверь ледяной горкой.> **На всю жизнь было — уходим куда-нибудь, а мама: „Честь и совесть терять нельзя. Она должна быть всегда с собой”** (Желачек, 2009).
- (48) **Я и в клирос ходила, я и училась, я и говорю, что доброе дело — паче молить молитва, и без дел вера мертва. Молись — хоть лоб разбей, но не сделай плохо** (Муствез, 2003).

Особо отметим, что староверок отличает философское отношение к действительности и образность языкового выражения, что проявляется и в паремиях, отражающих идею *свой-чужой*:

- (49) **Трём кускам не наелась, четвёртым подавлюсь** <ответ пожилой староверки на вопрос о выходе замуж в четвертый раз> (Кольки, 2014).
- (50) **Бог леса не сравнял** <нельзя сравнивать молодых и старых> (Кольки, 2014).

Хотя, судя по речи староверок, их языковые оценки в основном достаточно сдержанны, обращает на себя внимание склонность женщин употреблять

(обычно в бытовых ситуациях) слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (подобные примеры есть и в предыдущих частях данной статьи):

- (51) *Немножко водичкой помочишь, опять месишь <тесто> Вымесишь, тогда постоит час-два, оно поднимется* (Варнья, 2003).
- (52) *Мама: „Ай-ай-ай, опять греховонники бегают там возле смолы! Давайте масельцем“. И вот масельцем старшие дети или она сама нам начинала, коровьим, а оно тогда сходило. И потом ваткой или тряпочкой оттирали нам тело <...>* (Желачек, 2010).

По причине нацеленности на гендерную проблематику, автор не ставил задачу охватить все проявления оппозиции *свой-чужой*, которая находит отражение и в географических представлениях [подробнее об этом: Паликова 2012: 160–161]. Тем не менее проведенный анализ показывает, что идея *свой-чужой* многообразно проявляясь в рамках разных концептов, тесно связана с гендерным аспектом, который прослеживается как в содержании рассказов староверок, так и в рациональных (*Работа не спорит никого*), модально-рациональных (*Не должна быть утварь мужска на жане*) и эмоциональных оценках (образных высказываниях, поговорок: *Корова не свекрова*).

7. Заключение

Языковую картину мира староверки отличает связанное с памятью о прошлом соблюдение прежних конфессиональных канонов, которые определяют тесное переплетение *религиозного* начала с концептами *семья, дом, труд*. Поэтому при обсуждении гендерной проблематики вопрос о конфессиональной принадлежности не является праздным: без учета гендерного параметра картина старообрядческой культуры будет неполной. В рассказах староверок о прошлом и настоящем отражаются как прежние консервативные нормы, так и определенное сужение их действия и в религиозной жизни, и в гендерных отношениях.

Хотя замкнутость и необщительность староверок не более чем результат незнания, очевидно, что в старообрядческом мировоззрении своеобразно совмещаются идеи *подчиненности* и *равноправности* женщин. С одной стороны, изменение гендерного состава духовных наставников, повышающее статус женщины, выполнение женщинами даже тяжелой мужской работы говорят о равноправии полов. С другой стороны, в первую очередь именно женщины стоят на страже консервативных норм,

подчеркивая в своей речи гендерные различия и создавая свое приватное пространство в доме, в общении, в женской обрядовости, и тем самым разграничивая *свое* и *чужое*. Эта оппозиция отражается в рассказах весьма многопланово: как своя-чужая конфессия, сакральное и светское в быту, своё-чужое в отношениях старших и младших и, конечно же, мужчин и женщин.

Проводившееся в ходе отбора и анализа диалектного материала имплицитное сопоставление женских записей с мужскими и представленный в статье корпус примеров позволяют говорить о том, что языковую картину мира женщины-старообрядки целесообразно рассматривать не только с точки зрения ее роли в общине и в семье, но и с точки зрения пространства: внутреннего, преимущественно «женского» (обряды, дом, работа в доме и около него и пр.) и внешнего, преимущественно «мужского» (работа вне дома, долговременные отъезды и пр.). Однако связь гендерного аспекта с пространственным заслуживает отдельного детального рассмотрения.

Литература

МСРСГП 1963 — В. Н. Немченко, А. И. Сеница, Т. Ф. Мурникова. *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*. Рига. 362 с.

Очерки I 2004 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии I*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus.

Очерки II 2007 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии II. Humaniora. Lingua Russica. Лингвистика X*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus.

Очерки III 2012 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III. Acta Slavica Estonica I. Лингвистика XV*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus.

Паликова О. Н. 2012 — Отражение географических представлений жителей острова Пийриссаар в их лексике и фольклоре. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III. Acta Slavica Estonica I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus. С. 160–168.

Паликова О. Н. 2013 — «Без хозяина дом – сирота» (о сакральном и мирском в доме староверов Западного Причудья). *Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сборник статей к XV Междунар. съезду славистов*. Отв. ред. А. Л. Касаткин. Москва: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. С. 213–229.

СГСЭ 2008 — О. Н. Паликова, О. Г. Ровнова. *Словарь говора староверов Эстонии*. Тарту. 160 с.

Щаднева В. П., Паликова О. Н. 2011 — Труд в системе социально-религиозных представлений староверов западного Причудья (на материале говора). *Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков. Humaniora. Slavica Tartuensia IX*. Отв. ред. А. Д. Дуличенко. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus. С. 376–389.

Щаднева В. П., Паликова О. Н. 2012 — Трудовые занятия старожилов острова Пийриссар: лингвистический и культурологический аспект. *Acta Slavica Estonica I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus. С. 123–140.

Щаднева В. П. 2016 — Темпоральные средства в языковой картине мира староверов Эстонии. *Русистика и современность. 18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей*. Ред.: Э. Архангельская, Л. Игнатьева. Рига: Балтийская международная академия, 2016. С. 594–600.

II.

СВОЕ – ЧУЖОЕ В ПЕРЕВОДЕ
И ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ ОБЪЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭСТОНСКИХ ГЛАГОЛОВ¹

Н. ВАЙСС, Е. КАЛЛАС, Х. МЕТСЛАНГ

Введение

Каждый язык имеет свою грамматическую структуру, детальное описание которой подчас становится непростой задачей для лингвистов. Многие исследователи признают, что для иностранцев, изучающих русский язык, одной из наиболее сложных тем является глагольный вид. Носитель русского языка, не задумываясь, говорит: «Я позвоню» или «Вам помочь?», тогда как иностранцу, чтобы правильно применять глаголы совершенного или несовершенного вида, необходимо выучить и держать в уме десяток правил, разбираться в нюансах стиля и использования видовременных форм, а также знать, какого вида тот или иной глагол, является ли он парным, одно- или двувидовым.

При изучении эстонского языка как неродного учащиеся сталкиваются с подобными выбором глагольного вида проблемами. А именно, они часто испытывают трудности с выбором падежа объекта, поскольку для этого им необходимо учесть многочисленные правила и целый ряд семантических нюансов. Даже у учащихся, владеющих эстонским на уровне С1, нередко ошибки в объектном управлении [Pool, Vaimann 2006: 210].

Помимо того, что глагольный вид и падеж объекта являются одними из наиболее сложных тем грамматики русского и эстонского языка, их объединяет ещё и то, что они являются наиболее регулярными способами выражения аспектуальности.

¹ Работа выполняется при поддержке базово-финансируемого проекта Тартуского университета «Эстонский язык в Балтийском ареале: банк данных и приложения».

1. Выражение аспектуальности в русском и эстонском языках

Универсальная семантическая категория аспектуальности выражает характер протекания и распределения действия во времени и представляет собой внутреннее время действия, отражая отношение действия к его внутреннему пределу. Аспектуальность тесно связана с категориями модальности (главным образом, с коммуникативной целью высказывания), темпоральности (внешним временем), временной локализованности (типом соотношения внутреннего и внешнего времени), таксиса (соотношением действий во времени). В число аспектуальных значений входят целостность / нецелостность, предельность / непредельность, законченность / незаконченность, результативность / иррезультативность, локализованность / нелокализованность действия во времени, процессность, повторяемость, вневременность действия, начало, продолжение и окончание действия, многоактное и одноактное действие, интенсивность действия и ряд других способов протекания и распределения действия во времени [Бондарко 2001: 76–83; Бондарко 2005: 225–229].

Существуют разные способы выражения аспектуальности: морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексико-грамматические, лексические и их разнообразные сочетания. Некоторые из этих средств являются в языке основными (они образуют ядро семантической категории аспекта), другие вспомогательными [Бондарко 2001: 76; ср. Dahl 1985: 18–23].

В русском языке к средствам выражения аспектуальных значений относят [например Эслон, Пихлак 1993: 9–14; Кюльмоя 1998]:

- глагольный вид и способы его образования (деривацию, супплетивность, ударение, чередование гласных и согласных);
- способы действия;
- предельные / непредельные глаголы;
- временные формы глагола;
- неглагольные лексические средства (*вдруг, внезапно, долго, постоянно* и пр.);
- синтаксические средства (например некоторые союзы в сложных предложениях: *как бы не ... , чтобы не ...*);
- редупликацию (*всё бежит и бежит*);
- семантическое значение глагола (*выталкивать – повыталкивать*);
- контекстуальное значение высказывания.

В эстонском языке способами выражения аспектуальности являются [ЕКГ II 1993: 24–26; ЕКК 2007: 404–409; Erelt 2013: 70–77; Vaiss 2004: 14–40]:

- варьирование падежа объекта;
- префиксальные наречия (*ära, läbi, valmis*);
- временные формы;
- способы действия, выражающиеся главным образом с помощью фазовых глаголов и перифрастических конструкций (*puhkes nutma* ‘расплакался’; *hakkas kõnelema* ‘заговорил’; *lakkas armastamast* ‘разлюбил’);
- суффиксальное образование одноактных и фреквентативных глаголов (суффиксы: *-ahta-, -ata-, -le-, -skle-, -i-, -tse-*);
- редупликация (*jookseb ja jookseb* ‘всё бежит и бежит’; *päevad lähevad üha pikemaks ja pikemaks* ‘дни становятся всё длиннее и длиннее’);
- неглагольные лексические средства (*äkki* ‘вдруг’; *aeglaselt* ‘медленно’; *kauia* ‘долго’; *kaks tundi* ‘два часа’; *kahe tunniga* ‘за два часа’);
- лексическое значение глагола (ср. *tagama* ‘спать’ – *ärkama* ‘просыпаться / проснуться’, *otsima* ‘искать’ – *leidma* ‘находить / найти’);
- контекстуальное значение высказывания.

При этом ядро семантической категории аспектуальности в русском языке составляет морфологическая категория глагольного вида, а в эстонском языке — падеж объекта и префиксальные наречия.

Однако выражение фундаментальных аспектуальных значений с помощью форм падежа объекта в эстонском языке имеет целый ряд ограничений. Так, варьирование объектного падежа является основным средством выражения аспектуальности лишь в утвердительном предложении с финитным транзитивным глаголом и целостным, конкретным объектом при условии использования т. н. аспектного глагола, способного сочетаться как с партитивным, так и с генитивным / номинативным объектом (примеры 1–2). Остальные языковые средства чаще всего служат лишь для уточнения основного аспектуального значения.

- (1) *Мальчик ел суп (полчаса).* — *Poiss sõi suppi (pool tundi).* (объект в партитиве указывает на незаконченность действия).

- (2) *Мальчик съел суп (за полчаса).* — *Poiss söi supi (poole tunniga) (ära).* (объект в генитиве указывает на законченность действия).

Поскольку в отрицательном предложении, а также в случаях нецелостного, часто неисчислимого объекта и наличия в предложении т. н. партитивного глагола всегда используется партитивный объект вне зависимости от других факторов, аспектуальность выражается, так же, как и в предложениях с интранзитивными глаголами, с помощью префиксальных наречий, временной формы, а также лексического значения глагола, контекста и других упомянутых ранее языковых средств (примеры 3–7).

- (3) *Мальчик не ел суп.* — *Poiss ei söönud suppi.* (на отсутствие действия указывает отрицательная форма глагола без префиксального наречия *ära*)
- (4) *Мальчик не съел суп.* — *Poiss ei söönud suppi ära.* (на отсутствие результата действия указывает отрицательная форма глагола с префиксальным наречием *ära*)
- (5) *Брат принёс мне яблок.* — *Vend tõi mulle õunu.* (форма простого прошедшего времени указывает на законченное, результативное действие)
- (6) *Ученик повторяет пройденное.* — *Õpilane kordab õpitud.* (настоящее время партитивного глагола указывает на процессность действия)
- (7) *Спортсмен повторил рекорд Эстонии в беге на 100 метров.* — *Sportlane kordas 100 meetri jooksus Eesti rekordit.* (форма простого прошедшего времени партитивного глагола и контекст указывают на законченность и результативность действия)

Таким образом, применяемое в методике преподавания эстонского на базе русского соответствие совершенного вида глагола объекту в генитиве / номинативе и несовершенного вида глагола объекту в партитиве имеет место лишь при соблюдении целого ряда условий: 1) предложение утвердительное, 2) объект целостный и конкретный, 3) глагол не является партитивным. Данное соответствие может не работать в случае причастных и деепричастных оборотов, инфинитных конструкций, а также если в роли объекта выступают возвратные, относительные и некоторые личные местоимения, поскольку в этих случаях действуют особые правила выбора падежной формы объекта [EKG II 1993: 53, 248; Erelt 2000: 383; Ogren 2015]. Несоответствие наблюдается также в случаях исторического настоящего времени и описательного характера предельной повторяющейся или продолжительной во времени ситуации [Vaiss 2002: 61–62, 88; Metslang

2016: 14], если результат действия считается «временным» и если говорящий желает выразить сомнение [EKG II 1993: 52; Metslang 2016: 11, 14–15].

Несмотря на это, указанное соответствие всё же помогает учащимся с русским родным языком выбирать правильный падеж объекта. Для этого необходимо знать правила, исключения из правил и то, к какой группе относится глагол.

Есть несколько точек зрения на то, на какие группы делятся эстонские транзитивные глаголы. Традиционно их делят на аспектные (могут употребляться со всеми тремя падежами объекта) и партитивные (сочетаются только с партитивом) [EKG II 1993: 49–50]. Некоторые исследователи выделяют ещё один тип глаголов, называя его: партитивные глаголы с двойным объектным управлением [Rätsep 1978], «мягкие» партитивные глаголы (как противопоставление «жестким» партитивным глаголам) [Klaas 1999], «потенциально аспектные» партитивные глаголы [Vaiss 2014] и т. п. Партитивные глаголы этого типа способны сочетаться с генитивным / номинативным объектом при добавлении некоторых конкретизирующих языковых средств, выражающих значение предельности действия [Rätsep 1978: 221–224; Pool 2007: 29–30; Vaiss 2014: 68–70]. Например:

- (8) *Naine lükkab vankrit.* ‘Женщина толкает коляску.’ — *Me lükkasime kappi / kapi teise seina juurde.* ‘Мы двигали / передвинули шкаф к другой стене.’
- (9) *Karu ehmatas naist.* ‘Медведь напугал женщину.’ — *Karu ehmatas naise poolsurnuks.* ‘Медведь напугал женщину до полусмерти.’

В отдельную группу выделяют также перфективные глаголы, сочетающиеся, как правило, с генитивным / номинативным объектом и указывающие на законченное, результативное действие: *ammendama* ‘исчерпывать/ исчерпать’, *andestama* ‘прощать/ простить’, *kaotama* ‘терять / потерять’, *leidma* ‘находить / найти’ и др. [EKG II 1993: 51; Metslang 2003: 127; Sulkala 1996: 188]. Однако в некоторых имперфективных контекстах такие глаголы могут сочетаться и с партитивом, например, при повторяющемся действии:

- (10) *Poiss kaotab pidevalt oma asju.* — ‘Мальчик постоянно теряет свои вещи’.

Поэтому абсолютно перфективными часто можно считать лишь перифрастические глаголы с перфективными префиксальными наречиями, например: *läbi lugema* ‘прочитать’; *ära tegema* ‘сделать’ и т. п. [EKG II 1993: 51].

Таким образом, обычно выделяется от двух до четырех типов транзитивных глаголов: 1) аспектные, 2) партитивные, 3) перфективные, 4) парти-

тивные глаголы с двойным объектным управлением. При этом исследователи могут отходить от общепринятых терминов и давать группам свои названия [см., например: Tauli 1980: 51–52; Metslang 2016: 7].

Н. Вайсс [2004: 63–64] выделяет пять моделей объектного управления и выражения аспектуальности:

1. аспектные глаголы или значения глаголов (могут сочетаться со всеми падежами объекта и в зависимости от выбранного падежа выражать законченное или незаконченное действие), например *kirjutama* ‘писать / написать’, *ehitama* ‘строить / построить’;
2. партитивные глаголы или значения глаголов (сочетаются лишь с партитивным объектом, при этом могут выражать как незаконченное, так и законченное действие), например *alustama* ‘начинать / начать’, *näitama* ‘показывать / показать’;
3. потенциально аспектные партитивные глаголы или значения глаголов (обычно сочетаются с партитивным объектом, но при добавлении перфектизирующих языковых средств могут сочетаться также с генитивным / номинативным объектом; могут выражать как законченное, так и незаконченное действие), например *lükkaama* ‘толкать / толкнуть’, *ehmatama* ‘пугать / испугать’;
4. перфективные глаголы или значения глаголов (требуют после себя генитива / номинатива как падежа объекта и выражают законченное действие), например *läbi lugema* ‘прочитать’; *ära tegema* ‘сделать’;
5. потенциально аспектные перфективные глаголы или значения глаголов (обычно сочетаются с генитивным / номинативным объектом и выражают законченное действие, но в определенных имперфективных контекстах могут сочетаться и с партитивным объектом и выражать незаконченное действие), например *kaotama* ‘терять / потерять’.

Данный подход с небольшими изменениями был взят за основу учебного словаря объектного управления. Было решено, что глаголы или их значения будут делиться на три основные группы: 1) аспектные (ASP), 2) партитивные (PART) и 3) перфективные (PERF). Потенциально аспектные партитивные и перфективные глаголы или значения глаголов было решено отнести к аспектным и маркировать при помощи пометы *hrl* ‘обычно’,

то есть обычно партитивные и обычно перфективные (ASP: hrl PART, ASP: hrl PERF).

2. Объектное управление в ранее изданных учебных словарях эстонского языка

Традиция составления словарей управления эстонского языка восходит корнями к началу XX века. Пособия по управлению различными частями речи эстонского языка издавались в форме отдельных списков слов [Käbin, Pekarsky 1923], как отдельные учебные пособия [Rajamaa 1936] или как часть учебников и грамматик эстонского языка [Aavik 1936]. Во второй половине XX века управление глаголов традиционно оставалось частью учебников и грамматик эстонского языка [например Vääri 1969: 91–92; Tauli 1980: 330–339; Erelt 2006: 35–40, ЕКК 2007: 498–503]. Однако появляются и первые отдельные словари управления, целевой группой которых являются как эстонцы, так и изучающие эстонский язык как иностранный [например: Mäearu 2011; Pool 1999; PSV 2014]. При этом важно отметить, что в этих словарях эксплицитно указывается только на аспектные и партитивные глаголы. Аспектные глаголы маркируются при помощи вопросов номинатива / генитива / партитива, например: *mis / mille / mida* ‘что / чего / что’ (пример 11) или сокращения О (объект) (пример 12):

- (11) **allutama** > *mis / mille / mida millele: Töörühm allutati teisele osakonnale. Kas poliitika tuleks allutada eetikale?* [Mäearu 2011: 6];
- (12) **allutama** О + *kellele? millele? Mees allutas naise oma tahte* [Pool 1999: 12].

Глаголы, традиционно относящиеся к партитивным, маркируются, как правило, при помощи вопросов партитива *keda-mida* ‘кого-что’). Например, на рисунке 1 приводится статья глагола *aitama* ‘помогать / помочь’ в «Базовом словаре эстонского языка»² [PSV 2014].

² Электронная версия словаря см. <http://www.eki.ee/dict/psv/> (1.05.16)

aitama tegusõna (aitama , aidata , `aitab , aidatud)

1. kellelegi midagi kasulikku tegema, abiks olema **SAMA MIS abistama**

- **keda-mida** Õpetaja aitab õpilast. Kuidas ma sind aidata saaksin?
- **kellel + mida teha** Aitasin sõbral korterit remontida.

2. sõna, millega ütleme, et mingi tegevus tuleb lõpetada

Aitab küll, ära rohkem soola pane.

- **millest** Aitab rääkimisest, hakkame tegutsema!

Рис.1. Статья глагола *aitama* 'помогать / помочь' в «Базовом словаре эстонского языка».

Такой подход вполне оправдан, когда речь идёт о пользователях, изучающих эстонский язык на начальном уровне. Однако методически целесообразно показать эксплицитно и те случаи, когда глагол является перфективным или аспектным, а также указать на случаи, когда глагол является преимущественно партитивным или перфективным.

Такую возможность даёт подход, взятый за основу при разработке словаря объектного управления эстонских глаголов.

3. Составление учебного словаря объектного управления эстонских глаголов

Отбор словарного материала (заглавные слова, лексические колокааты, иллюстративные предложения) был осуществлён при помощи программы Sketch Engine³ [Kilgarriff и др. 2004] на основе корпусного анализа. Главными функциями программы Sketch Engine является статистическая обработка текстовых материалов, автоматическое извлечение лексикографических данных, создание и сравнение языковых корпусов. В Эстонии программа успешно применяется при составлении различных словарей [Langemets и др. 2010; Kallas 2014; Kallas 2015]. На данный момент в Sketch Engine можно осуществлять анализ самого крупного на сегодняшний день Национального корпуса эстонского языка (Estonian National Corpus⁴), объём которого составляет 460 миллионов слов. Корпус содержит девять подкорпусов, что позволяет анализировать лексикограмматические характеристики глаголов в разных типах текстов. В корпусе отдельно представлены тексты художественной литературы, научные

³ <https://www.sketchengine.co.uk/> (01.05.2016)

⁴ <https://the.sketchengine.co.uk/auth/corpora/> (01.05.2016)

и научно-популярные тексты, газетная публицистика, официально-деловые и бытовые тексты.

При работе над составлением словаря в основном используются такие функции программы Sketch Engine как WordList (позволяет автоматически генерировать списки слов на основе частотности), Concordances (позволяет осуществлять анализ лексико-грамматического поведения слов и делать выбор иллюстративных предложений на основе конкордансов) и WordSketch (позволяет на основе формализованной грамматики автоматически распознавать коллокации того или иного слова, например находить существительные, которые выступают в функции субъекта или объекта при определённом глаголе).

В настоящей статье мы отдельно рассмотрим следующие этапы составления словаря: 1) отбор словника; 2) создание банка данных транзитивных глаголов эстонского языка; 3) разработка концепции структуры словарной статьи.

3.1. Отбор словника словаря

Основной словник словаря состоит из 500 наиболее частотных транзитивных глаголов эстонского языка. Словник был составлен на основе списка 1000 самых частотных глаголов, автоматически генерированного на базе Эстонского национального корпуса при помощи функции Sketch Engine Word List. Из первоначального списка были выбраны все глаголы, которые являются транзитивными хотя бы в одном из своих значений, например *aitama* 'помогать / помочь', *kavatsema (kurja)* 'замышлять / замыслить (зло)'. При составлении словаря в словник добавляются также наиболее частотные перифрастические глаголы, например *järele aitama* 'помогать / помочь (с уроками)', *selga aitama* 'помогать / помочь надеть (пальто, свитер)'; *ette kavatsema* 'планировать / спланировать'.

3.2. Создание банка данных транзитивных глаголов эстонского языка

Необходимым предварительным условием для составления словаря стало создание банка данных транзитивных глаголов эстонского языка, на основе которого можно осуществлять анализ объектного управления каждого отдельно взятого глагола, а также делать обобщающие выводы о моделях объектного управления эстонских глаголов в целом.

Создание банка данных осуществляется в два этапа. На первом этапе производится анализ конкордансов (рис. 2.), в результате которого происходит отбор подходящих для банка данных предложений.

При этом при составлении банка данных интерес представляют не только наиболее частотные модели объектного управления, например *aitama keda-mida* 'помогать / помочь кому-чему', но и менее частотные, например *aitama kes / kelle / keda — mis / mille / mida + (kust), kihi, mida tegema* 'помогать / помочь кому-чему + (откуда), куда, что делать':

- (1) *Mees aidati (tugitoolist) diivanile puhkama* — 'Мужчине помогли переместиться (из кресла) на диван, чтобы он мог отдохнуть'.

На втором этапе анализируются объектные коллокации глаголов при помощи функции программы Sketch Engine Word Sketch [см. Kallas 2013]. Такой анализ особенно помогает при исследовании лексической сочетаемости обычно интранзитивных глаголов, например *jalutama* 'гулять', *helistama* 'звонить / позвонить', *kavatsema* 'собираться / собраться', ср. *koera jalutama* 'выгуливать / выгулять собаку', *kellukest helistama* 'звонить / позвонить в колокольчик', *halba kavatsema* 'замышлять / замыслить зло'. На рисунке 3 показаны наиболее частотные существительные, выступающие в роли объекта при глаголе *helistama* 'звонить / позвонить': *kella helistama* 'звонить / позвонить в звонок' (количество употреблений — 77), *uksekella helistama* 'звонить / позвонить в дверной звонок' (количество употреблений — 52) и т. д.

Sketch Engine		
Home		
Concordance		
Word list		
Word sketch		
Thesaurus		
Sketch diff		
Corpus info		
My jobs		
User guide		
helistama		
object		
	673	5.10
kell	77	3.01
uksekell	52	9.46
kirikukell	21	8.29
kelluke	16	8.03

Рис. 3. Автоматическое извлечение коллокаций из корпусных данных

Sketch Engine

Home Search Word list Word sketch Thesaurus Sketch diff Corpus info My jobs User guide

GDEX 5,270 (9.36 per million)

Page 1 of 264 Go flexe | Last

etTenTen /... <> Meeskond aitab noori sõprussuhete loomisel , probleemide arutamisel ja lahendusteede otsimisel . </s>
 EstonianRC... <> Õpi hästi , kuula isist ja emmet , aita hädsasolijaid . </s>
 etTenTen /... <> Pole vaja õiendada , ka stativ ei aita vähikut . </s>
 etTenTen /... <> See aitab asju teisest vaatevinklist näha ja pakub väga vajalikku vaheldust . </s>
 EstonianRC... <> Hendle andmete kirjapanemisel aitab inimest vajaduse korral ka postitootaja . </s>
 EstonianRC... <> Legendi järgi oli Nikolaus imetegija , kes aitas vaeseid ja õnnetuid . </s>
 etTenTen /... <> See on palk , kus Jumal aitab inimesi inimeste kaudu . </s>
 etTenTen /... <> Milles võib põhjus olla ja kuidas aidata last ? </s>
 etTenTen /... <> Mitmed tööriistad aitavad kulusid kontrolli all hoida , näiteks saab piirata juurdepääsu teatud funktsioonidele . </s>
 etTenTen /... <> Väga olulised on rituaalid , mis aitavad reaalsust omaks võtta ja raskusi üle elada . </s>
 EstonianRC... <> See talendus aitaks seadust Euroopa nõuetega vastavusse viia . </s>
 EstonianRC... <> Nii on ruumi ka väikepoodidele , kus kliente teatakse nimepidi ning aidatakse kaupa autosse viia . </s>
 etTenTen /... <> Ma olen kindel , et iga Kiriku liige tahab teisi teenida ja aidata abivajajaid . </s>
 EstonianRC... <> Mida tuleb siis teha , kuidas aidata last ? " põhjendas ta koolituse vajalikkust . </s>
 EstonianRC... <> Tore , kui leiad sellise sponsori , kes aitab projekte ellu viia , kes saab ideest aru . </s>
 etTenTen /... <> Suurväli ütles , et nad tegid ka esialgsed arutused , mis aitavad väheselegi määral hinnata kahju suurust . </s>
 etTenTen /... <> Teeb endale ukse lahti ise ja aitab endale palitu selga ise . </s>
 EstonianRC... <> Päästjad aitavad masina teele , juht õnnetuses kannatada ei saanud . </s>
 EstonianRC... <> Raja kõrval seisnud kohtunikud aitasid neiu puhkama . </s>

Save Make sub-corpus View options KWIC Sentence Sort Left Right Node References Shuffle Sample Edit

Рис.2. Конкорданс глагола 'aitama' 'помогать / помочь'

Результаты корпусного анализа извлекаются из системы Sketch Engine и заносятся в систему составления словарей EELex⁵ [Langemets jt 2006], которая была разработана специалистами Института эстонского языка. В настоящий момент EELex содержит более 60 словарей. Система позволяет как составлять, так и редактировать и верстать словари. Для облегчения работы предлагаются разнообразные инструменты, например: автоматическая проверка перекрестных ссылок, групповая правка по всему словарю, генерирование данных эстонской морфологии, оформление внешнего вида сверстанной версии, экспорт словарного текста в Word и др. Всё содержимое EELex представляет собой файлы XML-данных. При этом для каждого словаря создается уникальная XML-схема. Такой формат позволяет легко извлекать из базы данных необходимую информацию, а также публиковать её в Интернете.

3.3. Структура словарной статьи

Статья словаря объектного управления включает в себя:

1. заголовочное слово;
2. основные морфологические формы (формы *ma-* и *da* инфинитива, форма 3-го лица настоящего времени изъявительного наклонения и причастие на *-tud*);
3. при необходимости информация о переходности глагола (например *helistama* — *hrl intr* ‘звонить / позвонить’ — обычно интранзитивный);
4. тип глагола согласно его объектному управлению (партитивный, аспектный, перфективный);
5. модель объектного управления (вопросы *keida* — *mida* для партитивных глаголов, *kes / kelle* — *mis / mille* для перфективных глаголов, *kes / kelle / keida* — *mis / mille / mida* для аспектных глаголов);
6. при необходимости наиболее типичные коллокации, выступающие в роли объекта (как правило, в случае глаголов, более частотных в качестве интранзитивных, например *helistama* ‘звонить / позвонить’);
7. иллюстративные предложения;

⁵ <https://eelix.eki.ee/> (01.05.2016)

8. при необходимости список частотных перифрастических глаголов, содержащих словарную единицу, например *helistama* ‘звонить / позвонить’ — *läbi helistama* ‘обзванивать / обзвонить’.

В случае глаголов с несколькими моделями управления все модели представляются отдельным блоком. На рисунке 4 показаны две модели объектного управления глагола *aitama* ‘помогать / помочь’: партитивная (PART) и аспектная: обычно перфективная (ASP: hrl PERF). Тип глагола обозначен как аспектный: обычно партитивный (ASP: hrl PART), поскольку партитивная модель объектного управления является более частотной, чем аспектная.

aitama <aitama, aidata, aitaab, aidatud> ASP: hrl PART

• KEDA / MIDA PART

- Vend *aitab sõpra* autosõiduksamiseks valmistumisel.
- Inimesed *aitasid hättasattunut / hättasattunuid* nõu ja jõuga
- *Aidake* kodutut looma / kodutuid loomi!

• KES-KELLE-KEDA / MIS-MILLE-MIDA + (KUST) ~ Kuhu ~ MIDA TEGEMA
ASP: hrl PERF

- Vanemad *aitavad oma lapsed / oma lapsi iseseisvale elule*
- Arst *aitas mehe diivanile puhkama*
- Palun *aita need taimed valguse kätte!*
- *Aidake* noored / noori õigetele teele!
- Kaas *aidati* puu otsast alla.

⇒

Väljendverbid: *ilmale aitama, jalule aitama, järjele aitama, selga aitama*
 Ühendverbid: *edasi aitama, järjele aitama, püsti aitama, välja aitama*

Рис. 4. Словарная статья глагола *aitama* ‘помогать / помочь’ в словаре объектного управления

Таким образом, пользователь словаря получает подробное описание возможных моделей объектного управления глагола.

Словарь предназначен в первую очередь для пользователей, владеющих эстонским языком на уровне B2–C1, но не исключает возможность его использования учащимися с уровнем владения языком A2–B1.

Заключение

В настоящей статье описаны теоретические основы, структура и этапы создания учебного словаря объектного управления эстонских глаголов.

В основу словаря было взято деление эстонских транзитивных глаголов и их значений на 1) аспектные, 2) партитивные и 3) перфективные. Кроме того, выделяются два переходных типа аспектных глаголов: обычно партитивные и обычно перфективные.

Словарь предоставляет пользователям возможность не только уточнить объектное управление глагола, но и увидеть примеры его использования. Помимо объектного управления, в словарной статье показывается лексическая сочетаемость глаголов с объектами, приводятся иллюстративные предложения и список частотных перифрастических глаголов, которые добавляются в словник как отдельные словарные единицы.

Словарь предназначен для широкого круга пользователей. Однако основная целевая группа — учащиеся, владеющие эстонским языком на уровне B2–C1.

Словарь вносит вклад не только в эстонскую учебную лексикографию, но и в развитие методики преподавания эстонского языка как неродного, так как позволяет более полно описать объектное управление и создать принципиально новые учебные материалы. В будущем словарь может стать частью более обширного словаря управления глаголов эстонского языка.

Литература

- Бондарко А. В. 2001 — *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. Москва: УРСС.
- Бондарко А. В. 2005 — *Теория морфологических категорий и аспектологические исследования*. Москва: Языки славянских культур.
- Кюльмоя И. П. 1998 — Конструктивная обусловленность видовременных форм глагола в сложных предложениях. *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 248–255.
- Эслон П., Пихлак А. 1993 — *Вид и время (сопоставительный очерк)*. Таллинн.
- Aavik, J. 1936 — *Eesti õigekeelsuse õpik ja grammatika*. Tartu.
- Dahl, Ö. 1985 — *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell.
- EKG II 1993 = Erelt, M.; Kasik, R.; Metslang, H.; Rajandi, H.; Ross, K.; Saari, H.; Tael, K.; Vare, S. 1993. *Eesti keele grammatika II. Süntaks*. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituut.
- EKK 2007 = Erelt, M.; Erelt, T.; Ross, K. 2007 — *Eesti keele käsiraamat*. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus.
- Erelt, M. 2006 — *Lause õigekeelsus. Juhatused ja harjutused*. Tartu.
- Erelt, M. 2013 — *Eesti keele lauseõpetus: Sissejuhatus. Õeldis*. Tartu Ülikooli eesti keele osakond. Tartu.
- Kallas, J. 2013 — *Eesti keele sisuõnade süntagmaatilised suhted korpus- ja õppeleksikograafias*. Humanitaarteaduste dissertatsioonid 32. Tallinn: Tallinna Ülikool.

- Kallas, J.; Koppel, K.; Tuulik, M. 2015 — Korpusleksikograafia uued võimalused eesti keele kollokatsioonisõnastiku näitel. *Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat 11*, 75–94.
- Kilgarriff, A.; Rychly, P.; Smrž, P. & Tugwell, D. 2004 — The Sketch Engine. In: G. Williams, S. Vessier (eds.) *Proceedings of the XI Euralex International Congress*. Lorient: Université de Bretagne Sud, 105–116.
- Klaas, B. 1999 — Dependence of the objekt case on the semantics of the verb in Estonian, Finnish, and Lithuanian. *Estonian Typological Studies III*. Edited by Mati Ereht. Tartu ülikooli eesti keele õppetooli toimetised 11. Tartu, 47–83.
- Käbin, T., Pekarsky, N. 1923 — *Eesti-vene sõnastik grammatiliste vormide näitamisega*. Narva.
- Langemets, M.; Loopmann, A.; Viks, Ü. 2006 — The IEL dictionary management system of Estonian. G.-M. De Schryver (ed.) *DWS 2006: Proceedings of the 20 Fourth International Workshop on Dictionary Writing Systems: Pre-EURALEX workshop: Fourth International Workshop on Dictionary Writing System*. Turin, 5th September 2006. Turin: University of Turin, 11–16.
- Langemets, M.; Tiits, M.; Valdre, T.; Voll, P. 2010 — In spe: ühekõiteline eesti keele sõnaraamat. *Keel ja Kirjandus 11*, 793–810.
- Metslang, H. 2016 — Sihitis. *Eesti keele süntaks*. (*Eesti keele varamu 3.*) Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus. /готовится к публикации/.
- Mäearu, S. 2011 — *Valik rektsioone*. Tartu.
- Ogren, David 2015 — Differential object marking in Estonian: prototypes, variation, and construction-specificity. *SKY Journal of Linguistics*, 28, 277–312.
- Pool, R. 1999 — *Eesti keele verbirektsioone*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
- Pool, R.; Vaimann, E. 2006 — Kivinemisnähtusi vene üliõpilaste kirjalikus eesti keeles. *Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat 2*. Tallinn. 203–217.
- Pool, R. 2007 — *Eesti keele teise keelena omandamise seaduspärasusi täis- ja osasihitise näitel*. *Dissertationes Philologiae Estonicae Universitatis Tartuensis 19*. Tartu: Tartu Ülikool.
- PSV 2014 = Kallas, J.; Tiits, M.; Tuulik, M.; Koppel, K.; Jürviste, M. 2014 — *Eesti keele põhisõnavara sõnastik*. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus.
- Rajamaa, H. 1936 — *Kuidas tarvitada uusi sõnu? Eesti sõnade muuteline sõltuvus*. Tartu.
- Rätsep, H. 1978. — *Eesti keele lihtlausete tüübid*. Tallinn: Valgus.
- Sulkala, H. 1996. — Expression of aspectual meanings in Finnish and Estonian. *Estonian Typological Studies I*. Edited by Mati Ereht. Tartu ülikooli eesti keele õppetooli toimetised 4. Tartu, 165–225.
- Tauli, V. 1980 — *Eesti grammatika II. Lauseõpetus*. Uppsala: Finsk-ugriska isinstitutionen.
- Vaiss, N. 2002 — *Verbi aspektikategooria eesti ja vene keeles*. Balalaureusetöö. Tallinn: Tallinna Pedagoogikaülikool.

Vaiss, N. 2004 — *Eesti keele aspekti väljendusvõimalusi vene keele taustal*. Magistritöö. Tallinn: Tallinna Pedagoogikaülikool.

Vääri, E. 1969 — *Eesti keele õpik keskkoolile*. Tallinn: Valgus.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕЛОВЫХ ТЕКСТОВ)

Е. М. ВЕЛЬМАН-ОМЕЛИНА

В современном мире объём информации, с которым может столкнуться переводчик в ходе выполнения своей посреднической миссии, огромен. Ни одна школа, ни одна образовательная программа не в силах вложить в голову переводчика все гипотетически необходимые ему знания.

И ни одна голова переводчика не способна удержать все знания, которые могут оказаться полезными в практической работе.

Н. К. Гарбовский¹

Переводческая деятельность не является «изолированной» сферой общественного интеллектуального производства. Помимо собственно выбора переводческих решений и языкового оформления текста, при переводе имеют место процессы оценки, размышления о чужом и собственном в переводе, поскольку перевод — это одна из разновидностей межъязыковых контрастов [Кашкин 2010: 201]. Междисциплинарная сущность перевода обуславливает то, что перевод является не только языковым, но и сложным когнитивным явлением. Переводчик в процессе работы руководствуется как собственно лингвистическими соображениями, так и фоновыми знаниями — о ситуациях, в которых будет использоваться перевод, о потенциальных потребителях переводного текста и пр.

Совершенно очевидно, что идея «свой — чужой» проявляется в переводе изначально. Как пишет В. Н. Базылев, «перевод — это всегда приспособление чужого к своему или встраивание своего в чужое, поэтому в нем присутствует совокупность дихотомических влияний, которые либо пре-

¹ [Гарбовский 2012: 38]

пятствуют, либо способствуют переводу» [Базылев 2012: 27]. Цель данного исследования — рассмотреть воплощение концепции «свой – чужой» в эстонско-русском переводе текстов официально-деловой тематики. Работа выполнена на материале перевода деловых текстов разных жанров.

Любой перевод, выполняемый в сфере официально-деловых отношений, должен быть произведен максимально точно и корректно. Специалисты подчеркивают, что «точный перевод — это перевод, в котором эквивалентно воспроизведена предметно-логическая часть содержания оригинала» [Комиссаров 1990: 250], но в то же время «всякого рода попытки перевести дословно тот или иной текст приводят если не к полной непонятности этого текста, то во всяком случае к тяжеловесности и неясности» [Федоров 1983: 131]. Таким образом, переводчику необходимо соблюдать баланс между стремлением к максимальной точности перевода и попытками достичь данной точности с помощью буквального перевода, избегая при этом возможных разночтений.

В тех случаях, когда международная терминология устоялась, и в переводящем и в принимающем языке уже имеются четкие эквиваленты, перевод текстов, которые содержат в себе такие языковые единицы, как правило, не представляет для квалифицированного переводчика проблемы выбора нужного лексического соответствия, так как выбор вариантов ограничен. Однако перевод новой терминологии во время ее становления и закрепления в принимающем языке оказывается весьма сложным. Трудности могут возникать даже при переводе, казалось бы, несложных деловых текстов — таких, как руководства, рекомендации, инструкции, описание деятельности предприятия, социальная и деловая реклама и т. д., потому что в данных случаях важно, чтобы переводной текст «заиграл» так же, как и оригинал, ибо перевод тоже предназначен для помощи в решении частных социальных вопросов, для побуждения к определенным действиям, к сотрудничеству (см., например, издаваемые в Эстонии буклеты Трудовой инспекции, Больничной кассы, Налогового департамента, Департамента технического надзора и др.). Сказанное о проблемах перевода новой терминологии относится и к текстам, которые предназначены для использования за пределами Эстонии (например, к материалам сайтов государственных учреждений, университетов, частных компаний, к печатной и электронной деловой рекламе, различным договорам, деловой переписке и т. п.) и нацелены на русскоговорящих представителей других государств.

Деловая речь в сегодняшней Эстонии представлена не только на государственном языке, но и на английском как основном языке ЕС². Различные постановления, стандарты ЕС и т. д. обычно сначала составляются на английском языке, а впоследствии выполняется перевод на эстонский язык. Перевод на русский язык может производиться по необходимости. В результате в русском языке Эстонии отсутствуют отстоявшиеся в официальных переводах эквиваленты многих новых терминов и понятий. Иными словами, в процессе эстонско-русского перевода возникают определенные сложности с переводом таких терминов и называющих реалии номинаций, которые (возможно, временно) не имеют аналогов в переводящем языке и / или не отражены в словарях. Следовательно, появляется необходимость поиска эквивалентов, которые могли бы соответствовать языковым единицам языка-источника.

Понятие «временно безэквивалентные термины» достаточно точно отражает суть данной ситуации, так как указывают на причину безэквивалентности: не постоянное, а временное отсутствие языковых соответствий в той или иной сфере деятельности [Герасименко, Гулая, Зенина, Романова 2014: 104]. Основной причиной такого положения дел является то, что лексикографическая обработка слов иноязычного происхождения может значительно отставать от процесса заимствования иноязычной лексики, поэтому многие единицы, активно используемые в языке, могут на время (иногда весьма продолжительное) оставаться за пределами толковых словарей [Камалетдинова 2002].

Одним из первых о лексических соответствиях заговорил Я. И. Рецкер, который писал: «Необходимо различать полные и частичные, абсолютные и относительные эквиваленты. Под полным эквивалентом мы понимаем такое соответствие, которое полностью покрывает значение однозначного слова. В любом двуязычном словаре имеются соответствия двух категорий: эквиваленты и варианты соответствия. Под эквивалентами (или моноэквивалентами) понимаются такие соответствия между словами двух языков, которые являются постоянными, равнозначными и, как правило, не зависящими от контекста. Поскольку эквивалентное соответствие всегда одно, у переводчика нет выбора: он должен использовать этот эквивалент. Всякий иной перевод будет ошибочным» [Рецкер 1981: 47–48]. Однако особенности констатирующей, то есть условий общения могут вынудить переводчика отказаться от применения эквивалентного соответствия и найти такой вариант перевода, который подошел бы лишь для данного конкретного

² ЕС — Европейский союз

случая [Гурова 2010: 90]. Подобное наблюдается, если словарное лексическое соответствие используется в языке редко и поэтому остается непонятным для читателя.

Кроме передачи во вторичных текстах т. н. временно безэквивалентной лексики, определенные сложности вызывает перевод таких единиц языка оригинала, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода, то есть постоянной безэквивалентной лексики. Принято считать, что к безэквивалентной лексике относятся обозначения специфических явлений местной культуры и реалий. Однако ряд специалистов считает, что к безэквивалентным единицам необходимо отнести и термины, звукоподражания, аббревиатуры, междометия, обращения, отступления от литературной нормы [Иванов 2006: 80]. Существуют различные способы передачи подобной лексики [Паршин 1999]: калькирование, транскрипция / транслитерация, аналоговый или ассоциативный перевод, описательный перевод (экспликация) и т. д. Все эти способы используются и при переводе текстов деловой направленности, однако отметим, что, по нашим наблюдениям, последние два способа можно отнести к наиболее редким.

В реальной практике переводчик должен переводить не слова, а ряды семантических компонентов. Хотя в языке перевода может отсутствовать определенное слово, соответствующее тому или иному термину или понятию исходного языка, переводчик всегда может выразить различные семантические компоненты переводимого отрезка исходного текста, в частности, он может произвести дистрибуцию формальной структуры компонентов в исходном языке на различные лексические единицы в «конечном» языке [Найда 1970: 10–11]. Выполнение такой «задачи-максимум» актуально для перевода различных официально-деловых текстов: социальной рекламы, предложений о сотрудничестве, деловых текстов с рекламной составляющей и т. д.

Определенные трудности вызывает перевод номинаций местных реалий: юридических объединений, видов деятельности и т. п. Но отдельную проблему представляют названия профессий. В сфере бизнескоммуникации России появилось большое количество англицизмов, например, *девелопер*, *супервайзер*, *брокер*, *дистрибьютор*, *коучер*, *медиа-байер*, *хэдхантер* и т. д.³, которые в подавляющем большинстве случаев не нашли (возможно, временно) применения в деловом общении Эстонии ни в русском, ни в эстонском языках. В качестве примера англоязычных заимствований, одинаковых в разных региональных вариантах русского языка, мож-

³ подробнее см. об этом в: [Щаднева, Вельман-Омелина 2012: 341–342]

но привести лексему *developer*. Отметим, что «русскому» *developer* соответствует эстонское *arendaja*, именно так переводится данная английская лексема *developer* в англо-эстонском словаре [Inglise-eesti sõna-raamat], однако в эстонско-русском и русско-эстонском словарях [Eesti-vene 2009] данная лексема отсутствует, есть только глагол *arendama* — *развивать*. Таким образом, переводчик либо должен использовать функционирующую в России лексему *developer*, либо попытаться подобрать или придумать иное соответствие. В данном случае дилемма решается сейчас в пользу выбора уже имеющегося в России соответствия *developer*.

Во многих случаях в процессе передачи значения чужого слова переводчик, помимо собственно языковых навыков, должен обладать широкими фоновыми знаниями, чтобы найти и подобрать точное соответствие иноязычному слову. Нужный эквивалент для перевода с эстонского на русский далеко не просто увидеть в речевой практике. Так, *tootmisohje* — одно из ключевых понятий для определенного стандарта⁴ ЕС, который с марта 2015 года обязателен для Эстонии. Поскольку данная терминологическая единица является новой, то в эстонско-русских словарях [Kalinin, Teema 2002; Tamm 2005; Eesti-vene 2009] она не отражается, в них приведен лишь прямой перевод эстонского слова *ohje* (рус. *вожжи*), которое одновременно является и частью сложного слова *tootmisohje*. Однако в интернет-словаре Мультитран [Мультитран] лексема *tootmisohje* уже представлена и имеет следующие варианты перевода: *система контроля заводского производства; система контроля фабричного производства; система контроля производства; система управления производством; система управления заводским производством; система управления производством завода*. Думается, что на появление данной лексемы в словаре Мультитран повлиял российский ГОСТ⁵, который составлен с учетом упомянутого стандарта и по большей части пересекается с ним, а в ГОСТе перечисленным единицам соответствует словосочетание *контроль производственного процесса*.

К сожалению, между наличием в словарях нужных лексем и наличием верных словарных соответствий не всегда можно поставить знак равенства. Так, например, лексемы *tarnija* и *hankija* в эстонско-русских словарях [Tamm 2005; Ottenson 2007; Vissak, Vissak 2008;] представлены как соот-

⁴ EVS-EN 13163:2012+A1:2015 Ehituslikud soojusisolatsioonitooted. Tööstuslikult valmistatud paisutatud polüstüreenist tooted (EPS). Spetsifikatsioon.

⁵ ГОСТ Р 56148–2014 Изделия из пенополистирола ППС (EPS) теплоизоляционные, применяемые в строительстве. Технические условия.

ветствия русскому *поставщик*, а в одном из словарей даже отмечены как синонимы. Однако в Законе о госпоставках⁶ и документах, связанных с госпоставками (условия конкурса, ценовые предложения, различные справки в рамках конкурса и т. д.) у слова *hankija* появляется совсем другое значение: 'сторона, которая запрашивает услугу'. То есть в случае, если госпоставка подразумевает какую-либо закупку (например, компьютеров) то *tarnija* и *hankija* будут разными сторонами одного договора, а не словами-синонимами. Об этой проблеме в своей магистерской работе пишет Марита Тамбелт [Tambelt 2013: 23], которая обращает внимание на то, что *hankija* — это предприятие, лицо или подразделение, которое желает получить услугу, а *tarnija* — это предприятие, лицо или подразделение, которое выиграло конкурс на поставку и заключило договор поставки, то есть предоставляет услугу (или закупку). Кроме того, существует отдельный термин *rakkiija* («предлагающий»), который обозначает лицо, предприятие или подразделение, участвующее в конкурсе. Эквивалентного *rakkiija* термина, образованного, по модели существительного (как в эстонском), в русском языке нет⁷.

Такие региональные номинации, как НДС в России (*налог на добавленную стоимость*) и НСО (*налог с оборота*) в Эстонии, *риэлтор* и *маклер* (*продавцы недвижимости*), *внешний управляющий* и *банкротный управляющий* (от эст. *pankrotihaldur*), *коллекторское агентство* и *инкассо-фирма* (юридические лица, занимающиеся востребованием долгов во внесудебном порядке) и т. д., вносят в процесс перевода трудности с пониманием смысла и требуют дополнительных пояснений. Так, услуга *инкассо* может пониматься по-разному: в России это обычно банковский термин (документарное *инкассо*), в Эстонии — практика востребования долгов во внесудебном порядке.

Различаются и региональные варианты названия такого активно используемого жителями разных стран нововведения, которое может называться то как *накомат*, то как *почтовый автомат*, то как *почтомат*. Лексема *накомат* используется в русскоязычном сегменте деловой интернет-среды Латвии, Литвы и Украины:

- (1) Доставка в *накоматы* Post24 и терминалы *PastaStacija* в городах Латвии, терминалы *LP Express* в городах Литвы, терминалы *SmartPost* в городах Эстонии. (<http://ozonru.eu/help/delivery/>)

⁶ Riigihangete seadus.

⁷ Вопрос о переводе на русский язык терминов *tarnija*, *hankija* и *rakkiija* заслуживает отдельного обсуждения в отдельной статье.

В Эстонии же используется калька эстонского слова *pakiautomaat* — *посылочный автомат*:

- (2) *Товары, заказанные из AliExpress можете при желании получить удобно и круглосуточно из любого посылочного автомата по всей Эстонии.* (<https://www.omniva.ee/rus>)

В самой же России используется вариант *почтомат*:

- (3) *Logibox — сеть автоматических станций (почтоматов) по приему и вручению отправлений из интернет-магазинов и компаний дистанционной торговли, расположенных по всей России. Почтоматы Logibox — легкий, удобный, быстрый и надежный способ получения покупок, заказанных в интернете и по каталогам.* (<http://tsumpskov.com/nashi-magazny>)

Таким образом, языковые факты наглядно показывают, что в разных региональных вариантах русского языка предлагаются свои решения для названия одной и той же новой реалии. Однако в данном случае в силу семантической прозрачности и благозвучности наиболее удачной языковой единицей следует признать используемый в Эстонии вариант — *посылочный автомат*.

Переводной текст может показаться «чужим» и сложным для понимания не только из-за наличия в нем региональной лексики, но и по причине некорректно выполненных переводов. Например, в переводные тексты проникают такие словосочетания как *опекун лица с недостатком* (вместо *опекун лица с ограниченными возможностями*), *лечебная очередь* (вместо *очередь на лечение / очередь к врачу-специалисту*), *продавец развесных прилавков* (вместо *продавец какого-то конкретного отдела*) и т. д.

К некорректным переводам можно отнести и передачу лексемы *tellingud* как *мостки* (вместо *строительные леса*). Такой перевод в деловом тексте скорее всего вызовет удивление и может остаться непонятным носителю русского языка вне зависимости от места проживания. Напомним, что в техническом эстонско-русском словаре [Kalinin, Teema 2002] есть два соответствия слову *tellingud* — (строительные) *леса* и *подмости* (последний вариант отмечается как народно-разговорный [Большой толковый... 2014]), в эстонско-русском словаре [Тамм 2005] только (строительные) *леса*, а в интернет-варианте эстонско-русского словаря [Eesti-vene 2009] и *леса*, и *мостки*, и *подмости*. С точки зрения точности, наиболее удачный вариант — это (строительные) *леса*. Кроме того, в толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 2005], *мостки* — это (помимо про-

чего) площадка на лесах у стены строящегося или ремонтируемого здания, а *подмости* — настил, рабочая площадка на строительных лесах. Думается, что из-за недобросовестного отношения переводчиков к технической терминологии может оказаться недостигнутой цель составителя, например, текста-инструкции — повысить уровень знаний о безопасной эксплуатации строительного инвентаря.

В практике работы переводчика выбор одного из нескольких существующих соответствий слова тоже не всегда прост. Так, отдельной проблемой является вариативность в переводных названиях учреждений: *Регистр хозяйственной деятельности* / *Регистр экономической деятельности*; *Регистр работы* / *Регистр работников* / *Регистр трудовой деятельности*; *Инспекция труда* / *Трудовая инспекция* / *Инспекция по труду*. Наличие подобных вариантов существенно осложняет переводчикам выбор наиболее удачного соответствия, особенно в том случае, если официальный вариант названия (то есть вариант, который используется на официальной интернет-странице учреждения) не совсем корректен.

Разумеется, несмотря на попытки систематизировать и оптимизировать переводческую деятельность, перевод в определенной степени остается субъективным родом занятия человека, так как зависит от языковой и коммуникативной компетентности, языковых вкусов и предпочтений переводящей личности, которая, реализуя свои знания и вкусы в условиях контекста и / или ситуации, выбирает наиболее удачное, точное лексическое соответствие для передачи содержания оригинала. При этом выбор наиболее подходящей языковой единицы в значительной степени может оказаться вынужденным, продиктованным необходимостью выразить заданное содержание и при этом не нарушить норм языка перевода [Швейцер 1973: 48]. Любая многозначность языковых единиц, вариативность названий реалии поддаются переводу не в силу абстрактного соответствия отдельных словарных единиц, а благодаря раскрытию всех контекстных смысловых связей элементарных единиц, образующих целый коммуникативный отрезок [Соломатина 2013: 175]. Тем самым для достижения качественного результата в процессе перевода приходится учитывать целый комплекс лингвистических и экстралингвистических факторов.

В заключение следует подчеркнуть, что расхождения между вариантами русского языка влияют на любой переводной деловой текст. Е. Протасова отмечает, что устная речь представителей русской диаспоры может ощущаться носителями русского языка как странный русский язык, то есть речь представителя диаспоры далеко не всегда является типичной для россиян, она обладает иным подтекстом, иными ассоциативными рядами

и т. д. [Протасова 2006: 227]. Сказанное касается и письменной речи. Переводчик должен не только владеть переводным и переводящим языками, но и знать и понимать различия в региональных вариантах русского языка, ибо на конечный результат процесса перевода неизбежно влияет формирование русского переводного текста в окружении эстонского языка и эстонских реалий. Следствием оторванности от деловой среды России является то, что переводчикам, работающим в области эстонско-русского перевода, не хватает как комплексных теоретических обобщений, так и практического отражения удачно подобранных и закрепившихся в русском языке соответствий, которые пока или не представлены в словарях, или представлены в них не совсем корректно.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что *свое* — *чужое* в переводческом процессе проявляется многопланово: и как *свой* — *чужой* язык, и как *свой* — *чужой* региональный вариант одного языка.

Литература

- Базылев В. Н. 2012 — *Теория перевода*. Книга 1. Курс лекций. 2-ое изд. Москва.
- Гарбовский Н. К. 2012 — Семь вопросов дидактики перевода или скорос-дидактика переводческой деятельности. *Вестник Московского университета*. Серия 22. Теория перевода № 4, 2012, С. 36–55.
- Герасименко Т. А., Гуляя Т. М., Зенина Л. В., Романова С. А. 2014 — Особенности перевода безэквивалентной экономической лексики и аббревиатур делового английского языка. *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова*. Филологические науки № 3, С. 103–107.
- Гурова Ю. И. 2010 — *Перевод. Воссоздание внутренней смысловой программы и единого смысла текста как основа моделирования процесса перевода: монография*. Санкт-Петербург.
- Иванов А. О. 2006 — *Безэквивалентная лексика*. Учебное пособие. Санкт-Петербург.
- Кашкин В. Б. 2010 — Парадоксы границы в языке и коммуникации. Серия «Аспекты языка и коммуникации». Выпуск 5. Воронеж. Веб-ресурс: <http://tpl1999.narod.ru/index/0-122> Дата последнего просмотра: 10.06.2016.
- Комиссаров В. Н. 1990 — *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва.
- Камалетдинова А. Б. 2002 — *Иноязычная лексика в современных средствах массовой коммуникации (1996–2001 гг.)*. Диссертация. Башкирский государственный педагогический университет. Уфа.
- Найда Ю. А. 1970 — Наука перевода. *Вопросы языкознания*. № 4. Москва, С. 10–11.
- Паршин А. В. 1999 — *Теория и практика перевода*. Веб-ресурс: <http://www.litmir.net/bg/?b=123949> (Дата последнего просмотра: 11.06.2016).

Протасова Е. 2006 — Письменная речь русского зарубежья: Финляндия. *Изменения в языке и коммуникации: XXI век*. Сборник статей. Отв. редактор М. А. Кронгауз. Москва, С. 225–247.

Рецкер Я. И. 1981 — *Учебное пособие по переводу с английского языка на русский*. Москва.

Соломатина С. Ю. 2013 — Развитие способности адекватной передачи лексических соответствий в процессе профессиональной подготовки переводчика (на материале английских эссе). *Вестник Ижевского государственного технического университета имени М. Т. Калашикова*. № 2. Ижевск, стр. 175–177.

Федоров А. В. 1983 — *Основы общей теории перевода*. Москва.

Швейцер А. Д. 1973 — *Перевод и лингвистика*. Москва.

Щаднева В., Вельман-Омелина Е. 2012 — Традиции и нововведения в официально-деловом общении (на материалах переводов в условиях диаспоры), *Текст, культура, перевод*. Сборник статей по материалам международной конференции 23 — 25 мая 2012 г., Рига, С. 336–344.

Tambelt M. 2013 — *Inglise-eesti riigihanke valiksõnastik*. Тарту. http://dspace.utlib.ee/dspace/bitstream/handle/10062/31952/Tambelt_Marita_2013.pdf?sequence=1 (Дата последнего просмотра: 15.06.2016).

Словари

Большой толковый... 2014 — *Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова*. Санкт-Петербург.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 2005 — *Толковый словарь русского языка*. Москва.

Мультитран = *Электронный словарь Мультитран*. Веб-ресурс: <http://www.multitran.ru> (Дата последнего просмотра: 01.10.2016).

Inglise-eesti sõnaraamat. Веб-ресурс: <http://portaal.eki.ee/dict/ies/> (Дата последнего просмотра: 20.09.2016).

Eesti-vene 2009 = *Eesti-vene sõnaraamat*. *Эстонско-русский словарь I–V (1997–2009)*. Eesti Keele Instituut. Tallinn. Веб-ресурс: <http://www.eki.ee/dict/evs/evs.html> (Дата последнего просмотра: 20.09.2016).

Kalinin J., Teemaa T. 2002 — *Eesti-vene tehnikasõnaraamat*. Tallinn.

Ottenson O. 2007 — *Uus eesti-vene õigussõnaraamat*. Новый эстонско-русский юридический словарь. Tallinn.

Tamm J. 2005 — *Eesti-vene sõnaraamat*. Tallinn.

Vissak H., Vissak J. 2008 — *Suur eesti-vene ja vene-eesti õigussõnaraamat*. Большой эстонско-русский и русско-эстонский юридический словарь.

КАТЕГОРИЯ «СВОЙ / ЧУЖОЙ» В ЯЗЫКЕ И КОММУНИКАЦИИ: ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА И СТРАТЕГИИ ОБРАБОТКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

С. М. ЕВГРАФОВА

Определения основных используемых понятий

Коммуникация (общение) — это процесс целенаправленного обмена информацией между людьми. **Коммуниканты** обмениваются информацией в различной форме, *рассчитывая на то, что адресат сможет понять передаваемое сообщение*. В зависимости от ситуации и условий коммуникации коммуниканты выбирают различные **каналы сообщения** (обычно аудиальный и визуальный, реже тактильный, еще реже — обонятельный и вкусовой) и **коды** (символически воспринимаемые способы передачи информации — это могут быть мимика, взгляды, позы, жесты; рисунки, одежда, украшения, татуировки, изменения стандартного внешнего облика; использование запахов и вкусов; однако основным способом обмена информацией между людьми является речь, способы ее интонирования, различного рода фонации, фигуры умолчания и проч. **Коммуникативная неудача** (из-за нежелания / невозможности адресата общаться или из-за непонимания — неверной интерпретации кода) может привести к конфликту, но может заставить найти более адекватный способ передачи информации.

Речь — это вербальная коммуникация (обычно без учета всех форм невербальной коммуникации, хотя в реальности мы учитываем информацию, поступающую по любым доступным нам каналам). **Язык** (языковая система) — гипотетически реконструируемая идеальная система, описывающая код, используемый при вербальной коммуникации в определенную эпоху определенным социумом (теоретически — всеми носителями данного

языка). Состоит из списков единиц различных уровней (словарь) и правил их использования (грамматика), а также из правил, которые определяют иерархические отношения между группами единиц и группами правил. **Индивидуальная языковая система** — реально используемая носителем языка версия языковой системы, которой он пользуется при порождении и понимании речи (ввел это понятие Л. В. Щерба в [Щерба 1974: 27], используя термин *индивидуальная речевая система*; в онтолингвистике используется синонимичный термин *индивидуальная языковая система* [Цейтлин 2013] и др.). Теоретически ИЯС должна была бы быть подмножеством языка, но в реальности разные носители языка по-разному выделяют уровни своей системы и по-разному организуют правила; кроме того, ИЯС изменчива: на ее состояние влияет **инпут** (языковой материал) и уровень **языковой рефлексии индивида**.

ИЯС формируется в результате подсознательного и лишь частично отрефлексированного процесса сопоставления языкового материала и выдвижения гипотез о значениях слов и правил их употребления. Этот процесс смоделирован в статье [Успенский 1979]; в [Евграфова 2014б: 253] разобран пример ИЯС с неправильно сформированными значениями слов *фасад*, *фундамент*, *порог*.

ИЯС обусловлена характером возникающих в мозгу индивида нейронных связей; она начинает формироваться с раннего детства, продолжает, по данным Б. Г. Ананьева [Ананьев 1968], активно развиваться до 40–45 лет и не теряет своей полноты и гибкости до тех пор, пока у человека не начинает ослабевать память. Предположительно, профессионалы могут продолжать совершенствовать владение речью даже дольше¹.

Речевая деятельность — целенаправленное, осознаваемое и планируемое индивидом порождение и восприятие речи. Ей противопоставлено **речевое поведение** — произвольные, а иногда даже противоречащие планам говорящего / пишущего речевые реакции, сопровождающие речевую деятельность и, шире, процесс коммуникации — см. [Румянцева 2004: 28]. По аналогии при необходимости акцентировать внимание на невербальных аспектах коммуникации можно использовать термины **коммуникативная деятельность** и **коммуникативное поведение**.

Коммуникативный текст, или **текст**, — зафиксированная в любой форме запись речи. Обычно рассматривается именно вербальная составляю-

¹ В частной беседе при обсуждении этой темы старейший сотрудник Литературного института им. Горького профессор А. И. Горшков сказал, что свои лучшие книги он написал уже после 70-ти.

щая такой записи; невербальные проявления коммуникативной деятельности и коммуникативного поведения могут при необходимости привязываться во времени к тем или иным фрагментам текста.

Индивидуальная языковая система в онтогенезе: рефлексия и протест

ИЯС является для человека биологически «своей», однако она формируется с опорой на инпут — «чужие» высказывания, которые становятся и образцом для подражания, и материалом для анализа. Дети используют различные стратегии освоения языка. Онтолингвисты противопоставляют так называемых экспрессивных и референциальных детей (термин из работы [Nelson 1973]); в частности, первые предпочитают имитирующие стратегии коммуникации, вторые — конструирующие — см. отчет о работе по гранту [Доброва]; впрочем, большинство детей относится к смешанному типу.

Вначале когнитивное развитие ребенка опережает развитие речи: он начинает различать зрительные и слуховые образы, осваивает простейшие движения. Коммуникативное развитие тоже опережает речевое: еще не различая слов, малыш вступает в контакт с матерью — чувствует тепло, ощущает запах молока, различает мелодический рисунок речи. Коммуникация развивает эмоциональную сферу малыша и ускоряет его когнитивное развитие: не умея говорить, в общении малыш осваивает простейшие операции с предметами, учится соотносить устойчивые звуковые комплексы с той или иной ситуацией, понимать обращенную к нему речь [Лепская 2013: 21–31].

На стадии появления первых слов ребенок или стремится *копировать* услышанное, или *придумывает собственные* квазислова (именно они отражают процесс формирования ИЯС). Квазислова могут содержать любые интонационные и жестово-мимические компоненты; так, в раннем словаре моего сына наряду со стремящимися к нормальному фонетическому оформлению словами *мама, папа, баба, дядя, не дядя-дядя* «не надо / не хочу», *вавка* «собачка» присутствовали жест прощания, *йай, йай* «киска», которая произносилась с мяукающей интонацией, и «лошадка», которую он называл, щелкая языком — условно *тлок-тлок*; для обозначения цветка он морщил нос и несколько раз интенсивно втягивал воздух — нюхал; «работать на компьютере» в его словаре обозначалось отрывистым *ма! па!* с жестом «бить указательными пальцами по клавишам». Спрашивая «где?», он разводил руками и изображал вопросительную интонацию (*м?*). В возрасте около полутора лет квазислова сын успешно вписывал

в синтаксические конструкции: *Мама ма! па!* означало «Мама работает»; *Папа м?* с интонационно-жестовым «где?» выражало удивление, что папы нет дома; *Мама + жест прощания + м?* он использовал, чтобы спросить, собираюсь ли я уходить на работу.

Квазислова, вошедшие в ИЯС ребенка, начинают быстро захватывать новое семантическое пространство. Например, *йай, йай* «киска» постепенно приобрело значение «предмет, мягкий и теплый, как киска»: пуховый бабушкин платок назывался *баба йай, йай*, а помпоны на моей новой шубе — *мама йай, йай*. Через некоторое время у *йай, йай* появилось и абстрактное признаковое значение: мыли руки холодной водой, не понравилось — он отдернул руки, показал на кран и потребовал: «*Йай, йай!*». У квазисуществительных появились глагольные значения: «цветок» — «нюхать», «деньги» — «считать» (не только деньги, но и вообще); жест «до свиданья!» стал использоваться в значении «уходить» (установление метафорических и метонимических отношений между элементами картины мира). **Ребенок перенимает у взрослых идею языкового знака** — саму возможность использовать звуки, фонации, мимику и жесты для обозначения предметов. Он включает в свою индивидуальную *знаковую* систему любые «означенные» им формы² и пользуется системой до тех пор, пока она удовлетворяет его коммуникативным потребностям.

Языковая рефлексия говорит об осознании различий между «своей» и «чужой» ИЯС. Спор о референции (сыну примерно 1 г. 4 м.; мы увидели во дворе огромного дога): «*Мама, тлок-тлок!*» — «*Нет, это не лошадка, это очень большая собачка!*» — «*Вавка не-а!*» — «*Посмотри на ее ножки, у нее коготки, а не копытца, это большая собачка!*» Сын изучающе посмотрел на лапы дога и с сомнением покачал головой. В 2 г. 5 м. сын объяснял нежелание говорить на «взрослом» русском языке тем, что мама его *понимает* [Евграфова 2015а]. Иногда взрослые вовлекают ребенка в коммуникацию и кооперацию, смягчая расхождения в ИЯС (используют детские слова типа *бибика*; стараются не использовать непонятных слов, четко артикулируют и проч.).

Различия в ИЯС могут порождать конфликты. Ребенок не проявляет автоматической готовности исправлять свою речь, принимая «чужую» речь взрослого как безоговорочно правильную — пример в [Пинкер 2004: 267]. В общении друг с другом дети более настойчиво защищают свою

² В мире художественного текста заметно: каждый писатель, выстраивая систему средств художественной выразительности, по-своему «означивает» черты лица, пейзаж, интерьер. О семиотической природе художественного текста писал Ю. М. Лотман в [Лотман 1992].

ИЯС (В. Драгунский в рассказе «Заколдованная буква» изящно обыгрывает это в споре о *сысках, хыхках и фыфках*).

Взрослые тоже могут настаивать на правильности собственной ИЯС; это иногда проявляется в сознательном отвержении языковой нормы. Вот цитата из письма, которое пришло на кафедру русского языка РГГУ (приводится в авторской орфографии).

<...> я понимаю, как мало от меня зависит, но очень хотелось бы видеть наш родной русский язык в его письменной форме очищенным от всяких никчёмных «правил» и максимально приближенным к устной речи. ибо в настоящий момент существует весьма глупое положение: принимаю во внимание нынешние правила грамматики, получается, што мы пишем правильно, но при этом неправильно говорим! <...> язык дан человеку штобы выразить самово себя, а не пытатса втиснуть самобытность и колоритность своей натуры в кандалы придуманных кем-то в кабинетной тишине «правил». <...>

Но автор не отказывается от идеи понятности написанного читателю:

*<...> не думаю, што кто-то будет сомневатса, о чём идёт реч, если увидит вместо **солнцэ** слово **сонцэ**. в концэ концов, ведь мы именно так и говорим. то жэ и со словом **чувство**, где в никогда не слышытса вообще.*

Предлагаемая «альтернативная орфография» по степени отрефлексированности значительно уступает «орфоарту», который был распространен в субкультуре падонков [Кронгауз 2013], но является формой протеста против «насилия» — вынужденного подчинения «чужой» языковой норме³.

Конфликт между «своей» и «чужой» ИЯС возникает в случаях несоответствия в характере связей между единицами в «своем» и «чужом» словаре: ребенок спорит из-за референциального значения квазислов *тлок-тлок* и *вавка*; редактор смеется над фразой *Городские власти не собираются ментальничать с дорожниками* (выбор написания вскрывает имеющуюся в мозгу пишущего цепочку нестандартных ассоциаций — внутреннюю форму слова).

Расхождения и в трактовке правил заметнее в профессиональном сообществе: отвечая на вопрос о «намеренной феминизации языка», один утверждает, что «„авторки“, „дизайнерки“, „режиссёрки“, если в шутовском

³ Неизбежное подчинение воле собеседника проявляется и в явлении вынужденной коммуникации, при котором требования собеседника (неинтересная тема, навязанные оценки событий) отторгаются эмоционально, провоцируют протестное поведение, а иногда даже подсознательно блокируют мыслительную деятельность — см. об этом в [Евграфова 2010а; Евграфова 2015б].

и неофициальном тексте, то очень даже забавно», другой — что это «звучит несколько уничижительно», третий настаивает, что в языке «не пол, не гендер, а всего-навсего род» и что «не надо в него насильственно политику внедрять» (из дискуссии в группе «Куда смотрит редактор» на Фейсбуке).

Как мы видим, несовпадение фрагментов «своей» и «чужой» ИЯС начинается на подсознательном уровне и постепенно порождает языковую рефлексию, которая при определенных условиях может расширяться и углубляться: наивное этимологизирование свойственно всем детям; иногда оно закрепляется как определенная модель речевой деятельности и перерастает в любительскую лингвистику [Зализняк 2010], но чаще приводит человека к выбору профессии филолога.

Индивидуальная языковая система и категория «свой / чужой» в социуме

Категория «свой / чужой», несомненно, относится к числу коммуникативных категорий (определение этого понятия см. в [Буторина 2016]) — она проявляется на всех уровнях языка и в различных формах коммуникативного поведения — и является первичной, базовой. Она позволяет индивиду идентифицировать себя или другого индивида как члена той или иной биосоциальной группы (по комбинации расовых, национальных, племенных, гендерных, возрастных, языковых, образовательных, этнокультурных, религиозных, политических, профессиональных, субкультурных и иных признаков). Поскольку эти признаки должны быть осмыслены в терминах знаковых, символических, то обработкой этой информации занимается ИЯС. Значений у категории «свой / чужой» всего два, но многообразии признаков, на основании которых мы принимаем окончательное решение, очень велико и в конечном счете неопределенно — потому что значение категории всегда адаптивно и изменчиво.

Коммуникативные проявления категории весьма разнообразны, но встречаются, несомненно, по одежке и по манере говорить. Расспрашивала студентов о способах отличать «своих» (книги, цитаты и проч.) — многие назвали музыкальные пристрастия; упомянули интонацию («Не выношу подъездную интонацию», — изобразив соответствующий интонационный рисунок, юноша принял позу, характерную для подростков, говорящих в такой манере); говорили о нелюбви к провинциальному акценту. Кстати, носители диалектов стремятся избавиться от акцента, только если чувствуют себя среди «чужих» неуютно: успешная карьера способствует сохранению диалектных черт (вспомним М. С. Горбачева). Играют свою

роль возраст (дети в непривычном речевом окружении склонны подстраиваться под окружающих) и образование (дачники, чувствуя за собой силу литературной нормы, обычно не подражают провинциальным говорам).

Прецедентные имена и тексты воспринимаются как признаки принадлежности к той или иной культуре. В [Кронгауз 2013] описывается знаковая употребления «правильных» мемов в современной интернет-культуре. В научной литературе ученые опознают «своих», принадлежащих к определенной школе, по ссылкам и цитатам. Е. Трегубова в «Байках кремлевского диггера» упоминает, что по общим анекдотам было легко определить, кто из журналистов кремлевского пула с кем из политиков общается. Мы демонстрируем такими способами принадлежность к тому или иному микросоциуму, приверженность определенным ценностям. Издатели пользуются этими особенностями коммуникации для формирования читательской аудитории.

Категория «свой / чужой», находящая способы манифестации во всех вербальных и невербальных кодах, соотносится с изучаемым в психологии **понятием идентификации**, которое изначально ввел З. Фрейд; сейчас употребление понятия вышло далеко за рамки психоанализа. В [Психологический словарь 1999: 127] идентификация рассматривается как механизм «уподобления (как правило, неосознанного) себя значимому другому как образцу на основании эмоциональной связи с ним»; этот механизм способствует формированию многих черт личности, поведенческих стереотипов, ценностной ориентации, способствует осмыслению чужих поступков, помогает оценивать их нравственно, а также нравственно и эстетически переживать художественные произведения. Физиологической основой этого механизма современная наука считает работу зеркальных нейронов.

В коммуникации эти нейроны обеспечивают возможность имитировать. Но для реализации категории «свой / чужой» этого недостаточно; здесь, видимо, участвует **фатический аспект коммуникации** [Лепская 2013: 18]: первичным толчком для включения механизма идентификации является появление эмоционального комфорта / дискомфорта в том или ином социальном окружении. Фатические реакции регулируют участие ребенка в коммуникации; анализируя ситуации и имитируя действия и звуки, он проявляет коммуникативную активность и получает «коммуникативные поощрения»; постепенно он начинает предпочитать имитирующую или конструирующую

стратегию. Выбор стратегии зависит от поведения взрослых и от уровня эмоциональной развитости и интеллекта ребенка (EQ и IQ⁴).

Расширение сферы общения, отделение себя от окружающего мира, появление языковой рефлексии усложняет механизмы идентификации и закрепляет набор типичных для индивида фатических реакций и стратегий обработки языкового материала, что во многом определяют его коммуникативное и когнитивное поведение (нестандартные методики обучения иностранным языкам корректируют фатику специальными тренингами) [Румянцева 2004; Никуличева 2013].

Неодобрение со стороны значимой социальной группы очень сильно влияет на речевое поведение личности. А. Г. Архангельский обладал даром чувствовать и воспроизводить черты чужого поэтического стиля. В юности он был одним из почитателей и подражателей А. А. Блока, но перестал писать «свое» из-за резких отзывов Н. С. Гумилева и А. А. Блока. Позже А. Г. Архангельский нашел себя в жанре пародии, где востребована имитирующая стратегия [Архангельский 1988].

«Свое» и «чужое» в речевой деятельности человека

Осваивая язык, ребенок не сразу научается отличать симитированное от сконструированного: при решении бытовых коммуникативных задач это несущественно; первое знакомство с научной речью дезориентирует: авторы учебников излагают чужие мысли, не упоминая авторов.

Анализ стиля мемуаров ученых-нефилологов⁵ показывает, что в процессе освоения научной речи важно научиться последовательно различать «свои» слова и мысли от «чужих». «Имитаторы» более склонны к цитированию и ссылкам (кораблестроитель А. Н. Крылов дословно воспроизводит, а не пересказывает даже собственные выступления). «Конструкторы» предпочитают свертывать текст без потери содержательной информации (генетик Н. В. Тимофеев-Ресовский). Выбор стратегии освоения языка приводит к разным стратегиям переработки чужого текста — «имитаторы» оперируют формой, «конструкторы» — содержанием.

Болезненно воспринимают наличие «чужого» в тексте писатели. А. П. Чудаков в романе «Ложится мгла на старые ступени» пишет о том, что его лирический герой, во многом alter ego автора, «любил выражаться

⁴ См. об этом, например, в [Гоулман 2009].

⁵ Они привлекли внимание автора тем, что самостоятельно во взрослом возрасте хорошо освоили новую коммуникативную сферу и принятые там формы речи — см. [Евграфова 2010].

книжно», что его волновало само звучание слов, что он запоминал невероятное количество нужных и ненужных текстов: «...Когда я избавляюсь, избавляюсь ли вообще и надо ль избавляться от этих мириад строк и стихов, которые толпятся в голове и непрошено всплывают по всякому поводу и без всякого повода. Но как можно, увидев в своей тарелке мозговую кость, не вспомнить: „В гуще огненного борща находится то, чего вкуснее нет в мире, — мозговая кость”» [Чудаков 2012: 259]. Описания точно соответствуют отрефлексированному и сознательно преодолеваемому имитирующему речевому поведению (в сочетании с блестящей памятью). Диаметральнo противоположный тип речевого поведения демонстрируют А. С. Пушкин, благодаривший свою чернильницу за «сладость рифмы новой, неслыханной дотоль»; И. Бродский, отмечавший в эссе «Меньше единицы»: «Все, что пахло повторяемостью, компрометировало себя и подлежало удалению». Впрочем, философское осмысление неизбежности цитирования нашло свое отражение в эстетике постмодернизма.

Очевидно, что обучение должно формировать у человека умение использовать корректные стратегии переработки текста в зависимости от вида деятельности. Важнейшим этапом освоения нового (несомненно, «чужого») материала является включение новых понятий в «свою» картину мира обучаемого (интериоризация, по А. С. Выготскому). Критерием освоенности любой информации является способность свободно перерабатывать текст, оперируя его содержанием (то есть при обучении важнее конструирующая стратегия). Однако учителя часто хвалят за имитацию — воспроизведение чужого [Евграфова 2014а].

Г. Р. Доброва, пишет, что имитация используется всеми детьми (речь идет о детях в возрасте до 3,5 лет), но экспрессивные дети используют ее без понимания, а референциальные — только при условии понимания. Так, получая задание повторять слова, экспрессивные дети одинаково охотно повторяют известные, неизвестные и искусственные слова, а референциальные повторяют только слова знакомые. Поощрение репродуктивности в школьном обучении ведет к тому, что выпускник школы не может решить задачи, требующие семантической переработки текста.

Ошибки студентов и старшеклассников, наблюдаемые в заданиях на переработку текста, позволяют судить, какого рода стратегии (имитирующие или конструирующие) применяет пишущий. В [Евграфова 2016] описаны попытки наивного редактирования: «имитаторы» вообще избегают внести какую бы то ни было правку; «конструкторы» выбрасывают непонятное и заменяют нестандартные слова и конструкции на общепринятые, стандартные, оставляя в стороне вопрос о наличии ошибок.

Рассмотрим еще один пример. Студенты-первокурсники выполняли задание по рерайтингу текста; нужно было пересказать публицистический текст, смягчив эмоционально-оценочные характеристики, но сохранив смысл фрагмента (разрешалось пользоваться Интернетом). Оригинал Е. Трегубовой:

Дедушкины медицинские показатели надёжно защищали журналистский пул от всей этой насаждённой Путиным бодрой мальчишеской мельтешни туда-сюда по миру задрив штаны. Прежде, из-за постоянных ельцинских болезней, выездной жанр в жизни кремлевского пула был редок и изыскан.

Приведу результаты из ряда студенческих работ:

- (1) *Медицинские показатели президента Ельцина ограждали журналистов от назойливых действий Путина, от вынужденных, помпезных поездок. Прежде поездки были редкие и изысканные.*
- (2) *Дедушкино состояние здоровья априори освобождало его от поездок за границу. Во времена правления Ельцина столичные журналисты редко имели возможность выехать из страны из-за авторитарного политического режима.*
- (3) *Неопытность Путина в политических делах, в начале его карьеры надёжно прикрывалась болезнью Ельцина, так как все внимание журналистского общества было обращено туда. Прежде, поездки политических деятелей по миру были редки в жизни «Кремлевского пула».*
- (4) *Болезненное состояние Ельцина отвлекло внимание журналистов от насыщенной юности Путина...*
- (5) *... из-за постоянных ельцинских болезней дедушкины медицинские показатели были стабильны. Они были подкреплены каждым журналистским пулом. Поэтому статьи с Путиным где он бодрой мальчишеской мельтешинкой скакал по миру туда-сюда задрив штаны были заметны. Ведь эти статьи — это выездной жанр в жизни кремлевского пула они были редки и изысканы. (Так!)*

Затруднения, связанные с переработкой информации, которая закодирована «чужим» кодом, всегда обусловлены слабостью «своей» ИЯС индивида: это может быть неполнота представлений о референции того или иного знака, бедное ассоциативное поле, незнакомство с возможностями использования переносных значений слов и проч. Никто из авторов процитированных работ не справился с переработкой текста, но ошибки у «имитаторов» и «конструкторов» разные: «имитаторы» демонстри-

руют дефекты владения языком, а «конструкторы» высказывают неверные суждения.

Типичная «экспрессивная» стратегия (имитация без понимания) приводит к семантико-синтаксическим несостыковкам в высказываниях: нарушается референция, встречаются случаи семантически неуместной атрибуции и предикации, нарушается и употребление коннекторов в тексте (№ 3, 5).

Авторы вариантов № 2 и 4, явные сторонники стратегии конструирования, избегают цитирования, строят грамматически нормальные и логически согласованные фразы, но сокращают текст за счет непонятых фрагментов и заполняют смысловые лакуны, извлекая информацию из собственных представлений о мире и его истории (*авторитарность Ельцина, неопытность Путина*). Текст № 4 был настолько сокращен, что утрачена осмысленность высказывания.

Задание смягчить оценочные характеристики, предполагающее запрет на цитирование, вызвало у всех явные затруднения (*назойливые действия, насыщенная юность; замена мельтешни на мельтешинку с сохранением грубовато-пренебрежительного задрав штаны*), причем обнаружились существенные искажения смыслов: крайне неудачна, например, замена разговорных оценочных эпитетов на книжное *помпезных*.

Определяя склонность учеников к имитирующим и конструирующим стратегиям, можно вовремя вносить в обучение необходимые коррективы и делать процесс обучения более эффективным.

Выводы

Индивидуальная языковая система контролирует обработку информации, закодированной «чужим» кодом. При формировании ИЯС важную роль играет склонность индивида к имитирующим или конструирующим стратегиям порождения речи [Доброва; Бровка 2013]. Но если до школы важнее коммуникативная эффективность ИЯС (и исследователи отмечают, что имитация позволяет ребенку преодолеть многие трудности коммуникации [Доброва]), то начиная со школы возрастает значимость когнитивной эффективности ИЯС. Для когнитивной деятельности, которая может быть проконтролирована только с помощью заданий на самостоятельную переработку текста, имитирующие стратегии являются малоэффективными. Поэтому одной из центральных задач обучения родному языку является развитие языковой рефлексии и обучение техникам переработки текста;

это же остается существенным и на более поздних этапах развития речи. К сожалению, этот принцип часто нарушается в практике преподавания родного языка [Евграфова 2014а; Евграфова 2015в].

Литература

Ананьев Б. Г. 1968 — Онтогенетическая эволюция психофизиологических функций человека. *Человек как предмет познания*. Ленинград. С.133–154.

Архангельский А. Г. 1988 — *Пародии. Эпиграммы*. Вступительная статья Л. Ашкенази. Москва.

Бровко Е. Л. 2013 — Ваня и Лиза: два пути в синтаксис. *Санкт-Петербургская школа онтолингвистики. К юбилею доктора филологических наук профессора С. Н. Цейтлин*. Санкт-Петербург. С. 8–17.

Буторина Е. П. 2016 — Коммуникативная категория официальности. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 2 (56). Часть 2. Тамбов. С. 64–66.

Гоулман Д. 2009 — *Эмоциональный интеллект*. Москва.

Доброва Г. Р. — О вариативности речевого онтогенеза: референциальная и экспрессивная стратегия освоения языка. *Исследование по программе «Развитие научного потенциала высшей школы (проект № 2.1.3/1957)*. Веб-ресурс: <http://www.ontolingva.ru/sotr/dobr.htm>.

Евграфова С. М. 2016 — Коммуникация «автор – редактор» и психолингвистические аспекты редактирования. *Язык как материал словесности. Сборник статей по материалам научных чтений, проводимых в Литературном институте им. А. М. Горького*. Москва. С. 28–38.

Евграфова С. М. 2015а — Мышление, коммуникация, речь: начало начал. *Проблемы онтолингвистики: механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции – 2015. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 18–20 мая 2015*. ИЛИ РАН. С. 59–65.

Евграфова С. М. 2015б — Проблема недиагностируемых коммуникативных неудач в учебно-научном дискурсе. *Маргиналии – 2015. Границы культуры и текста. Материалы международной научной конференции. Полоцк, 27–30 августа 2015 г.* Веб-ресурс: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2015/thesis.htm>.

Евграфова С. М. 2015в — Проблемы освоения и преподавания родного языка в информационном обществе. *Модернизация языка: вызовы времени. Алматы, 29–30 мая 2015 г. Материалы научно-теоретической конференции*. Алматы. С. 11–15.

Евграфова С. М. 2010 — Речевые погрешности в мемуарах и речевое развитие личности. *Маргиналии-2010: границы культуры и текста. Кисловодск, 25–26 сентября 2010 г. Международная конференция. Тезисы докладов*. Москва. С. 61–66.

Евграфова С. М. 2014а — Способы анализа текста и критерии формальной и содержательной оценки эссе. *Языковое и литературное образование в современном обществе — 2013. Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической юбилейной конференции. Санкт-Петербург, 12–14 декабря 2013*. Санкт-Петербург. С. 242–249.

- Евграфова С. М. 20146 — Феномен естественной письменной речи и его влияние на языковую систему. *Acta Slavica Estonica V. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVI. Антропоцентризм в языке и речи.* Tartu. С. 248–260.
- Зализняк А. А. 2010 — *Из заметок о любительской лингвистике.* Москва.
- Кронгауз М. А. 2013 — *Самоучитель албанского.* Москва.
- Лепская Н. И. 2013 — *Язык ребенка: онтогенез речевой коммуникации.* Москва.
- Лотман Ю. М. 1992 — О содержании и структуре понятия «художественная литература». *Избранные статьи.* Т. 1. Таллинн. С. 203–216.
- Никуличева Д. Б. 2013 — *Как найти свой путь к иностранным языкам. Лингвистические и психологические стратегии полиглотов.* Москва.
- Пинкер С. 2004 — *Язык как инстинкт.* Москва.
- Румянцева И. М. 2004 — *Психология речи и лингвопедагогическая психология.* Москва.
- Успенский В. А. 1979 — О вещных коннотациях абстрактных существительных. *Семиотика и информатика.* № 11. Москва. С. 142–148.
- Цейтлин С. Н. 2013 — Индивидуальная языковая система ребенка: некоторые штрихи к портрету. *Проблемы онтолингвистики – 2013. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 26–28 июня 2013 г.* Санкт-Петербург. С. 24–27.
- Чудаков А. П. 2012 — *Ложится мгла на старые ступени.* Москва.
- Щерба Л. В. 1974 — О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. *Языковая система и речевая деятельность.* Ленинград. С. 24–39.
- Nelson K. 1973 — Structure and Strategy in Learning to Talk. *Monographs of the Society for Research in Child Development.* Vol. 38. № 1/2.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛАТЫШСКИХ И РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА ОСКАРА УАЙЛЬДА «ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ»)

И. КАЧАНЕ, О. КОВЗЕЛЕ

Введение

Культура и язык — это итог и манифестация *своей* национальной традиции, на которую непрерывно воздействуют *чужие* культуры. Существуют переводы, ориентированные на текст источника (source text), а также переводы, ориентированные на целевой текст (target text). В связи с этим наблюдаются два противоположных переводческих подхода: в первом случае переводчик подчиняется исходному языку (ИЯ), во втором случае — переводящему языку (ПЯ), языку перевода. Представление о посреднической роли перевода превосходит традиционное разделение культур и языков по принципу *чужие* и *свои*. Согласно герменевтической теории, перевод — это «слияние горизонтов» (fusion of horizons), которое допускает иначе невозможное сосуществование *чужого / иного* и *знакомого / своего*. Тем самым в переводном тексте не только задана дистанция между *своим* и *чужим*, но и к обоим полярным величинам относятся с одинаковой долей уважения и эмпатии.

Наиболее сложные случаи «перекодировки» — это перевод иноязычных вкраплений (далее в статье — ИВ), когда переводчик сталкивается с обширным иноязычным и инокультурным материалом, который, с одной стороны, следовало бы сохранить (приоритет формы), а с другой — тем или иным способом довести до сознания массового читателя (приоритет содержания) [об этом см.: Влахов, Флорин 1980: 339]. Решением данной переводческой дилеммы мог бы стать четко

выработанный и апробированный инструментарий методов и средств, применимый с учетом каждой отдельно взятой переводческой ситуации (автор, эпоха, страна, текст, контекст и мн. др. факторы).

Цель данного исследования: поиск оптимальных методов передачи ИВ при переводе художественного текста на примере романа Оскара Уайльда (*Oscar Fingal O'Flahertie Wills Wilde; 1854–1900*) «Портрет Дориана Грея» (*The Picture of Dorian Gray, 1890 / 1891*).

Материалом исследования послужили два латышских перевода романа: «Doriana Greja ģimetne¹» (переводчик Янис Эзериньш [*Jānis Ezeriņš*])² и «Doriana Greja portrets» (переводчик Робертс Кродерс [*Roberts Kroders*])³ и предложенные в разное время три русские переводческие версии: перевод М. Ф. Ликиардопуло под псевдонимом «М. Ричардс»⁴, перевод Марии Абкиной⁵ и перевод Валерия Чухно⁶. Подобная подборка текстов, по сути, не является полной (роман на русский язык переводился многократно), однако, по мнению авторов статьи, достаточной для выявления основных методов перевода ИВ, степени их целесообразности и эффективности как в плане передачи авторской интенции, так и на уровне перцепции, то есть читательского восприятия. Именно последний фактор напрямую определяет востребованность перевода в определенной национальной культурной среде, а также влияет на продолжительность его «жизни» в целом. При этом немаловажным является индивидуальный стиль переводчика, его готовность экспериментировать или же придерживаться установленных переводческих норм и правил.

¹ Переводчик Янис Эзериньш осознанно использует слово *ģimetne* — более близкий и понятный балтийцам (от лит. *gimis*) аналог интернационального слова «портрет», тогда как Робертс Кродерс отдает дань моде и языковым инновациям (*portrets* — «портрет») [об этом подробнее см.: Кацāне 2013]. Русские переводчики единодушны в переводе названия романа — «Портрет Дориана Грея».

² Впервые опубликован в газете в 1920 году, для анализа нами использована книжная версия 2003 года.

³ Опубликован один раз — в 1933 году.

⁴ Впервые опубликован в 1909 году, в статье рассматривается переиздание 1912 года.

⁵ Впервые опубликован в 1960 году, в статье рассматривается переиздание 1993 года.

⁶ Впервые опубликован в 1999 году, в статье рассматривается переиздание 2006 года.

ИВ в художественном тексте: теоретический аспект проблемы

Вслед за С. И. Влаховым и С. П. Флориным под ИВ в статье понимаются «слова и выражения <...> на чужом для подлинника языке или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений, введенные автором для придания тексту аутентичности, для создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учености, иногда — оттенка комичности или иронии» [Влахов, Флорин 1980: 337]. Речь идет о своеобразном «поэтическом арсенале» (*poetic resources*) [Tulus 2015: 73] средств, стилевом и декоративном приеме.

При этом виды репрезентации и текстовая протяженность ИВ в художественном произведении может сильно отличаться. В ходе работы переводчик нередко обнаруживает самостоятельные иноязычные фрагменты текста (эпиграфы, письма, документы) или же слова, словосочетания, предложения в оригинальной речи персонажей, иностранную лексику в национальной транслитерации и зачастую с сильными искажениями; случаи имитации перевода с иностранного языка, а также иные проявления иностранного сегмента подлинника [Колесникова 2012: 61–62], которые необходимо передать в соответствующей их иноязычной и инокультурной природе, а также авторскому замыслу форме. Именно поэтому для многих переводчиков наличие ИВ в тексте оригинала — это всегда серьезное испытание.

По мнению С. И. Влахова и С. П. Флорина, ИВ порождают как минимум две дополнительные переводческие проблемы: а) следует ли оставить иноязычные вкрапления автора без перевода или объяснений; б) как поступить с собственно переводами вкраплений самого автора [Влахов, Флорин 1980: 340]. Перечисляя всевозможные, когда-либо существовавшие в переводческой практике методы передачи ИВ (сноски, комментарии, пояснения, перевод и др.), упомянутые авторы предлагают универсальное решение данной проблемы — «перевести на свой язык важнейшие в смысловом отношении фразы и намекнуть на атмосферу чужезычности сохранением в переводе приветствия и кратких реплик, содержание которых ясно из контекста <...>» [Влахов, Флорин 1980: 341].

Другие ученые, к примеру, Ю. В. Немонежная, главный акцент делают на функции ИВ в художественном тексте, а также степени их «знакомости» / «незнакомости» читателю: «во-первых, с какой целью автор вводит в текст иноязычное вкрапление; следует ли его переводить или оставить без перевода и объяснений; во-вторых, насколько знаком язык вкрапления читателю оригинала и перевода; в-третьих, что делать с соб-

ственным переводом вкрапления самого автора и с вкраплениями на языке читателя перевода» [Немонежная 2010: 140].

Важно, что в большинстве современных исследований не предлагается конкретное решение анализируемой переводческой проблемы. Многие авторы по-прежнему опираются на предложенную еще в 60-е и 70-е годы XX века типологию (А. А. Леонтьев⁷, Л. П. Крысин⁸, А. М. Бабкин⁹ и др.) и редко обращают внимание на более поздние издания (Ю. Т. Листрова-Правда и др.¹⁰). В результате этого в теоретическом и практическом плане наблюдается наличие двух противоположных тенденций, выбор которых во многом зависит от эрудиции и интуиции переводчика и, как прямое следствие, степени задействованности читателя: а) иноязычное слово, незнакомое или малознакомое читателю, воспроизводится без какого-либо комментария, перевода и т.п.; б) иноязычное слово, вводимое впервые в речевой обиход, сопровождается определенными авторскими комментариями, сносками, переводом и т.п. [Норлусеня 2010: 65]. В этой связи особую актуальность приобретает проблема отсутствия жесткой регламентации при переводе ИВ, проблема выбора, которая предоставляется переводчику [Проценко 2005: 135]. Несмотря на разнообразие мнений и отсутствие единой переводческой стратегии, большинство теоретиков схожи в одном: «При выборе средств и способов передачи иноязычных вкраплений оригинала переводчики должны стремиться к созданию импрессивной эквивалентности исходного и переводного текстов всеми имеющимися в их распоряжении средствами, с учетом индивидуально-авторской картины мира создателя произведения и национально-культурных особенностей восприятия читателей» [Проценко 2005: 137]. Тем не менее на практике это условие не всегда выполняется в полной мере, о чем свидетельствует сопоставление в хронологическом и лингвистическом плане отличающихся переводов одного и того же произведения.

⁷ Классификация А. А. Леонтьева охватывает четыре уровня языка (лексемный, морфемный, фонемный уровень и уровень звукотипов), которые составляют шестнадцать типов комбинаций языкового явления и языкового уровня [Леонтьев: 1966: 60–67].

⁸ Л. П. Крысин выделяет два типа ИВ: слова и выражения, носящие интернациональный характер, и иноязычные элементы, отражающие индивидуальное словоупотребление [Крысин 1968: 47–49].

⁹ А. М. Бабкин предлагает два типа ИВ: 1) переводные (калькированные); 2) нетранслитерированные (употребляющиеся без перевода и в иноязычном написании) [Бабкин: 1970].

¹⁰ 1) полные ИВ, включенные в текст без каких-либо изменений, 2) частичные, которые частично (фонетически или морфологически) ассимилированы в языке, 3) контаминированные: слова, словосочетания или предложения, употребленные по законам другого языка, 4) нулевые: обычные переводные тексты или отрывки таких текстов, включенные в оригинальную речь [Листрова-Правда 2001: 119–120].

ИВ в художественном тексте: практический аспект проблемы (на материале романа «Портрет Дориана Грея»)

Иноязычный (по большей части — французский, значительно реже — итальянский и латинский) сегмент романа О. Уайльда насчитывает более 30 единиц различной протяженности. Среди них преобладают словосочетания и высказывания, довольно часто использованы реалии, один раз — даже целый стихотворный текст (Теофиль Готье «Variations sur le Carnival de Venise», 1849), включенный в пространство произведения на языке оригинала.

Традиционно ИВ в художественном произведении призваны выполнять две основные функции [Миронова 2015: 419]: текстообразующую (сегмент текста [Леонтьев 1966: 60–67], но не языка оригинала) и смыслообразующую (повышение / понижение регистра речи, идентификация уровня образованности персонажа [Немонежная 2010: 140], создание колорита и особой атмосферы [Колесникова 2012: 62] и т. д.). И лишь в отдельных случаях ИВ становятся излюбленным стилистическим приемом писателя, неотъемлемой частью его языковой культуры, как, к примеру, у Льва Толстого, или же выражают принадлежность творца определенному культурному феномену, обозначают круг его интересов, предпочтений и чаяний (британский эстетизм и французская теоретическая доктрина *l'art pour l'art* — искусство ради искусства), как в случае с Оскаром Уайльдом.

В произведении британского автора ИВ наделяются дополнительной семантической нагрузкой, тем самым создается многоуровневая символическая структура повышенной сложности, распознать и оценить которую способен только читатель-интеллектуал. Широкому кругу читателей не под силу сопоставить французское словосочетание *fin de siècle* с доктриной французского символизма и воплощенной в ней идеей пограничности эпох. Лишь интеллектуал ощутит нотку протеста в высказывании *les grandpères ont toujours tort*, которое задает одну из центральных оппозиций романа: «старое (Викторианская эпоха) — новое (эстетизм, символизм, декаданс)». Сказанное применимо к разнообразным экзотическим наименованиям растений и цветов, музыкальных инструментов, предметов интерьера и быта, драгоценных камней и многим другим «уайльдовским» реалиям, которые актуализированы писателем как декоративный компонент и одновременно используются как культурно маркированный знак, символ. Данный факт свидетельствует не только о взаимодействии языковых кодов романа и их смене, посредством многочисленных ИВ, но

и о «переключении с языкового кода на код культуры на концептуальном уровне» [Маркелова 2014: 5], что заслуживает особого рассмотрения, тем более сквозь призму теории и в особенности практики перевода.

Анализ русских и латышских переводов романа выявил наличие семи различных методов передачи ИВ оригинала, к которым прибегают вышеупомянутые переводчики. Обозначим и охарактеризуем каждый из них:

1. Применение сносок с сохранением исходной формы ИВ. Данной схемы перевода, вне зависимости от протяженности иноязычной единицы, наиболее последовательно придерживается М. Абкина, недаром именно ее перевод романа признан хрестоматийным и неоднократно опубликован в наши дни. Достаточно часто первый метод практикует В. Чухно, однако в целом инструментарий переводчика гораздо разнообразнее «абкинского». М. Ф. Ликиардопуло систему сносок применяет редко и предпочитает иные способы передачи ИВ, при этом переводчик не считает должным указывать язык оригинала. В большинстве случаев Я. Эзериньш сохраняет графическую форму оригинала и поясняет смысл ИВ непосредственно в тексте без указания языка первоисточника, однако этот метод не использован переводчиком повсеместно. Р. Кродерс наиболее далек от своих коллег-переводчиков, в его версии романа оригинальный иноязычный сегмент почти полностью утрачен, тем самым создается национальная версия романа, в западных исследованиях обозначаемая как *domestication tendency*.

В доказательство приведем несколько примеров: 1) использование метода тремя переводчиками; 2) использование метода двумя переводчиками; 3) использование метода одним переводчиком:

оригинал	Пер. Я. Эзериньш	Пер. Р. Кродерс	Пер. М. Ф. Ликиардопуло	Пер. М. Абкиной	Пер. В. Чухно
1) Trop d'audace [Wilde 2007: 148]	Trop d'audace — liela pādrošība [Vailds 2003: 206] (Trop d'audace — большая дерзость, безрас- судная отвага)	Liela pādrošība [Vailds 1933: 178] (Большая дерзость, безрас- судная отвага)	Trop d'audace! [Уайльда 1912: 170] (*) trop <u>d'audace</u> — много <u>смелости</u>	trop d'audace [Уайльда 1993: 154] <u>* слишкoм</u> <u>большая</u> <u>смелость</u> (фр.)	trop d'audace [Уайльда 2006: 191] <u>* слишкoм</u> <u>большая</u> <u>смелость</u> (фр.)

2) Fin de siècle [Wilde 2007: 149]	Fin de siècle — gadsimta gals [Vailds 2003: 207] (Fin de siècle — конец столетия)	laikmeta gals [Vailds 1933: 179] (конец эпохи)	конец века [Уайльд 1912: 171]	Fin de siècle! [Уайльд 1993: 155] * <u>конец века (фр.)</u>	Fin de siecle! [Уайльд 2006: 192] * <u>конец века (фр.)</u>
3) a skull-cap <i>parseme</i> with pearls [Wilde 2007: 114]	ar smaragdiem un pērlēm izšūtu cepuri [Vailds 2003: 159] (шапку, вышитую изумрудами и жемчугом)	pērlēm izšūtu cepuri [Vailds 1933: 139] (шапку, вышитую жемчугом)	[шапка] увешена грушевидными жемчужинами [Уайльд 1912: 133]	шапочку, <i>parsemé</i> жемчугами [Уайльд 1993: 124] * <u>усеянную (фр.)</u>	шапочку, расшитую жемчугами [Уайльд 2006: 152]

2. Комбинация исходной формы ИВ с пояснением непосредственно в тексте. Как показала первая таблица, этим методом наиболее часто пользуется Я. Эзериньш, тогда как другие переводчики (М. Ф. Ликиардопуло и В. Чухно) к нему прибегают крайне редко или не обращаются вовсе (Р. Кродерс, М. Абкина). По всей видимости, Я. Эзериньш ставил перед собой как минимум две задачи: 1) сохранение иноязычного сегмента как неотъемлемой части семиотического кода романа и заострение внимания на нем; 2) облегчение восприятия ИВ и экономия затраченного потенциальным читателем времени. Другие переводчики довольствовались лишь первой из них (см. первый пример с использованием или опущением ключевого слова «сундук» — *lāde*).

Особый интерес вызывают случаи комбинированной передачи ИВ, когда единица переводится частично, а оставшийся компонент предложен в неизменном виде или транскрибируется (см. переводческие решения, которые предлагает М. Абкина и Я. Эзериньш во втором примере):

оригинал	Пер. Я. Эзериньш	Пер. Р. Кродерс	Пер. М. Ф. Ликиар- допуло	Пер. М. Абкиной	Пер. В. Чужно
1) cassone [Wilde 2007: 101]	cassone — <u>lāde</u> ar fantastiski izzīmētām sienām [Vailds 2003: 143] (cassone — <u>сундук</u> с фанта- стически разрисо- ванными стенками)	cassone ar fantastiski izrotātām sienām [Vailds 1933: 124– 125] (cassone с фанта- стически укращен- ными стенками)	cassone с фанта- стически разрисо- ванными стенками [Уайльд 1912: 119]	cassone с причуд- ливо расписан- ными стенками [Уайльд 1993: 112] * большой <u>сундук</u> с крышкой на петлях (ит.)	<u>сундук</u> – cassone – с причуд- ливо расписан- ными стенками [Уайльд 2006: 137]
2) Rue de Sèze [Wilde 2007: 94]	Rue de Sèze [Vailds 2003: 133]	de Sèze ielā [Vailds 1933: 116] (на улице de Sèze)	Rue de Sèze [Уайльд 1912: 111]	на <u>улице</u> <u>Сэз</u> [Уайльд 1993: 106]	на <u>Рю-де-</u> <u>Сез</u> [Уайльд 2006: 129]

3. Безремарочный прием ввода оригинальной формы ИВ. Для М. Абкиной и В. Чужно данный метод неприемлем; проделанный анализ не выявил ни одного случая такого употребления в их переводах. Достаточно часто к третьему методу обращаются латышские переводчики, однако чаще всего он встречается в самом раннем переводе, выполненном М. Ф. Ликиардопуло. Данное обстоятельство свидетельствует об ориентации переводчиков на определенную аудиторию читателей-эрудитов, что в начале и первой половине XX века еще представлялось возможным, учитывая тесные межнациональные связи, а также специфику образовательных программ (латынь, греческий и др. языки были обязательными в обеих странах), однако во второй его половине уже было бы рискованным шагом — тем более в современных средних учебных заведениях. В доказательство приведем несколько примеров: 1) использование метода тремя переводчиками, 2) использование метода двумя переводчиками, 3) использование метода одним переводчиком:

оригинал	Пер. Я. Эзериньш	Пер. Р. Кродерс	Пер. М. Ф. Ликнард опуло	Пер. М. Абкяной	Пер. В. Чухно
1) a turquoise de la vieille roche [Wilde 2007: 113]	tirkizs <u>de la vieille roche</u> [Vaids 2003: 158] (бирюза de la vieille roche)	<u>De la vicilla roche</u> tirkizs [Vaids 1933: 138] (бирюза de la vicilla roche)	бирюзу <u>de la vieille roche</u> [Уайльд 1912: 132]	бирюзы de la vieille roche, предмета зависти всех знатоков [Уайльд 1993: 123] * старин- ного происхож- дения (<i>фр.</i>)	Старин- ную бирюзу [Уайльд 2006: 150]
2) chaud- froid [Wilde 2007: 147]	chaudfroid — medijuma galertu [Vaids 2003: 204] (заливное из дичи)	<u>chaud- froid</u> [Vaids 1933: 177]	<u>chaudfroid</u> [Уайльд 1912: 169]	chaudfroid [Уайльд 1993: 153] * заливное из дичи (<i>фр.</i>)	Заливное из дичи [Уайльд 2006: 190]
3) décol- letée [Wilde 2007: 148]	<u>décolleté</u> [Vaids 2003: 205]	dekoltēta [Vaids 1933: 177] (деколь- тирована)	деколь- тирована [Уайльд 1912: 169]	décolletée [Уайльд 1993: 154] * деколь- тирована (<i>фр.</i>)	декольте [Уайльд 2006: 190]

4. Частичная трансформация исходной формы ИВ (замена графем, перемена слоговых границ, интонационный сбой и т. п.) в рассмотренных переводах встречается крайне редко и не всегда объясняется невнимательностью переводчика. Также необходимо учитывать факт наличия более ранних и более поздних английских издательских версий романа, что привело к возникновению разновременных орфографических вариантов (тема отдельного исследования). Приведем несколько обнаруженных нами примеров:

оригинал	Пер. Я. Эзериньш	Пер. Р. Кродерс	Пер. М. Ф. Лякиар- допуло	Пер. М. Абкиной	Пер. В. Чужно
les grandè- peres ont toujours tort [Wilde 2007: 45]	les <u>grande</u> <u>pères</u> ont toujours tort [Vailds 2003: 62]	-	les <u>grand-</u> <u>pères</u> ont toujours tort [Уайльда 1912: 51]	les <u>grand-</u> <u>pères</u> ont toujours tort [Уайльда 1993: 59]	les grand- pères ont toujours tort [Уайльда 2006: 65]
de la vieille roche [Wilde 2007: 113]	de la vieille roche [Vailds 2003: 158]	De la <u>vicilla</u> roche [Vailds 1933: 138]	de la vieille roche [Уайльда 1912: 132]	de la vieille roche [Уайльда 1993: 123]	-
trop de zèle [Wilde 2007: 148]	trop de <u>zèle</u> [Vailds 2003: 206]	-	trop de <u>zèle</u> [Уайльда 1912: 170]	trop de <u>zèle</u> [Уайльда 1993: 154]	trop de <u>zele</u> [Уайльда 2006: 191]
Fin de siècle [Wilde 2007: 149]	Fin de siècle [Vailds 2003: 207]	-	-	Fin de siècle [Уайльда 1993: 155]	Fin de <u>siecle</u> [Уайльда 2006: 192]

5. Графическая трансформация исходной формы ИВ (кавычки, курсив) — факультативный метод обособления ИВ в переводном тексте, к которому прибегают все вышеперечисленные переводчики, но лишь в случае использования экзотических реалий (описание коллекции музыкальных инструментов Дориана Грея), например:

оригинал	Пер. Я. Эзериньш	Пер. Р. Кродерс	Пер. М. Ф. Лякиар- допуло	Пер. М. Абкиной	Пер. В. Чужно
ture of the Amazon tribes [Wilde 2007: 112]	Amacones cilšu <u>ture</u> [Vailds 2003: 157] (<u>ture</u> амазон- ских племен)	Amazones cilšu „ <u>ture</u> ” [Vailds 1933: 137] („ <u>ture</u> ” амазон- ских племен)	« <u>ture</u> » амазон- ских племен [Уайльда 1912: 131]	« <u>ture</u> » амазон- ских племен [Уайльда 1993: 122]	« <u>ture</u> » амазон- ских племен [Уайльда 2006: 149]

6. Фонетическая трансформация исходной формы ИВ (транскрипция) — аналогичная ситуация. Приведем два примера: 1) метод использован четырьмя переводчиками, 2) метод использован тремя переводчиками:

оригинал	Пер. Я. Эзериныш	Пер. Р. Кродерс	Пер. М. Ф. Ликиа р-допуло	Пер. М. Абкиной	Пер. В. Чухно
1) juru- paris of the Rio Negro Indians [Wilde 2007: 111]	no Rionegro atvestie <i>juruparis</i> [Vailds 2003: 157] (привезен- ные из Рионегро <i>juruparis</i>)	No Rio- Negro atvestās <i>džuro- parisas</i> [Vailds 1933: 136] (приве- зенные из Рионегро <i>džuro- parisas</i>)	с Рио- Негро « <i>дžуро- парисы</i> » [Уайльд 1912: 131]	« <i>дžуро- парис</i> » индейцев Рио-Негро [Уайльд 1993: 122]	« <i>дžуро- парис</i> » индейцев Рио-Негро [Уайльд 2006: 149]
2) tepo- natzli [Wilde 2007: 112]	<i>teponatzli</i> [Vailds 2003: 157]	„тепо- natzli” [Vailds 1933: 137]	«тепо- natzli» [Уайльд 1912: 131]	«тепо- нацли» [Уайльд 1993: 122]	«тепо- нацли» [Уайльд 2006: 149]

Анализ выявил несколько случаев немотивированного использования метода, к примеру, «*piazza Perugia*» В. Чухно превратил в «пьяцце Перуджи», тогда как остальным переводчикам было достаточно ключевого слова «площадь» и транскрипции ее названия «Перуджи».

7. Перевод ИВ с исключением оригинала. Данный метод наиболее часто практикуют Р. Кродерс, М. Ф. Ликиардопуло и В. Чухно, тогда как Я. Эзериныш к нему прибегает крайне редко, а М. Абкина не использует вовсе. Анализ всех переводческих решений не выявил единых критериев отбора переводимых и исключаемых из текста ИВ. Связано это с переводческой интуицией или со степенью известности вкрапления, пока остается неясным. Тем не менее очевидно преобладание переданных этим методом французских реалий:

Оригинал	Пер. Я. Эзеринш	Пер. Р. Кродерс	Пер. М. Ф. Ликуардопуло	Пер. М. Абкиной	Пер. В. Чухно
a skull-cap <i>parseme</i> with pearls [Wilde 2007: 114]	ar smarag- diem un pērlēm <u>izšūtu</u> cepuri [Vailds 2003: 159] (шапку, <u>вышитую</u> изум- рудами и жемчугом)	pērlēm <u>izšūtu</u> cepuri [Vailds 1933: 139] (шапку, <u>вышитую</u> жемчу- гом)	[шапка] <u>увешена</u> груше- видными жемчу- жинами [Уайльд 1912: 133]	шапочку, <i>parsemé</i> жемчугами [Уайльд 1993: 124] *усеянную (фр.)	шапочку, <u>расшитую</u> жемчу- гами [Уайльд 2006: 152]
édition de luxe [Wilde 2007: 148]	édition de luxe [Vailds 2003: 205]	<u>krāšnu</u> <u>izdevumu</u> [Vailds 1933: 177] (роскош- ное издание)	<u>роскош- ное</u> <u>издание</u> [Уайльд 1912: 170]	édition de luxe [Уайльд 1993: 154] * роскош- ное изда- ние (фр.)	<u>рос- кошное</u> <u>издание</u> [Уайльд 2006: 190]

В плане целесообразности переключения языковых кодов посредством перевода ИВ наибольший интерес представляют два случая: а) *fine-champagne* (сорт дорогого французского коньяка) > коньяк (перевод В. Чухно [Уайльд 2006: 96]) [потеря компонента значения]; б) *odour of lilac blanc* (запах белой сирени — природный аромат, столь значимый для Дориана Грея) > запах духов «Белая сирень» (перевод В. Чухно [Уайльд 2006: 228]) [наделение добавочным смыслом]. Оба примера указывают на высокую степень риска при использовании данного метода. Сказанное подтверждает пример со стихотворением Т. Готье, о котором говорилось в начале статьи. Латвийские переводчики, будучи писателями, предлагают свои стихотворные версии, которые сделаны с учетом их индивидуальных особенностей, а также уровня развития литературного языка на тот момент. Текст оригинала они не указывают. М. Ф. Ликуардопуло сохраняет французский оригинал и предлагает его построчный перевод в отдельной сноске. Системе сносок остается верна М. Абкина. Она использует перевод, выполненный Николаем Гумилевым — признанным теоретиком и практиком перевода и, что немаловажно, писателем и поэтом, как и сам О. Уайльд. Этот же перевод находим у В. Чухно, с тем лишь исключением, что читателю не предлагается оригинал стихотворения.

Выводы

Ни один перевод, тем более перевод художественного произведения, не является идеальным и законченным. Рано или поздно ему на смену приходит более удачная и понравившаяся читательской аудитории версия. Несколько иначе дело обстоит с текстами «повышенной сложности восприятия», текстами, насыщенными культурной информацией, «пестрящими» символами, аллюзиями, цитатами и др. авторскими приемами, распознать которые даже на языке оригинала способен лишь читатель-интеллектуал или специально обученный филолог. Тем более, если эта информация взята из иных языков и культур, как в случае с О. Уайльдом, когда ИВ стали важной стилистической особенностью писателя.

Как показала практика, далеко не всегда наиболее выигрышными оказываются «свежие» переводы таких книг, скорее наоборот: латышская версия перевода романа 1933 года (пер. Р. Кродерс) не вызвала должного резонанса в обществе и впоследствии не была переиздана, тогда как его первый перевод (пер. Я. Эзериньш, 1920) вновь увидел свет в 1976 году и совсем недавно — в 2003 году; русский перевод «Портрета Дориана Грея» 1909 года (пер. М. Ф. Ликиардопуло), к сожалению, стал своего рода библиографической редкостью, тогда как в «соревновании» переводов М. Абкиной (1960) и В. Чухно (1999) с явным отрывом лидирует первый перевод, ставший уже хрестоматийным.

Возвращаясь к проблеме передачи ИВ при переводе художественного произведения, можно сделать вывод о первом и втором методе как наиболее оптимальных и универсальных решениях в большинстве возможных случаев. Именно бережное обращение с оригиналом произведения, сохранение изначальной графической формы ИВ позволило переводчикам придерживаться заданной О. Уайльдом экзотической атмосферы, выразить идею избранничества, а также обозначить культурные предпочтения персонажей и самого автора. При этом необходимым условием стала ориентация на массовую читательскую аудиторию, а не только на читателей-интеллектуалов. По этой причине особую значимость приобрела описательная часть перевода, подробная и точная передача оттенков значения ИВ, как непосредственно в тексте, так и за его пределами, в сносках.

Литература

- Бабкин А. М. 1970 — *Русская фразеология, ее развитие и источники*. Ленинград.
- Влахос С. И., Флорин С. П. 1980 — *Непереводимое в переводе*. Москва.
- Колесникова А. В. 2012 — Арабские вкрапления в английском художественном тексте и их передача на другой язык (на материале сборника новелл В. Ирвинга и их переводов на русский и французский языки). *Вестник Московского государственного областного университета*, № 4. С. 61–66.
- Крысин Л. П. 1968 — *Иноязычные слова в современном русском языке*. Москва.
- Леонтьев А. А. 1966 — Иноязычные вкрапления в русскую речь. *Вопросы культуры речи*. Москва.
- Листрова-Правда Ю. Т. 2001 — Иноязычные вкрапления-библейзмы в русской литературной речи XIX–XX вв. *Вестник Воронежского государственного университета*, № 1. С. 119–139.
- Маркелова Т. И. 2014 — *Символизация иноязычных вкраплений в английском публицистическом тексте*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва.
- Миронова Н. Н. 2015 — Иноязычное высказывание в художественной литературе как единица перевода. *Русский язык и культура в зеркале перевода*, № 1. С. 419–425.
- Немонежная В. Ю. 2010 — Иноязычные вкрапления и стиль произведения (на материале исторического романа А. Конан Дойля «Белый отряд»). *Вестник Московского университета*, № 1. С. 139–143.
- Норлусеня В. С. 2010 — Иноязычные вкрапления: современное состояние проблемы. *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*, № 57. С. 63–66.
- Проценко Е. А. 2005 — Возможна ли репатриация при переводе? *Вестник Воронежского государственного университета*, № 2. С. 133–138.
- Kačāne I. 2013 — Oskara Vailda romāna *Doriana Greja* *ģīmetne* tulkojumū savdabība Latvijā: ne-/tulkojamības aspekts. *Komparatīvistikas almanahs Tulkojumzinātne*. / *Journal of Comparative Studies Translation Studies*. Daugavpils. 29.–57. lpp.
- Tulus J. 2015 — *Early Modern Cultures of Translation*. Pennsylvania.

Источники

- Уайльд О. 1912 — *Полное собрание сочинений Оскара Уайльда*. С критико-биографическим очерком и портретом автора под редакцией К. И. Чуковского. Том 2. Приложение к журналу «Нива». Пер. М. Ричардса (М. Ф. Ликиардопуло). Санкт-Петербург.
- Уайльд О. 1993 — *Портрет Дориана Грея. Избранные произведения*. В 2 т. Т. 1. Пер. М. Абкиной. Москва.

Уайльда О. 2006 — Портрет Дориана Грея. *Портрет Дориана Грея: Роман, повести, пьесы, сказки, афоризмы*. Пер. В. Чухно. Москва.

Vaids O. 1933 — *Doriana Greja portrets*. Tulk. R. Kroders. Rīga.

Vaids O. 2003 — *Doriana Greja ģimetne*. Tulk. J. Ezeriņš. Rīga.

Wilde O. 2007 — *The Picture of Dorian Gray*. Ed. M. P. Gillespie. New York, London.

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ

Л. М. КНЫШ-КРЮКОВ

Язык и культура являются основными кодами, с помощью которых осуществляется общение между людьми, при этом особенности структуры языка, его лексика и система грамматических категорий в значительной мере отражают специфику языковой картины мира народа, говорящего на соответствующем языке. Ученые А. Вежбицкая [Вежбицкая 1997,1999], А. А. Зализняк [Зализняк 2005], А. Д. Шмелев, Т. В. Булыгина [Булыгина, Шмелев 1997], Т. И. Вендина [Вендина 2002], В. И. Карасик [Карасик 2002] и др., развивая данное направление лингвистики, обращают особое внимание на анализ грамматических категорий определенного языка, так как некоторые из категорий «обладают культурной спецификой и поэтому в значительной мере определяют поведение людей, пользующихся именно этим языком» [Карасик 2002: 144].

Эти особенности необходимо учитывать и в процессе преподавания иностранных языков. В данной статье речь пойдет об изучении русских глаголов движения в эстонской аудитории с учетом национально-культурной специфики этой группы глаголов. Эстонский язык имеет своеобразный грамматический строй, не укладывающийся в привычные для нас схемы русской грамматики. Для отражения объективной реальности, в частности способов передвижения, эстонский и русский языки нередко используют разные модели, и это связано со взаимодействием *своего* и *чужого* в языковой и культурной картине мира носителей этих языков.

Современные информационные технологии позволяют внедрить элементы интерактивности с целью оптимизации процесса изучения русского языка как иностранного, эти же технологии можно использовать в процессе изучения названной темы. Всё большую популярность в Эстонии приобретает интернет-среда *LearningApps.org*, позволяющая создавать различ-

ные веб-приложения, которые способствуют формированию необходимых для качественного изучения иностранного языка учебных навыков и умений, поддерживают лично ориентированный подход к обучению. Разработанные нами интерактивные задания могут быть многократно использованы как на уроках с учителем, так и при самостоятельном ознакомлении с глаголами движения, что позволяет совершенствовать лексические, грамматические навыки, а также навыки письма. Используемая при этом система трансформационных упражнений направлена на закрепление учебного материала через многократное повторение языковых образцов.

Стратегии, предлагаемые нами в среде *LearningApps.org*, представлены в виде игровых заданий, поскольку именно такой подход позволяет снять языковой барьер, облегчить понимание изучаемого материала, повысить заинтересованность и мотивацию к изучению РКИ. Разнообразие способов осмысления языкового материала и работы с ним способствует прочности формируемых знаний, навыков и умений.

Процесс обучения глаголам движения требует большой затраты времени, поскольку эстонцы по-другому воспринимают эти глаголы, что необходимо учитывать преподавателю. Заслуживающие внимания наблюдения о функционировании глаголов движения в русском и эстонском языках описаны И. П. Кюльмоя [Кюльмоя, Вайгла, Соль 2003], В. П. Щадневой [Щаднева, Бамбус 1995; Štšadneva 2006], и к этим разработкам мы обратимся на следующем этапе нашего исследования. Пока же при создании своей системы электронных упражнений, ориентированных на заявленную тему, мы опирались на концепцию Э. П. Васильченко, в соответствии с которой работа с глаголами движения должна иметь шестиступенчатый характер [Васильченко 2002]. Опираясь на эту схему, мы наполнили ее своим содержанием в соответствии с программой нашего курса и разработали свою систему электронных заданий. Эти интерактивные упражнения были использованы в рамках вводного курса РКИ для студентов следующих специальностей: бухгалтерский учет, секретарь — помощник руководителя, специалист по маркетингу, руководитель по персоналу, управление бизнесом и др. Для нас было важно, что такой алгоритм отражает национально-культурную специфику глаголов движения в русском и эстонском языках. Разработанные электронные задания позволяют также учесть такие важные факторы, как темп обучения, индивидуальные особенности каждого учащегося: когнитивные стили при организации информации, сенсорные предпочтения (типы памяти) при удержании и воспроизводстве информации, доминантность полушарий, фоновые знания, зависимость от контекста, чувствительность к окружающей среде и т.д. Это основной

методический принцип, на который мы опирались. Например, студенты, у которых доминирует левое полушарие, относятся к некомуникативному типу учащихся, они включаются в коммуникацию, только когда изучают новые слова и правила. Именно на них в первую очередь ориентированы разработанные нами электронные задания. Если же у человека доминирует правое полушарие, он, с точки зрения особенностей усвоения иностранного языка, относится к коммуникативному типу учащихся, которые с удовольствием составляют диалоги и не контролируют правильность своей речи. Апробируя свою систему заданий, мы сочетали работу за компьютером с работой в аудитории, когда усвоенный материал активизировался в текстах, ролевых играх, при составлении диалогов. Проведенный нами первичный опрос работавших по данной методике студентов позволил прийти к выводу о том, что именно такой двусторонний подход позволяет достичь оптимальных результатов.

Первый этап работы был связан с актуализацией имеющегося в русском языке понятия об однонаправленном и неоднаправленном / разнонаправленном движении. Как известно, в эстонском языке дифференциация по характеру движения имеется только у одной глагольной пары: *minema* – *käima*. Глагол *minema* обозначает целенаправленное (однаправленное) движение, например, *ma lähen kooli*. Глагол *käima* — это глагол неоднаправленного движения и обозначает:

- движение в нескольких направлениях;
- движение туда и обратно;
- способность совершать движение (например, *nende poeg juba käib*).

Остальные глаголы движения в эстонском языке выражают только целенаправленное движение. Они могут передавать разнонаправленное движение в соответствующем контексте: *sõitma Tallinnasse* – *sõitma mööda Tallinna ringi*; *lendama Helsingisse* – *lendama ringi*; *ujuma kaldale* – *ujuma basseini* и т. д. Но значение движения туда и обратно эти глаголы в своей семантике не содержат. Именно поэтому эстонцы используют глагол *käima* вместо глаголов *sõitma*, *lendama* во всех случаях, когда нужно передать значение двунаправленного движения (туда и обратно). При составлении учебных материалов необходимо учитывать эту особенность восприятия эстонцами глаголов движения в русском языке, ведь именно она вызывает у носителей эстонского языка особые затруднения, на преодоление кото-

рых требуется длительное время [Васильченко 2002]. Исходя из этого стоит начать изучение такого типа глаголов с актуализации тех представлений, которые имеются в родном языке, что и составляет обучающую цель первого этапа. Созданные электронные упражнения позволяют снизить временные затраты, и требуемая механическая отработка данного типа глаголов (дриллинг) может быть успешно реализована посредством *LearningApps.org*.

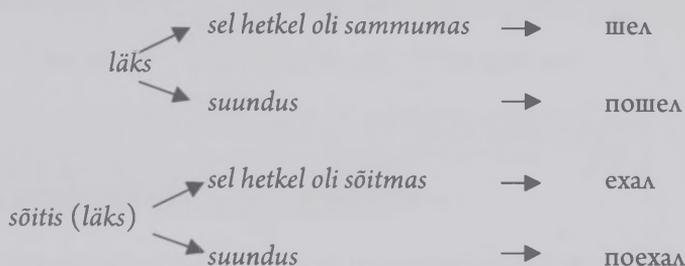
Предложенное нами веб-приложение (см. Иллюстрацию 1) позволяет соотнести русские и эстонские глаголы, понять существующие между ними семантические различия, систематизировать их. Имеющаяся автоматическая мгновенная обратная связь позволяет учащемуся оперативно выявлять нуждающиеся в доработке моменты, самостоятельно оценивать свои результаты и использовать предложенный материал в соответствии со своими индивидуальными запросами.

The screenshot shows the LearningApps.org interface. At the top, there is a search bar and navigation links: "Все упражнения", "Новое упражнение", "Мои классы", and "Мои приложения". The user's account name "liika1972" is visible in the top right. The main content area displays the Estonian sentence "Ühenda vene sõnad eesti sõnadega." (Connect the Russian words with Estonian words). Below this, there are two rows of boxes. The first row contains four Russian verbs: "носить", "нести", "идти", and "ходить". The second row contains four Estonian verbs: "minema (ühes suunas)", "neksi", "ehvata", and "sõitma (mitmes suunas)". The "neksi" box is highlighted. Below this, there are three rows of dashed boxes containing Estonian verb forms: "jooksma (ühes suunas)", "jooksma (mitmes suunas)", "vedama/viima (jalgsi/ühes suunas)", "vedama/viima (jalgsi/mitmes suunas)", "vedama/viima (transpordiga/ühes suunas)", and "vedama/viima (transpordiga/mitmes suunas)".

Ил. 1. Соотнесенность русских и эстонских глаголов движения

Второй этап обучения направлен на изучение глаголов движения в прошедшем времени. Вначале стоит ограничиться парами *идти* – *ходить*, *ехать* – *ездить*, но при этом постараться охватить весь объем навыков и умений, которые относятся к употреблению глаголов движения. Цели данного этапа следующие:

- различная способы движения, выражаемые глаголами *шел/ехал; ходил/ездил*, вслед за Э. П. Васильченко [Васильченко 2002] мы предлагаем использовать в качестве ориентира такие слова, как *близко (дом, магазин, библиотека и т. п.)* и *далеко (Тарту, Москва, Париж и т.п.)*; в первом случае глаголы *шел/ходил* используются, если в ситуации отсутствует упоминание о транспорте (*идти/ходить пешком*), во втором же случае использование транспорта обязательно;
- различная характер движения, выражаемый глаголами *шел/пошел; ехал/поехал*, мы актуализируем значения, которые имеются в эстонских глаголах:

- управление двунаправленных глаголов движения: *ходил (куда?) / ездил (куда?) = был (где?)*;
- согласование глаголов прошедшего времени с именем существительным в роде и числе;
- формирование навыка употребления винительного падежа с предлогом *в* или *на*.

Для отработки этих элементов нами создано следующее задание: из предложенных вариантов учащийся должен выбрать подходящую, по его мнению, форму глагола. При проверке правильности ответа система показывает, какие из них были верными, а какие нет. В случае ошибки ученик может изменить свой ответ и перепроверить решение. Таким образом, у учащихся есть возможность отрабатывать полученные знания и навыки с учетом своих когнитивных особенностей.

LearningApps.org

Настройки аккаунта: lika1972

Поиск

Все упражнения | Новое упражнение | Мои классы | Мои приложения

Täida lüügad.

Kasuta verbid **идти - ходить / ехать - ездить mineviku vormis.**

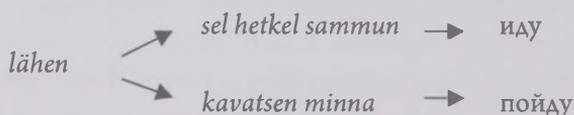
Марина вечером в бассейн. Куда ты вчера ? Мы часто в парк. Вы уже в Москву? Откуда они в понедельник ? В прошлом году она не на работу. Вчера она из Риги. Когда мы из театра. и о фильме.

Проверить решение

Ил. 2. Активизация глаголов движения *идти – ходить, ехать – ездить*

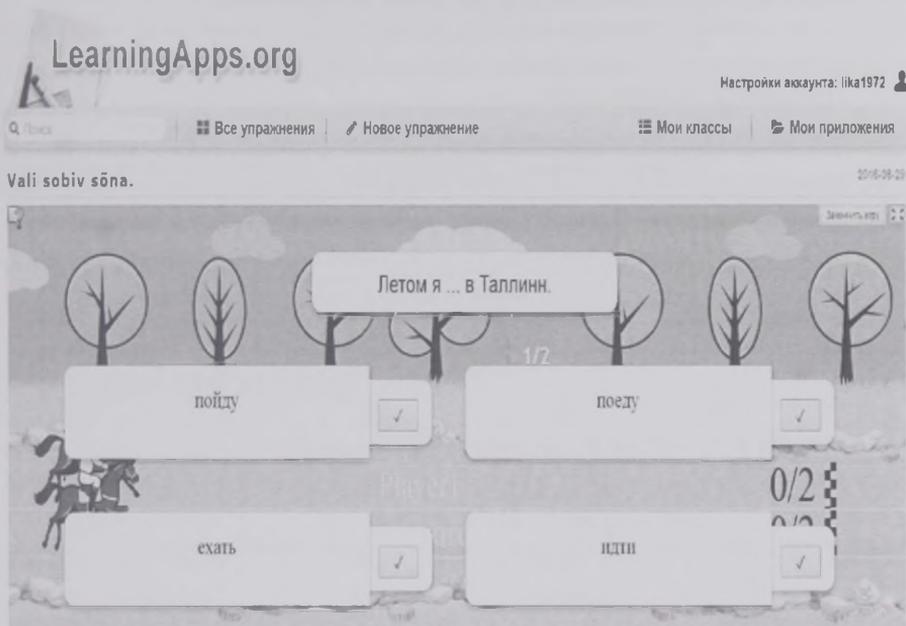
Третий этап предполагает работу с глаголами движения в настоящем и будущем времени. В эстонском языке, как известно, нет специальной формы будущего времени. Например, предложение *Ma lähen teatrisse* может относиться как к настоящему, так и к будущему времени: всё зависит от того, как эстонцы осознают отнесенность к тому или иному времени.

Чтобы студенты научились правильно использовать глаголы *идти / пойти, ехать / ездить*, представляется возможным опираться на смыслы *sel hetkel = иду, kavatsen minna = пойду*, а не на понятия — настоящее и будущее время.

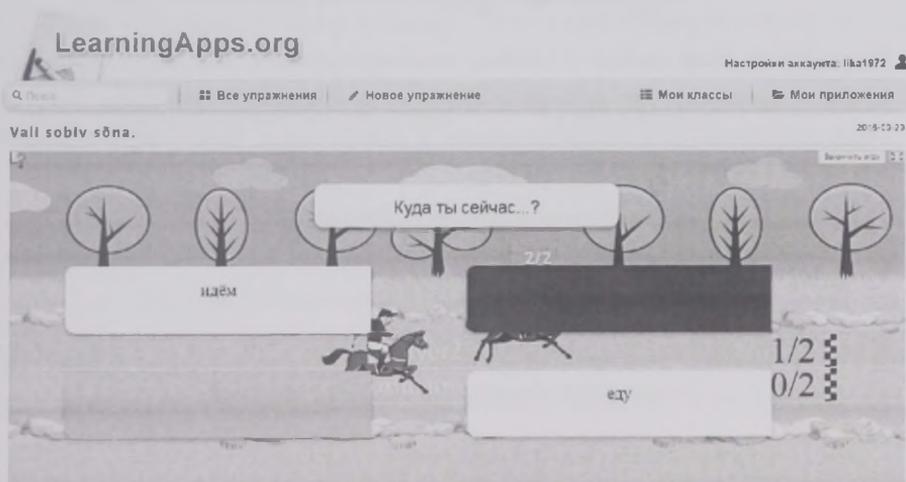

Следующее приложение, созданное нами в игровой форме конного состязания (см. Иллюстрации 3 и 4) позволяет целенаправленно проработать эту тему. Ученик должен внимательно прочитать вопрос, учесть приведенные опорные слова и выбрать подходящую форму глагола. Чем быстрее и правильнее он это сделает, тем больше вероятность выиграть «скачки». Имеющиеся в приложении разные варианты вопросов способствуют меха-

нической отработке навыков определения времени глаголов и включения глаголов движения в речевые конструкции.

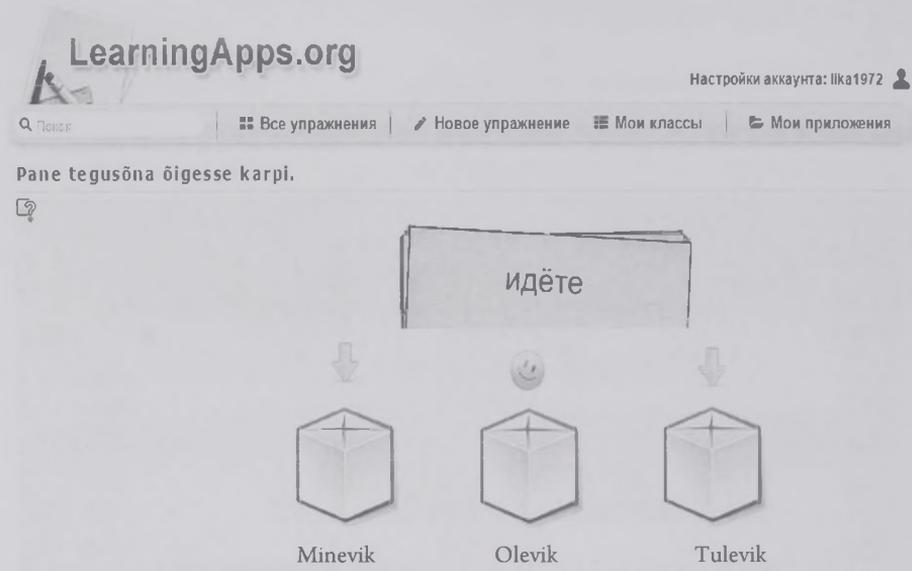
Ил. 3. Активизация глаголов идти – ходить, ехать – ездить

Ил. 4. Активизация глаголов идти-пойти, ехать-поехать

В следующем приложении (см. Иллюстрацию 5) предлагается промежуточное задание на закрепление пройденного материала: учащийся должен распределить предложенные формы глаголов движения по временам. Система проверки *LearningApps.org* отслеживает выбранные варианты,

и автоматическая обратная связь позволяет ученику при необходимости скорректировать свой ответ. Таким образом, у учащегося складывается система классификации глаголов движения по временам.

Ил. 5. Активизация глаголов идти – ходить – пойти

Четвертый этап связан с такими видами глаголов, как *идти – прийти, ехать – приехать; приходиться – прийти, приезжать – приехать*. В эстонском языке глагол *minema* пределен и имеет пару, адекватную русскому СВ — *tulema* (*прийти*). Например:

Martin läks (sel hetkel) kinno — Мартин шел в кино;

Martin tuli kinno — Мартин пришел в кино.

Некоторые сложности имеются в паре *приходил – пришел*, и с этим нельзя не согласиться. Глагол *приходил* имеет два значения НСВ:

- повторяющееся действие: *обычно он приходил* утром;
- значение аннулированного результата: *утром он приходил*.

Поэтому при изучении данных глаголов необходимо объединить следующие понятия: повторяющееся действие = НСВ + опорные слова *обычно, всегда, иногда, каждый раз* и т. д.

Второе значение глаголов *приходил – приезжал* является следствием их основной семантики: двунаправленности движения (*tuli ja läks tagasi, läks ära*).

В разработанном нами приложении (см. Иллюстрацию 6) ученику предлагается выбрать нужную форму глагола движения, исходя из предложенного контекста. Язык представляет собой целостную систему, состоящую из различных единиц, предназначенных для функционирования в тексте, поэтому комплексный подход, моделирующий реальные речевые ситуации, позволяет ученику легче представить возможности и средства русского языка. Используемая форма тренировочных упражнений способствует постепенной отработке сложных языковых единиц, и система проверки в веб-приложении всегда укажет на неверный ответ.

LearningApps.org Настройки аккаунта: lika1972

🔍 Поиск | 🗖 Все упражнения | ✎ Новое упражнение | 📖 Мои классы | 📁 Мои приложения

Täida lüngad kasutades tegusõna
идти – прийти, ехать – приехать, приходиться – прийти, приезжать – приехать
 õiget vormi.

Наша школа около дома, поэтому я [прихожу] в школу к 8.00. Но сегодня у меня контрольная работа, поэтому я [пришел] (ms) к 7.30.
 Каждую неделю мой брат [приезжает] в гости к нам из Пярну. Но в этот раз он [приехать] к нам из Нарвы.
 По вторникам тётя [ходит] в спортивный клуб около дома.
 Наш город маленький, поэтому люди [] на велосипедах.
 Дядя всё время [ездит] на белой машине, но сегодня он [ехать] на зелёной.

Проверить решение

Ил. 6. Активизация форм глагола в зависимости от контекста

На пятом этапе изучаются другие бесприставочные глаголы движения, например, *бежать – бегать, летать – лететь, плавать – плыть* и т. д.

При изучении лексики в памяти учащегося остается зрительный и акустический образ слова, поскольку оно воспринимается в письменной форме и на слух. Данный аспект учтен при разработке следующего приложения (см. Иллюстрацию 7), поэтому мы ограничили возможность мгновенной обратной связи. Теперь в случае неверно расположенного ответа, система не удаляет его автоматически, а оставляет в общей таблице-сетке. Впослед-

ствии ученик может перераспределить неверные карточки-ответы и проверить свой результат.

Разница в одну-две буквы в русскоязычном слове может показаться эстонцу незначительной, однако следует обратить внимание на эти нюансы, в противном случае смысл слова может быть полностью изменен. Предложенное упражнение на спряжение глаголов движения также учитывает эту особенность.

LearningApps.org

Настройки аккаунта: ika1972

Все упражнения / Новое упражнение / Мои классы / Мои приложения

Lohista tegusõna vorm õigesse tulpa.

	Я	Она	Вы	Они не
плыть	плыву		плывёт X	плывете X
бежать		бежит	бежите	
бегать	бегу X	бегают		бегают

Ил. 7. Спряжение бесприставочных глаголов

Одним из обучающих методов при работе над глаголами движения может быть использование упражнений с изначально неправильно употребленными в предложениях словами или словосочетаниями (см. Иллюстрацию 8). В рамках данного задания ученик, применяя на практике ранее изученные грамматические правила, должен самостоятельно решить, является ли предложенный вариант глагола верным; по условиям задания, здесь содержится только 9 неверно записанных форм глаголов движения. Во время проверки система укажет на правильные ответы, отметит ошибочные варианты и подскажет, сколько слов осталось найти.

LearningApps.org

Настройки аккаунта: lka1972

Поиск | Все упражнения | Новое упражнение | Мои классы | Мои приложения

Leia 9 vales vormis tegusõna.

1. Куда он идёт? 2. Мы каждый день хожу в школу. 3. Я идём на почту. 4. Марина часто бегаёт по утрам. 5. Вчера он ходить на концерт. 6. Мой друг плавает очень быстро. 7. Куда ты сейчас бегаешь? 8. Кто хочет пойти на экскурсию в музей? 9. Вы ездил позавчера в город? 10. Девочка нести книги в библиотеку. 11. Они на прошлой неделе ездили в Тарту. 12. На каком транспорте они туда ездить? 13. Завтра мои родители поедут в деревню. 14. Скоро они пойти к бабушке. 15. Каждый день брат ехать в университет.

3 выделенные слова пропущены.

Перепроверить решение

Ил. 8. Поиск неправильно используемых форм глаголов

Следует согласиться с Э. П. Васильченко в том, что на завершающем, **шестом этапе** работы можно перейти к изучению приставочных глаголов движения СВ с выходом в приставочное глагольное словообразование: это глаголы *выйти: выписать, вычитать; перейти: пересчитать, переписать, передать* [Васильченко 2002].

Следующие приложения (см. Иллюстрации 9 и 10) могут быть использованы для формирования грамматических навыков словообразования в русском языке и их отработки в тексте.

LearningApps.org

Настройки аккаунта: lka1972

Поиск | Все упражнения | Новое упражнение | Мои классы | Мои приложения

Lahenda rist sõna

Вопрос 1 (Вертикальное):

võlja minema

Ответ:

Ы

Крестовый пазл с вертикальным вопросом и ответом 'Ы'. В центре пазла уже введены буквы 'ВЫПИСЫВАТЬ'.

Ил. 9. Активизация приставочных глаголов

LearningApps.org

Настройки аккаунта: lika1972

Поиск | Все упражнения | Новое упражнение | Мои классы | Мои приложения

Vali sobiv variant

Külalised hakkasid tuppa sisse tulema. → Гости начали входить в комнату.

Poiss jooksis klassist välja. → Мальчик выбежал из класса.

Kirjutage tekstist uued sõnad välja. → Выпишите из текста новые слова.

Meil on vaja õigel ajal välja minna. → Нам нужно приехать вовремя.

Auto sõitis liiga lähedale maja juurde. → Машина приехала к дому слишком близко.

Ma pean lapsele lasteaeda järgi minema. → Я должен зайти за ребёнком в детский сад.

Mul on vaja vene keele hinne üle kanda. → Мне необходимо оценку по русскому языку.

Meie sõitsime Tallinna probleemideta. → Мы в Та проблем.

перейти перевести перенести принести

Проверить решение

Ил. 10. Активизация форм глагола в зависимости от контекста

Работа над темой «Глаголы движения в русском языке», которая была проведена в эстонской аудитории с использованием описанного комплекса заданий, учитывающего как национально-культурные особенности восприятия глаголов данной лексико-семантической группы, так и когнитивные особенности обучаемых, была высоко оценена студентами. В дальнейшем мы намерены расширить экспериментальную базу и провести статистический анализ полученных данных, а также модифицировать рабочую схему применительно к нашей учебной аудитории.

Литература

- Булгына Т. В., Шмелев А. Д. 1997 — Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Москва.
- Васильченко Э. П. 2002 — Аспектуальность в эстонском языке в сопоставлении с русским: (на материале глаголов речи). *Võõrkeeleõpe muutuvast maailmas*. Тарту. CD-диск.
- Вежбицкая А. 1999 — Семантические универсалии и описание языков. Москва.
- Вежбицкая А. 1997 — Язык. Культура. Познание. Москва.
- Вендина Т. И. 2002 — Средневековый человек в зеркале старославянского языка. Москва.

Зализняк А. А. 2005 — Преодоление пространства в русской языковой картине мира. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва.

Карасик В. И. 2002 — *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград. С. 144.

Кюльмоя И., Вайгла Э., Соэль М. 2003 — *Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков*. Тарту.

Щаднева В., Бамбус Л. 1995 — Семантика глаголов идти/ходить в свете болгарского и эстонского языков. *Проблемы на социолингвистиката IV. Социолингвистика и комуникация*. София. С. 183–186.

Štšadneva, V. Eesti ja vene keele liikumisverbide leksikaalsemantilistest rühmadest kõrvutava analüüsi näitel. *Finest Linguistics. Proceedings of the Annual Finnish and Estonian Conference of Linguistics. Tallinn, May 6–7, 2004*. Tallinn: Tallinna Ülikooli Kirjastus, 2006. 262–273.

ПЕРЕВОД — ЭТО «СВОЙ» ИЛИ «ЧУЖОЙ» ТЕКСТ?

С. КУПП-САЗОНОВ

Перевод — это постоянное жертвоприношение,
вопрос лишь в том, что оказывается жертвой
и во имя чего эта жертва приносится.
Н. К. Гарбовский

Введение

Вопрос, должен ли перевод восприниматься читателями как «свой» или, наоборот, как «чужой» текст, остается до сих пор без окончательного ответа. Сторонники есть у обеих точек зрения.

В теории и практике перевода различаются две стратегии¹: **форенизация** (*foreignization*) и **доместикация** (*domestication*), первыми ввел их в переводоведение американский ученый Л. Венути [Venuti 1995, 1998]. В русскоязычных работах употребляются также предложенные А. Ковалем термины *остранение* и *одомашнивание* [Эко 2006]. Необходимо отметить, что, по мнению Х. Кемпанена, термины *форенизация* и *доместикация* довольно редко встречаются в российских исследованиях по теории перевода [Кемпанен 2012: 77–78]. Он утверждает, что эти термины отсутствуют в книгах, учебных пособиях по переводу, а также в статьях сборников, исключением являются статьи, опубликованные в Интернете [Там же: 80–81]².

¹ В. В. Сдобников [2015: 130] пишет в своей докторской диссертации о том, что в научной литературе встречаются оба термина: «стратегия перевода» (И. С. Алексеева [2008: 143–170], И. В. Войнич [2009], Н. К. Гарбовский [2004: 506–508]) и «переводческая стратегия» (В. Н. Комиссаров [2001: 356–360]).

² Исходя из этого, нельзя делать вывод, что в российском переводоведении вопрос о стратегиях перевода не обсуждается вообще, эта проблематика отражена в других терминах (например: *буквальный vs. вольный, форма vs. содержание, формальная эквивалентность vs. динамическая эквивалентность* и др.) и подходах [Кемпанен 2012: 81].

Что же стоит за этими понятиями? По Венути, доместикация означает, что иностранный текст адаптируется к культурным ценностям языка перевода. Форенизация, в свою очередь, представляет собой сознательное игнорирование лингвистических и культурных норм переводящего языка [Venuti 1995: 15–18].

Принято считать, что выбор конкретной стратегии играет существенную роль, прежде всего, в переводе лексики, в частности, в передаче реалий [см. Милостивая 2015; Барсукова, Хайрова 2014; Paesalu 2014; Kauts 2012; Laan 2006 и др.], однако на самом деле, эта дилемма переводчика³ касается и других уровней языка, в том числе грамматики. В нашей статье делается попытка проанализировать проявление стратегий перевода форенизации и доместикации именно на грамматическом уровне языка в русско-эстонском художественном переводе. Более подробно будут рассмотрены категории числа и времени.

Стратегии перевода: форенизация и доместикация

Обратимся к сути этих двух стратегий перевода. Форенизация означает, что текст перевода читается именно как перевод, то есть читатель четко чувствует, что перед ним текст из иной культуры. Чаще всего это происходит потому, что переводчик сознательно не соблюдает лингвистические и/или культурные нормы языка перевода [Нестеренко 2012: 5]. По словам Л. Венути, в таком случае переводчик становится «видимым» и это правильно, потому что читатель должен понимать, что перед ним перевод [Venuti 1995: 1–2].

Стратегия доместикации, в свою очередь, проявляется в том, что текст воспринимается читателем как «свой» (то есть не как переводной). Для этого должен быть выполнен ряд условий: текст должен читаться легко, быть понятен, не должен содержать никаких элементов чужой культуры и т. д. В этом случае переводчик становится «невидимым». В. Н. Комиссаров обращает внимание на распространенное представление о том, что перевод должен полностью соответствовать нормам переводящего языка, нельзя допускать проявления т. н. «переводческого языка», в котором видно влияние иноязычных форм. Однако анализ текстов показывает, что даже один и тот же язык различен в оригинальных и переводных текстах.

³ Принято считать, что выбор между стратегиями перевода делается переводчиком, однако нельзя недооценивать роль редактора, который также может внести свои исправления в текст, если ему кажется, что перевод необходимо сделать более «своим».

Переводчик, который не учитывает этот факт, стремится переводить таким образом, чтобы его текст читался так, как его написал бы автор оригинала, если бы он писал на языке перевода. Чтобы перевод не отличался от оригинальных текстов, можно вносить в него все необходимые изменения и дополнения [Комиссаров 1990: 199].

Существенным является также то, что стратегии перевода одного и того же произведения могут изменяться (это обусловлено многими фактами, например, текст переводят разные переводчики и/или в разные эпохи и т. д.). К. Кильк анализирует в своей магистерской работе три эстонских перевода (1968, 1994 и 2006 гг.) романа Трумена Капоте «Хладнокровное убийство» и, среди прочего, обращает внимание на то, какие соответствия наименованиям реалий встречаются в эстонских текстах. Так, например, лексема *гамбургер* (анг. яз. *hamburger*) переводится в текстах 1968-го и 1994-го гг. как *kotletisai* ('булочка с котлетой'), однако, в переводе 2006-го года используется уже вариант *hamburger* ('гамбургер') [Kilk 2010: 46].

Что касается выбора стратегии перевода на уровне грамматики, то переводчик, несомненно, стоит перед непростой задачей. Если он решает соблюдать стратегию форенизации, в случае реалий у него имеется возможность пояснить целевой аудитории непонятные, чужеродные явления. Он может делать это, например, в подстрочных примечаниях, в предисловии, в послесловии и т. д. В некоторых случаях переводчики довольно подробно описывают то, как они переводят, и обосновывают свои решения, см., например, [Kaer 2005]. Однако пояснить свой выбор из вариантов перевода грамматических элементов невозможно. Вряд ли переводчик может и будет в послесловии книги рассуждать о том, почему он решил перевести повествование с помощью настоящего исторического⁴ вместо форм прошедшего времени.

Следует подчеркнуть, что в наш анализ включены лишь те случаи, в которых у переводчика действительно имеется выбор между двумя стратегиями перевода, то есть когда нормы родного языка не препятствуют точной передаче семантики и употребления грамматических форм оригинального текста. Иными словами, мы не будем рассматривать те примеры, в которых язык перевода в принципе не допускает какого-либо употребления какой-то грамматической формы. Например, в русском языке можно выразить категорический приказ с помощью формы прошедшего времени. В эстон-

⁴ Временная форма презенса употребляется для передачи прошедших событий, и при этом создается впечатление, что они происходят в момент речи перед глазами слушателя или читателя [Виноградов 1972: 451].

ском языке такое употребление формы прошедшего времени не встречается (см. пример 1). Поэтому в данном случае не имеет смысла говорить о выборе между стратегиями, так как язык перевода сам предписывает определенный способ для передачи значения приказа, то есть употребление прежде всего формы повелительного наклонения (см. пример 1).

- (1) — *Пошёл вон, — сказал ему Воланд.* (М. Булгаков)
„Kasi minema,” ütles talle Woland. (Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

Далее перейдем к рассмотрению возможных стратегий перевода в случае категории числа и категории времени.

Категория числа

Формы числа в прямом употреблении в большинстве случаев совпадают в русском и эстонском языках и поэтому не вызывают в процессе перевода никаких проблем. С точки зрения выбора между стратегиями форенизации и доместикации более интересны случаи переносного употребления, потому что в них наблюдается больше различий.

Думается, что языковые (в том числе грамматические) расхождения между языками могут быть обусловлены, среди прочих факторов, культурными, историческими и т. п. различиями, однако это не абсолютное правило. Представим одно доказательство: в русском и эстонском языках встречается т. н. *Pluralis majestatis* (*множественное величия, klassikaline majesteeditimus* [Erelt 1990: 37]) — использование местоимения 1-го л. мн. ч. в речи о себе монархами и высокопоставленными сановниками (например, Папой Римским). Учитывая историю Эстонии, можно утверждать, что подобное употребление формы 1-го л. мн. ч. несвойственно эстонской культуре, потому что в Эстонии никогда не было своего короля (и дворянства в целом), все властвующие монархи принадлежали к другим народам, культурам и государствам (Российской империи, Шведскому королевству и т. д.). Однако, несмотря на это, в эстонских переводах⁵ подобное переносное употребление категории числа всё же встречается, см. примеры (2) и (3).

⁵ Что касается наличия *Pluralis majestatis* в эстонских оригинальных текстах, то эта тема требует отдельного исследования, и это не входит в цели нашей статьи.

- (2) — Секретарь! **Мы** божиею милостью **определяем** сержанта Николаева для начала в помощники тебе...
 — Слушаю, ваше сиятельство! — потрянув льняным чубом, выкрикнул голубоглазый юноша Ваня Почиталин. (В. Шишков)
 „Sekretär! Jumala armust **meie määrame** seersant Nikolajevi esialgu sinu abiliseks...”
 „Kuulen, teie hiilgus!” hüüdis sinisilmne nooruk Vanja Potšitalin oma linakarva tukka raputades. (Перевод Р. Viiding)
- (3) Божьей Милостью **Мы**, Николай Второй, император и самодержец всероссийский... (В. Аксенов)
 Jumala armust, **Meie**, Nikolai Teine, Venemaa keiser ja isevalitseja... (Перевод Р. Saluri)

С другой стороны, можно выделить и различия в переносном употреблении категории числа в русском и эстонском языках. Традиционно в русском научном стиле используется особый прием, а именно: т. н. *авторское мы* — 1-ое л. мн. ч. используется в научном тексте вместо 1-го л. ед. ч., чтобы выражать скромность автора текста и признавать вклад предыдущих и современных ученых в изучение какой-либо проблематики. Хотя подобное употребление иногда встречается и в эстонских текстах (не исключаем влияния русского языка), однако это не одобряется эстонскими лингвистами и считается оправданным лишь тогда, когда у текста имеется более одного автора [Erelt 1990: 37]. Однако в переводе *авторское мы* иногда сохраняется, см. пример (5).

- (4) **Рассмотрим** с точки зрения функции повторов стихотворение Леонида Мартынова «О земля моя!» (Ю. Лотман)
Vaatleme kordumise funktsiooni seisukohast Leonid Martõnovi luuletust „Oo, mi maa!” (Перевод Р. Lias)
- (5) **Вспомним стих** из уже процитированного **нами** стихотворения А. Блока... (Ю. Лотман)
 Tuletame meelde A. Bloki värsirida, mida **oleme** juba **tsiteerinud**... (Перевод Р. Lias)

Необходимо отметить, что форму 1-го л. мн. ч. в примере (4) можно трактовать как выражающую вовлеченность читателя или приглашение принять участие в рассуждениях автора, в этом значении подобное употребление является вполне приемлемым и с точки зрения эстонского языка. Однако в примере (5) однозначно проявляется употребление *авторского мы*,

и в данном случае переводчик выбирает стратегию форенизации, сохраняя мн. ч. в эстонском тексте.

В примере (6) местоимение *мы* употребляется человеком, который находится ниже на лестнице социальной иерархии, чем его собеседник. Можно полагать, что *мы* имеем дело с прямым употреблением. Хотя в момент произнесения этих слов Наташа говорит, прежде всего, о себе, но она подразумевает и других простых людей вроде себя.

Однако более интересным является её отношение к Маргарите. В русском тексте чередуются более и менее формальные способы обращения к собеседнику. С одной стороны, Наташа употребляет обращение по имени и отчеству, называет Маргариту *повелительницей*. С другой стороны, в тексте присутствуют и более фамильярные элементы: *душенька* и *прости*. С точки зрения русского языка в совмещении слова *повелительница* и обращения на *ты* нет ничего удивительного, так как традиционно «не одно столетие на Руси всегда и всем один на один говорили *ты*. И первое лицо государства не было исключением. «Государь *ТЫ* наш батюшка!» /.../ Только в конце XVII века во внутренней деловой переписке Петра I появилось местоимение *вы* в качестве формы вежливости» [Аксенова 2012: 214]. Думается, что эстонским переводчикам слово *повелительница* и форма *ты* показались несовместимыми, и поэтому в эстонском переводе Наташа обращается к Маргарите на *вы*, то есть перед нами типичный случай доместикации.

- (6) — *Душенька! Маргарита Николаевна!* — кричала Наташа, скача рядом с Маргаритой, — сознаюсь, взяла крем. Ведь и *мы* хотим жить и летать! *Прости* меня, *повелительница*, а я не вернусь, нипочем не вернусь! (М. Булгаков)

„*Kallike! Margarita Nikolajevna!*“ hüüdis Nataša Margarita kõrval kapates. „Ma tunnistan üles, ma võtsin kreemi. Eks taha ju *meiegi* elada ja lennata! *Andke* mulle *andeks*, *käskijanna*, aga ma ei lähe tagasi, mitte miski hinna eest ei lähe tagasi!“ (Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

В примере (7) проявляется еще одно переносное употребление категории числа: когда в просторечии формы 3-го л. мн. ч. и формы мн. ч. прошедшего времени употребляются вместо форм ед. ч. для выражения уважительного отношения, почтительности, то часто добавляется местоимение *они*. По данным «Толкового словаря эстонского языка» [EKSS 2009], в эстонском языке также раньше употребляли форму 3-го л. мн. ч. в качестве вежливого обращения. Однако думается, что для эстонского языка подобное перенос-

ное употребление является всё же более «чужим», и поэтому не все переводчики стремятся его сохранить в переводе (ср. примеры 7 и 8). В предложении (7) теряется переносное употребление категории числа в переводе, и Наташа, говоря о Воланде и позже о господине Жаке, употребляет естественную для эстонского языка в подобных ситуациях форму 3-го л. ед. ч. (*teda, tegi ettepaneku*), что можно считать случаем доместикации.

- (7) — Душенька, Маргарита Николаевна, — умоляюще заговорила Наташа и стала на колени, — упрсите *их*, — она покосилась на Воланда, — чтобы меня ведьмой оставили ... Мне господин Жак вчера на балу *сделали предложение*. (М. Булгаков)

„Kullakallis Margarita Nikolajevna,” ütles Nataša ja heitis põlvili, „paluge *teda*,” ta piilus silmanurgast Wolandi poole, „paluge teda, et mind nõiaaks jäetaks...Härra Jacques *tegi* mulle eile ballil *ettepaneku*.” (Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

Однако можно найти примеры, которые доказывают, что иногда переводчик стремится сохранить переносное употребление категории числа в переводе, и тогда мы можем говорить о стратегии форенизации, см. пример (8).

- (8) ... Феня спросила барыню: — Что ж, барыня, разве *они* ночевать *остнут-ся*? Да, постели *ему* на диване, — ответила Грушенька. (Ф. Достоевский)
- ... küsis Fenja perenaiselt: „Kas *nad* jäävad siis ööseks siia, proua?” „Jah, tee *talle* ase diivanile,” vastas Grušenka. (Перевод А. Kurfeldt)

Категория времени

Более подробно мы рассматривали проблемы, связанные с передачей значений и типов употребления временных форм в русско-эстонском переводе, в своей диссертации [Купп-Сазонов 2015], поэтому в настоящей статье остановимся лишь на нескольких случаях, в которых наблюдается конкретная стратегия перевода: доместикация или форенизация.

Во-первых, рассмотрим пример (9), в котором выражается настоящее постоянного действия, состояния. Соответствием в эстонском языке, как правило, является форма перфекта с инклюзивным значением — с точки зрения стратегии перевода выбор этой формы можно считать доместикацией. Однако в данном случае переводчик предпочел сохранить форму подлинника и перевел предложение с помощью формы презенса.

- (9) *Богатые люди имеют всегда около себя приживалов; науки и искусства тоже.* (А. Чехов)

Rikkad inimesed peavad alati endi juures armuleivasõjaid; teadused ja kunstid samuti. (Перевод V. Linask и др.)

Данное предложение можно легко переделать: *Rikkad inimesed on alati pidanud enda juures armuleivasõjaid; teadused ja kunstid samuti.* Здесь, конечно, проблема не только в выборе формы, важно также знать, что хотел выразить автор. А именно: употребление формы настоящего времени в данном контексте делает высказывание как бы более обобщенным и «независимым» от временного плана и от любых других потенциальных действий или событий. Форма перфекта, в свою очередь, связывает действие больше с моментом речи, то есть говорящий скорее выберет форму перфекта, если он хочет соединить действия в настоящем и в прошлом.

Во-вторых, остановимся на значении прошедшего в контексте будущего, см. пример (10).

- (10) *Ну, положим, я сделаю усилие, сделаю это. Или я получу оскорбительный ответ, или согласие. Хорошо, я получила согласие... — Я получу согласие, а сы... сын?* (А. Толстой)

Noh, oletame, et ma sunnin ennast seda tegema, ma teen seda. Ma saan kas eitava või jaatava vastuse. Hästi, ma saan nõusoleku... — Ma saan nõusoleku, aga poeg... poeg? (Перевод S. Holberg)

В эстонском переводе переносное употребление формы прошедшего времени не сохраняется, вместо нее употреблена форма настоящего времени для выражения действия в будущем⁶, мы можем говорить о доместикации. На самом деле и в эстонском предложении мог бы быть глагол в форме претерита или даже перфекта: *Hästi, ma sain/olen saanud nõusoleku...*, то есть нет причины исключать возможность использовать стратегию форенизации.

Нельзя отрицать, что влияние языка оригинала, несомненно, может сыграть свою роль и привести к употреблению форм, представленных в русском предложении (то есть к форенизации), см. пример (11).

⁶ В эстонском языке нет специальных морфологических форм для выражения действия в будущем, для этого употребляются, форма настоящего времени, наречия, фазовые глаголы, некоторые аналитические конструкции и т. п.

- (11) Когда генерал **кончил** беседу с последним просителем и направился во внутренние апартаменты, Червяков шагнул за ним и забормотал: ... (А. Чехов)

Kui kindral viimase palujaga vestluse lõpetas ja oli siseruumidesse minemas, astus Tšervjakov talle järele ja pomises: ... (Перевод V. Linask и др.)

В (11) имеются четыре действия, из которых два принадлежат одному субъекту, два — другому. При этом три действия (принадлежащие двум субъектам) являются одновременными. Хронологический порядок действий следующий: сначала генерал закончил беседу и направился в сторону внутренних апартаментов. Во время второго действия (то есть во время ходьбы) Червяков шагнул за ним и одновременно забормотал. Очевидно, что одно действие произошло перед другим(и) и для соблюдения этой цепи действий, выбирая стратегию доместикации, предложение следует перевести так: *Kui kindral oli viimase palujaga vestluse lõpetanud ja oli siseruumidesse minemas...*

Внимания заслуживают также примеры, в которых представлено переносное употребление формы настоящего времени, а именно **настоящее историческое**. Выражение значения *praesens historicum* возможно и в эстонском языке, однако оно встречается намного реже, как в оригинальных, так и в переводных текстах. При этом в эстонском языке при употреблении настоящего исторического необходимо иметь в виду определенные ограничения [Купп-Сазонов 2015: 138–139].

Однако даже в тех контекстах, в которых препятствий нет, эстонские переводчики часто предпочитают передавать события, происходящие в прошлом, с помощью форм прошедшего времени (имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта), то есть можно утверждать, что переводчики нередко выбирают стратегию доместикации, см. пример (12).

- (12) Вот в Испании как-то на гастролях, проходивших с огромным успехом... его устроители и **спрашивают**: что бы он хотел еще увидеть или получить в Испании ... (М. Веллер)

Kord Hispaanias külalisetendustel, mis läksid suure eduga... küsisid võõrustajad, et mida ta veel tahaks näha või saada Hispaanias ... (Перевод Т. Нимма).

Настоящее историческое передается на эстонский язык формой претерита. Из-за этого теряется живость оригинала, и эстонский читатель более отдален от событий, чем читатель оригинала. К тому же нельзя утверждать, что употребление формы прошедшего времени и формы настоящего вре-

мени в качестве настоящего исторического можно считать тождественными, хотя в обоих случаях и выражается семантический план прошлого. Если автор оригинального текста считает нужным употребить временную форму метафорически, то этот момент следует также учитывать при переводе. Иными словами, мы согласны с тем, что в художественном произведении нет ничего случайного и даже употребление грамматических форм тщательно продумано писателем. Особенно, если принять во внимание то, что многие авторы работают над своими текстами годами и даже десятилетиями, переписывая и исправляя их, то ясно, что для них одинаково важны как содержание, так и то, какими языковыми средствами (в том числе, грамматическими формами) все описывается.

Любопытными являются также примеры переносного употребления формы прошедшего времени НСВ при выражении **нелокализованности действий во времени**, ср. предложения (13), (14) и (15).

- (13) Да **плевать** я **хотел** на свою судьбу! — вдруг возвысив голос, с судорогой в горле сказал он. — **Плевать** я на нее **хотел**, когда такое творится! (К. Симонов)

„Ja ma **tahtsin sülitada** oma saatusele!” ütles Sintsov äkki häält tõstes ja tõmbega kurgus. „Põrgu **tahtsin ma saata** teda, kui säärased asjad sünnivad!” (Перевод М. Jürna)

- (14) Любопытная штука. — **Плевать** я **хотел** на генератор! Нужен он мне, как корове седло. (Д. Гранин)

Huvitav asi. Generaatori peale ma **vilistan!** Vajan seda niisama vähe kui lehm sadulat. (Перевод Н. Luik)

- (15) — Ты хоть запахнишь, — крикнул ей вслед мастер. — **Плевала** я на это, — ответила Маргарита уже из коридорчика. (М. Булгаков)

„Tõmba vähemalt mantel koomale,” hõikas meister talle järele. „Ma **vilistan selle peale,**” vastas Margarita juba esikust. (Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

Переводы этих примеров можно анализировать в двух аспектах:

1. выбор эстонских лексических соответствий конструкции *плевать хотел* и глагола *плевала*;
2. выбор временного плана.

Что касается лексического соответствия, то в переводе примера (13) употребляются глаголы *sülitama* ('плевать'), *põrgu saatma* (дословно 'посылать в ад') а в предложениях (14) и (15) — *vilistama* ('свистеть'). Поиск в кор-

пусе художественных текстов эстонского языка 90-х годов [Koondkorpus] дал следующие результаты: *sülitama millegi peale* — ни одного соответствия и *vilistama millegi peale* — 11 соответствий (учитывались как формы настоящего, так и прошедшего времени, а также все формы лица ед. и мн. ч.). Можно сделать очень осторожный вывод, что может быть, переводы с глаголом *vilistama* следует считать стратегией доместикации, а с глаголом *sülitama* — форенизации, однако данный вопрос, несомненно, требует более тщательного изучения.

Перейдем теперь к выбору временного плана в (13), (14), (15). В подлинниках никаких различий не наблюдается, и хотя выражается нелокализованность действий во времени, во всех примерах употребляются формы прошедшего времени. Однако переводы на эстонский язык различаются: в предложении (13) сохраняются формы прошедшего времени, а в последующих примерах появляются формы презенса. По данным корпуса художественных текстов эстонского языка 90-х годов, форма настоящего времени является более частотной в подобных контекстах (всего 8 случаев), чем форма претерита (3 соответствия, поиски форм перфекта и плюсквамперфекта результатов не дали).

Выводы

Анализ многочисленных переводных текстов показывает, что часто наблюдается использование одновременно обеих стратегий для достижения компромисса между эквивалентностью и приемлемостью [Нестеренко 2012: 6]. К такому же выводу приходит И. В. Войнич, которая утверждает, что «в практике перевода ни одна стратегия не реализуется в „чистом” виде» [Войнич 2010: 6]. Это подтверждается примером (8) — *Душенька, Маргарита Николаевна, — умоляюще заговорила Наташа....* Даже если переводчик на уровне грамматических форм, их семантики и функционирования стремится соблюдать стратегию доместикации (заменяя формы числа оригинала на более привычные для эстонского читателя соответствия), у целевой аудитории не возникает сомнения в том, что она читает текст из неродного культурного пространства. В частности, на это указывают специальное обращение по имени и отчеству, иностранные имена и т. п. Если иностранные элементы можно найти в пределах одного предложения, то очевидно, во всем произведении их еще больше, и поэтому не удастся «скрыть» тот факт, что перед нами все же «чужой» текст.

Можно предполагать, что при передаче грамматических форм, их семантики, функционирования и типа употребления переводчики чаще прибегают к стратегии доместикации. Главной причиной может быть то обстоятельство, что, по мнению переводчиков, соблюдение языковых норм исходного языка в переводе может восприниматься читателями как просто неграмотность. Однако материал анализа показывает, что бывают случаи, когда у переводчика имеется выбор (то есть нет препятствий, обусловленных грамматическими категориями и формами языка перевода), и конечный результат зависит от выбранной им стратегии перевода.

Итак, пытаясь ответить на вопрос, заданный в заглавии статьи, можно утверждать, что перевод не является в чистом виде «своим» или «чужим» текстом, а объединяет два языка и две культуры. Это кажется вполне оправданной ситуацией, так как, сохраняя хотя бы частично элементы чужой культуры, перевод тем самым может обогащать как язык, так и культуру своей целевой аудитории.

Литература

- Аксенова М. Д. 2012 — *Знаем ли мы русский язык? Книга вторая*. М.
- Алексеева И. С. 2008 — *Текст и перевод. Вопросы теории*. М.
- Барсукова Е. А., Хайрова С. Р. 2014 — Советский быт сквозь призму гастрономических реалий. *Россия и Запад: диалог культур*. № 7. <http://www.regionalstudies.ru>. С. 1–15. (дата просмотра 15.05.2016.)
- Виноградов В. В. 1972 — *Русский язык (грамматическое учение о слове)* М.
- Войнич И. В. 2009 — Стратегии перевода и «видимость» / «невидимость» перевода (на материале русскоязычных переводов трагедии В. Шекспира «Юлий Цезарь»). *Вестник Челябинского государственного университета*. № 30 (168). Филология. Искусствоведение. Вып. 35. С. 56–63.
- Войнич И. В. 2010 — *Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Пермь.
- Гарбовский Н. К. 2004 — *Теория перевода: Учебник*. М.
- Кемппанен Х. 2012 — Дихотомии переводческих стратегий в работах западных и российских теоретиков перевода. *Свое и чужое в СМИ. Материалы научно-практического семинара «С русского на финский, с финского на русский»*, Йоэнсуу, 7–8 октября 2010 г. Joensuu.
- Комиссаров В. Н. 1990 — *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. М.
- Комиссаров В. Н. 2001 — *Современное переводоведение. Учебное пособие*. М.

Купп-Сазонов С. 2015 — *О роли грамматики в переводе (на материале временных форм глагола в русском и эстонском языках)*. *Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis*. Tartu.

Милостивая А. 2015 — *Форенизация и доместикация в переводах романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на английский и немецкий языки*. http://sociosphera.com/publication/conference/2015/127/forenizaciya_i_domestikaciya_v_perevodah_romana_m_a_bulgakova_master_i_margarita_na_anglijskij_i_nemeckij_uzyuki/ (дата просмотра 15.05.2016.)

Нестеренко О. В. 2012 — *Феномен «насильственного перевода» (на материале англоязычных переводов поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души») Текст. Книги. Книгоиздание*. № 2. С. 5–11.

Сдобников В. В. 2015 — *Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Нижний Новгород.

Эко У. 2006 — *Сказать почти то же самое: опыты о переводе*. СПб.

EKSS 2009 = Langemets M., Tiits M., Valdre T., Veski L., Viks Ü., Voll P. *Eesti keele seletav sõnaraamat 1–6*. Tallinn.

Erelt M. 1990 — *Kõneleja ja kuulaja kaudse väljendamise võimalusi eesti keeles. Keel ja Kirjandus*. № 1, С. 35–39.

Kaer K. 2005 — *Tõlkides Harry Potterit. Eesti Päevaleht*. 05. september. <http://epl.delfi.ee/news/kultuur/krista-kaer-tolkides-harry-potterit?id=51018535> (дата просмотра 15.05.2016.)

Kauts K. 2012 — *Intertekstuaalsed ja kultuurispetsiifilised elemendid Jaan Krossi „Paigallenu“ tõlkes inglise keelde*. *Magistritöö*. Tartu.

Kilk K. 2010 — *Ühe tõlkeraamatu teekond ajas: Truman Capote' „Külmavereliselt“ eesti keeles*. *Magistritöö*. Tallinn.

Laan M. *Reaalide tõlkimine hispaaniakeelse kirjanduse eestindamisel*. *Magistritöö*. Tartu.

Paesalu M. 2014 — *Reaalide tõlkimisest eesti proosa vahendamisel hispaania keelde*. *Magistritöö*. Tallinn.

Venuti L. 1995 — *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. London and New York.

Venuti L. 1998 — *Strategies of translation*. In M. Baker (eds.). *Routledge encyclopedia of translation studies*. London.

Источники

Аксенов В. П. 1974 — *Любовь к электричеству: повесть о Л. Красине*. М.

Булгаков М. А. 1980 — *Мастер и Маргарита*. Рассказы. М.

Веллер М. 1993 — *Легенды Невского проспекта*. Таллинн.

Гранин Д. А. 1969 — *Избранные произведения. Том 1*. Л.

- Достоевский Ф. М. 1985 — *Братья Карамазовы*. М.
- Лотман Ю. М. 1970 — *Структура художественного текста*. М.
- Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorgo.ru/>
- Симонов К. М. 1960 — *Живые и мертвые*. М.
- Толстой Л. Н. 1976 — *Анна Каренина*. М.
- Чехов А. П. 1970 — *Собрание сочинений в восьми томах. Том 3*. М.
- Шишков В. Я. 1946 — *Емельян Пугачев: историческое повествование. Книга вторая*. М.
- Aksjonov V. 1979 — *Armastus elektri vastu: jutustus Leonid Krassinist*. Tallinn. (Перевод Р. Saluri).
- Bulgakov M. 1995 — *Meister ja Margarita*. Tallinn. (Перевод М. Varik, J. Ojamaa).
- Dostojevski F. 2001 — *Vennad Karamazovid. II*. Tallinn. (Перевод А. Kurfeldt).
- Granin D. 1957 — *Otsijad*. Tallinn. (Перевод Н. Luik).
- Koondkorpus: Eesti ilukirjandus 1990 — http://www.cl.ut.ee/korpused/segakorpus/eesti_ilukirjandus_1990/
- Lotman J. 2006 — *Kunstilise teksti struktuur*. Tallinn. (Перевод Р. Lias).
- Simonov K. 1962 — *Elavad ja surnud*. Tallinn. (Перевод М. Jürna).
- Šiškov V. 1956 — *Jemeljan Pugašov. 2. raamat: ajalooline jutustus*. Tallinn. (Перевод Р. Viiding).
- Tolstoi L. 1978 — *Anna Karenina. 2*. Tallinn. (Перевод S. Holberg).
- Tšehhov A. 2005 — *Jutustused*. Tallinn. (Перевод V. Linask и др.).
- Veller M. 2005 — *Nevski prospekti legendid*. Tartu. (Перевод Т. Himma).

«СВОЕ И ЧУЖОЕ» В УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Т. Г. НИКИТИНА, Е. И. РОГАЛЁВА

Свое и чужое во фразеологии — тема, не теряющая актуальности и популярности на протяжении последних ста десяти лет, как и сочетание «свое и чужое», вынесенное в заголовок знаменитого словаря М. И. Михельсона и ставшее прецедентным феноменом: «Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии» [Михельсон 1903]. Вот лишь некоторые названия статей, авторы которых исследуют эти категории на материале фразеологизмов-идиом, понимаемых как «относительно устойчивые, воспроизводимые, экспрессивные сочетания лексем, обладающие (как правило) целостным значением» [Мокиенко: 1980: 4], и пословиц, которые относят к фразеологизмам в широком смысле [Шанский 1985]: «Особенности фразеологической категоризации «Своего» и «Чужого» [Хохлина 2011], «Восприятие «чужого» в зеркале русской фразеологии и паремиологии» [Лебедева 2010], «Свое и чужое во фразеологии языка: проблемы определения» [Янковичова 2000], «Свое» и «чужое» в русских пословицах и поговорках» [Шувалова 1998,] «Свое и чужое в русских и японских пословицах» [Хасэгава 2006], «Не суй свой нос в чужой вопрос, или «свое» и «чужое» жизненное пространство в русских пословицах» [Архангельская 2013].

В свое время М. И. Михельсон так аргументировал включение в словарь, отражающий «русскую речь и мысль», огромного количества фразеологических параллелей из западноевропейских языков: «Сопоставление иностранных образных слов с русскими дает возможность делать весьма поучительные заключения и сравнения, не лишенные научного значения» [Михельсон 1903: I].

Написанные фразеологами многочисленные сопоставительные работы принесли определенные результаты, но не смогли окончательно решить

проблему разграничения «своего и чужого» во фразеологии большинства языков. Они оказывались ограниченными в выборе подлежащих исследованию фактов, не смогли в полной мере соединить лингвистический анализ с экстралингвистическим; поиск социо-лингво-психолого-исторических и других стыков в таких работах носил, как утверждает Э.М. Солодухо [Солодухо 1989: 3], ярко выраженный спорадический характер. Исследование фразеологических сходств и различий проводилось либо по лингво-миграционной линии, либо в плане самостоятельного развития межъязыкового параллелизма, но ни в коей мере не комплексно, что не дало возможности создать объективную картину фразеологической общности и фразеологической специфики языков.

Задача эта крайне сложна, ведь фразеология — та область, где интернациональное и национальное переплетаются особенно тесно, проходя через уровни образных ассоциаций, структурно-семантических моделей, оценочных коннотаций [Никитина 1998: 5].

Комплексный анализ способов фразеологической репрезентации категории «свое – чужое», а также теоретическое обоснование возможности параметризации русских фразем как «своих» или «чужих» предпринимает в своей докторской диссертации М. А. Лаптева [Лаптева 2013]. Автор успешно разрабатывает методологические основы когнитивно-дискурсивного исследования русской фраземики в аспекте категориальной сущности «своего – чужого», представляет типологию этно- и инокультурных фразем с целью расширения традиционного понимания категории «свое – чужое» в рамках фраземики, выявляет лингвокультурные маркеры «своего» и «сужого» на концептуальном, дискурсивном и языковом уровнях фразеологической системы, моделирует базовые типы когнитивно-семантических фразеологических корреляций, демонстрирующих взаимодействие между составляющими лингвокультурных пространств «своего» и «чужого», четко определяет лингвокультурологический потенциал различных групп инокультурных фразем, проводит глубокий кросскультурный анализ восприятия «чужого» во фразеологическом фрагменте национальной языковой картины мира. Тем не менее, обсуждение диссертации в рамках Фразеологического семинара профессора В. М. Мокиенко вызвало оживленную дискуссию по проблемам квалификации тех или иных фразем как «своих» или «чужих». Принимать во внимание формальный компонент косвенно-производной единицы (топоним, этноним, антропоним и компонент-артефакт) и учитывать когнитивно-дискурсивную базу формирования фразеологической семантики («свое» — этнокультурное или «чужое» — инокультурное дискурсивное пространство) — оказалось

явно недостаточным для передачи сложных взаимоотношений «своего» и «чужого» во фразеологии. Так, были высказаны советы диссертанту в соответствии с выбранным направлением работы сделать больший акцент на процессе освоения «чужого» во фразеологическом корпусе русского языка, прозвучали высказывания о необходимости корректировки названия темы диссертации — акцент на «своем в чужом», по мнению участников обсуждения, должен быть вынесен в название как более соответствующий содержанию работы [Довголюк 2012].

Еще более сложная задача стоит перед лексикографами — составителями учебных словарей, в том числе адресованных иноязычному читателю. Они должны не только разграничить «свое» и чужое» во фразеологии с позиции носителя русского языка, но и учесть языковой опыт иностранного читателя, для которого «чужое» может оказаться «своим», а то, что русский человек воспринимает как «свое в чужом», он увидит как «чужое в чужом». Лексикограф должен помочь такому читателю адекватно оценить этнокультурную специфику русского фразеологизма и на четком противопоставлении или, наоборот, с опорой на «свое» освоить «чужое». Ведь понимание этих категорий называют условием успешной аккультурации иностранцев [Гришаева 2004].

Цель данной статьи — показать возможности лексикографической интерпретации русских фразеологизмов в категориях «своего» и чужого» с адресацией иноязычному учащемуся.

Современные толковые фразеологические словари, на которые в своих методических разработках часто опираются преподаватели русского языка как иностранного (РКИ), с разной степенью полноты отражают заимствованный характер оборота: от краткой этимологической справки с указанием источника информации во Фразеологическом словаре русского языка под редакцией А. И. Молоткова [ФСРЯ 1978] до развернутого культурно-исторического комментария в Большом фразеологическом словаре русского языка под редакцией В. Н. Телия [БФСРЯ 2006].

Не всегда совпадает трактовка оборота как заимствованного или исконного в толковых фразеологических словарях. Ср.:

НЕ ОТ МИРА СЕГО — без указания на библейское происхождение оборота [ФСРЯ: 249–250]. НЕ ОТ МИРА СЕГО. <...> Выражение взято из Евангелия. Слова Иисуса «Царство мое не от мира сего» [Алефиренко, Золотых 2008: 228–229].

ОТКЛАДЫВАТЬ В ДОЛГИЙ ЯЩИК — без отнесения к категории «свое – чужое» [ФСРЯ, 543]. В ДОЛГИЙ ЯЩИК ОТКЛАДЫВАТЬ. <...> При царе

Алексее Михайловиче существовал такой порядок: просьбы, жалобы или челобитные, обращенные к царю, опускали в специальный ящик, прибитый к столбу возле дворца в селе Коломенском под Москвой (Далее рассказывается о том, что прошения писали на бумаге и свертывали в длинные свитки, поэтому и ящик был длинный, то есть долгий. Чиновники не спешили рассматривать прошения, и просители долго ждали ответа) [Алефиренко, Золотых 2008: 441–442].

К сожалению, подобные эффектные этимологические версии, опирающиеся, казалось бы, на исторические факты и традиционно используемые авторами фразеологических словарей, не выдерживают проверки языковым материалом. Как убедительно доказывает В. М. Мокиенко, оборот *откладывать в долгий ящик* является калькой с немецкого *etwas in die lange Truhe legen*. В русский язык оборот вошел в первой половине XVIII в., в период бурного освоения заимствований из западноевропейских языков. Наряду с заимствованиями-канцеляризмами в русский язык попал и данный оборот, символизировавший медлительное средневековое немецкое судопроизводство [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 653].

Не лишены «этимологического популизма» и интерпретации «своего». Так, происхождение оборота *на Маланьину свадьбу* связывается с конкретным событием — свадьбой донского атамана Степана Даниловича Ефремова с красавицей Маланьей Карповной: празднование отличалось особой пышностью и обилием угощения. На самом же деле оборот восходит к старинному обычаю празднования Нового года. На 31 декабря приходится День святой Мелании, а на 1 января — День Василия Кесарийского. В народе пышно праздновали встречу Старого и Нового года как символическую свадьбу Мелании (Малании, Маланки) и Василия, и выражение *наготовить как на Маланьину свадьбу* первоначально означало ‘заготовить столько еды, сколько готовит хорошая хозяйка в канун Нового года’ [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 516–517].

Историко-этимологический справочник русской фразеологии [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998], в котором изложены представленные выше этимологии В. М. Мокиенко, сочетает в себе свойства этимологического словаря и библиографического указателя. Его основная цель — отразить все этимологические разработки русской фразеологии за последние двести лет. На первое место в словарной статье, как правило, выносятся наиболее вероятная и признанная специалистами гипотеза. В обязательном порядке сохраняются указания на иноязычное происхождение оборотов, при этом корректируются явные неточности, допущенные авторами цитируемых источников. Таким образом, более 2000 фразеологизмов получают квали-

фицированную характеристику относительно их принадлежности к «своему» — исконному фразеологическому фонду или «чужому» — заимствованному фразеологическому материалу.

Исконно русские фразеологизмы основательно разработаны в лингвострановедческом плане с адресацией иностранцам, изучающим русский язык, и российским школьникам, определенную часть которых также составляют билингвы. В учебных словарях В. П. Фелицыной и В. М. Мокиенко [Фелицына, Мокиенко 1990; Фелицына, Мокиенко 2002; Фелицына, Мокиенко 2005] собраны фразеологизмы, источниками происхождения которых стала русская история (*Коломенская верста, погиб как швед под Полтавой, вольный казак*), народный быт (*выносить сор из избы, с легким паром, задать баню*), русская пища (*печь как блины, заварить кашу*), игры и развлечения (*играть в бирюльки, бесструнная балалайка*), письменность, книжность (*от доски до доски, от аза до ижицы*), трудовые процессы (*тянуть ляжку, сбрасывать со счетов*), фольклор (*красная девица, рожки да ножки, несолоно хлебавши*), русская литература (*вернуться к разбитому корыту, подковать блоху, человек в футляре*) и т. п. Лингвистически и лингвокультурологически обоснованные этимологические версии представлены авторами в форме историко-культурного комментария к одной из параметрических зон словарной статьи, следующей непосредственно за заголовком:

УДАРИТЬ ПО РУКАМ. Разг.

Выражение связано с обрядом сватовства на Руси. Этот обряд обычно завершался «рукобьем»: отцы жениха и невесты ударяли ладонями, тем самым закрепляя согласие на брак. Обычай «рукобья» восходит к древней символике «отдавания руки» второй договаривающейся стороне в качестве гарантии безопасности и мира (ср. обычай пожимать руку при встрече). Он соблюдался и при заключении торговых сделок. <...> [Фелицына, Мокиенко 1990: 122].

Лингвокультурологический комментарий может касаться и отдельных этнокультурно маркированных компонентов фразеологизма (*азбучный, баклуши, белена, девица, ижица, колокольня, прятки, репа* и др.). Здесь вскрывается и глубинный культурный слой исконного фразеологизма, на котором может обнаружиться и элемент «чужого», полностью адаптированный заимствующим языком, о чем свидетельствует реализуемая таким словом фразеологическая функция:

НИ АЛТЫНА ЗА ДУШОЙ.

Алтын — вышедшая из употребления денежно-счетная единица и монета достоинством 3 копейки. Слово «алтын» вошло в русский язык из татарского в конце XIV в. <...> [Фелицына, Мокиенко 1990: 22].

Фразеологизмы-заимствования наиболее подробно описаны В. П. Жуковым в учебном фразеологическом словаре для школьников средних и старших классов [Жуков 1980]. Автор указывает на библейское происхождение фразеологизмов, интерпретируя соответствующий фрагмент текста Библии (*козел отпущения, манна небесная, продать за чечевичную похлебку, иерихонская труба* и др.), таким же образом разработаны фразеологизмы, связанные с античной мифологией, историей Древней Греции и Рима (*ахиллесова пята, дамоклов меч, кануть в Лету, перейти Рубикон, петь дифирамбы, разрубить гордиев узел* и др.).

Фразеологизмы соотносятся с иноязычными литературными и фольклорными источниками, в ряде случаев — с экспликацией мотивировки: *Между молотом и наковальней* <...> От названия романа Фридриха Шпильгагена (1829–1911) «Между молотом и наковальней» (1868) [Жуков 1980: 192]. *Калиф на час* <...> Заимствовано из арабской сказки «Сон наяву, или Калиф на час», повествующей о том, как светский и духовный глава Багдада калиф Гарун-аль-Рашид шутки ради временно передал свою власть молодому багдадцу Абу-Гассану <...> [Жуков 1980: 165].

Обороты, заимствованные из западноевропейских языков, сопровождаются исходными фразеологизмами на языке-источнике: *Раз и навсегда* <...> Перевод французского выражения *une fois pour toujours* [Жуков 1980: 315]. *Золотая середина* <...> Перевод латинского выражения *aurea mediocritas*, которое принадлежит древнеримскому поэту Горацию [Жуков 1980: 132].

Что касается младших школьников, то не остается никакой надежды на то, что, пользуясь фразеологическими словарями, разработанными специально для них [Волина 2001; Розе 2005; Ставская 2002 и др.], они получат адекватное представление о происхождении фразеологизмов, в том числе об их принадлежности к категориям «своего» или «чужого» (этимологические версии и этимологизирующие иллюстрации здесь полны неточностей и курьезных ошибок) [Роголёва 2014: 15].

В серии учебных фразеологических словарей, созданных в рамках научно-исследовательских проектов Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета, реализуется разработанная Е. И. Роголёвой [Роголёва 2014] концепция этимологического парафразирования, позволяющая в полной мере раскрыть лингвокультурологический

потенциал этимологической версии и лингводидактический потенциал обращения к категории «свое – чужое».

Согласно авторской концепции, дискурсивный подход к конструированию словарной статьи позволяет использовать речевую тактику этимологического парафразирования, посредством которой на базе научной версии происхождения фразеологизма конструируются вторичные тексты, интерпретирующие этимологическую версию применительно к условиям учебной коммуникации. Такая этимологическая парафраза является лексикографической моделью процесса фразеомобразования. Речевая тактика этимологической парафразы реализуется в системе коммуникативных ходов парафразирования (интерпретационных, или собственно этимологизирующих, и текстоорганизующих) — специальных приемов репрезентации процесса фразеомобразования адресату словаря [Роголёва 2014: 10–11].

Результатом дискурсивного гипертекстового конструирования является интерактивный этимологический учебный текст, складывающийся из этимологических конфигураций разных уровней. Для учебного толковоэтимологического словаря для детей [Роголёва 2007; Роголёва, Никитина 2013] была принята двухуровневая конфигуративная структура этимологической парафразы. Конфигурация 1 уровня представляет собой пространное парафрастическое изложение этимологической версии, конфигурация 2 уровня — своеобразное этимологическое резюме.

Уже на первом этапе этимологического парафразирования мы используем возможности текстовой репрезентации элементов заимствования в лексике и фразеологии. Так, учебные тексты словарных статей «Как аршин проглотил», «Мерить на свой аршин», «Ни алтына за душой», «Вольный казак» не только указывают на тюркское происхождение компонентов *аршин*, *алтын*, *казак*, но и обогащают учащих сведениями о других заимствованиях в русском языке, что согласуется с широкой культурно-познавательной направленностью словаря:

ВОЛЬНЫЙ КАЗАК <...>

Рассказ об истории фразеологизма *вольный казак* мы начнём издалека — с бескрайних степных просторов, где когда-то обитали тюркские племена — южные соседи древних славян. У них-то наши предки и заимствовали слово *казак* — «вольный, свободный человек».

В русском языке немало слов тюркского происхождения: *кабан*, *карандаш*, *кирпич*, *стакан*, *товар*, *утюг*. За долгие годы они хорошо освоились в русском языке и ничем не отличаются от русских. А вот современные

заимствования: *компьютер, сайт, файл, дисплей, принтер*. Если ты уже изучаешь иностранные языки или увлекаешься информатикой, то, наверное, знаешь, из какого языка эти слова к нам пришли? (В скобках под графическим знаком «ключик» дается правильный ответ.)

А теперь возвращаемся к нашей истории. Вспоминай скорее, что означает тюркское слово *казак*. (В скобках под графическим знаком «ключик» дается правильный ответ) [Роголёва, Никитина 2013: 12].

Далее в увлекательной форме излагается история казачества, предлагаются развивающие задания по картине И. Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», в том числе приводится высказывание художника, который собрал много материала о запорожских казаках: «Никто на всем свете не чувствовал так глубоко свободы, равенства и братства! Во всю жизнь Запорожье осталось свободным, никому не подчинилось!» Словарная статья заканчивается выводом о развитии фразеологического значения, где снова подчеркивается межъязыковое взаимодействие:

«Итак, ты узнал (узнала) реальный исторический факт, на котором основан фразеологизм *вольный казак*: раньше на окраину Руси убежали крепостные крестьяне и обнищавшие горожане. Они становились вольными поселенцами — казаками (тюркское слово *казак* означало первоначально свободного, вольного человека). А позже *вольным казаком* стали называть любого человека, который ни от кого не зависит, ни перед кем не отчитывается и поступает, как хочет» [Роголёва, Никитина 2013: 14–15].

Как мы уже отмечали, содержание категории «свое – чужое» в языке будет по-разному осмысляться носителями языка и изучающими данный язык иностранцами. Так, в «чужом» для русского тюркизме *казак* носители тюркских языков почувствуют «свое», исконное, что, возможно, будет стимулом к освоению фразеологизма, как и для немецких школьников, работающих со словарной статьей «Откладывать в долгий ящик», фрагмент которой, приводимый ниже, покажет возможности адаптации научной этимологии в процессе этимологического парафразирования с учетом фактора адресата — школьника средней ступени, в том числе — иноязычного:

ОТКЛАДЫВАТЬ В ДОЛГИЙ ЯЩИК <...>

Где ты? Это последняя словарная статья, а нам еще так много нужно сказать тебе на прощание...

Вот оно что! Ты долго ждал в школьной канцелярии справку, которую нужно отнести в спортивный клуб. А потом тебе сказали, что справку выдадут завтра или послезавтра, а может быть, на следующей неделе. Столько

времени зря потратил! Но ты не расстраивайся, а загляни-ка еще раз в начало словарной статьи. (В начале словарной статьи дается заголовочный фразеологизм, его толкование и функционально-ситуативная характеристика.)

Ситуация, в которой ты оказался, конечно, неприятна. Но именно она и поможет нам раскрыть происхождение фразеологизм *откладывать в долгий ящик*. Не удивляйся, но его история уходит в далёкое-далёкое прошлое, причём, даже не нашей страны, а Германии.

Сначала к нам в переводе с немецкого языка пришло выражение «положить в длинный сундук» — *etwas in die lange Truhe legen*. В средние века немецкие судьи неотложные дела рассматривали сразу, а остальные папки с делами отодвигали на край длинного сундука, чтобы потом уложить их внутри на неопределенное время.

А русский фразеологизм *откладывать / отложить в долгий ящик* стал распространяться на Руси со времен царствования Алексея Михайловича, отца Петра Первого <...> [Роголёва 2007: 528].

Таким образом, элементы «чужого» (заимствованного в русской фразеологии) в репрезентации иноязычному адресату могут оказаться «своими», близкими, охотно воспринимаемыми. Выше мы показали это на примере заимствованного компонента фразеологизма, структурно-семантического калькирования фразеологизма и интерпретации этих явлений при помощи собственно этимологизирующих приемов. На уровне текстообразования мы также используем путь «через свое к чужому», когда элементы «своего» для иноязычного адресата — это параллели в его родной культуре или культурные универсалии, которые вводят в сферу происхождения фразеологизма, формируют когнитивную базу освоения фразеологической семантики и образности:

ПРИЙТИ К ШАПОЧНОМУ РАЗБОРУ <...>

Ты, конечно, и без наших объяснений понимаешь, что все люди разные. Двух одинаковых не бывает.

И интересы, увлечения у людей разные. Одни любят лето, другие — зиму, одним нравится бокс, другие играют в футбол, одни слушают оперу, другие — рэп, одни любят прозу, другие — стихи.

И вера (религия) у людей тоже разная. Поэтому одни посещают мечеть (небольшая фотография мечети) — дом для богослужения мусульман. Другие ходят молиться в синагогу (фото) — еврейский молитвенный дом.

Третьи идут в пагоду (фото) — буддийский храм, четвёртые — в католическую церковь (фото), а пятые — в православную (фото).

Ничто так не может оскорбить человека, как неуважительное отношение к его вере. А поэтому каждому образованному человеку нужно знать основные правила, принятые у верующих. Мы их все перечислять не будем, а просто скажем, что, например, при входе в мечеть или пагоду нужно снимать обувь, а в синагогу мужчины должны приходить в головных уборах.

Наш фразеологизм связан с правилами поведения в православной церкви. Вот об этом мы сейчас и поговорим [Роголёва 2007: 433].

Затем этимологическая парафраза, сопровождаемая фотоиллюстрациями, подводит читателя к выводу, что в православной церкви мужчины должны находиться без головных уборов, а фразеологическое резюме подтверждает, что раньше, «соблюдая это правило, мужчины оставляли шапки у входа в храм. Когда служба кончалась, они, выходя из церкви, разбирали шапки, то есть каждый забирал свою. Тот, кто приходил к этому времени — к разбору шапок (к шапочному разбору), не поспевал на службу, а видел только, как верующие выходили из церкви. Отсюда и значение фразеологизма: прийти к шапочному разбору — «опоздать, прийти к самому концу, к завершению чего-либо» [Роголёва 2007: 435].

В двуязычном варианте учебного фразеологического словаря [Роголёва, Никитина, Ая 2013; Роголёва, Никитина, Варламова 2014] репрезентация категории «своего – чужого» реализуется и через эквивалентизацию русского фразеологизма в заголовочной (справочной) зоне словарной статьи, предшествующей этимологической парафразе. Фразеологический эквивалент родного языка сопровождается специальным знаком, отражающим степень эквивалентности — полную (=): совпадение значения и образной структуры оборота; частичную (~): совпадение значения и частичное сходство образности; функциональную эквивалентность (аналогию), когда при совпадении значения фразеологизмы строятся на различных образах (~~), и лакуарность — отсутствие фразеологизма с данным значением в родном языке (#):

ОТ А ДО Я

— *Полностью, от самого начала до самого конца, ничего не пропуская (изучить, прочитать что-нибудь); основательно, детально (знать что-нибудь).*

Говорится с одобрением

~ From A to Z [Роголёва, Никитина, Варламова 2014: 118].

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

- *Первый признак появления, наступления чего-либо.*
- *Что-то первое, кто-то первый, за кем последуют другие.*
Говорится с одобрением и радостью о чём-то долгожданном.
= The first swallow [Рогалёва, Никитина, Варламова 2014: 131].

Выявление причин сходств и различий фразеологизмов двух языков (интернациональный характер фразеологизма, общность фразеологической модели при ее этнокультурно детерминированном наполнении, факт заимствования и другие аспекты реализации категории «свое – чужое») становятся объектом рассмотрения в рамках этимологической парафразы или в специальных аналитических упражнениях, если формат словаря предполагает включение этого тренировочного блока в словарную статью, как, например, в лексикографической концепции У. Ая, ориентированной на эстонских старших школьников [Ая 2012].

Таким образом, категории «свое» и «чужое» в учебных фразеологических словарях Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии ПсковГУ, адресованных в первую очередь иноязычному читателю, раскрываются на различных уровнях, в различных параметрических зонах словарной статьи при помощи открытого сопоставления или текстового комментирования. Разные категории читателей смогут воспользоваться этим материалом при освоении этнокультурной специфики русской фразеологии (школьники и студенты), при ее учебной репрезентации своим учащимся (преподаватели русского языка), при лексикографической разработке другого фразеологического, паремиологического, лексического материала в лингвокультурологическом или сопоставительном аспекте (составители словарей).

Литература

- Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. 2008 — *Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской фразеологии.* Москва.
- Архангельская А. М. 2014 — Не суй свой нос в чужой вопрос, или «свое» и «чужое» жизненное пространство в русских пословицах. *Вестник НовГУ.* № 77. Великий Новгород. С. 53–55.
- Ая У. 2012 — Русские пословицы в словаре для эстонских школьников. *Русский язык за рубежом.* № 3. Москва. С. 72–80.
- Бирх А. К., Мокинеко В. М., Степанова Л. И. 1998 — *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник.* Санкт-Петербург.

- БФСРЯ 2006 — *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий.* Отв. ред. В. Н. Телия. Москва.
- Волина В. В. 2001 — *Фразеологический словарь.* Москва.
- Гришаева Л. И. 2004 — Понимание «чужого» и «другого» как условие успешной аккультурации. *Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности.* Ч. 2. Воронеж. С. 17–25.
- Довголюк М. Н. 2012 — *Заседание Фразеологического семинара 10.10.2012* [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/seminar_10.10.2012.htm.
- Жуков В. П. 1980 — *Школьный фразеологический словарь русского языка: Пособие для учащихся.* Москва.
- Лаптева М. Л. 2013 — *"Свое" и "Чужое" в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики.* Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Астрахань.
- Лебедева Л. А. 2010 — Восприятие «чужого» в зеркале русской фразеологии и паремиологии. *Фразеология, познание и культура.* Т. 1. Белгород. С. 335–339.
- Михельсон М. И. 1903 — *Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний.* Т. 1. Санкт-Петербург.
- Мокиенко В. М. 1980 — *Славянская фразеология.* Москва.
- Никитина Т. Г. 1998 — *Проблемы изучения этнокультурной специфики фразеологии.* Псков.
- Рогалёва Е. И. 2007 — *Новый фразеологический словарь для детей.* Псков.
- Рогалёва Е. И. 2014 — *Современная учебная фразеография: теория и практика.* Псков.
- Рогалёва Е. И., Никитина Т. Г. 2013 — *Фразеологический словарь: Занимательные этимологические истории для детей.* Москва.
- Рогалёва Е. И., Никитина Т. Г., Ая У. 2013 — *Фразеологизмы в нашей речи. Учебный словарь с комментариями на эстонском языке.* Псков.
- Рогалёва Е. И., Никитина Т. Г., Варламова М. П. 2014 — *Фразеологизмы в нашей речи. Учебный словарь с комментариями на английском языке.* Псков.
- Розе Т. В. 2005 — *Большой фразеологический словарь для детей.* Москва.
- Солодухо Э. М. 1989 — *Интернациональность фразеологической зашифровки отражаемой действительности.* Казань.
- Ставская Г. М. 2002 — *Учусь понимать образные выражения: Фразеологический словарь: Пособие для учащихся нач. шк.* Москва.
- Фелицына В. П., Мокиенко В. М. 1990 — *Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь.* Москва.
- Фелицына В. П., Мокиенко В. М. 2002 — *Школьный фразеологический словарь русского языка.* Москва.
- Фелицына В. П., Мокиенко В. М. 2005 — *Фразеологический словарь для школьников.* Санкт-Петербург.

ФСРЯ 1987 — *Фразеологический словарь русского языка*. Под редакцией А. И. Молоткова. Москва.

Хасэгава С. 2006 — Свое и чужое в русских и японских пословицах. *Филология и культура*. Владивосток. С. 189–195.

Хохлина М. Л. 2011 — Особенности фразеологической категоризации «Своего» и «Чужого». *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки*. № 2. Москва. С. 90–98.

Шанский Н. М. 1985 — *Фразеология современного русского языка*. Москва.

Шувалова С. А. 1998 — «Свое» и «чужое» в русских пословицах и поговорках. *Русская речь*. № 5. Москва. С. 77–80.

Янковичова М. 2000 — Свое и чужое во фразеологии языка: проблемы определения. *Rossica Olomucensia XXXVIII*. № 2. Olomouc. S. 453–459.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абкина М. 269, 273, 274, 275,
276, 277, 278, 279, 280, 281
- Аксенов В. П. 300, 308
- Аксенова М. Д. 301, 307
- Алексеева И. С. 296, 307
- Алефиренко Н. Ф. 22, 312, 313,
320
- Алешковский П. 174, 186
- Ананьев Б. Г. 256, 266
- Арутюнова Н. Д. 25, 36, 116, 118,
122, 209
- Архангельская А. М. 310, 320
- Архангельская Э. 226
- Архангельский А. Г. 262, 266
- Астафьев В. 206
- Ахматова А. 208
- Ашкенази Л. 266
- Ая У. 320
- Бабкин А. М. 271, 281
- Базылев В. Н. 25, 36, 245, 246,
253
- Бакланова И. И. 10, 25, 26, 36
- Балясникова О. В. 137, 147
- Бамбус Л. 284, 295
- Барсукова Е. А. 297, 307
- Бахтин М. М. 25, 36, 76
- Белова О. В. 50
- Белошাপкова В. А. 70
- Бельская Е. В. 148, 158
- Беляев А. Р. 72
- Бенвенист Э. 91, 92, 99
- Бергсон А. 41, 49
- Бирих А. К. 313, 320
- Блок А. А. 70, 262
- Богатырев С. И. 40, 50
- Богатырева И. Д. 40, 50
- Большакова Н. В. 10, 38, 46, 47,
49, 99, 158
- Бондарко А. В. 230, 242
- Брежнев Л. И. 31, 188
- Бровко Е. А. 265, 266
- Бродский И. 263
- Бубер М. 76
- Буга К. 94
- Букринская И. А. 154, 158
- Булгаков М. А. 207, 208, 299, 301,
302, 305, 308
- Булыгина Т. В. 283, 294
- Бунин И. А. 72, 75
- Бурдакова О. Н. 120, 123
- Бутакова Е. С. 171
- Буторина Е. П. 260, 266
- Вайан А. 103, 110, 114
- Вайгла Э. 284, 295
- Вайсс Н. 18, 229, 234
- Валк С. Н. 99
- Вампилова Л. Б. 157, 158
- Ван-Вейк Н. 103, 106, 114
- Варавкина В. Ю. 191, 198
- Варламова М. П. 319, 320, 321
- Васильченко Э. П. 21, 284, 285,
287, 293, 294
- Вежбицкая А. 138, 147, 283, 294
- Веллер М. 304, 308
- Вельман-Омелина Е. М. 19, 245,
254
- Вельтман А. Ф. 69
- Вендина Т. И. 283, 294
- Виноградов В. В. 77, 171, 172,
186, 225, 298, 307
- Влахов С. И. 268, 269, 270, 281
- Волина В. В. 315, 321
- Войнич И. В. 296, 306, 307
- Выготский А. С. 263
- Высочаньский В. 22
- Гамкрелидзе Т. В. 91, 99
- Гарбовский Н. К. 245, 253, 296,
307
- Генис А. 30, 37
- Герасименко Т. А. 247, 253
- Герд А. С. 148, 158
- Герман Н. Ф. 137, 147
- Герцен А. И. 69

- Гетка Й. 148, 158
 Гётц Л. К. 98
 Гитлер А. 130
 Гоголь Н. В. 308
 Головки Е. В. 149, 159
 Гольдин В. Е. 148, 149, 159
 Горалек К. 104
 Горбачев М. 188, 261
 Горбов А. А. 11, 51, 56, 63
 Горшков А. И. 256
 Горький А. М. 256, 266
 Готье Т. 272, 279
 Гоулман Д. 262, 266
 Грайс Г. П. 26, 36, 37
 Гранин Д. А. 305, 308
 Гридина Т. А. 171, 172
 Гринченко Б. 92, 93, 99
 Гришаева Л. И. 312, 321
 Грожан Ф. 126
 Гроссман В. 27, 28
 Грунский Н. К. 103, 115
 Гулая Т. М. 247, 253
 Гумилев Н. С. 262, 280
 Гурова Ю. И. 248, 253
 Гусятинский А. 34, 37
 Гынгазова Л. Г. 148, 149, 159
- Даль В. И. 92, 93, 99, 201,
 202, 203, 206, 207, 209
 Дворецкий И. Х. 58, 63
 Дементьев В. В. 198
 Денис С. 198
 Дильс П. 107, 114
 Доброва Г. Р. 257, 263, 265, 266
 Добровольская В. Е. 47, 49
 Добрушина Н. Р. 68, 77
 Довголюк М. Н. 312, 321
 Достоевский Ф. М. 34, 163, 203,
 204, 206, 207, 302, 308
 Дубровская О. Н. 147
 Дуда А. 189, 194
 Дуличенко А. Д. 225
 Душечкина Е. В. 200, 209
- Дымарский М. Я. 12, 64, 67, 70,
 74, 77
 Дяченко М. 75
 Дяченко С. 75
- Евгеньева А. П. 88
 Евграфова С. М. 19, 255, 256,
 259, 262, 263, 266, 267
 Ельцин Б. 188, 264, 265
 Епишкин Н. И. 165, 171
 Ефремова Т. Ф. 163, 171
- Жуков В. П. 315, 321
- Задорнов М. 188
 Зайцев Д. Т. 16, 173, 174, 175,
 177, 178, 179, 181, 182, 183,
 185, 186
 Зализняк А. А. 107, 115, 260, 267,
 283, 295
 Зданович Л. И. 169, 171
 Земская Е. А. 117
 Зенина Л. В. 247, 253
 Золотова Г. А. 68, 70, 77
 Золотых Л. Г. 312, 313, 320
 Зощенко М. М. 69
- Иванов А. О. 248, 253
 Иванов В. В. 92, 99
 Иванцова Е. В. 148, 159
 Ивашко Л. А. 159
 Игнатьева Л. 226
 Ильенко С. Г. 76
 Инфантьев Б. Ф. 96, 98, 99
 Иорданиди С. И. 112, 115
 Ирвинг В. 281
 Иссерс О. С. 161, 171, 190, 198
- Кабакова Г. И. 50
 Калинин М. 187
 Каллас Е. 18, 229
 Камалетдинова А. Б. 247, 253
 Капоте Т. 298

- Карасик В. И. 283, 295
Каргин А. С. 38, 49
Кармакова О. Е. 154, 158
Карулис К. 94
Касаткин Л. Л. 123, 225
Качане И. 20, 268
Качинский Л. 189
Кашкин В. Б. 245, 253
Квасневский А. 189
Кемппанен Х. 296, 307
Кильк К. 298
Киплинг Р. 187
Кириллов И. 188
Китайгородская М. В. 193, 198
Кишина Е. В. 137, 147
Кныш-Крюков Л. 20, 283
Коваль А. 296
Ковзеле О. 20, 268
Колесникова А. В. 270, 272, 281
Колесов В. В. 92, 99, 137, 147
Колодейчак М. 191
Комиссаров В. Н. 246, 253, 296,
297, 298, 307
Комлев Н. Г. 165, 171
Коморовский Б. 189
Конан Дойл А. 281
Кондратенко Н. В. 198
Корина Н. 9, 22
Короленко В. Г. 70
Костанди Е. И. 12, 78, 79, 81, 85,
86, 88, 119, 122, 123
Косыгин А. 188
Кошкин И. С. 13, 89, 90, 99
Красных В. В. 25, 37, 116, 123,
200, 209
Криничная Н. А. 46, 47, 49
Кродерс Р. 269, 273, 274, 275,
276, 277, 278, 279, 280
Кронгауз М. А. 117, 123, 161,
171, 254, 259, 261, 267
Крылов А. Н. 262
Крысин Л. П. 53, 55, 56, 58,
59, 60, 61, 62, 63, 161, 171,
271, 281
Крысько В. Б. 112, 115
Крючкова О. Ю. 148, 149, 159
Кузнецов А. М. 13, 102, 109, 112,
115
Кузнецов С. А. 163, 171, 254
Купп-Сазонов С. 21, 296, 302,
304, 307
Кургузов В. Л. 171
Кушнерук С. Л. 47, 49
Кэрролл Л. 40
Кюльмоя И. П. 9, 14, 116, 118,
119, 120, 123, 212, 225, 226,
230, 242, 284, 295
Лагута Н. В. 148, 149, 159
Лаптева М. А. 311, 321
Лаптева О. А. 117, 123
Ларин Б. А. 149
Латынина Ю. 32, 34, 35, 37
Лебедева Л. А. 310
Лебедева Н. М. 140, 147
Левкиевская Е. Е. 41, 49
Леонтьев А. А. 271, 272, 281
Лепская Н. И. 257, 261, 267
Лермонтов М. Ю. 34
Лесков Н. 205
Ликиардопуло М. Ф. 269, 273,
274, 275, 276, 277, 278, 279,
280
Листрова-Правда Ю. Т. 271, 281
Личутин В. 206
Лобачевский Н. И. 159
Лопухина А. А. 148, 149, 151, 159
Лотман Ю. М. 9, 22, 25, 37, 258,
267, 300, 308
Лужбинина М. М. 74, 77
Лукашенко А. 189, 192, 193, 194,
195, 196, 197, 198
Лукин В. П. 183
Лутовинова И. С. 159

- Маканин В. С. 69
Максимова Н. В. 76, 77, 171
Манаков А. Г. 157, 158
Мандельштам О. Э 202
Маринова Е. В. 51, 63, 161, 171
Маркелова Т. И. 273, 281
Маслов Ю. С. 119, 123
Махиянова Л. Р. 167, 172
Медведев Д. А. 188, 189, 192,
193, 199
Менг К. 14, 124, 135
Метслаанг Х. 18, 229
Миллер Л. 27, 37
Милостивая А. 297, 308
Миронова Н. Н. 272, 281
Михайлова Ю. 31, 37
Михельсон М. И. 170, 171, 310,
321
Мокинеко В. М. 310, 311, 313,
314, 315, 320, 321
Молоткова А. И. 312, 322
Мошинский Л. 103
Мурникова Т. Ф. 225
Мызников С. А. 138, 139, 143,
144, 145, 147
Мызникова Я. В. 14, 137, 148,
159

Назарбаев Н. 130
Найда Ю. А. 248, 253
Нащокин П. В. 203
Неклюдов С. Ю. 38
Немонежная В. Ю. 270, 272, 281
Немченко В. Н. 225
Нестеренко О. В. 297, 306, 308
Нефляшева И. А. 161, 171
Никитина Т. Г. 21, 310, 311, 316,
317, 319, 320, 321
Никуличева Д. Б. 262, 267
Норлусенян В. С. 271, 281
Норман Б. Ю. 22
Носов Е. 205

Ожегов С. И. 251, 252, 254
Олянич А. В. 190, 199
Ослопова В. Ю. 187, 194, 199
Островский А. Н. 68

Паликова О. Н. 86, 88, 212,
214, 215, 217, 219, 220, 221,
225, 226
Панькин В. М. 78, 88
Парнов Е. 70
Паршин А. В. 248, 253
Пеньковский А. Б. 25, 37, 116,
123, 137, 147
Петроченко М. Н. 137, 147
Пинкер С. 258, 267
Писемский А. Ф. 68
Пихлак А. 230, 242
Площук Г. И. 49
Подгорный Н. 188
Попова Т. В. 161, 171
Порядина Р. Н. 43, 49
Пропп В. Я. 39, 41, 44, 48, 50
Протасова Е. Ю. 14, 124, 135,
252, 253, 254
Проценко Е. А. 271, 281
Пурицкая Е. В. 15, 148, 159
Путин В. В. 126, 188, 189, 192,
193, 196, 197, 264, 265
Пушкин А. С. 34, 69, 200, 202,
203, 206, 208, 209, 263
Пьюзо М. 29

Раппопорт А. 169
Ремчукова Е. Н. 16, 161, 162, 167,
171, 172
Репин И. Е. 317
Рецкер Я. И. 247, 254
Ричардс М. 282
Ровнова О. Г. 16, 118, 119, 123,
173, 174, 176, 186, 225
Рогалева Е. И. 21, 310, 315, 316,
317, 318, 319, 320, 321
Розанова В. В. 193, 198

- Розе Т. В. 315, 321
Розеншток-Хюсси О. 76
Романова С. А. 274, 253
Ростова А. Н. 149, 159
Рубина Д. 69
Румянцева И. М. 256, 262, 267
Рыко А. И. 145, 146, 147
Рязанов Э. 75
- Светлова Е. 65
Сдобников В. В. 296, 308
Седов К. Ф. 198
Селищев А. М. 103, 107, 112, 115
Серебренникова А. Н. 137, 147
Симонов К. М. 305, 309
Синица А. И. 225
Синицына В. 65
Сквайрс Е. Р. 95, 96, 99
Сладкевич Ж. Р. 17, 187, 188, 191, 198, 199
Слаповский А. 70
Слуцкий Б. 206
Соколова Т. П. 16, 161, 166, 172
Соколова Я. 22
Соль М. 284, 295
Соловьев Н. Я. 68
Солодухо Э. М. 311, 321
Соломатина С. Ю. 252, 254
Сороколетов Ф. П. 159
Срезневский И. И. 94, 100
Ставская Г. М. 315, 321
Стендер-Петерсен А. 91
Степанов Ю. С. 200, 203, 204, 208, 209
Степанова Л. И. 313, 320
Сурков В. Ю. 61
Сырица Г. С. 17, 200, 205, 209
- Таирова А. 27, 28
Тарасова М. А. 159
Теджфел Г. 189
Телия В. Н. 25, 37, 312, 321
Телюс М. 189
- Тер-Аванесова А. В. 154, 158
Тимофеев-Ресовский Н. В. 262
Толстой И. И. 104, 115
Толстой Л. Н. 34, 272, 303, 309
Топоров В. Н. 43, 44, 45, 49, 50
Трегубова Е. 261, 264
Трубачёв О. Н. 100
- Уайльд О. 269, 272, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282
Успенский В. А. 256, 267
Ухмылина Е. В. 149, 159
- Фасмер М. 91, 94, 100, 202, 203, 209
Федоров А. В. 246, 254
Федоров А. И. 170, 172
Федосюк М. Ю. 26, 37
Фелицына В. П. 314, 315, 321
Фердинанд С. Н. 95, 96, 99
Филин Ф. П. 159
Филиппов А. В. 78, 88
Флорин С. П. 268, 269, 270, 281
Фомина Н. 28, 32, 35, 37
Фрейд З. 261
- Хайрова С. Р. 297, 307
Хасэгава С. 310, 322
Хохлина М. Л. 310, 322
- Цветаева М. 202
Цейтлин С. Н. 256, 266, 267
Цивьян Т. В. 48, 50, 202, 210
- Чехов А. П. 34, 302, 303, 309
Чириков Е. Н. 72
Чудаков А. П. 262, 263, 267
Чудинов А. П. 199
Чуковская Л. 205
Чуковский К. И. 281
Чухно В. 269, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 280, 282

- Шанский Н. М. 310, 322
 Швабе А. 97
 Шварцкопф Б. С. 60, 61, 63
 Шведова Н. Ю. 77, 252, 254
 Швейцер А. Д. 252, 254
 Шейгал Е. И. 190, 199
 Шендерович В. 28, 29, 30, 33, 34, 35, 37
 Шенк К. Э. 86, 87, 88
 Шекспир В. 28
 Шишков В. Я. 300, 309
 Шмелев А. Д. 283, 294
 Шмелева Т. В. 162, 172
 Шолохов М. А. 69, 253, 322
 Шпет Г. 27, 28
 Шпильгаген Ф. 315
 Штейнгольд А. В. 211
 Шувалова С. А. 310, 322
- Щаднева В. П. 18, 79, 86, 88, 211, 212, 217, 221, 225, 226, 248, 254, 284, 295
 Щерба А. В. 256, 267
- Эзериныш Я. 269, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280
 Эко У. 308
 Эмер Ю. А. 47, 50
 Эндзелинс Я. 94
 Эртель А. И. 65
 Эслон П. 230, 242
- Ягич В. 103, 104, 109, 110, 111, 115
 Янин В. Л. 95, 100, 115
 Янко Т. Е. 67, 77
 Янковичова М. 310, 322
 Ярцева В. Н. 63
- Aavik J. 235, 242
 Ainsworth S. 124, 135
 Aksjonov V. 309
- Bourhis R.Y. 126, 136
 Bunge F. G. 100
 Būga K. 94, 100
- Dahl Ö. 230, 242
 Diels P. 107, 115
 Dostojevski F. 309
 Duda A. 192, 193, 195
- El-Geledi S. 136
 Endzelins J. 90, 94, 100
 Erelt M. 231, 232, 235, 242, 243, 299, 300, 308
 Ezeriņš J. 269, 282
- Falowski A. 100
 Fortuin, E. 68, 77
 Fraenkel E. 100
 Fras J. 199
- Gallois C. 136
 Gillespie M. P. 282
 Glück H. 96, 98, 99, 100
 Goetz L. K. 98, 100
 Granin D. 309
 Grojean F. 126, 136
- Hardy C. 124, 135
 Hildebrand H. 100
 Himma T. 304, 309
 Hofstede G. 140, 147
 Holberg S. 303, 309
 Holthausen F. 91, 100
 Horálek K. 104, 115
- Israeli, A. 68, 77
- Jagić V. 103, 111, 115
 Jūrna M. 305, 309
 Jūrviste M. 243
- Kaer K. 298, 308
 Kaczynski 193, 195, 197

- Kačāne I. 269, 281
Kalinin J. 249, 251, 254
Kallas J. 236, 239, 243
Karulis K. 90, 94, 100
Kasik R. 242
Kauts K. 297, 308
Kilgarrieff A. 236, 243
Kilk K. 298, 308
Klaas B. 233, 243
Klingholz R. 135
Kokare E. 204, 206, 207, 210
Kołodziejczak M. 191, 199
Komorowski 195, 197
Koppel K. 243
Kroders R. 269, 282
Kröhnert S. 136
Kurfeldt A. 302, 309
Kwasniewski 197
Käbin T. 235, 243
- Laan M. 297, 308
Langemets M. 236, 240, 243, 308
Lias P. 300, 309
Linask V. 303, 304, 309
Loopmann A. 243
Lotman J. 309
Luik H. 305, 309
Lübben A. 94, 100
- Machek V. 91, 93, 100
Mažiulis V. 100
Meng K. 124, 136
Metslang H. 233, 234, 242, 243
Metsmägi I. 100
Milenbahs K. 90, 94, 100
Moszyński, L. 103, 115
Mäearu S. 235, 243
- Nelson K. 257, 267
Nowak P. 22
- Ogren D. 232, 243
Ojamaa J. 299, 301, 302, 305, 309
- Ottenson O. 249, 254
- Paesalu M. 297, 308
Patocka-Sigłowy U. 187, 199
Pekarsky N. 235, 243
Pokorny J. 91, 100
Pool R. 229, 233, 235, 243
Protassova E. 124, 136
- Rajamaa H. 235, 243
Rajandi H. 242
Ross K. 242
Rätsep H. 233, 243
Rychly P. 243
- Saari H. 242
Sachdev I. 136
Saluri P. 300, 309
Schützeichel R. 92, 100
Sedrik M. 100
Simonov K. 309
Sippel L. 136
Sławski F. 91, 92, 100
Smrż P. 243
Sokolova T. 165, 172
Soosaar S.-E. 100
Stang Chr. S. 90, 91, 101
Stender-Petersen A. 91, 92, 101
Sulkala H. 233, 243
Šiškov V. 309
Štšadneva V. 88, 284, 295
Švābe A. 97, 101
- Zinkevičius Z. 100
- Tambelt M. 249, 254
Tael K. 242
Tamm J. 249, 251, 254
Tauli V. 234, 235, 243
Teemaa T. 249, 251, 253
Telus M. 190, 199
Tiits M. 244, 308
Tolstoi L. 309

Trautmann R. 90, 101

Tšehhov A. 309

Tugwell D. 243

Tulus J. 270, 281

Tuulik M. 243

Vaimann E. 229

Vaiss N. 231, 233, 243, 244

Valdre T. 244, 308

Vare S. 242

Varik M. 299, 301, 302, 305, 309

Veller M. 309

Velman-Omelina J. 88

Veskis L. 308

Vessier S. 243

Venuti L. 296, 297, 308

Viiding P. 300, 309

Viks Ü. 243, 308

Vissak H. 249, 254

Vissak J. 249, 254

Voll P. 243, 308

Vääri E. 235, 243

Watson B. M. 136

Weatherall A. 136

Wilde O. 269, 273, 274, 275, 276,
277, 278, 279, 282

Williams G. 243

Woellert F. 125, 136

KOKKUVÕTTED

OMA JA VÕÕRA ADRESSAADI KEELELINE AVALDUMINE AJAKIRJANDUSTEKSTIS

IRINA BAKLANOVA

Artiklis näidatakse, mil viisil – lähtudes H. P. Grice'i keelelise suhtluse postulaatidest – on võimalik ajakirjandustekstis esile tuua eeldatavat, selles implitsiitselt kujutatud *oma* (s.t teadlikku) ja *võõrast* (s.t mitteteadlikku) adressaati. Siinkohal peetakse silmas kvantiteedi, kvaliteedi, suhte ja mooduse kategooriate postulaate.

Kvantiteedi kategooria postulaatide järgi võib ajakirjandustekstis välja tuua adressaadi, kes kas on teadlik talle edastatava esemeid ja sündmusi puudutava informatsiooni sisust või ei ole teadlik ning vajab seetõttu täpsustavaid selgitusi.

Kvaliteedi kategooria postulaatide järgi võib ajakirjandustekstis välja tuua adressaadi, kes jagab teksti autori arvamust käsitletud isikute, faktide ja sündmuste kohta või kes vajab autori arvamuse põhjendamist.

Suhte kategooria postulaadi järgi võib ajakirjandustekstis välja tuua adressaadi, kes mõistab hõlpsasti autori loogikat või kes vajab metateksti, mis seletaks adressaadile autori mõttekäiku.

Mooduse kategooria postulaatide järgi võib ajakirjandustekstis välja tuua adressaadi, kes tunneb autori kasutatud üld- ja isikunimesid, termineid, võõrsõnu ja -väljendeid või kes vajab nende tähenduse selgitamist.

Analüüsi tulemusena võib väita, et *oma* on selline ajakirjandusteksti adressaat, kes on teadlik tekstis mainitud olukordadest, jagab autori arvamust informatsiooni tõesuse kohta, mõistab raskusteta autori loogikat ning tunneb viimase kasutatud sõnu ja väljendeid.

Võõras on adressaat, kes ei ole teadlik tekstis mainitud olukordadest, ei jaga autori arvamust informatsiooni tõesuse osas ning vajab seetõttu autori argumentatsiooni, on huvitatud meta-tekstist, mis seletaks autori mõttekäiku, ei tunne autori kasutatud üld- ega isikunimesid, termineid ja võõrkeelseid väljendeid.

RAHVAMUINASJUTT KUI MAAILMA MODELLEERIV ŽANR (OMA – VÕÕRAS PIHKVA MUINASJUTTODES)

NATALJA BOLŠAKOVA

Artiklis vaadeldakse töötlemata rahvamuinasjutu dihhotoomilist iseloomu, mis on tingitud arhiividest kogutud materjali sünteetilisest olemusest. Pihkva muinasjuttude multimeediaväljaanne, mis järgib tänapäevaseid teadussuundi suulise kommunikatsiooni uurimises, näitab folklooriteose ja rahva suulise keele ühtsust.

Inimese maailm, mida on kujutatud muinasjuttudes, on piiratud esmajärjekorras folkloori poeetika seaduspärasustega, žanrisisest ja süžeele omaste eripäradega; seda iseloomustab ka suur dialoogide hulk ning jutustaja roll. Sel viisil on muinasjutus tihedalt läbi põimunud kaks maailma: muinasjutu ehk võlumaailm ja reaalne, igapäeva maailm, mis on jutustajale hästi teada ning mida ta kaitses oma jutustavas diskursuses.

Maailma mudel kui mõtteliste opositsioonide universaalne süsteem väljendab rahvamuinasjutus kõrget semiootilise taset. Seejuures läbib kategooria *oma – võõras* kõiki rahvamuinasjutu mõttesfääre, mis avavad ruumilisi, ajalisi, sotsiaal-kultuurilisi ning teisi eluliselt vajalikke inimlikke ja looduslikke algeid.

Tähelepanekud on näidanud, et ruumiliste objektide sümboolne sisu on tihedalt seotud muinasjutu süžeeelis-temaatilise variantidega. Tekstis sümboolselt kujutatud muinasjuturuumi vertikaalne ja horisontaalne telg, mis on tingitud kangelaste liikumisest, on realiseeritud üldvenekeelsetes ja murdelistes nimetustes, mis näitavad lähedast (omandatud) ja kauget (võõrast) ruumi.

Selleks, et kõike esemelist (laias mõttes) muinasjutumaailmas indekseerida, on uue trüki-

väljaande ettevalmistamise käigus loodud esemete loend, milles on rohkem kui 2000 nimetust. Vastav korpus on koostatud tähestikulises järjekorras ning on kasutatav uurimusteks, mis puudutavad eset tähistava sõna sisulist külge ning muinasjututekstide leksikaal-semantilise süsteemi väljaselgitamist selle põhjal. Uurimuslikel eesmärkidel muutub esemete loend semantiliselt organiseeritud sõnastikuks, mille alusel saab kirjeldada universaalseid semiootilisi opositsioone, mis iseloomustavad Pihkva talupoja maailmamudelit selle ruumi-liste, ajaliste, sooliste, vanuseliste ja teiste põhiliste tunnusjoonte kaudu. Uurimus näitas, et selline meetodika võimaldab täies ulatuses avada regionaalsetes rahvamuinasjuttudes rakendatava opositsiooni *oma – võõras* sisu leksikaalsetes representatsioonides.

VÕÕRAS OMAS: VÕÕRSÕNA ETÜMOLOOGILISE UURIMISE PROBLEEME VENE KEELES

ANDREI GORBOV

Sõna etümooloogiat puudutavate andmete sisu ja maht tekitavad küsimusi eriti laensõnade puhul, olenemata nende laenamise ajast. Seoses uute Euroopa keeltest laenatud sõnadega tulevad need probleemid eriti selgesti esile tänapäeva keelte leksikograafiliste kirjelduste taustal ning seoses nomineerimisobjekti puudutavate keeleväliste andmete kergesätetavusega. Analüüs kinnitab, et isegi autoriteetsetes keelealastes töodes võib leiduda tõsiste puudustega etümooloogilisi andmeid.

Etümoologia kirjeldamise probleemid on seotud ka rahvusvaheliste laensõnadega. Seejuures on tüüpiline olukord, kus sõna tüve etümoologia on kergesti tuvastatav, kuid puudub vastus küsimusele vahetu laenamisallika ja prototüübi kohta. Nagu näitab sõna *klarnet* 'klarнет' etümooloogiline analüüs, saab tõenäose versiooni valikut mõjutada nomineerimisobjekti puudutava entsüklopeedilise ja laenamisajastu sotsiaal-kultuurilise konteksti uurimine.

Tänapäeva sõnaraamatute ja leksikonide andmete, samuti laenamise aja ja tingimuste arvestamine võimaldab täpsemalt määratleda sõnade etümooloogiat, loobuda kahtlastest, ingliskeelset päritolu väitvatelst hüpoteesidest. See puudutab nt lekseeme *бутик, легионер* 'sportlane, kes esineb lepingu alusel välisriigi meeskonnas', fraseologismi *серый кардинал*.

Autor jõuab järeldusele, et anglistsimide mõju tänapäeva vene keele leksikale ei tohiks üle hinnata. Üleilmastumise tingimustes täiendab vene keel oma sõnavara tõesti aktiivselt ingliskeelsete laensõnadega, kuid ei piirdu nendega, vaid lisab laensõnu ka teistest keeltest ning mitte alati inglise keele kaudu.

SÜNTAKTILISE DERIVATSIOONI PRAGMAATIKAST: MÄNG OMA JA VÕÕRAGA KONSTRUKTSIOONIS Я НЕ БЕЗУМЕЦ ЛЕЗТЬ ПОД ПУЛИ

МИХАИЛ ДӨМАРСКИ

Pealkirjas nimetatud konstruktsiooni analüüsitakse struktuuri, süntaktilise derivatsiooni, semantika ja pragmaatika aspektist. Analüüsi materjal – 128 lauset vaid *ma*-asesõnaga – on saadud vene keele rahvuskorpusest. Tõestatakse, et struktuuri aspektist on mudeliks ebatriviaalselt suhestatud osadega põimlause. Derivatsiooni aspektist interpreteeritakse mudelit *я не безумец лезть под пули* kahe baasumudeli kontaminatsioonina: 1) nimisõna juurde kuuluv kõrvallause, 2) otstarbe-lause (üks erivariantidest). Vaadeldakse mudeli suhet lähedase, ent mitte samaväärse relatiivlause fraseologiseeritud tüübiga.

Osutatakse disproportsioonile mudeli sisutiheda semantika (on esitatud viis propositsiooni tähenduskomponenti) ja selle formaalse kuju (vaid kaks kokkusulamise tendentsiga predikaatosa) vahel. Niisugune disproportsioon esineb süntaktilistel derivaatidel, mille tunnuseks on tugev pragmaatiline motivatsioon. Mudeli kõik viis tähenduskomponenti on nii või teisiti seotud *oma* ja *võõra* vastandusega, osal neist on presupositsiooni, osal järelduse jooned ning need on seotud

aksioloogilise või deontilise modaalsusega. Üks komponentidest kujutab enesest ette teadaolevalt valet (ebapiisavale alusele toetuvat) järelust, mida kõneleja kasutab demagoogilisel ja manipulatiivsel eesmärgil. Nimelt see komponent on kõnealuses konstruktsioonis täielikult ja selgesti väljendatud. Autor jõuab järeldusele, et tõelise *võõra* väljendamine on vaid ettekäändeks näilise *võõra*, tegelikult aga oma *võõra* väljendamiseks. Siit järeldub, et kõneleja põhiilokutsiooniks on mitte niivõrd oma osaluse eitamine eelseisvas tegevuses, kuivõrd adressaadi demagoogilis-manipulatiivne mõjutamine, mis tekitab kommunikatiivse ebamugavuse ja suhtluse katkemise ohu.

KAKSKEELSED TEKSTID: OMA JA VÕÕRAS

JELISAVETA KOSTANDI

Artikkel jätkatab keelkontaktide tingimustes kujunevate kõnepraktikate spetsiifika uuringuid. Mitmeid Eesti vene diasporaa keele tunnuseid, mida on uuritud viimase kahekümne aasta jooksul, saab põhjalikumalt analüüsida ja seletada, tuginedes kõne- või diskursiivpraktika mõistele. Materjali analüüs näitas, et keelekontaktide (sh diasporaa) tingimustes kujunevad või aktuaalseeruvad nii kohalikud kui ka globaalsemad spetsiifilised kõnepraktikad. Nende hulka kuuluvad näiteks sellised regulaarsed praktikad nagu koodivahetus, aegruumis lokaliseerumine, keele-refleksioon jt. Artiklis on uurimisobjektiks kakskeelsed ehk nn bilingva tekstid, mida vaadeldakse kõnepraktikana.

Kakskeelne tekst koosneb kahest erinevas keeles kirjutatud osast – originaalist ja tõlkest. Eestis on laialt levinud eesti-vene ja vene-eesti kakskeelsed tekstid. Nende analüüsi tulemused näitavad opositsiooni *oma* – *võõras* väljendamise mitut võimalust.

Opositsiooni ilmsemaks realisatsiooniks võib kindlasti nimetada suhtumist: *oma* (emakeel) või *võõras* keel. Samas diasporaa olukorras ei ole see kriteerium alati selgesti väljendatav, sest inimesed, kes valdavad kahte keelt heal tasemel, võivad hinnata neid olukorrast lähtudes erinevalt. Keeltesse suhtumise vaatepunktist arutatakse artiklis ka kakskeelse (bilingva) teksti “päritolu” üle (Eesti, Venemaa, muud riigid).

Artikli põhiliseks eesmärgiks on uurida kakskeelse teksti osade omavahelist suhestust ning nende suhet tervikteksti kui *oma* või *võõraga*. Eestis, nagu ka paljudes teistes riikides, kus eksisteerivad kõrvuti kaks (või mitu) keelt, kasutatakse palju kakskeelseid tekste kooskõlas ülaltoodud definitsiooniga: kaks erinevates keeltes teksti – üks originaal, teine tõlge – funktsioneerivad kakskeelse tekstina. Samas aga on palju kakskeelse teksti varieerumisvõimalusi. Nende analüüs nõuab diskursuse ning diskursiivsete praktikate poole pöördumist. Sellest vaatepunktist analüüsitakse erinevaid tekste ning jõutakse järeldusele mitte ainult tekstide vaid ka kakskeelsete praktikate põhjalikuma uurimise vajaduse kohta.

SEMANTILINE TÜPOLOOGIA JA KEELEKONTAKTID SOTSIAALTERMINOLOOGIA AJALOOS

IGORS KOŠKINS

Artikli tähelepanu keskmes on *oma* – *võõra* opositsiooni esinemine mõningate Balti regioonis kasutusel olnud keelte sotsiaalterminite ajaloos. Nimetatud opositsioon võib ilmnedagi nii semantilise tüpoloogias (ühine sõnatähenduse areng kontaktkeeltes) kui ka keelekontaktide aspektist (*oma* ja *võõra* komponendi seos laenatud sotsiaaltermini ajaloos). Vanavene sõna *людие*, keskalam-saksa *lude*, läti *laudis* (mis on baaskomponendiks sotsiaalses püüühendis vastavalt *добрий людие*, *gude lude* ‘see, kes kuulub kõrghklassi’, läti *labie laudis* ‘see, kes kuulub rikkasse suguvõsasse’) semantiline evolutsioon on seotud negatiivse hinnangu konnotatsiooni arenemisega, mis omakorda tekitab nimisõna ja selle tuletiste semantilises struktuuris lisatähenduse

võõras. *Oma* ja *võõra* alged on läbi põimunud ka läti sõna *tulks*, keskalamaksaks *tolk* 'tõlk, tõlkija' ajaloos. Läti keelde oli see laenatud kui sotsiaalne termin idaslaavlaste administratiiv-poliitilise mõju tulemusena vana-lätlaste alal. Hiljem, semantika laienedes, hakkas see Liivimaal vene-saksa keelekontaktide tingimustes tähistama valdavalt *oma* s.t liivi tõlke.

OMA JA VÕÕRAS „CODEX ZOGRAPHENSIS“ (I) ORTOGRAAFIAS: TUGEVAPOSITSIOONILISTE JERIDE AJALOOST

ANATOLI KUZNETSOV

Vanaslaavikeelsete käsikirjade graafika- ja ortograafia-süsteemide ajalugu ei ole seni täielikku käsitlust leidnud. Tavaliselt vaadeldakse foneetilisi nähtusi ja nende peegeldust ortograafias kõikide ürikute kogumit kui tervikut hõlmavalt. Kirjanormidele ja koolkondadele osutatakse vähem tähelepanu. Artiklis üritatakse rekonstrueerida *Codex Zographensis*'e kirjasüsteemi redutseeritud vokaalide (*jeride*) hääbumise aspektist.

Codex Zographensis'e ortograafias saab eristada mitut kihistust. Esimene neist kuulub Kyrillose-Methodiose eposhi ning säilitab etümoloogiliselt õige *jeride* kasutusviisi; kuna *j* ees akommodatsioon puudus, siis oli mõnedel täheühenditel mitu erinevat foneetilist tähendust. Teises kihistuses peegeldub *jeride* akommodatsioon *j* ees mõnede bulgaaria murrete näitel (mh idapoolsetes) ning edasine vokaalide liitumine. Siin võib täheldada ka silpidevahelist assimileerumist mitme vokaali ja konsonantide palatalisatsiooni osas. Viimase kihistuse – *Codex*'i kirjutaja *oma* – eripäraks on akommodatsiooni puudumine *j* ees, foneemide *ɔ-o* ja *ɔ-e* konvergeerumine (tugevas positsioonis), mis kajastub tähtede *ɔ-o* ja *ɔ-e* vastastikusel vahetuses. Kirjakeelses häälduses aga säilitab kirjutaja ida-bulgaaria traditsiooni.

OMA JA VÕÕRA DIALEKTIKAST DIASPORAA KEELES

IRINA KÜLMOJA

Opositsioon *oma* ja *võõra* vahel – üks põhilisi kultuurisemiootika vastandusi – on väga oluline ka keele uurimisel. Iga rahvuskultuur põhineb keelel, mille eri tasanditel eksisteerib alati nii sellele keelele *omane* – mis on selle aluseks – kui ka *võõras*. *Oma* ja *võõra* piirid, omavaheline suhetumine keeles on jätkuvalt uurijate huviobjektiks. Eriti oluline on seda analüüsida keelekontaktide tingimustes, kui keel toimib teise keele ja kultuuri ruumis, nagu nt vene keel Eestis või teistes endistes NSVL vabariikides.

Reeglina on keeleteadlased arvamusel, et emamaast lahus olevat emigrantide keelt iseloomustavad kaks arengutendentsi: konserveerumine ja suur laenude arv ümbritsevast (riigi)keelest. Neist esimeses võime täheldada *oma* säilitamise püüdu, teises – *võõra omaks* muutmise protsessi. Teatud määral toimivad need tendentsid ka Nõukogude Liidu lagunemise järel tekkinud vene diasporaades, aga siiski on ka olulisi erinevusi. Eelkõige on erinevused tingitud sellest, et venekeelse elanikkonna suhteline hulk neis riikides on märksa suurem, kui 1917. a oktoobripöörde järel vene pagulasi vastu võtnud maades. Samuti on oluline, et vene diasporaa keel toimib tänapäeval hariduses, kultuuris, majanduses jne, seega on tema funktsioonid palju laiemad kui omaaegsel pagulaskeelel. *Oma* roll on selles ka infotehnoloogia arengul, interneti ja sotsiaalmeedia levikul.

See kõik aeglustab vene elanikkonna emakeele konserveerumist, mida võib siiski märgata nt riiki, selle toimimist ja ametlikku valdkonda käsitlevas sõnavaras. Täpsemalt saab rääkida konserveerumisest vanausulistest murretes, kus see väljendub nii murdesõnavaras kui grammatikas (omadussõnade arhailised käändevormid; tegusõna ennemineviku vormide säilimine). Mõned *oma* murde-keele arhailised nähtused on säilinud *võõra*, eesti, keele toel (osaalus, eesti umb-

isikulise tegumoega sarnane passiivi loodeperfekt).

Teine tendents – *võõra omaks* muutmine – on kergesti jälgitav ning esineb nii kirja- kui ka murdekeeles koodivahetuse ja tõlkelaenude näol. Artiklis vaadeldakse näiteid koos murdejuhtide kommentaaridega.

VEERAND SAJANDIT SAKSAMAAL:
ÜHE VENEMAA SAKSLASTE PEREKONNA KOGEMUS
KATARINA MENG, JEKATERINA PROTASOVA

Artiklis vaadeldakse ühe Kasahstani sakslaste perekonna autorefleksiooni ja ka keelelis-kultuurilist praktikat. Perekond repatrieerus Saksamaale Kasahstanist pärast NL-i lagunemist 90ndate aastate alguses. Autorid on informantidega olnud kontaktis alates nende saabumisest Saksamaale, et jälgida nende keelelist ja sotsiokultuurilist lõimumist vastuvõtvas saksa ühiskonnas. Rühma-intervjuu kujutab endast identiftiseerivat narratiivi, mille käigus eakad sisse-rändajad mõtisklevad oma kogemuste, saavutuste ning laste ja lastelastega seotud lootuste üle. Kõrvutatakse sisse-rändajate kultuuri ja keelt. Fookuses on keeltekasutus (nt koodivahetus ja ümberlülitumise põhimõtted) ning eluviisi transformatsioonid (pühad, toit, suhted sugulastega jne), neid võrreldakse lähteriiki saabumise ajaga ning 25 aasta pikkuse viibimisega Saksamaal. Informandid mõtisklevad oma hoiakute üle Saksamaa, Venemaa ja Kasahstani aktuaalsete sündmuste suhtes. Nad vaatlevad sarnasusi ja erinevusi nende maade inimeste käitumisviisides ning arendavad välja kultuuridevahelise kommunikatsiooni rahvusliku teooria. Nad hindavad oma etnilisust teiste inimeste omaga võrreldes. Nad ei väsi rääkimast oma nõukogudeaegsest minevikust ning saksa olevikust, mõtisklevad Venemaa sakslaste ajaloolise saatuse, selle grupi vitaalsuse ja Saksamaal lõimumise perspektiivide üle. Nad võtavad vastu oma uue elu religioosse komponendi ning kahetsevad, et hoolimata oma aktiivsest sotsiaalsest positsioonist ei osale nad ühiskondlikus tegevuses. Vanaemad ja -isad jäävad venekeelseteks ning järgivad nõukogudeaegseid traditsioone. Põlvkondade vahel katkeb vene keele edasiandmine, kuigi inimesed mõistavad, kuidas seda teha ning milline kasu ja eelis on sellega seotud.

OPOSITSIOONIST OMA – VÕÖRAS MURDEDISKURSUSES
JANINA MÖZNIKOVA

Artiklis keskendutakse inimteadvuse ühe aluskategooria – *oma* ja *võõras* – ilmingutele murdesuhtluses. *Omade* ring murdekõneleja jaoks piirdub reeglina oma maakoha sootsiumiga. Suhtlemine teiste sootsiumide esindajatega, *võõrastega*, on sageli seotud negatiivse või äreva reaktsiooniga. Näiteks kujutab keelejuhi suhtlus murdekogujaga sootsiumidevahelist kommunikatsiooni maa- ja linnakogukonna esindaja vahel. See võib lõppeda kommunikatsiooni nurjumisega, kui murdekoguja ei püüa kas või mingilgi määral ületada „võõrastus-barjääri”, keelejuhi ärevat suhtumist. Kollektivistlikus maakoha kogukonnas võib suhtlemine olla seotud teatud piiridega: nt tagasihoidlikkusega lävimisel vähetuttavate inimestega, sooviga mitte rääkida sellest, mis võib kõneleja arvates olla kahjulik oma sootsiumile. Seejuures kehtivad oma kogukonna sees, *omadele*, erilised, „seesmised” suhtlusreeglid: selleks võivad olla vaid kogukonna liikmete seas tuntud ja kasutusel olevad nn „tänavanimed”, erilised viisakus- ja etiketivormelid. Naaberkogukondade eristamiseks võidakse kasutada spetsiifilisi kollektiivnimetusi ja mikrotoponüüme. Sagedasem *võõraste* eristamine toimub konfessionaalsel või ajaloolis-kultuurilisel alusel, samuti keele- või murde-erinevuste põhjal. Vastandumine *võõrale* võib toimuda ka rahvuse põhjal, kuid seejuures lisandub *võõrale rahvusele* reeglina kultuuriline või usuline „võõrus”. Nimetatud seaduspärasused on selgelt jälgitavad Volgamaa mitmekeelses ja -kultuurilises keskkonnas, kus elavad kõrvuti slaavi,

turgi-tatari ja soome-ugri rahvad. Mõistagi võib opositsioon *oma* – *võõras* realiseeruda erinevates variantides olenevalt regiooni etnokultuurilisest situatsioonist, kuid vastandus ilmingu üldseaduspärasusi murdediskursuses ei saa pidada territooriumist sõltuvaks.

OMA JA VÕÕRAS : MURRETE ERINEVUSED MURDEJUHTIDE KÖNES

JELIZAVETA PURITSKAJA

Artiklis analüüsitakse Pihkva murde liitkontiinumi murrete omavaheliste erinevuste kajastumist murdejuhtide kõnes. Seega on uurimisobjektiks murdejuhtide metakeelised tähelepanekud. Uurimuse materjaliks on „Pihkva oblasti ajalooandmetega murdesõnaraamat” ja selle kartoteek, milles on hulgaliselt murdejuhtide keelerefleksiooni sisaldavaid tekste.

Autor jõuab järeldusele, et murdejuhtide *oma* – *võõra* kõne kajastamine näitab küll *võõra* semantikat, kuid peaaegu alati puudub selles emotsionaalne hinnang *võõrale*. Metalingvistiline representatsioon sisaldab tähelepanekuid sõnavara piirkondlikest erinevustest, samal ajal on mõned tähelepanekud *oma* ja *võõra* sõna kohta niivõrd täpsed, et nende alusel on võimalik määrata areaali leksikaalmarkereid ja areaalide piire. Seejuures võivad kõnelejad pidada *omaks* semantiliselt identseid erinevatesse areaalidesse kuuluvaid sõnu. Üheks kõnelejade territoriaalse erinevuste esitamise oluliseks vormiks on teise murde mikrotsooni määramine. Niisuguseid mikrotsoone määratlevad murdejuhikud kogu Pihkva oblasti, sh selle kesk- ja põhjaosa kohta, kuid enim tähelepanekuid on lõuna- ja edelaosast, mida võib iseloomustada kui murde üleminekutsooni. Mikroterritooriumide määramise aluseks on mitte pelgalt keelised, vaid ka geograafilised ja kultuurilised (sh ka konfessionaalsed) iseärasused, mis on kooskõlas kultuurilis-ajaloolise rajoonimise põhimõtetega. Teiste usurühmituste esindajate hindamisel keskendutakse mitte niivõrd *võõra* keele- kui *võõra* kultuuri iseärasustele ning reeglina saavad need negatiivse hinnangu.

OMA JA VÕÕRAS VENEMAA LINNASISESTE OBJEKTIDE NIMETAMISEL

JELENA REMTŠUKOVA, TATJANA SOKOLOVA

Artiklis vaadeldakse *oma* ja *võõra* vastastikust mõju linnasiseste kommertsobjektide nimetamisel – tänapäevaste vene urbonüümide puhul, mis kujutavad endast loominguilise keelekasutuse teel moodustatud nimesid. Kohvikute, restoranide, elamukomplekside, poodide, ilusalongide nimede analüüs on võimaldanud välja selgitada *võõra* omandamise viisid: leksikaalsel tasandil – toponüümide, antroponüümide, eksotismide kasutamine algsel ja translitereeritud kujul; sõnamoodustuse tasandil – võõrkeelsete formantide kasutamine. Erilist tähelepanu pööratakse graafiliste hübriidide moodustamisele kui *oma* ja *võõra* koostoime fenomenile; muuhulgas on välja selgitatud, et kõige sagedasem kommertsobjektide nimetamise viis on asemantiliste graafiliste hübriidide moodustamine (spordiklubi „ЗАРЯДКА”, restoranid „Водный”, „Уголёк”). Artiklis käsitletakse keerulisemaid graafiliste hübriidide moodustamise viise (nt grammatiline mäng – restoran „Башка”) ning asemantiliste ja semantiliste graafiliste hübriidide moodustamise üleminekujuhtumeid (nt kohvik „Pedro & Gomez y Лапуци”). Linnasiseste objektide nimetamisel on grafeemi tasandil välja selgitatud vastandlikud tendentsid: *võõra* esitamine *omana* ja *oma* esitamine *võõrana*: *võõrast* elementi kirjutatakse kirillitsas nagu *oma* (restoran „Фуу”, elamukompleks „Фьюжн Парк”), ning *oma* – sealhulgas ka selgelt etnokultuurilist komponenti sisaldavat – kujutatakse *võõrana* – (restoranid „Ivan”, „Valenok”, elamukompleks „Chekhov”). Kaupluste nimetamisel omandab selline loominguiline keelekasutus pragmaatilise eesmärgi – maskeerida Vene tootja kaupu ja teenuseid välismaisteks, et olla äris edukam („Paolo Veroneze”, „Laura Donati”, „Sergio Zino”). Selliseid pseudovõõramaiseid, samuti konflikte põhjustavaid nimesid võimaldab välja selgitada nimede omistamise ekspertiis, mis on loodud keele- ja õigusteaduse piirimail.

Artiklis analüüsitakse ka teisi *võõra* ja *oma* ühendamise vorme linnasiseste objektide nimetamisel: fraseologismi abil – restoran „*Китайская Грамота*”, ortograafilise adaptsooni kaudu (restoran „*СУББОТИЦА*”) jt. Lõpetuseks rõhutavad autorid, et *rahvusliku* (s.t konkreetse kultuuriga seotud) ja *universaalse* (rahvusvahelise) komponendi vahel tasakaalu leidmine on üks olulisematest ülesannetest ärinime loomisel paljukultuurilises linnas.

„TEISED KEELED” LADINA-AMEERIKA VANAAUSULISE RAAMATUS

OLGA ROVNOVA

Artikkel tugineb Ladina-Ameerikast pärit vene vanausulise Danila Zaitsevi raamatule „Danila Terentjevits Zaitsevi jutustus ja elulugu”. Raamat on kirjutatud aastatel 2010–2012 Argentiinas. Olga Rovnova sai käsikirja autorilt, valmistas selle trükiks ette ning raamat ilmus Moskva kirjastuses „Альпина Нон-Фикшн” 2015. aastal. Samal aastal pälvis see kirjanduspreemia „NOS” (Новая русская словесность). Käsikiri on vene murdekeeles, kasutatud on kirillitsat, kuid nn foneetilist kirja. Selles peegeldub autori emakeele – Xinjiang’i vene vanausuliste murraku – foneetika, grammatika ja leksika omapära. See murrak arenes pikka aega vene kirjakeelest lahus ning kontaktis hispaania ja portugali keelega. „Teisteks keelteks” on raamatu tekstis tänu autori rikkalikule „keeleloole” Harbini vene vanausuliste murrak, kirikuslaavi keel, hispaania (Argentiina variant) ja portugali (Brasiilia variant) keel, samuti tänapäeva Venemaa vene keel, mida autor kuulis, elades ligi poolteist aastat Venemaal. Kirikuslaavi keele mõju ilmneb mõningate spetsiaalsete rõhumärkide kasutuses ja teatud morfoloogilistes vormides, ladina alfabeedi mõju – kirillitsa ja ladina tähestiku mõnede tähtede segamini ajamises. Tuuakse näiteid hispaania ja portugali laensõnadest, süžeest tingitud või mittetingitud hispanismide, hispaaniakeelsete lausete stiilivõttena kasutusest.

OMAD JA VÕÕRAD VENEMAA, VALGEVENE JA POOLA PRESIDENTIDE UUSAASTATERVITUSE KÖNES

ŽANNA SLADKEVIŠ

Artiklis vaadeldakse hüperonüümse dihhotoomia alusmõistete *omad* ja *võõrad* realiseerumist presidentide uusaastatervitustes rahvale. Analüüsiterjaliks on valitud Venemaa, Valgevene ja Poola presidentide tekstid aastatest 2000–2015. Autor kirjeldab riigipeade uusaastaõnnitluse tekkelugu ja määratleb sellele žanrile omased tunnused: tekstitüübi, suhtluse sfääri ja iseloomu, ajendi, kommunikatiivsed eesmärgid, adressandi staatuse ja tüübi, vastureaktsiooni tüübi, kohustuslikud struktuurielemendid, rituaalse iseloomu.

Artiklis on üldjoontes esitatud binaarse opositsiooni *omad* – *võõrad* abil toimuva ühiskonna struktureerimise kultuurilised juured, tähistatakse vaadeldava dihhotoomia pragmaatiline ja kommunikatiivne potentsiaal poliitilises diskursuses. Seejärel analüüsib autor mõistete *oma* ja *võõras* keelilise realiseerumise eripära presidentide aastavahetuse telepöördumistes, võttes arvesse žanri kommunikatiivset suunitlust kontaktusele ja integratsioonile ning samuti vaadeldava žanri rolli rahvuslikus sotsiokultuuris. Uusaastatervituses *oma ringkonna* tähistamiseks kasutatavate markerite hulka võib lugeda: inklusiivse „MEIE”; sõnad, mis tähistavad ühtekuuluvust, koosolemist; sõnad, mis sisaldavad ühinemise komponenti; sõnad, mis kuuluvad lekseemi *perekond* semantilisse välja; lojaalsete adressaatide, liitlaste ja silmapaistvate kaasmaalaste nimetamist. *Võõraste* ala on analüüsitava žanris määratletud kolme kategooriaga: välisvaenlased, sisevaenlased ja ebasoodsad objektiivsed asjaolud.

Presidentide aastavahetuse telepöördumiste kui segakeelse žanri prokseemiline, visuaalne ja heliline vormistus on otseses korrelatsioonis *oma sfääri* markeerimisega.

AMBIVALENTSE KONNOTATSIOONIGA LEKSEEMID
OPOSITSIONIS OMA-VÕÖRAS: KÜLALINE

GALINA SÕRITSA

Artiklis vaadeldakse lekseemi *küaline* konnotatiivset tausta opositsiooni *oma – võõras* raames. Selle opositsiooni eripäraks on selgelt väljendatud aksioloogilisus (*hea-halb*). Lekseemi *küaline* semantika, selle vanasõnades ja ilukirjanduslikus diskursuses funktsioneerimise analüüs võimaldas välja selgitada hinnanguliste konnotatsioonide ambivalentse iseloomu. Ka lekseemi *küaline* tuletised on ambivalentse konnotatsiooniga. Positiivse hinnanguga konnotatsioonid on seotud eelkõige soovitud (*oma*) küalilisega, negatiivse hinnanguga konnotatsioonid aga soovimatu (*võõra*) küalilisega. Lekseemi konnotatiivne taust peegeldub küalilise tervitusrituaalides, küalilise käitumisstereotüüpides jms. Analüüsi käigus selgitati välja, et ambivalentsed konnotatsioonid ilmnevad lekseemis *küaline* ebahütlaselt. Suur osa kinnistunud ühendeid, mis pärinevad invariandist *kutsumata küaline* (*sisse sõitnud küaline, ootamatu küaline, ebasõbralik küaline, imelik küaline* jt), aga ka lekseemi *küaline* (*küalised*) metafoortähenduste eripärad näitavad negatiivse hinnanguga konnotatsioonide suuremat kinnistumist. See peegeldub ka tänapäeva assotsiatsioonide sõnaraamatus, kus kõige sagedasemate assotsiatsioonidena stiimulsõnale küla-line on märgitud *kutsumata, ootamatu*.

VANAUSULISTE NAISTE KEELELINE MAAILMAPILT „OMA – VÕÖRAS“ ASPEKTIST

VALENTINA ŠTŠADNEVA

Artiklis käsitletakse soolist aspekti Lääne-Peipsiveere ja Piirissaare vanausuliste naiste lugedes. Soolise probleemistiku verbaalset ja mitteverbaalset väljendust vaadeldakse läbi vastanduse *oma – võõras* prisma. Vanausuliste vaimne ja materiaalne elu põhineb algselt aja mõistel, mida peegeldab juba etniliskonfessionaalse kogukonna nimi. Arusaamad kogukonda kuulumisest hõlmavad vanausulistel iidsetel kaanonitel põhinevaid arvamusi, hinnanguid ja norme, mille alusel vanausuliste kogukond kujunes. Seega vastandus *oma – võõras* tugineb aja mõistele.

Analüüsis on kasutatud paber kandjal ja elektrooniliselt talletatud lugusid, mida on mitmekümne aasta jooksul kogunud Tartu ülikooli slavistika osakonna õppejõud ja üliõpilased. Salvestiste analüüsil on arvestatud nii lugude sisu kui ka keelelisi fakte. Esitatud näidete hulka on – üksikute eranditega – valitud naiste kõne.

Empiirilise materjali analüüsil on arvestatud religioosse alge põimumist teiste vanausuliste jaoks oluliste mõistetega nagu *perekond, kodu, töö*. Diskursuse analüüs näitab, et vanausuliste naiste lugedes minevikust ja olevikust kajastuvad nii endised konservatiivsed normid kui ka teatud piirangud usuelus ja sugudevahelistes suhetes. Ühelt poolt räägib vaimsete õpetajate soolise koosseisu muutumine ning meestetöö tegemine naiste poolt soolisest võrdõiguslikkusest. Teisalt rõhutavad naised ise soolisi erinevusi, eraldades endale isikliku ruumi majas, suhtluses ning naiste rituaalides ja toimingutes, eristades seega *oma ja võõrast*. Selline vastandus kajastub naiste kõnes mitmeti: *oma – võõras* religioosne kogukond, sakraalne ja ilmalik käitumine igapäevaelus, *oma – võõras* vanade ja noorte ning meeste ja naiste suhetes.

EESTI VERBIDE OBJEKTIREKTSIOONISÕNASTIKU TEOREETILISED LÄHTEKOHAD

NATALIA VAISS, JELENA KALLAS, HELLE METSLANG

Artikkel tutvustab koostamisel oleva transitiiivverbide sõnastiku teoreetilist tausta, koostamise käiku ning sõnastiku ja sõnaartikli struktuuri. Sihitise käändevaheldus eesti keeles sõltub mitmest tegurist, mille hulgas kesksel kohal on aspekt. Erinevalt vene keelest, kus aspekti positsiooni keskseks väljendusvahendiks on järjekindlalt avaldub verbiaspekt, sõltub sihitise abil aspekti väljendumine eesti keeles mitmest tegurist, nagu verbi transitiiivsus ja aspektitüüp, lause eitav või jaatav vorm, sihitise referendi kvantitatiivne piiritletus või piiritlematus, verbi rektsoonimall, piiritlevate elementide olemasolu lauses. Seetõttu on sihitise käände valik keeleõppija jaoks üks raskemaid teemasid. Sõnastiku eesmärgiks on esitada teave sagedasemate transitiiivverbide objektirektsiooni ja leksikaalse seonduvuse kohta. Sõnastik esitab 500 sagedasema lihtverbi ja neil põhinevate ühend- ja väljendverbide sihtiserektsoonid koos näitelausetega. Verbid ja nende tähendused on sõnastikus jaotatud neid laiendava objekti käändevahelduse võimaluste järgi aspektuaalsetesse tüüpidesse: aspektverbideks, partitiivverbideks ja perfektiivseteks verbideks, lisaks on välja toodud kaks üleminekutüüpi. Sõnastikus esitatakse verbi sihtiserektsoonid- ja aspektitüüp, grammatiline info, objektirektsioonimallid koos lausenäidetega, tüüpilisemad kollokatsioonid, olulisemad ühend- ja väljendverbid. Sõnastikku koostatakse leksikograafi töökeskkonnas EELex ja see põhineb transitiiivverbidega lauseite andmebaasil, mis on koostatud otsingumootoriga SketchEngine eesti keele ühendkorpuse materjalist. Sõnastiku põhiline sihtrühm on keeleõppijad keeleoskustasemega B2–C1, kuid see on kasutatav kõigi muukeelsete keeleõppes, samuti õppevahendite koostamisel, rektsoonisõnastiku ja muude sõnastike koostamisel, aspekti ja objekti uurimisel, kontrastiivsel keeleuurimisel jne. Sõnastik valmib 2018. aastaks ja tehakse veebis avalikult kättesaadavaks.

TÕLKES KADUMA LÄINUD: RASKUSED
LESIKAALSETE VASTAVUSTE VALIKUGA (ÄRITEKSTIDE NÄITEL)

JELENA VELMAN-OMELINA

Tõlkimine kui tegevusala nõuab tõlkijalt lisaks keeleoskusele ka taustateadmiste olemasolu, kommunikatsiooniolukordade erisuste mõistmist. Lisaks tuleb arvesse võtta tõlke konkreetset eesmärki. Tõlketegevuse süstematiseerimiskatsetele vaatamata jääb tõlkimine endiselt inimtegevuse subjektiivseks valdkonnaks, sest sõltub tõlkija keelelisest ja kommunikatiivsest pädevusest, keelelisest maitsest ning eelistustest; teisalt on tõlkimine paljudest keelevälistest teguritest.

Ametlik-ärilike tekstide tõlkimine oli ja on üheks keerukaimaks tõlkimise alamliigiks, sest tulemus peab olema maksimaalselt täpne ning õige, kuna tõlketekst on originaali täieõiguslikuks asenduseks. Teisisõnu, tõlkijalt oodatakse mitte üksnes teksti mõtte edasiandmist, vaid originaaldokumendi täpset taasloomist teises keeles.

Artikkel käsitleb leksikaalsete vastavuste valiku probleeme eesti keelest vene keelde tõlkimisel. Uuritav keelematerjal pärineb erinevatest ametlikest eestikeelsetest ja venekeelsetest tekstidest, mis on esitatud nii paberandjal kui elektroonsel kujul. Sõnavara on iga keele kõige liikuvam ja muutuv osa, mis reageerib kiiresti uute reaaliide tekkimisele. Tänapäevases ametlikus suhtluses ei pruugi leksikaalsed ühikud Venemaa ja Eesti vene keeles ühtida. Eesti keelest vene keelde tõlkiv inimene peab lisaks mõlema keele valdamisele, arvestama ka ametliku suhtluse erisustega Venemaal ja Eestis. Just seepärast pööratakse artiklis erilist tähelepanu muutustele kõnealusel valdkonnas, samuti hästi valitud ja vene keeles kindlalt kinnistunud vastavuste praktilisele kajastamisele, sest paljud neist pole seni sõnastikes kohta leidnud või pole nende kajastamine päris korrektne.

KATEGOORIA OMA – VÕÕRAS KEELES JA SUHTLUSES: INDIVIDUAALNE KEELESÜSTEEM JA KEELEMATERJALI TÖÖTLEMISSTRATEEGIAD

SVETLANA JEVGRAFOVA

Kategooria *oma* – *võõras* iseloomustab kõiki inimese elu tahke – alates bioloogilisest rakkude ja kudede ühtesobivusest kuni indiviidide stilistiliste eelistuste ja kultuuri vahelise vastastikuse mõjuni. Jäädes keele ja suhtluse piiridesse, märkame selle kategooria mõju väga erinevatele suhtluse ja isegi inimese tunnetusliku tegevuse aspektidele (üंबरjutustus, toimetamine, tõlge, suuline õpetamine). Kategooria *oma* – *võõras* funktsiooni rakendamises mängib olulist rolli individuaalne keelesüsteem (IKS). F. de Saussure lähtus keelesüsteemi versioonide identsusest, L. Štërba oletas, et versioonid võivad veidi erineda. Uurimused on näidanud, et keeleliste süsteemide individuaalsed erinevused on küllaltki suured ning seetõttu on võõra teksti mõistmiseks vaja *võõra* IKS-i „kognitiivset tõlget” *oma* IKS-i. Erinevate IKS-ide vahelisi vastuolusid võib täheldada loomulikus suulises ja töötlemata kirjalikus kõnes.

„Kognitiivne tõlge” raskendab üksteise mõistmist ja tekitab kommunikatiivseid häireid ning keelevigu; see muutub keerulisemaks, kui suureneb keelematerjali mitmekesisus. Neid nähtusi on oluline uurida, kuna need mõjutavad oluliselt keelekasutuse tähtsaid liike.

Autor leiab, et isiku keeleline areng ja IKS-i kujunemine kestavad praktiliselt terve elu ning mõningates aspektides on need allutatud samadele seaduspärasustele nii lapse, teismelise kui ka täiskasvanu puhul. Nii kasutavad täiskasvanud kõnelejad teksti töötlemisel imitatsiooni- ja konstrueerimisstrateegiaid, mis on spetsialistidele ammu teada laste keelest. Autor näitab, et korralikku „kognitiivset tõlget” on vaja spetsiaalselt õppida, sest *võõra* IKS-i automaatne tõlge *oma* IKS-i ei aita lahendada mõistmise ja keeruliste tekstide ümbertõötamise ülesannet. Lisaks sellele aitab teksti töötlemise käigus tekkinud vigade iseloom tuvastada eelistatud strateegiaid.

VÕÕRKEELEDSED ELEMENTID ILUKIRJANDUSTEKSTIS KUI TÕLKEPROBLEEM (OSCAR WILDE'I ROMAANI „DORIAN GRAY PORTREE” LÄTI- JA VENEKEELSETE TÕLGETE NÄITEL)

ILZE KAČANE, OKSANA KOVZELE

Artikkel on pühendatud võõrkeelsete elementide tõlkeprobleemile inglise ilukirjanduse näitel (analüüsi romaani „Dorian Gray portree” kahte läti- ja kolme venekeelset versiooni, mille on tõlkinud erinevad tõlkijad eri ajal). Selline võõrkeelne ning võõrast kultuurist pärit materjal on teose semiootilise koodi lahutamatu osa ning peegeldab samuti mitmete kirjanike – sealhulgas ka Oscar Wilde'i – eredat stilistilist eripära. See võõrkeelne materjal on mõeldud eelkõige valitud intellektuaalidest lugejate auditooriumile ning vähemal määral laiale lugejate hulgale. Võõrkeelsed elemendid väljendavad keerulisi sümboleid ja mitmeid mõttevarju, nende roll ja funktsioonid tekstis on samuti erinevad: värvingu andmine ning autentse keskkonna loomine, tegelaste haridustaseme tuvastamine, looja kindlasse kultuurifenomeni kuulumise näitamine jne. Seetõttu on selliste elementide tõlkimine tõlkijale alati tõsine pädevuse ja meisterlikkuse proovikivi, mille käigus tuleb teostada keele- ja rahvuskultuuri vahelist „ümberkodeerimist”. Ühe originaalteksti eri tõlkeversioonide kõrvutamine kronoloogilises ja lingvistilises plaanis näitas, et kõige õnnestunud tõlked on need, mis on suunatud impressiivse ekvivalentsuse loomisele originaal- ja tõlketeksti vahel, mis võtavad arvesse autori individuaalset maailmapilti ning vastuvõtva poole rahvuslikku ja kultuurilist eripära. Seda on võimalik saavutada, säilitades võõrkeelsete elementide esialgse graafilise vormi koos nende tähendusi seletavate kohustuslike märkustega, mida saab lisada otse teksti või siis kasutada tekstiväliseid võimalusi (viidete süsteem). Kommentaarideta

võrkeelsete elementide edasiandmine – nagu ka nende täielik kõrvaldamine tekstist ei osutunud tulemuslikuks; mõningatel juhtudel on need isegi riskantsed tõlkeotsused.

LIIKUMISTEGUSÕNA RAHVUSLIK-KULTUURILINE ERIPÄRA JA SELLE KAJASTAMINE VENE KEELE KUI VÕÖRKEELE ÕPETAMISEL

LILIA KNÕŠ-KRJUKOV

Liikumistegusõna on eesti õpilastele mõistmiseks ja omandamiseks piisavalt keeruline oma rahvuslik-kultuurilise eripära tõttu.

Autori poolt loodud veebirakendused *LearningApps.org* keskkonnas võimaldavad mänguvormis omandada sõnavara ja täiustada ka õigekirja. Interaktiivne treening ja transformatiivsete harjutuste süsteem aitab kaasa kordamisele ja keelekujundite mehaanilisele omandamisele, tekitab huvi ja motiveerib õppimist, likvideerib keelebarjääri, mitmekesistab ja individualiseerib õppeprotsessi.

Digitaalsete õppeülesannete väljatöötamisel on aluseks võetud E. Vassiltšenko poolt pakutud kuueastmeline lähenemisviis vene keele liikumisverbi mõistmisele, mis arvestab eesti õpilaste rahvuslik-kultuurilist eripära kõnealuse õppematerjali omandamisel. Käsitletakse ühesuunaliste ja mitmesuunaliste liikumistegusõnade mõisteid, pööratakse tähelepanu tegusõna ajavormidele, tuuakse näiteid liikumisverbide kasutamisest nii eesliitega kui ka ilma selleta.

Õppeprotsessi iga etapp koosneb automaatset kontrolli võimaldatavatest interneti äppidest, mille kaudu õpilane saab infot puuduste kohta oma teadmistes teema omandamisel. Kiire tagasiside lahendatud ülesannete kontrollimisel aitab õpilastel hinnata oma tulemusi ja vajadusel korrata õppematerjali, et siis harjutus uuesti sooritada. Sellisel on õpilasel võimalus kinnistada läbitud ja omandatud õppeteema toetudes oma kognitiivvõimetele.

KAS TÕLGE ON OMA VÕI VÕÖRAS TEKST?

SIRJE KUPP-SAZONOV

Seni ei ole suudetud vastata küsimusele, kas lugeja peaks mõistma, et ta loeb tõlketeksti, või mitte. Tõlketeeorias eksisteerib kaks vastandlikku tõlkestrateegiat: *võõrapärastav (foreignization)* ja *kodustav (domestication)* tõlge.

Kui tavaliselt räägitakse nimetatud strateegiatest eelkõige reaalse tõlkimisel, siis selles artiklis üritatakse välja selgitada, kas ka grammatikavormide, nende tähenduste, funktsioneerimise ja kasutusviisi tõlkimisel on võimalik järgida konkreetset strateegiat. Põhjalikumalt vaadeldakse arvu ja aja kategooriaid. Analüüsitava materjalist on välja jäetud need juhtumid, kus tõlkijal valik puudub, kuna sihtkeel lihtsalt ei võimalda ühe või teise originaalis esineva vormi, selle semantika või kasutusviisi edasi-andmist. Arvukategooria puhul pööratakse tähelepanu eelkõige järgmistele kasutusviisidele: *pluralis maiestatis, autorimitmus* jt, ajakategooriale pühendatud osas keskendatakse muuhulgas *kestva tegevuse/olukorra olevikule, minevikule tuleviku kontekstis, praesens historicum* 'ile ja ajas mittelokaliseeritud tegevustele.

Analüüsi tulemused näitavad, et isegi kui tõlkija rakendab grammatika tasandil enamjaolt kodustava tõlke strateegiat, siis laiemat konteksti silmas pidades, näeb lugeja ikkagi, et tema ees on tekst teisest kultuuriruumist. Aga ehk ei olegi see tõlkija nähtav negatiivne ilming, sest iga hea tõlkega, milles on säilinud killuke teist kultuuri ja keelt, on võimalik rikastada ka sihtkultuuri ja -keelt.

OMA JA VÕÕRAS VENE FRASEOLOOGIA ÕPPESÕNASTIKUS

TATJANA NIKITINA, JELENA ROGAJOVA

Artiklis kirjeldatakse *oma* ja *võõra* kontseptsiooni, mis on esitatud Pihkva ülikooli õppeleksikograafia eksperimentaallabori muukeelsetele õppijaile koostatud sõnastikes. Autorid peavad valitud teemat aktuaalseks, sõnastades leksikograafi ülesande järgnevalt: aidata muukeelsel lugejal hinnata adekvaatselt vene fraseologismi etnokultuurilist omapära ning omandada *võõrast*, vastandades seda emakeelele või tuginedes *omale*.

Üldistatakse *oma* ja *võõra* uurimusi fraseoloogia alal, analüüsitakse *oma* ja *võõra* esitusviise Venemaal koostatud akadeemilistes ja õppesõnastikes, arutletakse nende leksikograafiaallikate kasutusvõimaluste üle vene keele õpetamise praktikas. Esitades oma fraseologismide parametriiseerimise kontseptsiooni, seletavad autorid lahti etümoloogilise parafraseerimise alused, mis lubavad täiel määral avada etümoloogilise versiooni lingvokultuurilise kui ka *oma* ja *võõra* poole pöördumise keeledidaktilise potentsiaali.

Kontseptsiooni realiseerimist demonstreeritakse seletav-etümoloogiliste õppesõnastike varal. Esitatakse sõnaartiklite fragmente, mis avavad *oma* ja *võõra* sisu nii fraseologismi üksikkomponendis kui ka väljendis tervikuna. Interpreteerimine toimub etümoloogilise parafraseerimise võtete abil. Teksti kujundamisel realiseeritakse lähenemisviisi „*oma* kaudu *võõra* juurde”. *Oma* elemendid õppetekstis (paralleelid oma kultuuriga või universaalsed nähtused kultuuris) moodustavad fraseoloogia semantika ja kujundlikkuse omandamise kognitiivse baasi.

Tõlkesõnastike põhjal vaadeldakse emakeele kasutusvõimalusi *oma* ja *võõra* esitamisel vene fraseoloogias. Artikli kokkuvõttes rõhutatakse leksikograafilise kontseptsiooni praktilist tähtsust.

ABSTRACTS

I. NATIVE AND FOREIGN IN LANGUAGE AND SPEECH

SPEECH MANIFESTATIONS OF THE IMAGE OF 'CLOSE' AND 'ALIEN' ADDRESSEE IN A JOURNALISTIC TEXT

IRINA BAKLANOVA

The paper shows how Grice's Conversational Maxims enable us to derive implicit information about the character of the intended addressee of any journalistic text. Such an addressee can be either 'close', that is, well prepared for the perception of the form and the content of the text, or 'alien', i. e. in desperate need of comments and explanations.

If certain facts or events are indicated in a text very briefly, then one can conclude by the Maxim of Quantity that the text is intended for a 'close' addressee who is already aware of these facts and events. Conversely, a detailed description of certain facts or events give reason to believe that the text is addressed to an 'alien', an insufficiently informed addressee.

If different statements of the author of the text are not accompanied by arguments for their reliability, then one can conclude by the Maxim of Quality that the text is intended for a 'close' addressee who shares the author's opinion about the facts and events. By contrast, the presence of reasoning, confirming the truth of the statements give good reason to suppose that the text is intended for an 'alien' an addressee whose opinion does not coincide with the opinion of the author.

If the text contains no explicit indicators of logical connections between its parts, then the Maxim of Relevance suggests that the text is intended for a 'close' addressee who can easily accept the logic of the author's presentation. By contrast, the existence of indicators of the logical connections between the parts of the text suggests that the text is addressed to an 'alien' recipient who may have difficulties accepting the logic of the author.

If little-known names, terms, proper names, and foreign-language expressions are not accompanied in the text by any explanations, then the Maxim of Manner suggests that the text is intended for a 'close' addressee who is familiar with these names, terms, names, and foreign-language expressions. Conversely, the presence of explanatory comments under these terms suggests that the text is addressed to an 'alien' recipient who may not be familiar with all these expressions.

FOLK TALE AS A GENRE OF MODELLING THE WORLD (NATIVE VS FOREIGN IN THE TEXTS OF PSKOV TALES)

NATALYA BOLSHAKOVA

The article reveals the dichotomous character of a raw text of the folk tale due to the synthetic nature of the collected archival material. The multimedia edition of Pskov fairy tales was prepared in view of modern research trends in the study of oral communication. It shows the unity of folklore and popular speech.

The world of humans, as represented in texts of fairy tales, is conditioned first of all by regularities of folklore poetics, intra-genre and subject features. It is also defined by a high degree of dialogism of texts and the role of the storyteller or the narrator. Thus, in a fairy tale two worlds are closely intertwined: the fantastic magical world and the real everyday world, well familiar to the storyteller and followed in the narrative discourse.

The model of the world as the universal system of semantic oppositions shows a high degree of semioticity in the national fairy tale. In this category 'native' vs 'foreign' permeates all spheres of people's sense of culture, revealing the spatial, temporal, socio-cultural, and other significant human and natural beginnings.

Observations showed that the symbolic content of spatial objects is closely related to the plot-themed varieties of tales. The vertical and horizontal axes of fabulous space, which are symbolically displayed in the text and reflect the movement of the characters, are implemented in the system of all-Russian dialect names that represent the proximal (developed) and distal (alien) spatial environment.

For the purpose of indexing the entire subject (in the broad sense) the world of fantastic space in the preparation of a new edition of the book compiled an index, which marked more than 2000 names. The alphabetically organized subject index has considerable potential for the study of substantive content words, and on this basis identifies the lexico-semantic system of fabulous texts. For research purposes the subject index is also transformed into semantically organized vocabulary, which serves as a basis for the description of the universal semiotic oppositions describing the model of the world of the Pskov peasant in its spatial, temporary, gender, age, and other basic characteristics. The survey showed that this methodology can reveal in its entirety of lexical representations the content of the opposition 'native' vs 'foreign' in texts of regional folk tales.

THE 'FOREIGN' IN THE 'NATIVE': CONCERNING SOME ISSUES OF ETYMOLOGICAL DESCRIPTION OF LOANWORDS IN RUSSIAN

ANDREY GORBOV

Issues pertaining to the content and scope of etymological data arise in connection with the linguistic description of loanwords regardless of how long ago they were borrowed. However, problems become especially evident in relation to recent borrowings from European languages against the backdrop of full accessibility of up-to-date lexicographic descriptions of potential source languages and extralinguistic information about the concept of denotation. The analysis confirms that etymologies even in the most authoritative sources may contain fundamental flaws.

Problems of etymological description often concern international loanwords. Typical for such lexemes is the situation where the etymological root can be easily identified while the problem of finding the immediate source of borrowing or the etymon has no definitive solution. The analysis of the etymology of the noun *кларнет* 'clarinet' shows that the most probable hypothesis can be selected by means of a thorough study of encyclopaedic information about the denotation and the time of borrowing the socio-cultural context.

Taking into account up-to-date lexicographic sources as well as the time, conditions, and circumstances of new borrowings entering the Russian lexicon enables us to determine their etymology and to reject previous doubtful or erroneous hypotheses of their English origins. In particular, this is the case with the nouns *бутик* 'boutique' and *легионер* 'a player who is contracted to play for a foreign team' as well as the phraseological translation loan *серый кардинал* 'grey eminence'.

Based on case studies, the paper argues against the overestimation of the influence of English on modern Russian lexicon. In the era of globalization, the Russian language, while actively borrowing from English, also enriches its lexicon with loanwords from other languages, not necessarily through the mediation of English.

PRAGMATICS OF SYNTACTIC DERIVATION: 'OWN' VS. 'ALIEN' IN THE CASE OF 'YA NE BEZUMEC LEZT' POD PULI

MIKHAIL DYMARSKY

The construction mentioned in the title is considered with regard to structure, syntactic derivation, semantics, and pragmatics. The analysis is based on a selection from the Russian National Corpus, which includes 128 occurrences (only with the form *ya* 'I'). It is proved that structurally the model is a complex sentence with a non-trivial relation between the main and the subordinate clauses. From the derivational point of view, the pattern '*Ya ne bezumec lezt' pod puli* 'I am not a madman to rush up under the fire' is interpreted as a contamination of two basic models: 1) a complex sentence with an attributive subordinate clause, 2) a complex sentence with a final subordinate clause (one of the specific varieties). The author also analyses the relation of the pattern under consideration to the close but not identical pronominal-correlative model of the idiomatic type. It is claimed that the former cannot be reduced to an incomplete version of the latter.

A disproportion is shown between the semantic richness of the model (5 semantic components of the propositional level are explicated) and its formal simplicity (2 clauses show a merging trend). This disproportion is interpreted as an indication of the derivational character of the pattern and strong pragmatic motivation. All the five components of the sense of the model are somehow correlated with the opposition 'own / alien'. While some are presuppositions, others are inferences associated either with axiological or deontic modality. One of the components is a deliberately false inference (resting on an insufficient basis) that the speaker uses for demagogic and manipulative purposes. It is namely this component—the only one of the five—that gets full and isosemic expression in the construction under consideration. It is concluded that the expression of genuine 'alien' is merely a pretext for the expression of the imaginary 'alien'—actually 'own alien', which, in turn, implies that the main component of the speaker's illocution is not so much to reject a hypothetic action (or to stop a current action) with his participation, but to make a demagogic, manipulative effect on the recipient, which causes communicative discomfort for the latter and drives the communication to the verge of breakdown.

BILINGUAL TEXTS: OWN AND ALIEN

YELISAVETA KOSTANDI

The article continues a series of publications by the author devoted to the peculiarities of discourse practices in the situation of language contacts. Several features of the Russian diasporic speech in Estonia, which have been actively studied for about twenty years, could be analysed and explained more fully on the basis of the concept of 'discursive practices'. The analysis of the data showed that both local and global discourse practices emerge in the situation of language contacts. The author proposes to identify the general features of these practices, for example, code-switching, place and space characteristics, and meta-language reflection. The present article focuses from this perspective on 'bilingual' texts, which are interpreted as a discourse practice,

A bilingual text is usually is as a text consisting of two parts written in different languages—original and translated. Estonian–Russian and Russian–Estonian bilingual texts are widespread in Estonia. The analysis of these texts provided a possibility to reveal some manifestations of the opposition *own*—*alien*.

The most obvious realization of this opposition is the perception of languages as *own* (native) and *alien* (foreign). This criterion is not distinct in the situation of diaspora because people who speak both languages well can estimate the languages differently in practice.

Moreover, a text in the native language can be interpreted as foreign if it is a translation. In this connection the author of the article considers the origin of bilingual texts (Estonia, Russia, and other countries) as one of the manifestations of the opposition *own* — *alien*.

Special attention is paid to such an aspect of this opposition as reception of the Russian and Estonian parts of the text by bilinguals as *own* or *alien* on the basis of their attitude to the text on the whole. In the Estonian conditions of, as well as in many other countries where two languages co-exist, many bilingual texts are in use: two texts, original and translated, are contaminated and their parts, which are represented in the different languages, function together. At the same time there are many other varieties of transformation of bilingual texts. Analysis of such modifications calls for the use of the notion of discourse practices. The present article examines different types of bilingual texts from this perspective. The conclusion is that it is necessary to consider not only the bilingual texts but also the corresponding discourse practices.

SEMANTIC TYPOLOGY AND LANGUAGE CONTACTS IN THE HISTORY OF SOCIAL LEXIS

IGORS KOŠKINS

The article deals with the manifestation of the opposition 'native elements – foreign elements' in the history of social terms used in the languages of Old Livonia and the Baltic region. This opposition can be regarded as an aspect of semantic typology (similar development of a word meaning in the contact languages), as well as an aspect of language contacts (interrelation of the 'native' and 'foreign' elements in the history of the borrowed social term). Semantic evolution of the Old Russian *людие*, Middle Low German *lude*, Latvian *ļaudis*, which is a basic component of a social formula — Old Russian *добрии людие*, Middle Low German *gude lude* 'those who belong to the social elite', Latvian *labie ļaudis* 'those who are members of rich families' is connected with the development of negative connotation (pejorative word meaning). As a result, an additional semantic marker 'other, stranger' appears in the structure of the word meaning. The 'native' and 'foreign' elements interact also in the history of the Latvian *tulks* and Middle Low German *tolk* 'translator'. In Latvian this word was borrowed as a social term as a result of administrative political influence of the Eastern Slavs in the territory of ancient Latvia. Then, when onomasiological semantics broadened, in the history of Russian-German language contacts of the Old Livonian period this term began to designate mainly the translators of Livonia, that is, it began to designate 'native' reality.

NATIVE AND FOREIGN ORTHOGRAPHY IN CODEX ZOGRAPHENSIS (I): REFLECTION OF THE HISTORY OF STRONG YERS

ANATOLI KUZNECOV

So far there is no comprehensive description of the graphic and orthographic systems of Old Church Slavonic manuscripts. Usually the phonetic phenomena and their reflections in orthography are considered simultaneously in the whole block of texts. Schools and writing norms have received less attention. The article is an attempt to reconstruct the graphic and orthographic system of *Codex Zographensis* with regard to reflecting the omission of *yers*.

The orthography of *Codex Zographensis* reveals a number of layers. The first one of the Cyrill-Methodian period retains the etymologically correct use of *yers*. Where *yers* were not accommodated by *j*, *th* letter combinations *ы* and *ѣ* (strictly *o* and *y*) had different phonetic values. The second layer reflected accommodation of *yers* in some eastern Bulgarian dialects and further contraction of vowels. Syllabic assimilation of several vowels and softness of consonants

belongs to this layer. The last layer, the scribe of *Codex Zographensis*, is characterized by lack of accommodation before *j* and by convergence of the phonemes *v-o* and *b-e* (in the strong positions), which is reflected in interchangeability of the letters $\text{v} \leftrightarrow \text{o}$ and $\text{b} \leftrightarrow \text{e}$. Nevertheless, the scribe keeps the eastern Bulgarian tradition of pronouncing the accommodated *yers* before *j* and reflects the contraction in the sequences *-yi-*, *-ii-*, *-ij-*. As a result the combinations of the letters ы and ъ (*o* and *y*) get identical phonetic interpretation.

DIALECTIC OF NATIVE AND FOREIGN IN DIASPORIC LANGUAGE

IRINA KÜLMOJA

Native and *foreign* — one of the principal oppositions in cultural semiotics — is of great importance also in the study of language. Each national culture is based on language where on different levels there always exists what is *native* to this language, which serves as its basis, as well as what is *foreign*. Researchers continue to take in interest in the boundaries of *native* and *foreign* and their mutual relationship in language. It is especially important to analyse this phenomenon in the conditions of language contacts where a language functions in another linguistic and cultural space, as is the case of Russian in Estonia or the other former Soviet republics.

Usually linguists think that the language of emigrants who are separated from their mother country is characterized by two development trends: conservation and a large number of borrowings from the surrounding (state) language. The former could be regarded as the effort to retain what is *native* and the latter as the process of into transforming what is *foreign* into what is *native*. To some extent these tendencies can be observed also into the so-called new Russian diasporas, which emerged after the collapse of the Soviet Union. However, there are also some important differences. The differences are first and foremost caused by the fact that the percentage of the Russian-speaking population in these countries is much higher than in those countries that received Russian exiles after the 1917 October revolution. It is also important that nowadays the language of the Russian diaspora is used in education, culture, and economy. Thus, its functions are much more extensive than the language of former exiles. The development of information technology and the spread of the Internet and social media play some role in it as well.

All this slows down conservation, which can still be observed, for example, in the vocabulary that is related to the state, its functioning, and the official domain. One can speak more precisely about conservation in the dialects of the Old Believers, where it is manifested in dialect vocabulary and grammar (archaic adjectival forms and preservation of the past perfect forms of the verb). Some archaic features of the *native* dialect language have survived owing to the support of the *foreign* language—Estonian (partial subject, passive perfect resembling the Estonian impersonal mood.).

The second tendency— transformation of the foreign into what is native can be easily observed, and it is manifested as code-switching and translation loans both in the standard language and the dialects. The article deals with them; added are comments by the dialect informants.

A QUARTER OF A CENTURY IN GERMANY: EXPERIENCE OF A RUSSIAN-GERMAN FAMILY

KATARINA MENG, YEKATERINA PROTASOVA

The paper deals with self-reflection, as well as linguistic and cultural practices, of a family of Russian-German repatriates from Kazakhstan to Germany after the collapse of the Soviet Union in the early 1990s. The authors have stayed in contact with the participants since their arrival in Germany in order to follow their linguistic and socio-cultural integration into the German host

society. The anniversary group interview is a kind of identity narrative where aged immigrants contemplate their experience, achievements, and aspirations about the future of their children and grandchildren. The culture and language of immigrants are juxtaposed. The focus is on their use of languages (e.g. code-mixing and code-switching) and transformations in their lifestyle (festivities, food, relations with relatives, etc.) as compared to their previous sojourn in the country of exodus and during 25 years in Germany. The participants envisage their attitudes towards the current developments in Germany, Russia, and Kazakhstan. They consider similarities and differences in the behaviour of people from these countries; thus, the participants develop folk theories of intercultural communication. They evaluate their own ethnicity in relation to the situations of other people. They do not get tired speaking about their Soviet past and the German present and reflect about the historical destiny of the Russian Germans, the vitality of the group and prospects of their integration in Germany. They accept the religious component of their new life and regret that despite their active social attitude they do not participate in community life. The grandparents remain speakers of Russian and bearers of the Soviet traditions. The intergenerational transmission of Russian decreases although people are aware of how to promote it and what benefits and advantages are connected to it.

SOME MANIFESTATIONS OF THE 'FRIEND OR FOE' OPPOSITION IN DIALECT DISCOURSE

YANINA MYZNIKOVA

This article discusses the possible manifestation of 'friend or foe', a basic category of human consciousness, in the process of dialect communication. The circle of 'friends' for the dialect speaker is outlined with the framework of the society of a rural settlement. Communication with representatives of other social groups, 'outsiders', is often associated with negative or cautious reaction. Thus, the communication between the informant and the collector represents cross-social communication between representatives of rural and urban communities. This type of interaction can result in a communicative failure if the collector does not try at least to some degree to overcome the barrier of 'alienation' and to neutralize the cautious attitude of the informant. Thus, a rural society, which is a collectivistic, imposes some restrictions on speech behaviour, such as reticence with the strangers, reluctance to cause 'harm' with the words to the members of the society. On the other hand, a rural society has its special 'internal' rules of communication 'for friends', such as use of street nicknames only for the members of this society and local elements of speech etiquette. Collective nicknames and micro-ethnonyms can be used to separate neighbouring societies. This separation can be based on the cultural and confessional (or religious) distinctions, as well as language differences. The opposition 'friend or foe' may also have an ethnic basis, but ethnic 'alienness' is usually supplemented with cultural and religious 'alienness'. These tendencies are well traced in the multi-ethnic and multilingual environment of the Volga region environment. Slavic, Turkic, and Finno-Ugric population groups live here in close vicinity. The particularities of communicative implementation of the 'friend or foe' opposition can vary in different regions, but the general trends are not geographically determined.

WE SPEAK / THEY SPEAK: REPRESENTATION OF GEOGRAPHIC LANGUAGE DIFFERENCES BY DIALECT SPEAKERS

ELIZAVETA PURITSKAYA

The article deals with linguistic and metalinguistic representation of geographic language differences of Pskov dialects speakers in a complex dialect continuum. The study focuses on metalin-

guistic observations about Pskov dialects speakers. The author explores the data of the „Pskov regional vocabulary with historical data” and its files, a rich source on language awareness of dialect speakers.

The author draws the following conclusions. The linguistic representation of their own / others' speech by dialects speakers includes the semantics of the other, but its emotional evaluation is almost absent. The metalinguistic representation includes observations on lexical regional differences. Moreover, some observations on their own / others' words are so accurate that they allow to distinguishing lexical markers to delineate dialect areas. At the same time speakers may well consider as 'their own' semantically identical words pertaining to different dialect areas. A striking form of representation of territorial language differences is the allocation of micro-territorial zones (micro-areas), which are characterized by a different dialect. Such micro-zones are marked by informants throughout the territory of the Pskov region, including its central and northern areas, but most of all in the southern and south-western areas characterized by transition dialects. The criteria for the allocation of micro-areas are not only linguistic but also cultural (and religious) and geographical, which is consistent with the principles of the historical-cultural zoning. However, when assessing the members of other religious groups, the speakers focus not on the features of their speech, but first and foremost on the peculiarities of another culture, which are often evaluated negatively.

THE 'NATIVE' AND THE 'FOREIGN' IN THE FIELD OF RUSSIA'S URBAN NOMINATION

ELENA REMCHUKOVA, TATIANA SOKOLOVA

The article considers the problem of interaction between the 'native' and the 'foreign' in commercial urban nomination — in contemporary Russian urbanonyms, which result from naming based on creative speech activity. The analysis of the names of cafes, restaurants, residential complexes, stores, and beauty salons revealed the ways of acquisition of the 'foreign'. At the lexical level it means the use of toponyms, anthroponyms, and exoticisms in the native and transliterated forms; at the level of word formation it is revealed in the use of foreign formants. Particular attention is paid to the method of graphic hybridization as a phenomenon of the interpenetration of the 'native' and the 'foreign'. In particular, it appeared that asemantic graphic hybridization is widespread in commercial nomination (sports club *ZARЯДКА*, restaurants *Водный* and *Уголёк*). Some complicated varieties of graphic hybridization were identified (e.g. those with a grammatical game as in the name of the restaurant *Башка*) and transitional cases between asemantic and semantic graphic hybridization (e.g. the cafe *Pedro & Gomez у Ларисы*). At the graphemic level, the opposite trends were revealed in urban nomination — the idea of the 'foreign' as that of the 'native' and vice versa. A 'foreign' element is formed in Cyrillic as a 'native' (restaurant *Фиш*, residential complex *Фьюжн Парк*) and a 'native' one, including those having a pronounced ethno-cultural component, as an alien one (the restaurants *Ivan*, 'Valenok' and the residential complex *Chekhov*). In the nomination of stores, such creative speech activity acquires a pragmatic goal — to disguise the Russian producer of goods and services as a foreign one in order to achieve greater commercial success (*Paolo Veroneze*, *Laura Donati*, and *Sergio Zino*). Naming expertise, which is formed at the intersection of linguistics and law, helps to reveal pseudo-foreign nomination, as well as conflictogenic urbanonyms. The article also analyses other forms of conjugation of the 'foreign' and the 'native' in urbanonymic nomination — through a phraseologism, such as the restaurant *Китайская Грамота* 'double Dutch', spelling adaptations (the restaurant *СУББОТИЦА*), etc. In conclusion, the authors stress that the search for balance between the *na-*

tional (i.e. related directly to a given culture) and the *universal* (international) components is one of the most important tasks when creating a commercial name in a multicultural city.

'OTHER' LANGUAGES IN A MANUSCRIPT BOOK
BY AN OLD BELIEVER FROM SOUTH AMERICA

OLGA ROVNOVA

The article is based on the material of the book "The Story and the Lives of Danila Terentievich Zaytsev" written by an Old Believer from South America. He worked on it in Argentina in 2010 and 2012. The manuscript was received from the author by O. Rovnova, prepared by her for publication and published by the Moscow Publishing House "Alpina Non Fiction" (2015). In 2015 the book was awarded the literary prize "New Language Art" (НОС). The manuscript was created in Russian dialect language; it was written in phonetic script. It reflects phonetic, grammatical, and lexical particularities of the dialect used by the Old Believers from Xinjiang, which has been developing for many years without any contact with the Russian literary language but being in contact with Spanish and Portuguese. Due to the author's linguistic biography and the language contacts the 'other' languages were also reflected in the book. They include the dialect of the Old Believers from Harbin, Church Slavonic, Argentinian Spanish, Brazilian Portuguese, and the Russian language which the author could hear during a year and a half while living in Russia and visiting the country for different reasons for a short time. The influence of the Church Slavonic script is revealed in the sporadic use of special stress marks, the influence of the Latin alphabet is revealed in mixing the letters of the Russian and Latin alphabets. The article shows lexical borrowings from Spanish and Portuguese and the ways of their adaptation. It also reveals the use of Hispanicisms conditioned and non-conditioned by the plot and the intentional use of Spanish phrases as a stylistic device. The paper analyses vocabulary borrowed from modern Russian in its literary, dialectal and colloquial varieties and discusses its stylistic nuances in the text.

OPPOSITION 'US VS THEM' IN THE GENRE OF PRESIDENTIAL
NEW YEAR ADDRESS IN RUSSIA, BELARUS, AND POLAND

ZHANNA SLADKIEVICH

The article is devoted to the use of the basic dichotomy 'us vs them' in the genre of the presidential New Year address. The research is based on the texts of New Year speeches of the presidents of Russia, Belarus, and Poland from 2000 to 2015. The author describes the genesis of the presidential New Year address and defines the genre-specific constitutive elements, such as: type of speech, scope and nature of communication, the rationale, communicative goals, status of the sender, image of the recipient, type of response, the required structural elements, and the ritual character.

The article outlines the role of the binary opposition 'us vs them' in structuring the society and shows the pragmatic potential of this dichotomy in political discourse. The author analyses the specifics of the linguistic realization of the opposition 'us vs them' in televised presidential addresses by taking into account both national and socio-cultural specificity, as well as the focus on phatic communication in this genre.

The signs marking inclusion in the 'us' circle in the New Year's greetings comprise the inclusive 'we', lexemes expressing compatibility, lexemes with the component of unity, the lexemes in the semantic field of 'family', mentioning of loyal recipients, allies, and names of prominent compatriots. The sphere of 'them' in the analysed genre is defined by three categories: the external enemies, the internal enemies, and the unfavourable objective circumstances.

Proxemics, the visual and sound design of TV New Year's address of the President as a creolized genre directly correlate with the marking of the 'us' circle.

LEXEMES WITH AMBIVALENT CONNOTATIONS FROM THE PERSPECTIVE
OF THE OPPOSITION 'OWN' OR 'ALIEN' IN THE LEXEME 'GUEST'.

GALINA SYRICA

The paper discusses the connotations of the lexeme 'guest' from the perspective of the binary opposition 'own' or 'alien'. The characteristic feature of this opposition is pronounced axiological (*good vs bad*). The analysis of the semantics of the lexeme 'guest' and its functioning in the composition of proverbs, as well as in artistic discourse has allowed to reveal the ambivalence of the evaluative connotations. Ambivalent connotations occur also in the derivatives of the lexeme 'guest'. Positive evaluative connotations are primarily associated with the feature 'welcome guest'; negative evaluative connotations are associated with an 'unwanted guest'. The connotative background of lexemes is reflected in the rituals of greeting the guest, the guest's behaviour, etc. The analysis revealed that the ambivalent connotations are reflected unevenly in 'guest'. A large number of phrases that date back to the invariant 'uninvited guest' (a visiting guest, an unexpected guest, a bad guest, a strange visitor, etc.), as well as the features of transferred meanings of the lexeme 'guest' show higher significance of negative evaluative connotations. This is reflected in the modern associative dictionary, where the most frequent associations of 'guest' are the meanings 'uninvited' and 'unexpected'.

LINGUISTIC WORLD VIEW OF OLD BELIEVER WOMEN
FROM THE PERSPECTIVE OF 'OWN' VS 'ALIEN'

VALENTINA SHCHADNEVA

This article is devoted to the gender aspect in the stories of Old Believer women on the Western shore of Lake Peipus and the island of Piirissaar. Verbal and non-verbal expression of gender problems is examined through the prism of the opposition 'own' vs 'alien'. The spiritual and material life of the Old Believers was originally based on an idea of time that is reflected in the very name of this ethno-religious community. For the Old Believers the concept of belonging to their community includes opinions, evaluations, and norms determined by an ancient canon, which became the basis of their religion. Thus, the basis of the opposition 'own' vs 'alien' is already embedded in their concept of time.

The analysis is based on paper and electronic dialect records, which have been collected by teachers and students of the department of Slavic Studies at the University of Tartu over the course of several decades. The analysis of dialect records takes into account both the content of the stories as well as the linguistic facts. With a few exceptions the corpus of examples gives preference to women's speech.

The discussion of the empirical material takes into account the intersection of religious beliefs with other concepts that are meaningful to Old Believers: work, home, and family. Dialect discourse analysis suggests that Old Believer women's stories about the past and the present reflect both former conservative norms, as well as the restriction of their activities in religious life and in gender relations. On the one hand, changes in the gender composition of the spiritual mentors, as well as the execution of men's work by women indicate gender equality. On the other hand, women themselves emphasize gender differences, create their own private spaces in the house, in communication, and in women's rituals, thus drawing a line between 'own' and 'alien'. This opposition is reflected in women's speech in several ways: 'own' and 'alien' in religious

denomination, the sacred and the mundane in everyday life, 'own' and 'alien' in relations between older and younger people, men and women.

II. NATIVE AND FOREIGN IN TRANSLATION AND LANGUAGE INSTRUCTION

THEORETICAL FOUNDATIONS OF A DICTIONARY OF OBJECT CASE MARKING OF ESTONIAN VERBS

NATALIA VAISS, YELENA KALLAS, HELLE METSLANG

The present article introduces the theoretical foundations of the dictionary, its structure and entries, as well as the process of its compilation. Estonian object case alternation depends on several factors and aspect is the central one of these. While in Russian aspectual opposition is consistently expressed by verbal aspect, the expression of Estonian aspect depends on a number of factors. These are the verb's aspectual type and government pattern, grammatical polarity and quantitative boundedness of a sentence, and the existence of bounding elements in a sentence. Therefore, the choice of the object case is one of the hardest areas for the learners of Estonian. The aim of the dictionary is to provide information on government structures and lexical co-occurrences of the more frequent transitive verbs. The dictionary gives the object case patterns and sample sentences of 500 most frequent simple verbs as well as the phrasal and expression verbs that include them. The verbs and their meanings were divided into aspectual types on the basis of object case alternation — aspectual verbs, partitive verbs, perfective verbs, and two transitional types. The dictionary provides the aspectual type and government patterns of verbs, as well as grammatical information, sample sentences, typical collocations, and a selection of phrasal and expression verbs including these verbs. The dictionary compilation software EELex is used for the preparation of the dictionary. It is based on the database of transitive verbs that was created from the Estonian National Corpus with the search engine SketchEngine. The key target group of the dictionary is language learners on the B2–C1 levels, but it can also be used for teaching all non-native speaker learners of Estonian. It can be used for creating study materials, the Government Structures Dictionary, and other dictionaries, as well as in the study of the Estonian object and aspect, in contrastive linguistics, etc. The dictionary will appear in 2018 and will be publicly available.

LOST IN TRANSLATION: PROBLEMS WITH THE SELECTION OF LEXICAL CORRESPONDENCES (BASED ON BUSINESS TEXTS)

YELENA VELMAN-OMELINA

As a type of activity, in addition to linguistic skills, translation requires from the translator background knowledge and understanding of the special features of each communicative situation. In addition, the particular objective of translation must be considered. Despite attempts to systematize translation, it remains a subjective human area of activity since it depends on the translators' linguistic and communicative competence, language-related tastes and preferences — in other words, translation is determined by a number of extra-linguistic factors.

Translation of official and business texts has always been and remains one of the most complicated translation tasks because it must be carried out as accurately and correctly as possible, considering that the translated text is to serve as a fully legitimate substitute for the original. In other words, instead of merely conveying the meaning of the original text, it must be accurately reproduced in another language.

This article discusses the problems related to the selection of lexical correspondences in the process of translation from Estonian into Russian. Written business language implemented in Estonian and Russian by means of the paper and electronic channel of communication served as the source of the language material. The lexis is the most mobile part of any language and immediately reflects the emergence of new realities. In the modern communication environment lexical units of different varieties of the Russian language need not coincide. The translator from Estonian into Russian has to know both languages and also consider features of business communication in Russia and in Estonia. For this reason, the article pays special attention to changes in this sphere of communication. It also focuses on those well-established correspondences in the Russian language, which have so far not been included in dictionaries or the lexicographic description of which is inadequate.

FRIEND-OR-FOE CATEGORY IN LANGUAGE AND COMMUNICATION: INDIVIDUAL SPEECH SYSTEM AND STRATEGIES OF SPEECH MATERIAL TREATMENT

SVETLANA YEVGRAFOVA

The friend-or-foe category covers all the sides of human beings, from biological compatibility of cells and tissue to individual stylistic preferences and intercultural dialogue. We can feel the influence of the category on different aspects of communicative and cognitive activities, such as retelling, editing, translation, and learning-and-teaching through speech. The Individual Speech System (ISS) plays an important role in the realization of the friend-or-foe category. F. de Saussure claimed that ISSes were the same; Lev Scherba admitted that they could be similar. In fact, the ISSes are quite different and the features that do not coincide are numerous and demand 'cognitive translation' for in-depth comprehension. One can see contradictions when observing spontaneous talk or unedited writing.

'Cognitive translation' impedes understanding, provokes communicative failures and speech mistakes. 'Cognitive translation' becomes more complicated when the speech material is more abundant and varied. Being important for speech activities, it calls for research.

The author claims that speech development and ISS formation continue almost throughout one's life and that the same laws regulate ISS formation in childhood, youth, and maturity. Thus, adults use in text treatment two learning strategies that are well known in ontolinguistics (imitation and construction). The author proves that we need special training to correct our individual natural way of 'cognitive translation' because in the case of difficult text the natural way can not solve problems of text understanding and treatment. Besides, it is possible to reveal two strategies by different types of mistakes.

FOREIGN-LANGUAGE INSERTIONS IN A FICTION TEXT AS A TRANSLATION PROBLEM (LATVIAN AND RUSSIAN TRANSLATIONS OF OSCAR WILDE'S NOVEL "THE PICTURE OF DORIAN GRAY")

ILZE KACHANE, OKSANA KOVZELE

The paper looks into the problem of translating foreign-language insertions in British fiction; it analyses two Latvian and three Russian translations of "The Picture of Dorian Gray", translated at different times and by various translators. Being an integral part of the semiotic code of a literary work in general, as well as a vital stylistic feature of individual writers, including Oscar Wilde, this cross-language and, moreover, cross-cultural material is oriented towards the elite audience of readers-intellectuals rather than masses. The insertions in foreign languages are endowed with a complicated system of symbols and numerous nuances of meaning, and their role and functions

in the text are diverse: creation of the atmosphere and authenticity of the environment, identification of characters' education level, serving as an indicator of creator's belonging to a certain cultural phenomenon, etc. The translation of such linguistic units is always a serious test of any translator's proficiency and competence since their task is to carry out cross-language and cross-national 're-coding'. A parallel comparison of the translated versions of one and the same original, differing in a chronological and linguistic plane, shows that the advantage is gained by those translations which are oriented towards creating impressive equivalence between the source work and the translated texts, where the individual-author's world picture and the national-cultural peculiarities of the receiving side have been taken into account. Such a result can be achieved by preserving the original graphic form of foreign-language insertions and obligatory provision of comments on their meaning, which can be done either directly in the text or beyond the limits of the text (system of foot-notes). In turn, the method of rendering foreign-language signs without providing notes, as well as their withdrawal from the text, turned out to be unproductive, but in isolated cases even a risky translation choice.

REFLECTION OF NATIONAL AND CULTURAL IDENTITY OF VERBS OF MOTION IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

LILIA KNÕŠ-KRJUKOV

The topic of the verbs of motion is quite difficult for Estonian-speaking students to learn because of national and cultural differences in the perception of the particular type of Russian verbs.

Using *LearningApps.org* possibilities, web applications were created in the format of a game. It helps learners to improve not only their lexical and grammar skills but also their writing skills. Interactive drilling and the system of transformation exercises support multiple revisions and mechanical training of the language structures, increase interest and motivation to learn the material, remove the language barrier, and provide an opportunity to vary and individualize the studying process.

The digital exercises, which were created with the help of *Learning Apps.org*, are based on a six-step approach to learning verbs of motion suggested by E. P. Vassiltšenko. The present article describes the concept of unidirectional and multidirectional verbs of motion. In addition, it focuses on the study of verb tenses and provides some examples of exercises which include prefixed and unprefixed verbs of motion.

For each step, we have developed a number of web apps with an automatic checking system, which allows Estonian-speaking learners to figure out know-ledge gaps they have in connection with a particular grammar topic. Instant feedback gives students an opportunity to assess their results and, if necessary, they can review the grammar topic they studied and do the exercises again. Thus, proceeding from their individual cognitive features, students can reinforce the knowledge and skills they gained.

IS A TRANSLATION AN 'AUTHENTIC' OR A 'FOREIGN' TEXT?

SIRJE KUPP-SAZONOV

There is still no answer to the question whether the reader should know that he or she is reading a translation or not. Two strategies have been mentioned in translation studies: foreignization and domestication [Venuti 1995, 1998].

If one usually speaks about these strategies in relation to translating realia (words and expressions for culture-specific elements), then the present article attempts to examine if those strategies can also be used in 'translating' grammatical forms, their meaning, function, and use.

Categories of number and tense are analysed more profoundly. The present study does not cover cases where the translator has no choice, that is, when the rules of the target language do not allow a certain grammatical form to be used; see example (1).

Results of the analysis show that even if a translator follows the strategy of domestication when translating grammar forms, the reader can still detect that he or she is reading a translation and not an original because the wider context of the book will still contain references to another culture. This 'visibility' of the translator is not necessarily a bad thing, however, because good translations that also preserve some 'foreign' elements can enrich the target culture and language.

'NATIVE' AND 'FOREIGN' IN THE LEARNER'S DICTIONARY OF RUSSIAN PHRASEOLOGY

TATIANA NIKITINA, ELENA ROGALEVA

The article focuses on the representation of the categories 'native' and 'foreign' in the dictionaries of the Experimental Laboratory of Learner-oriented Lexicography of Pskov University for foreign students.

The authors prove the relevance of the chosen topic with the following task for the lexicographer — to help the foreign learner to adequately assess the ethnocultural specifics of Russian phraseological units and to learn the 'foreign' by contrasting it with one's mother language or, conversely, to use the 'native' to acquire the 'foreign'.

The article provides an overview of linguistic and linguistic-cultural research of the categories 'native / foreign' in the sphere of phraseology. The article also analyses ways of presenting those categories in academic and learners' dictionaries published in Russia, as well as opportunities to use these lexicographical materials in teaching the Russian language.

By presenting the concept of parametrization of phraseological units in the dictionary, the authors show the basics of etymological paraphrasing that allows to use the linguistic-cultural potential of etymological version and the linguistic-didactical potential of addressing the categories of 'native' and 'foreign'.

Implementation of the concept is shown by the example of etymological definitions in dictionaries. Fragments of dictionary entries are shown to show the content of the categories of 'native' and 'foreign' at the level of borrowed components of phraseological units and the level of the whole figurative structure — here interpretation is achieved by means of etymological paraphrasing. The method 'through native to foreign' is used at the text level, where the 'native' elements for a foreign addressee — parallels in their own culture or cultural universals linked to etymology of the phraseological unit — form a cognitive base for learning phraseological semantics and figurativeness. Opportunities to use the language of the students are reviewed on the basis of bilingual dictionaries when representing the categories of 'native' and 'foreign' in Russian phraseology.

The conclusion shows the practical relevance of the lexicographic concept.

ИЗДАНИЯ СЕРИИ "ACTA SLAVICA ESTONICA"

Acta Slavica Estonica I

Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV: Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III / Отв. редактор И. П. Кюльмоя. Тарту, 2012. 337 с.

Acta Slavica Estonica II

Works on Russian and Slavic Philology. Literary Criticism VIII: Jaan Kross and Russian Culture / Managing editor L. Pild. Tartu, 2012. 256 p.

Acta Slavica Estonica III

Slavica Tartuensia X: Славистика в Эстонии и за ее пределами / Отв. редактор А. Д. Дуличенко. Тарту, 2013. 289 с.

Acta Slavica Estonica IV

Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IX: Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / Отв. редакторы А. Вдовин, Р. Лейбов. Тарту, 2013. 345 с.

Acta Slavica Estonica V

Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVI: Антропоцентризм в языке и речи / Отв. редактор И. П. Кюльмоя. Тарту, 2014. 365 с.

Acta Slavica Estonica VI

Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XIV: Russian National Myth in Transition / Managing Editor L. Kisseljova. Tartu, 2014. 300 p.

Acta Slavica Estonica VII

Блоковский сборник XIX: Александр Блок и русская литература Серебряного века / Редактор тома Л. Пильд. Тарту, 2015. 269 с.

Одна из основополагающих оппозиций семиотики культуры – «свое» языка, который является фундаментом любой этнической культуры и в котором всегда сосуществуют «свое», исконно присущее данному языку, составляющее его основу, и элементы «чужого» на разных уровнях языка.

Свою лепту в исследование культурной и социальной характеристики языка путем изучения сложного взаимодействия «своего» и «чужого» в языке и речи вносят статьи предлагаемого читателю сборника, которые расположены в двух разделах. Название первого совпадает с названием сборника «Свое и чужое в языке и речи», второй отражает прикладной аспект этой тематики и условно назван «Свое и чужое в переводе и преподавании языка». Анализируется проявление оппозиции в русском литературном языке и в его территориальных диалектах как в русском языке России, так и за ее пределами в условиях языковых контактов. Прослеживаются сложное взаимодействие и переходы различных единиц языка внутри оппозиции.